Ю. Д. ГРАНИН

ГОСУДАРСТВО В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АКАДЕМИЯ МЕДИАИНДУСТРИИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Ю. Д. ГРАНИН

ГОСУДАРСТВО В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

МОСКВА 2020

УДК 321.316
ББК 87.6

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор **С. А. Лебедев**,
доктор исторических наук, профессор **В. С. Хелемендик**

Г77 **Гранин Ю. Д. Государство в новое и новейшее время. Становление и эволюция.** Научное издание. — М.: Академия медиаиндустрии, 2020. — 347 с.

ISBN 978-5-902899-48-8

В монографии реконструируются и обсуждаются становление и эволюция двух основных исторических форм института государства в Европе нового и новейшего времени: «национальных» и «социальных» государств, получивших по мере развития многочисленные исторические воплощения. Исследуются философские основания и исследовательские парадигмы конкурирующих в социальных науках современных концепций сущности, происхождения и эволюции «национальных» и «социальных» государств, оцениваются их методологические преимущества и недостатки. Анализируются пути формирования национальных государств и их трансформации в колониальные империи, процесс деколонизации и появление новых национальных и псевдонациональных государств во второй половине XX столетия. Показаны этапы исторического процесса социализации государств, переход развитых стран в XX веке от идеи социального государства к противоречивой практике и многочисленным формам «государства всеобщего благосостояния». Обсуждается вопрос о перспективах трансформации современной России в «национальное государство», программа трансформации «российского социального государства» из состояния «социальной защиты» в «государство всенародного благосостояния», обеспечивающее достойную жизнь и свободное развитие своих граждан.

Для научных работников, преподавателей вузов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-902899-48-8

УДК 321.316
ББК 87.6

© «Академия медиаиндустрии», 2020.
© Ю. Д. Гранин, 2020.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

ГЛАВА 1. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА О «ГОСУДАРСТВЕ» И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАХ 14
1.1. Концептуальный плюрализм и полисемантизм понятий в социальных науках 15
1.2. Эволюция понятий «нация» и «национализм» 31
1.3. Анализ концепций «национального государства» 64
1.4. «Социальное государство» и его критики 112

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ 123
2.1. Раннегосударственные и имперские формы социальной интеграции 123
2.2. От Европы «народностей» к Европе «наций» и «национальных государств» 143
2.3. Национальные государства и колониальные империи 165

ГЛАВА 3. ПОЯВЛЕНИЕ И ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА 182
3.1. Осуждение и изоляция бедности государством в «век Разума» 183
3.2. От дисциплинирующего к социально защищающему государству 196
3.3. Развитие концепции «социального государства» и социальная политика европейских государств конца XIX – первой трети XX вв. 210
3.4. «Государство всеобщего благосостояния» во второй половине XX – начале XXI веков 229

ГЛАВА 4. ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ 243
4.1. Дискуссии о судьбе национального государства 243
4.2. Проекты грядущего мирового порядка:
между «национальным» и «космополитическим» 251
4.3. Новые функции государств в современном мире 264
4.4. «Вестернизация» и альтернативные формы
глобальных стратегий 273
4.5. Станет ли Россия «национальным государством»? ... 292
4.6. Социальное государство в России 317

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 328
ЛИТЕРАТУРА 332

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о судьбе государства в современном мире продолжает оставаться в горизонте неопределенности. Становясь все более взаимосвязанным, человечество оказывается разделенным по многим параметрам. Ситуация складывается таким образом, что набирающий силу процесс всемирного (глобального) объединения человечества в потенциально возможную целостность, с одной стороны, проблематизирует дальнейшее существование национальных государств как наиболее распространенной институциональной формы общежития, а с другой — стимулирует рост их активности, вызывает противодействие глобализации этнических, религиозных, культурных, политических и иных меньшинств, движений и организаций. В этой связи «гиперглобалисты» говорят о грядущих «постнациональном государстве», «сетевом обществе» или «глобальной империи». Мало того. В ряде научных исследований глобализация и национальное государство интерпретируются как не связанные между собой и даже противостоящие друг другу исторические явления: глобализация рассматривается как недавно возникшая тенденция к экономической и политической интеграции народов и стран, а национальное государство — как реликт прошлого или даже как «ирреальная» политическая конструкция, сохраняющаяся лишь благодаря инерции массового сознания. По мнению Ульриха Бека, европейцы лишь «делают вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т. д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро»[1]. Но при таком взгляде нельзя понять почему, например, общепризнанные лидеры современ-

[1] *Бек Ульрих.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. — М., 2007. — С. 7.

ного глобализма (США, Великобритания и др. страны) одновременно являются отчаянными националистами, отстаивающими «национальные интересы» своих народов и корпораций в любой точке мира.

В противовес им «скептики» и антиглобалисты заявляют, что национальное государство и возникшее вместе с ним «социальное государство» еще не исчерпали свой исторический ресурс. А потому требуют возврата назад: к международному общежитию, субъектами которого были бы не «транс»-, «интер»- и «над»- национальные институты политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, суверенные национальные государства. Тем самым «национализм» как форма выражения национального (государственного) суверенитета и как политический принцип суверенизации этносов в статусе «наций», а вместе с ним — и «социализм» как идеология и практика социализации внутренней политики современных государств продолжают себя в качестве тенденций (и факторов) исторического развития, реализующихся в сложном взаимодействии с глобализацией человечества.

Взаимосвязи глобализации человечества с формированием и развитием наций, национализма и национальных государств были посвящены предшествующие работы автора. Но как позже выяснилось, они оказались неполными. Тогда на периферии внимания осталась проблема «модерна» (современности) — эпохи и типа развития, охватившего Новое и Новейшее время, характерные особенности которых определили историю не только западноевропейских стран, но и всего человечества на многие столетия вплоть до наших дней. В числе этих особенностей было не только появление и распространение нового способа материального производства, но и политического института нового типа — «современного государства», история которого имела две формы развития, включила в себя не только национальный, но социальный векторы эволюции, выразившиеся в появлении «национальных» и «социальных» европейских государств. Как и почему это происходило? Каким образом теоретически и исторически связаны между собой «национальное» и «социальное» государство, каковы особенности их коэволюции в новое и новейшее время в России и мире? Дать обоснованные ответы на эти и некоторые другие вопросы — главная задача нашего исследования.

В теоретическом плане ее достижение осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции ни «наций», ни «национальных государств»,

ни государств «социальных». Соответственно, нет и общепринятых концепций указанных исторических феноменов и тем более работ, специально исследующих эволюцию их взаимодействия (диалектику) в прошлом и настоящем. Учитывая это обстоятельство, *первая глава монографии «Анализ теоретического дискурса о государстве и его исторических формах»* посвящена экспликации методологических оснований современных дисциплинарных концепций государства, обсуждению их объяснительных возможностей и ограничений. Преодолеть последние, полагает автор, можно путем выхода за пределы экономических, политологических, социологических и иных дисциплинарных трактовок понятия «государство» в пространство трансдисциплинарного — социально-философского — исследования.

По нашему мнению, выход в сферу социальной философии и, шире, философии истории означает интерпретацию истории человечества как процесса и результата совместной деятельности людей, предполагающую недопустимость ее (истории) изучения вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов исторических изменений, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные экономически, политически и социокультурно связанные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в «общества» (социумы), «государства» и «цивилизации» объединения индивидов.

Известная нам история — нелинейный процесс обусловливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и одновременно становления его целостности и единства. Такое понимание истории, подчеркивающее ее онтологические характеристики как познавательно и ценностно обусловленные, может быть, по мнению автора, названо восходящей к классическому марксизму парадигмой современного социально-философского конструктивизма. В пределах которого *«современное государство» (иначе – государство эпохи модерна) понимается как возникшее в период формирования западноевропейской цивилизации новое институциональное образование, появившееся в ходе взаимопроникающих и обусловливающих*

друг друга процессов «национализации» и «социализации» общественной жизни. Тем самым возникшее позже основных европейских наций «социальное государство» интерпретируется в качестве «своего иного» государства национального, формируемого под влиянием идеологии и практики «национализма». Последний понимается как исторический феномен и фиксирующая его междисциплинарная категория, парная категории «нация». И «нации», и соответствующие им «национализмы» исторически возникают при определенных социальных (экономических, политических и иных) обстоятельствах и в результате целесообразных предметно-практических и интеллектуально-духовных усилий людей, осознавших потребность новых форм общественного бытия.

В этом случае, отмечается в монографии, «нации» продуктивно интерпретировать как сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности, связанные общими ценностями прошлого и настоящего, политически и социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, диалектически «снимающие» доминирующие ранее этнические формы социального бытия. Анализируя методологические основания наиболее влиятельных концепций формирования «национального государства», автор приходит к выводу, что в створе исторической конкретики «национальное государство» представляет собой европейское явление, некое становящееся единство «нации» и «современного государства». При этом принципиальным оказывается понимание взаимообусловленности названных процессов, получающее теоретическое воплощение в понятии «национальная интеграция» — историческом явлении, которое, осуществляясь в Европе разными путями, тем не менее, всегда было результатом совместного действия многих объективных и субъективных факторов, в состав которых входило и «государство»: а) либо в качестве политического института власти, б) либо в виде «идеи», «политического проекта», под чьим определяющим влиянием складывались многие европейские нации.

На историческом материале Западной Европы и более подробно эти гипотезы обоснованы во второй главе монографии *«Формирование и эволюция национальных государств»*, где рассмотрены раннегосударственные и имперские формы национальной интеграции полиэтнического населения, заложившие вектор движения от Европы «народностей» к Европе «наций» и «национальных государств». Опуская исторические детали, можно утверждать, что последовавшее за эпохой европейского

Возрождения Новое время — это период, с одной стороны, внутренней трансформации западноевропейской цивилизации, а с другой — ее территориальной экспансии на другие континенты. Сопровождаемые религиозными войнами, внутренние изменения Западной Европы выразились в переходе ее государств от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем к — суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового — капиталистического — способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутристрановой, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный период был ознаменован революционными изменениями в сфере научной мысли и материального производства — переходом к промышленным формам экономики: мануфактурам, оснащенным машинами, ознаменовавшим выход ряда стран Западной Европы из аграрной в доиндустриальную стадию модерного развития.

Уже примерно в конце XVI – начале XVIII столетий формируется *modernity (современность)* — наилучшая («современная») хозяйственная система и одновременно передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступившими для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования. Благодаря Великим географическим открытиям, торговой и военной экспансии Нидерландов, Англии, Испании, Португалии, Франции новые формы жизни обрели межрегиональное и межконтинентальное измерение. Впервые появилась возможность говорить о «всемирной истории», хотя экспансия империй древности и средневековья по своему этнокультурному содержанию уже была глобализационным процессом: важным фактором объединения человечества. Но процесс этот не достигал планетарных масштабов. Теперь же, и в этом качественное своеобразие изучаемого периода, всемирная история означала по существу историю становления и развития европейских централизованных (абсолютистских и демократических) государств и их колоний, реализующих (в разной мере) новый тип развития[2]. Его характерными чертами были:

[2] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Глобализация, нации и национализм. История и современность. М.: Академия Медиаиндустрии, 2013. 282 с.

1) коммерциализация жизни, 2) рационализация государства, 3) появление системы массовых (печатных) коммуникаций и «общественности», 4) преобладание инновации над традицией, 5) развитие под определяющим влиянием достижений науки и техники, «пространством» распространения которых, в свою очередь, стала 6) система массового светского образования как фактора формирования общего языка и общей (национальной) культуры многоязыкого и мультикультурного населения западноевропейских государств.

Разумеется, эволюция этой модели развития в каждой стране имела свои исторические воплощения. Но так или иначе во всех европейских странах трансформация «сословного государства» в правовое национальное государство, а его затем — и в «социальное государство» была связана со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX столетий, с возникновением европейского рационализма. Убеждение в рациональном устройстве природы и общества и всесильности человеческого Разума стимулировала интеллектуалов к поиску рациональных моделей общественного устройства вплоть до середины XIX столетия. Но именно тогда появляется идея «социального государства» как института, обязующего самого себя решать проблемы социального, прежде всего экономического, неравенства правовыми средствами. Но почему эта идея не появилась раньше?

С ответа на этот вопрос начинается *третья глава «Появление и генезис социального государства»*, где рассматриваются социальные и мировоззренческие предпосылки формирования феномена социальное государство в западноевропейской цивилизации XVIII–XIX столетий. Его становление было связано с переосмыслением представления об «общественном благе», за пределами которого оказывались бедность и социальное неравенство. Эта тенденция игнорирования бедности и социального неравенства поддерживалась верой во всесилие рационально устроенного государства. Последнее на протяжении двух веков решало проблему бедности мерами изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия. Постепенно вместе с разрушением прежнего рационализма и механистической картины мира, развитием национальных систем образования возникает подозрение к «разумно устроенной» общественной системе и венчающему ее государству. Вырабатывается новое представление о государстве. Теперь оно включает в сферу своей ответственности помимо политических прав человека и гражданина его социальные права. Ведущая роль в этом процессе

во второй половине XIX – первой трети XX вв. принадлежит социалистической мысли, которая, вступая в сложные симбиозы с различными видами национализма (социал-фашизм, социал-национализм и др.), оказала значительное влияние на внутреннюю политику многих стран Европы и США в межвоенное время.

Парадоксальным образом, отмечается в книге, первая в мире «страна победившего социализма» в довоенный период не была социальным государством. Но в целом период образования социальных государств между двумя мировыми войнами можно назвать социалистическим. А вот дальнейшее развитие проектов (моделей) социального государства и практик их трансформации оказалось настолько разнообразным, что период второй половины XX – начала XXI вв. можно характеризовать как время идейного плюрализма с неопределенным будущим.

Этот период рассматривается в заключительной главе монографии, где в контексте дискуссий о судьбе государств в современном мире обсуждаются проекты грядущего мирового порядка. Большинство из них опирается на идею отмирания «национальных государств» и вступления человечества в эру "глобальных институтов". По мнению автора, национальные государства не только не исчерпали своих возможностей, но и обрели новые функции. Поэтому перспективы развития человечества в обозримом будущем связаны не с «глобальным гражданством», «мировым правительством» или «космополитическим государством», а с использованием механизмов международной интеграции и альтернативных западным стратегий модернизации стран иной цивилизационной принадлежности.

К последним принадлежит и Россия. Способна ли она осуществить системную модернизацию на собственной цивилизационной основе, решить проблемы национализации и социализации института государства? Недавний опыт внесения поправок в Конституцию Российской Федерации вселяет надежды. Но достаточен ли он? Какое государство необходимо нашей стране в эпоху вступления человечества в информационную фазу развития? Ответы на эти и некоторые другие вопросы читатель получит, дочитав до конца эту книгу.

ГЛАВА 1

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА О «ГОСУДАРСТВЕ» И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАХ

Предваряя анализ, зафиксируем его специфику, определившую логику последующего расположения материала. Она строится на предположении, согласно которому государство модерна непродуктивно определять ни атрибутивно (через совокупность свойств), ни функционально (через обретение государством некоторых новых функций). Разумеется, и то и другое «имеет место быть». Но как свидетельствует европейская история, государство модерна качественно отличалось от предшествовавшего ему абсолютистского сословного государства, постепенно и сложно эволюционируя от правового демократического национального государства (путем замены суверенитета государя суверенитетом «нации») к правовому социальному государству, обязующему самое себя соблюдать не только гражданские (политические), но и социальные права человека. Иначе говоря, в створе исторической конкретики эволюция «современного государства» в Новое и Новейшее время представляла собой сложный взаимообусловленный процесс «национализации» и «социализации» этого общественного института, который теоретически правильнее было бы определять не как нечто ставшее, а как становящееся единство (или симбиоз) «национального» и «социального» (социализированного) государства. Тем самым возникшее позже основных западноевропейских наций «социальное государство» может быть интерпретировано в качестве

«своего иного» государства национального, в свою очередь представляющего своего рода «брачный союз» «нации» и «нового (правового) государства», формируемого под влиянием идеологии и практики «национализма».

На этом можно было закончить теоретическую преамбулу и перейти к эмпирическому обоснованию высказанных положений, если бы в научном сообществе был достигнут консенсус по следующим вопросам. Что следует понимать под «нациями», «национализмом», «национальным» и «социальным государством»? Как они образовывались и развивались? Каковы перспективы и векторы их эволюции в обозримом будущем стремительно глобализирующегося мира? До сих пор ни одна из этих проблем не получила общепринятого решения. Поэтому наше исследование вынуждено начинается с экспликации и обсуждения философских и методологических оснований многочисленных концепций и созданных на их основе интерпретаций «государства», «современного государства», происхождения «наций» и «национализма», «национального государства» и вырастающего из него и вместе с ним «социального государства». По мере этого обсуждения автор предлагает собственное — трансдисциплинарное — понимание указанных дефиниций, которые в последующих главах получают историческое обоснование.

1.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПОЛИСЕМАНТИЗМ ПОНЯТИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Обозревая теоретические дискурсы, формирующие совокупное исследовательское поле социальных наук, следует обратить внимание на полисемантизм многих (если не большинства) понятий, используемых социальными дисциплинами. В целом и главном эта многозначность употребляемых терминов вызвана дисциплинарным характером организации научного знания, а в пределах каждой научной дисциплины — конкуренцией научных программ и парадигм исследования, в ходе которой употребляемые понятия существенно меняют свое содержание. Прежде всего это верно для так называемых

междисциплинарных категорий («культура», «цивилизация», «нация» и др.), к числу которых относится и «государство». Попадая в теоретический контекст разных социальных наук, этот термин используется экономистами, юристами, политологами и др. в разных значениях.

Так, государствоведы выделяют пять основных взглядов на природу государства: теологический, классический, юридический, социологический, технико-кибернетический[3]. Первый рассматривает государство как проявление божественной воли. С точки зрения классического подхода государство представляет соединение трех основных элементов: власти, территории, населения. Такой взгляд характерен, например, для немецкой традиции, в рамках которой государство понимается как «юридический термин, который относится одновременно к Staatsgewalt, исполнительной ветви, гарантирующей внутренний и внешний суверенитет, к Staatsge-biet, четко ограниченной территории, и к Staatsvolk, совокупности граждан»[4]. Истоками юридического подхода являются идеи И. Канта о том, что государство представляет «множество людей, объединенных законами». В центре рассмотрения представителей данного подхода находятся правовые отношения и юридический порядок.[5]

Сосуществуют и многие иные трактовки государства (психологическая, органическая, патриархальная и др.), из которых наиболее интересными, хотя и не новыми, являются «корпоративистская» интерпретация государства Мартином ван Кревельдом[6] и «субъектная» интерпретация Э. де Ясаи. В отличие от большинства исследователей он рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, класса или социальной группы и т. д., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы.[7] Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изуче-

[3] *Чиркин В. Е.* Современное государство. М.: Международные отношения, 2001. С. 28.

[4] *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 346.

[5] *Чиркин В. Е.* Современное государство. М., 2001. С. 31.

[6] «Государство, будучи отделено и от его членов, и от его правителей, является корпорацией, так же как *inter alia (между прочим)* ими являются университеты, профсоюзы и церкви. Как и любая корпорация, оно имеет своих директоров, служащих и пайщиков. Самое главное — государство является корпорацией в том смысле, что оно выступает юридическим лицом *(persona),* из чего следует, что оно имеет права и обязанности, а также может заниматься различными видами деятельности, *как если бы* оно являлось живым существом из плоти и крови» // *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 7.

[7] *Ясаи Энтони де.* Государство. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 16.

нию производственной фирмы, однако в отличие от последней государство, по мнению Ясаи, стремится максимизировать не прибыль, а объем властных полномочий и использовать последние для достижения собственных конечных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других.

Ситуация еще более осложняется, когда используются сложносоставные понятия, такие как, например, «архаичное государство», «современное государство», «силовое», «демократическое», «правовое», «национальное» или, например, «социальное государство». Что, в частности, следует понимать под «современным государством», или иначе «государством модерна»? Если суммировать весь массив представлений о современном государстве, который содержится в работах отечественных социологов и политологов по данной проблематике, то получится понимание, близкое к тому, которое дали М. Вебер, а позже Э. Гидденс. С их точки зрения, государство представляет собой, *во-первых*, набор институционализированных форм монопольного контроля над территорией с демаркированными границами, *во-вторых*, свод санкционированных законом правил, а *в-третьих*, непосредственный контроль над средствами внутреннего и внешнего легитимного физического насилия[8]. Однако многие специалисты по исторической социологии, исторической и культурной антропологии, изучающие становление догосударственных образований (простых, сложных и суперсложных «вождеств») и так называемых «протогосударств», резонно проблематизируют, казалось бы, уже давно решенный вопрос: был ли связан сам процесс становления государства изначально с силой принуждения? Или же «предгосударство» еще функционировало в интересах всего народа, и только значительно позже стало выражать и защищать (посредством утверждения монополии управляющих на применение насилия) интересы победивших в борьбе за ресурсы — господствующих — групп (так называемая «контроверза Фрида — Сёрвиса»)?

Еще одна проблема с постулатом о «легитимном применении физического насилия» возникает в связи с тем, что даже в государствах древнего Востока, открыто провозглашавших монополию власти на насилие

[8] «Государство, — писал М. Вебер, — есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*» // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.

абсолютно законной, справедливость такого положения дел нередко ставилась под сомнение различными социальными и политическими силами, включая части элиты[9]. Уже потому, что в сегментированном обществе (обществах) «легитимность» (доверие и принятие) власти и ее действий не может быть «всеобщей» — она всегда связана с оценкой групп населения, интересы которых изменчивы и различны. Кроме того, использование идеи легитимности, отмечают специалисты, ведет к порочному кругу: «Для легитимности применения физического насилия государством нет фундаментальных и логически предшествующих ей причин кроме той, что оно уже захватило монополию на него и тем самым превратилось в государство в собственном смысле слова»[10].

Мало того. Как показывают исследования, далеко не все правители ранних государств обладали безусловной монополией на применение насилия. Поэтому Д. М. Бондаренко, Э. Геллнер, Л. Е. Гринин, Р. Кайнейро, Ш. Дж. М. Классен, Н. Н. Крадин, Д. Куртц и др.[11] считали и считают, что реальное право на принуждение «не должно ставиться в центр теории государства, т. к. оно — величина зависимая: если это право и узурпируется власть предержащими, то это происходит в результате двустороннего процесса легитимации, в котором ожидания простых людей должны быть поняты и учтены в государственной идеологии, чтобы достичь их согласия на существование данной власти. Никакой политический режим не в состоянии держаться исключительно или даже преимущественно на насилии в течение долгого времени»[12].

Несмотря на то что практика подавляющего большинства стран основывается на применении концепции государства как института осуществления «монополии на легитимное физическое насилие», в большинстве стран «третьего мира» ее применение на многих территориях оказывается проблематичным. Благодаря характерным для них трайбализму, регионализму, сепаратизму и другим явлениям «локали-

[9] *Белков П. Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Под ред. А. В. Попова. М.: Восточная литература, 1995. С. 165–187.

[10] *Ясаи Энтони де*. Государство. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 102.

[11] Подробнее об этом см: *Бондаренко Д. М.* «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // *Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А.* (ред.). Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 198–206*; Бондаренко Д. М., Коротаев А. В.* (ред.). Цивилизационные модели политогенеза. М.: ЦЦРИ РАН, 2002.

[12] *Бондаренко Д. М.* Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2, С. 175.

зации», монопольное право центральной власти на насилие постоянно и в целом успешно дискредитируется, а лояльность граждан в большей мере направляется на негосударственные институты. Десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки заимствовали и европейскую модель развития в целом, и европейского государства в частности. Но не могут ее (их) эффективно использовать в силу специфики своего социокультурного развития, причудливым образом отразившегося в коллективной памяти, менталитете, политической культуре их народов. «Это также служит основанием для многих политических антропологов, чтобы разделять мнение о непригодности веберовской формулировки наиболее сущностной черты государства для исследования процессов его образования и развития в современном мире. Они утверждают, что теория современного государства, если она основывается на постулате о монополии государства на узаконенное насилие, не может претендовать на универсальную применимость; максимум, что она может, — оказаться релевантной в небольшом количестве конкретных случаев»[13].

На универсальную применимость не может претендовать и признак территориальности, так как включение этого признака в определение государства заведомо ставит крест на обсуждении проблемы возможности существования «кочевого государства», в пользу которого есть многочисленные исторические свидетельства. Единственная очевидность, которая вряд ли может быть подвергнута сомнению, может быть охарактеризована как *суверенность самого государства* в качестве организации, осуществляющей принуждение. «Государство — это организация в обществе, которая *может налагать санкции без риска столкнуться с отказом подчиниться им* и может отменять санкции, наложенные другими. Существуют санкции, которые, в силу своей неуместности или тяжести, рискуют спровоцировать попытки оспорить их или требуют поддержки более сильной организации. Гарантированно не могут быть оспорены только санкции государства ввиду отсутствия более сильной стороны, способной налагать санкции»[14].

Достоинство этой формулировки, на которую в дальнейшем автор будет ориентироваться, в том, что она выражает суверенитет государства. Но идея суверенитета государства — отсутствие в его пределах вышестоящей апелляционной инстанции — с необходимостью уже в Новое

[13] *Бондаренко Д. М.* Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2, С. 175–176.
[14] *Ясаи Энтони де.* Государство. С. 102.

время порождает стремление к усовершенствованию этого института в виде идеи разделения властей, позволяющей апеллировать «внутри государства» к одной из «независимых» ветвей власти (законодательной или судебной) против другой — исполнительной власти (госаппарату). Однако возможности этой «внутренней апелляции» на практике всегда ограничены. «Апелляция против одной государственной инстанции к другой в общем случае и независимость судебной власти в частности *предполагают выполнение тех самых условий, которые они призваны обеспечивать*, подобно дождевому плащу, который сохраняет вас сухим только в сухую погоду. Апелляция внутри государства работает тогда, когда есть хорошие министры, служащие доброму королю, а власть в общем и целом благожелательна. *Судебная власть определенно является защитой от исполнительной до тех пор, пока последняя ей это позволяет, но у нее нет силы, чтобы обеспечить свою независимость.* Как и у римского папы, у нее нет дивизий, и, подобно ему, судебная власть не может вести себя в практических делах так, как если бы они у нее были. Ее способность неповиновения исполнительной власти, которая не желает терпеть неповиновения, в конечном счете не что иное, как слабое отражение шансов на успешное народное восстание в ее защиту, которые сами по себе тем меньше, чем слабее независимость судебной власти»[15].

С этим мнением следует согласиться, имея в виду следующие философско-методологические уточнения. Прежде всего, как свидетельствует история науки, ни одна из научных теорий (даже из сферы «точных» дисциплин) не обладала и не обладает необходимостью и «универсальной применимостью». Тем более это требование не выполнимо в пространстве социальных и исторических исследований. Надо понимать, что все социально-исторические исследования, в том числе попытки воссоздать логику формирования «государства» в то или иное время в тех или иных географических регионах планеты, «социально нагружены», принципиально неполны, представляют собой более или менее удачные реконструкции прошлого, ни одна из которых не имеет полного эмпирического подтверждения, а к их содержанию не применима классическая (корреспондентская) концепция истины[16]. В той или иной мере все они являются результатом научных конвенций,

[15] *Ясаи Энтони де.* Государство. С. 103. (курсив мой — *Ю. Г.*).

[16] Как показали специалисты, в реальном процессе научного познания ученые из разных областей знания явно или скрыто используют «когерентную», «прагматическую», «интуитивистскую» и другие концепции истины.

сменяющих друг друга не только по мере того, как адепты прежних просто уходят из мира сего (М. Планк), но и главным образом под влиянием неявного и личностного знания, многих внешних экстранаучных (политических, экономических, социокультурных, антропологических и иных) обстоятельств.

Поскольку выбор между альтернативными концепциями и предпочтение одной из них в качестве истинной или более вероятной не может быть решен на чисто когнитивных основаниях, ключевым фактором здесь оказывается мнение дисциплинарного научного сообщества, которое в результате научных дискуссий достигает научного консенсуса. «Однако, как показывает история науки, такой консенсус в принципе никогда не является и не может быть в принципе окончательным и не подлежащим пересмотру в будущем другими поколениями ученых, новыми субъектами познания»[17]. Консенсус по поводу того, что же считать «современным государством» в социальных науках пока не достигнут. Выработанные в XX столетии М. Вебером, многими другими выдающимися исследователями из Европы и США концептуализации и созданные на их основе типологии современного(ых) государства(в) ни в коей мере нельзя считать «универсальными»: они действительно в значительной мере основаны на обобщениях и экстраполяциях исторического опыта Европы, а иногда — исключительного опыта формирования государств Западной Европы Нового времени. Но это — вопреки мнению представителей так называемого «реориентализма» (исследователей из Азии, Африки, но прежде всего — из Латинской Америки), предлагающих деконструировать якобы наполненный имперскими категориями «колониальный дискурс», — совсем не умаляет их научной значимости[18]. Историческая реальность была и остается богаче любой «теории». К «социальному государству» эта максима применима в полной мере.

Несмотря на то что окончательный набор критериев, наличие которых позволило бы отнести то или иное государство к категории

[17] *Лебедев С. А.* Научная истина и ее критерии // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. № 4. С. 16.

[18] В частности, в современной науке авторитет М. Вебера чрезвычайно высок благодаря разработанной им: 1) теории политической власти, в которой проанализирован вопрос о принципах ее легитимности, 2) теории господства рациональной бюрократии в современном обществе, 3) теории «плебисцитарной» демократии, снимающей издержки господства формального права в современных демократиях, чреватого неизбежной бюрократизацией и обезличенностью процессов руководства, 4) наконец, благодаря его анализу современного капитализма как воплощения принципа рациональности.

социальных, все еще отсутствует, большинство авторов считают, что социальное государство формируется на определенном историческом этапе эволюции общества, когда возникают соответствующие политические и социально-экономические условия. Однако общепризнанного конкретизированного перечня данных условий, а тем более их анализа и предпосылок также нет. Нет и разделяемой всеми типологии социальных государств, хотя трактовок социального государства существует великое множество. Во многих работах эти трактовки совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о социальном государстве, создавая барьеры «непонимания» между исследователями, в свою очередь препятствующими выявлению теоретической и исторической взаимосвязи между понятиями «общество» (социум) и «государство» и фиксируемыми ими феноменами. О них подробнее будет сказано далее.

По мнению автора, наиболее предпочтительным с точки зрения социально-философского подхода является понимание, в пределах которого социальное государство может быть интерпретировано, например, как «правовое демократическое государство, которое совместно с институтами гражданского общества с целью сглаживания классовых противоречий, устранения разрывов в уровне и качестве жизни и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальной и духовной жизни, которые позволяют ему реализовывать свои политические, экономические, социальные и личные конституционные права и свободы»[19]. И это, повторим, только одна из многих используемых интерпретаций в пространстве дисциплинарно и парадигмально разнообразного научного дискурса.

Но дело не только в дисциплинарном и парадигмальном плюрализме научного дискурса. Ситуация осложняется тем, что в различных странах термин «социальное государство» не только понимается, но и звучит по-разному. Исследователи констатируют: «в англоязычных странах используется понятие welfare state („государство всеобщего благосостояния“), в Германии Sozialstaat (этот термин в калькированном варианте утвердился в Италии, России и ряде других стран), в Швеции приме-

[19] *Гранин Ю. Д.* Социальное государство и его исторические воплощения // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. И. Баумана. Электронный журнал. 2019. Выпуск 4 (78). DOI 10.18698/2306-8477-2019-4.

нялось понятие Folkhemmet („дом для народа“), в Греции κράτος ρόνοιας („государство процветания“). Понятно, что каждое из них имеет свои смысловые оттенки. В немецком варианте акцент ставится на подчиненности государства интересам общества, в англоязычном на обеспечении благосостояния, в шведском варианте государство уподоблялось дому или семье, в развитие которой каждый вносит свою лепту»[20].

В этой связи следует обратить внимание, что в русском языке слово «государство» изначально акцентирует внимание на отношениях властной зависимости «общества» от воли «государя», которому общество обязано нести службу. Но во многих европейских языках слово, обозначающее «государство», означает также «состояние», восходит к латинскому «status» (положение дел) и в этом качестве пересекается с понятием «общество»[21]. Последнее, очевидно, как и государство, представляет собой иерархически и горизонтально организованную и стратифицированную совокупность индивидов, часть из которых обладает правами на управление (в том числе и посредством легитимного насилия) другими людьми. И в этом (социально-антропологическом) аспекте государство являет собой имманентную «часть» более общего «целого»: «населения страны» или «общества», которое государство фреймирует («категоризирует») в официальных документах посредством группистских терминов — «классов», «народов», «этносов», «наций» и других «групп населения»[22]. Поэтому крылатое выражение «всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет» совсем не бессмысленно, отсылая к социальным группам, из которых рекрутируется кадровый состав бюрократии — социальный слой, без которого государство теперь немыслимо. Так что в ходе дальнейшего исследования в двух следующих главах монографии, посвященных обсуждению проблемы возникновения «национального» и «социального» государства из предшествующих ему государственных форм, термины «социальное государство» и «национальное государство» будут исполь-

[20] Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее. Под ред. Ю. Д. Квашнина. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 4.

[21] *Бондаренко Д. М.* Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2, С. 164–188.

[22] Указанный феномен *категоризации* фиксирует весьма важный и зачастую неосознаваемый момент повседневной практики: *навязывание людям государственными институтами их социальной (этнической, классовой и др.) принадлежности.* Инструментом такого навязывания служат государственные «переписи» и записи в паспортах, которые в периоды социальных напряжений и войн могут стать аргументом для переселений и депортаций.

зоваться в смысле «social state» и «national state»: *как исторически изменяемые формы государства модерного (современного) типа*.

Последнее, по мнению автора, возникает в западноевропейских странах примерно в XVII веке и затем, расширяя цивилизационные ареалы своего распространения, уже к середине XX столетия становится нормой (или образцом) государственного устройства для подавляющего большинства стран мира. Но исторически «современное государство» в двух его исторических ипостасях (как «национальное» и «социальное государство») первоначально возникает(ют) именно в лоне западноевропейской цивилизации, приобретшей со временем евроатлантический масштаб. Это обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку появление и использование терминов «эпоха модерна» *(modernity)* и «модерное государство» часто и справедливо связывают с так называемым «модернистским подходом» к анализу всемирной истории, адепты которого негативно относятся к концепциям цивилизаций. Этот подход не является внутренне единым, а представляет сложную совокупность многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма, находящихся между собой в отношениях конкуренции, но объединенных общим представлением о наступлении принципиально нового — постиндустриального или постмодернистского — этапа в развитии человечества[23]. Различаются и предлагаемые периодизации всемирной истории: как правило, проекции исторического развития выстраиваются по линиям «аграрное – индустриальное – постиндустриальное общества» или «досовременное состояние — эпоха (общество) модернити — эпоха постмодернити (постсовременность)».

За рубежом приверженцами модернистского подхода являются Д. Белл, Э. Гидденс, П. Дракер, С. Крук, С. Лэш, а в России — В. Л. Иноземцев, А. Караганов и ряд других авторов. Их объединяет одна очень простая и фатальная мысль — несмотря на использование евроатлантической цивилизационной модели развития (западного модернизма)[24], шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» (включая Россию, Китай и другие страны «второго эшелона развития») в обозри-

[23] Более подробно о специальных различиях теорий модернизации и постиндустриализма см.: *Иноземцев В. Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 3–66.

[24] В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

мом будущем нет. Думаю, это спорное утверждение, не учитывающее: а) неоднократно фиксируемую в прошлом нелинейность исторического развития (периодическую смену «центров» (полюсов) мировой динамики), б) наблюдаемую эрозию духовных скреп евроатлантической цивилизации (воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализма), ее частичного отказа от ценностей христианства и Просвещения и в) здоровый консерватизм цивилизаций Азии, взявших курс на модернизацию без потери национальной и цивилизационной идентичности. Хотя предлагаемую авторами модернистского подхода периодизацию истории можно принять, но с определенными уточнениями, на которые обычно не обращают внимания.

Надо заметить, что термин «постсовременность», как и другие, образованные посредством приставки «пост» (постструктурализм, постпозитивизм, постиндустриализм, постнаука и им подобные), не являются «строгими» понятиями: не указывают прямо на свой «предмет», а лишь фиксируют связь с содержанием непосредственно предшествующего термина — т. е. «современности» (модерна). Но «современное» (мне, нам) не тождественно, хотя и в значительной мере синонимично, хронологически «одновременному»: сосуществующему в один и тот же интервал времени вместе с наблюдателем. Шекспир, Мольер, Декарт, Ньютон, Вольтер, Руссо, Кант, Гегель, Гете и сотни других представителей культуры «модерна» современны нам в той мере и постольку, в какой и поскольку созданные ими понятия, концепты и концепции, художественные образы, научные гипотезы и идеи созвучны нашему времени: до сих пор *представляют для нас проблемы, инициирующие множество интерпретаций*, а потому интересные нам — их «современникам». Уже одно это наблюдение ставит под сомнение жесткое (антагонистическое) противопоставление эпох «премодерна» (античность, средние века), «модерна» (17 – вторая треть 20 века) и «постмодерна» в качестве содержательно совершенно различных исторических периодов. Такое противопоставление возможно лишь со многими оговорками и в сугубо аналитических целях. За их пределами — «в настоящем» — просматривается взаимосвязь времен, не предполагающая элиминации предыдущих состояний, скорее здесь речь идет о переходе на новый качественный уровень развития, сохраняющий связь с предыдущими. Следовательно, постмодерн (и эпоха постмодерна) диалектически противопоставляется модерну, *т. е. с указанием на*

сосуществование и сохранение достижений минувшего. И это позволяет вслед за Ю. Хабермасом, П. Вагнером, Э. Гидденсом, А. Туреном и др. утверждать о «незавершенности проекта (эпохи) модерна»[25], о «первом» и «втором» (организованном) модерне, о «радикализации модерна» или об «индустриальном» и «постиндустриальном» модерне. Для этого есть немало оснований в хронологически современной нам политической и культурной реальности.

Несмотря на то что «модернизм» как мировоззрение эпохи раннего (первого) модерна, с характерным для него секуляризацией и верой во всемогущество человеческого разума, способного воплотить в жизнь познанные им «законы природы и общества», уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом в первой половине XX века, а во второй половине XX столетия был атакован культурным и философским постмодернизмом, его интеллектуальный и ценностный фундамент оказался довольно прочным. Исторически изжитыми оказались некоторые формы «первого» (17–18 вв.) и «второго» (19 – первая половина 20 вв.) модерна, но его ориентация на науку и рационализм, принципы научного познания мира (объективности, логической непротиворечивости, экспликации оснований, достаточной полноты и др.), формы организации науки (университеты, академии, институты) и искусства (библиотеки, музеи, выставки, оперные и иные театры), многочисленные социальные институты и институции, демократические принципы организации политической жизни, ценности свободы, равенства и братства людей, прав человека и гражданина, их социальные права не только не утратили своей значимости, но до сих пор требуют развития. Это же относится и к государству как одной из старейших политических форм общежития, хотя многие пророчат ей гибель.

Критика этих прогнозов об «отмирании национальных государств» и замене их институтами глобального управления осуществлена в заключительной главе книги. Там же будет обсужден вопрос о перспективах эволюции «государства общего благосостояния» — исторической формы социализированного национального государства, о закате которой в странах евроатлантического цивилизационного ареала заговорили в уже в 1960–1970 годы. А в России, где к настоящему времени была выстроена, но плохо реализована модель минимально защищающего

[25] *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. М: Экономпресс, 2000.

социального государства, в последние годы и левые, и правые радикалы объявили об утопизме этого концепта. Да и ветви российской власти подзабыли этот конституционный принцип. Между тем, как будет показано, социальное государство совсем не исчерпало свой исторический потенциал. Открывая собой исторически новый этап эволюции современного государства — его трансформации в правовое национальное государство с различными формами правления эпохи «второго модерна», ознаменованной революциями и классовой борьбой трудящихся за свои уже не только политические, но и социальные права, — последние два столетия оно, обеспечивая солидарность граждан, *эволюционирует от состояния защищающего только бедные (низшие) социальные слои к государству всеобщего благосостояния, постепенно получающему гуманистическое измерение*, содействующему свободному развитию человека, утверждению достойной жизни всех членов социально и этнокультурно разного общества.

Предпосылки к этому движению были сформированы в эпоху «первого» (доиндустриального) модерна, к анализу специфики которого мы перейдем в следующих главах, опираясь на неомарксистскую (естественноисторическую) версию социального конструктивизма. Согласно этому взгляду, «люди сами творят свою историю», но творят ее не произвольно и лишь в актах субъективного и интерсубъективного индивидуального опыта, а под воздействием многих не зависящих от них обстоятельств и в соответствии с мерой их познанности, определяющей успешность предметно-практического преобразования окружающей их действительности в желаемое состояние. С определенными уточнениями, связанными с различным пониманием базисных причин социальных трансформаций, с такой естественноисторической версией социального конструктивизма К. Маркса были солидарны сначала О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, а затем А. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс, Л. Февр, Ф. Бродель, И. Валлерстайн и многие другие выдающиеся социологи и историки, различающие *предметно* и *духовно*-практические формы деятельности.

Эта же философская онтология истории в неявном виде присутствует в качестве базового основания в большинстве наиболее влиятельных модернистских концепций образования наций и национальных государств, «общим местом» которых является представление о человеческой деятельности как способе существования и трансформации всех исторических явлений и процессов, о принципиальной возможности

их познания. Различия состоят лишь в акцентуации тех или иных групп объективных и субъективных факторов, комплексное воздействие которых вместе с тем должно быть учтено. На это, кстати, указывали Б. Андерсон, Д. Бройи, Э. Геллнер, К. Дойч, М. Манн, Энтони Д. Смит, Э. Хобсбаум, Майкл Шадсон, П. Чаттерджи, иные адепты модернистской парадигмы[26]. На работы этих исследователей мы будем опираться, вместе с тем имея в виду недопустимость изучения любых исторических феноменов вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в «общества» (социумы), «государства» и «цивилизации» объединения индивидов.

Известная нам история — нелинейный процесс обусловливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и одновременно становления его целостности и единства. Роль Сознания (индивидуального и массового) в этом процессе оказывается определяющей. Будучи представленным исторически изменяемым многообразием научных и вненаучных (мифологических, моральных, религиозных, философских) форм, оно осмысливает наличный «социальный мир» не только с позиций «сущего», но и с позиций «должного» состояния, формируя тем самым «горизонты» его развития.

Применительно к «государству» как исторически изменяемой политической форме организации совместного проживания антропологически, лингвистически, культурно и религиозно разных сообществ (групп) на определенной (юридически фиксированной) территории посредством различных институтов власти это означает необходимость учета общеисторического и цивилизационного контекстов его эволю-

[26] Так, Э. Геллнер прямо называл свой подход немарксистской версией «исторического материализма». Б. Андерсон воздерживался от таких квалификаций, что не уберегло его от обвинений Л. Гринфельд в «материалистическом понимании социальной реальности». Подробнее см.: *Гринфельд Лия*. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 528 с.

ции, в пространстве которых государство обретает качественно новые характеристики. В нашем случае «современное государство» появляется как продукт западноевропейской, а затем и евроатлантической цивилизации, важнейшую часть трансформации «культурного ядра» которой, начиная с XVII столетия, составили появившиеся в среде новых социальных слоев новые представления об обществе и государстве, о его «национальном» характере и социальном предназначении. Вооруженные новыми политическими и социальными идеями именно эти новые социальные группы — «просвещенные бюрократы», «люди свободных профессий» и «интеллектуалы» — стали главным фактором трансформации «сословного государства» в государство национальное, а затем — и «социальное государство». Последнее «вырастает» из национального правового государства, в свою очередь способствуя укреплению национального единства полиэтнического населения европейских стран.

В обосновании этого предположения состоит одна из основных задач нашего исследования. В современной литературе хотя и отмечается, что национальные государства в Европе возникают раньше собственно государств «социальных», их появление и эволюция рассматриваются независимо друг от друга. Это связано, очевидно, с уже отмеченной мною тенденцией интерпретировать вторую половину XX и начало XXI веков в качестве эпохи «постмодерна», в теоретическом пространстве которой «современному (модерному) государству», исторически возникшему, как будет показано, в ходе взаимопроникающих и обусловливающих друг друга процессов «национализации» и «социализации» общественной жизни, просто нет места. В том числе и по причинам когнитивного свойства.

Несмотря на то что изучение наций и национальных государств имеет почти двухвековую историю, единства взглядов исследователей о сущности, способах формирования и эволюции этих социально-исторических феноменов здесь все еще нет. Современный научный дискурс о нациях и национальном государстве методологически плюралистичен, полицентричен и крайне противоречив. Будучи образованы путем абстрагирования от своей феноменальной данности и многообразия исторических форм явленности, понятия «нация» и «национальное государство» (как и «глобализация») естественным образом, на наш взгляд, оказываются в числе междисциплинарных категорий, расположенных на границах между социальной философией, социо-

логией, экономикой, политологией и другими дисциплинами. Это в свою очередь обостряет конкурентную борьбу, в ходе которой вместо междисциплинарного диалога имеют место попытки редуцировать весь дискурс по поводу комплексной проблемы к одному из аспектов ее рассмотрения.

Ситуация осложняется тем, что, во-первых, в качестве понятия и фиксируемого им исторического феномена «нация» должна быть как-то соотнесена с более древним социальным образованием — «этносом», а во-вторых, и это главное, дефиниции «нация» и «национализм», процессы формирования и эволюции наций и национализма нельзя анализировать независимо друг от друга. «Нация» — цель любого национализма, а «национализм» — фактор формирования и развития наций. История свидетельствует: нации в большинстве случаев возникали проективно, начиная с «эталонной» французской нации, ставшей одним из итогов Великой французской революции, и заканчивая, скажем, современной китайской нацией. Но сама идеология всякого националистического проекта апеллировала к древности нации и в качестве аргумента указывала на ее этнические основы. В результате дискурс о нациях изначально формировался как самопротиворечивый, что, в свою очередь, крайне осложняло решение проблемы сущности, способов формирования и развития национального государства.

Перефразируя Э. Геллнера, национальное государство можно определить как результат брачного союза государства современного типа и нации[27]. Но что такое «государство» вообще и «современное государство» в частности, и что следует подразумевать под «нацией»? Является ли «национальное государство» государством одной нации? И если «да», то как тогда быть с «многонациональными» государствами, которых большинство на нашей планете, но которые, невзирая на это, объединены в Организацию Объединенных Наций? Возможно, в целях теоретической строгости употребления терминов их следует именовать «полиэтническими национальными государствами»: то есть государствами одной «нации», состоящей из многих «этносов»?

Но что, повторю, отличает нации от этносов? По мнению большинства, — наличие у нации собственной государственности. А как же быть с народами, обладающими всеми признаками нации (общностью языка, территории проживания, культуры и т. д.) и считающими

[27] Э. Геллнер определял национальное государство как результат брачного союза государства и культуры // *Геллнер Э.* Условия свободы. М., 1995. С. 27.

себя нациями (шотландцами, фламандцами, каталонцами и др.), но не имеющими государственности? Как быть с тем, что некоторые нации (например немцы) естественным образом сформировались еще до обретения собственной государственности, тогда как в образовании других ключевую роль играли именно государства, которые долгие годы пытались сформировать общую (национальную) идентичность своего многоэтничного населения? Что же, в конце концов, первично — «нация» или «национальное государство»?

Более или менее удовлетворительно разобраться со всем этим ворохом вопросов науке пока не удалось. А значит, прежде чем перейти к обсуждению проблемы сущности и путей формирования национальных государств и вырастающих из них государств социальных в разных странах и разных регионах планеты, необходимо эксплицировать основные теоретические представления о «нации» и «национализме» и, сравнив их между собой, предложить собственное понимание каждой из дефиниций. Остановимся подробнее на этом моменте.

1.2. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют общепринятого содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией научного употребления этих терминов, содержание которых менялось от эпохи к эпохе.

Оставляя в стороне эволюцию употребления термина нация в европейских языках до XVII века[28], следует иметь в виду, что уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и формирующихся социальных наук в общих чертах сформировались по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII–XVIII веках

[28] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Нации, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования. М., 2002. С. 11–14.; *Гранин Ю. Д.* Нации и национализм. Теория и история. М., 2016. С. 12–40.

исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): *натуралистический* (Ж. Боден, Ш. Монтескье), *антропологический* (в его культурной и естественнонаучной версиях, Дж. Вико, И. Кант), *социо-экономический* (А. Р. Тюрго, А. Фергюссон, А. Барнав, Ж. Кондорсе) и *политический*, выдающимся представителем и одним из основоположников которого был Г. В. Гегель[29]. По мнению Гегеля, «нация» и «государство» представляют две противоположности, которые определяют друг друга, а термины «народ» и «нация» в ряде случаев используются Гегелем как взаимозаменяемые. И в отношении «народа» («нации») определяющая роль государства состоит в том, что именно оно конституирует «агрегат частных лиц» в собственно «народ». «Дело в том, — пишет Гегель, — что агрегат частных лиц часто называют народом; но в качестве такого агрегата он есть, однако, vulgus, а не populus; и в этом отношении единственной целью государства является то, чтобы народ не получал существования, не достигал власти и не совершал действий в качестве такого агрегата. Такое состояние народа есть состояние... неразумия вообще»[30].

Таков в самых общих чертах философский взгляд Гегеля на диалектику «нации» и «государства», заявленный великим мыслителем в «Философии духа» и «Философии истории». Но им Гегель не ограничился. Беря за основу историю «германского народа» со времен Священной римской империи, он в своей «Конституции Германии» интерпретирует ее как распад (в XV–XVII веках) некогда единой германской «нации-государства» на множество современных ему «бюргерских» государств, в которых некогда единый германский народ рискует (благодаря «бюргерскому сословию») утратить, кроме политической, еще и общенациональную культурную идентичность. Уже сейчас, констатирует Гегель, многочисленные немецкие государства и их сословия существенно отличаются друг от друга формами правления, по своим «нравам», «образованию» и «диалектам». Подобная политическая и культурная «гетерогенность» важнейших национальных элементов далее нетерпима. И может быть преодолена в процессе добровольного объединения разрозненных немецких монархий и номинально свободных имперских городов в единое германское государство, силу которого должны обеспечить общее для всех правительство и армия. Правда,

[29] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Нации, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования. М., 2002. С. 15–23.

[30] *Гегель Г. В.* Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 360–361.

замечает Гегель, такие радикальные преобразования, даже если они осознаются, почти никогда не бывают следствием логического вывода. Для них нужна сила принуждения. «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии»[31].

Уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и науки был сформирован комплекс знаний об эволюции народов (в современной трактовке — «этногенезе») и выявлены основные группы факторов, сплачивающие людей в устойчивые коллективы (общности). Климат, ландшафты, территория проживания, язык, хозяйственно-экономические связи, культура, особенности характера, восприятия и мышления — общность одного или нескольких из этих признаков позволяет, по мнению мыслителей того времени, во-первых, объяснить происхождение и развитие народов от «дикости» к цивилизованному состоянию (с характерным для последнего государственным способом бытия), а во-вторых — отделить один народ от другого. Ведь все перечисленные объективные и субъективные факторы — то, что, с одной стороны, объединяет людей в «народы» и «нации», а с другой — отличает народы и нации друг от друга.

Последующее развитие социально-философских представлений о нациях и национальных государствах было связано с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Акцент на объективной (социальной и экономической) детерминации становления буржуазного государства и европейских наций — сильная сторона классического марксизма, до сих пор оказывающая значительное влияние на умы его последователей и оппонентов. Его слабостью оказалось недостаточное внимание к «культурной составляющей» человеческой истории: будучи отнесены к «надстройке» и «формам общественного сознания», религия, искусство, наука, язык и даже государство действительно оказались «вторичными» в составе классического марксизма, в теоретической системе которого

[31] *Гегель Г.* Конституция Германии // Политические произведения. М., 1978. С. 176. Как известно, начатая Гегелем в 1798 году «Конституция Германии» впервые была опубликована лишь в 1893-м — спустя почти 20 лет, как Бисмарк железной рукой завершил объединение немецких государств почти в полном соответствии с рекомендациями Гегеля: философа, который дал первый эскизный теоретический проект «нации-государства».

«нация» интерпретировалась как социально-экономическая и политическая общность индивидов.

Одними из первых на эту односторонность марксисткой трактовки указали основоположник позитивной философии и социологии Дж. Стюарт Миль и известный историк религии Эмиль Ренан, обратившие внимание на важную роль в процессе формирования наций (национальностей) именно культурных компонентов, под воздействием которых формируется и функционирует «национальное сознание» и «самосознание».

Милль, в частности, характеризовал нацию таким образом. Часть человечества, писал он, образует «национальность», когда входящие в нее люди объединены общими чувствами, каких нет между ними и другими людьми. Причем это общее всем «чувство национальности» может быть вызвано различными причинами: иногда все дело в тождестве расы или происхождения, иногда объединению людей могут содействовать общность языка и общность религии, а иногда — и географические границы общего проживания. Но наиболее важными нациеобразующими факторами, полагает Милль, являются общность политической судьбы, «общая национальная история и основанная на этом общность воспоминания, общие гордость и унижение, радость и страдание, связанные с сообща пережитым в прошлом»[32].

Если Милль решающим фактором образования наций считал «национальное чувство», то Эмиль Ренан такую же роль приписывал «воле» и «солидарности», а также тому, что позже будет названо «национальным воображением». Согласно его определению, «нация есть... великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои в будущем еще будут принесены. Нация предполагает прошедшее; в настоящем она его повторяет... ясно выраженным согласием, желанием продолжать жить сообща. Существование нации... есть ежедневный плебисцит» (un plebiscite de tous les jours)»[33].

Это определение Ренана, ставшее впоследствии классическим образцом так называемых субъективно-символических определений нации, вместе с тем было достаточно узким, не учитывающим влияние более широкого, «цивилизационного», контекста: социокультурных условий, в которых объективно сосуществуют и развиваются «народы» (этносы), впоследствии объединяющиеся или трансформирующиеся в «нации».

[32] См.: *Милль Дж. Стюарт*. Представительное правление. СПб., 1907. С. 275.
[33] *Ренан Э.* Что такое нация. СПб., 1886. С. 39.

Анализом этих условий на материале так называемых древних обществ и культур сначала занимались эволюционное направление в этнологии.

В Германии пионерами эволюционного образа мыслей в этнографии были сначала Г. Клемм, Т. Вайц и И. Унгер, позже — О. Пешель, А. Бастиан и И. Липперт. А их последователям, английским этнологам Э. Тайлору, Дж. Мак-Леннану и Дж. Лаббоку, принадлежит заслуга первыми и почти одновременно представить уже завершенные эволюционистские концепции. В США основоположником эволюционного подхода в этнологии по праву считается Л. Морган, опубликовавший в 1878 г. знаменитую работу «Древнее общество».

Но по мере дальнейшего развития науки и накопления новых эмпирических данных к концу XIX века все чаще стали обнаруживаться слабые стороны эволюционистской парадигмы. Новый обширный этнографический материал во многих случаях не согласовывался с эволюционистскими схемами. Начались поиски новых путей в исследованиях культур, их изменения и распространения. Так возникла парадигма диффузионизма, в основу которой была положена идея не о линейном прогрессе, а о неизбежной диффузии (взаимопроникновении) культур в процессе миграции этносов (народов). Именно в больших и малых передвижениях (переселениях) народов автор «Антропогеографии» (1909), основоположник дуффузионизма Ф. Ратцель и его последователи (Ф. Гребнер, Э. Норденшельд, Э. Фробениус, Г. Элиот-Смит и др.) усматривали источник распространения культуры (культур) или ее (их) элементов из одного или нескольких центров. Исследовательская цель ученых-диффузионистов состояла «в точном показе пространственного распространения культур или отдельных культурных элементов, в выявлении областей их происхождения, реконструкции путей перемещения элементов культуры и определения временных рамок этого перемещения»[34].

Ее сменила структурно-функционалистская (Б. Малиновский, Радклиф-Браун, Леви-Стросс и др.) школа в социологии и этнологии, влияние которой не утрачено и до сего дня.

Параллельно с этими исследованиями не прекращались попытки теоретического осмысления проблемы сущности и формирования собственно «наций». Их симулировали, с одной стороны, нарастающий процесс образования в Европе, Азии и Америке национальных

[34] Подробнее см.: Этнография и смежные дисциплины. М., 1994. С. 125–141.

государств, а с другой, уже отмеченные попытки теоретического обобщения большого исторического, археологического и собственно этнографического материала, завершившиеся формированием социологии, культурной антропологии, этнологии, этнопсихологии, в составе которых термины «этнос» и «нация» перманентно меняли свое содержание. В начале XX века на Западе попытки дать некоторое обобщающее определение «нации» и «национализма» были предприняты в трудах Ф. Неймана, М. Вебера, Э. Дюркгейма, О. Бауэра, К. Каутского, А. Фрикандта, многих других исследователей, в работах которых был выдвинут ряд веских аргументов в пользу «натуральных», социальных, политических, экономических, культурных и социально-психологических причин и условий формирования и эволюции «народов» (этносов) и «наций». В качестве атрибутивных признаков наций объявлялись либо единство «естественных» условий жизни индивидов, либо единство их хозяйственно-экономических, политических связей, либо «языка» или «культуры», а чаще всего — «народный» или «национальный» дух (сознание), активность которого будто бы интегрирует людей в этносы и нации. Соответственно, содержание указанных понятий раскрывалось через перечисление нескольких из указанных признаков, один из которых признавался в качестве «сущностного».

Так, уже к концу XIX столетия в лоне европейской социологии, социальной и политической философии, формирующихся этнологии, культурной антропологии и социальной психологии складываются три основных типа концепций изучения и интерпретации «нации»: *натуралистический*, *социетальный (атрибутивный)* и *субъективно-символический подходы*, каждый их которых, опираясь на разные философские и методологические основания, имел многочисленных приверженцев. В том числе и в царской России, где во второй половине XIX – начале XX вв. большинство выдающихся ученых (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, Г. И. Челпанов, С. М. Широкогоров), мыслителей, философов и политиков (Вл. Соловьев, Н. Н. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, С. Н. Трубецкой, Г. П. Федотов, П. Б. Струве, В. В. Розанов, Г. Г. Шпет и др.) связывали формирование и эволюцию «народов», «наций» и «национализма» преимущественно с действием географических факторов или когнитивных, ценностных и эмоционально-волевых компонентов «национального сознания» и «национального характера». А радикальное крыло российской социал-демократии (В. И. Ленин, Р. Люксембург,

А. В. Луначарский, И. В. Сталин и др.) основывалось на социоэкономической и, реже, социокультурной трактовке наций.

В итоге в состав отечественной социально-политической мысли вошло и господствовало вплоть до середины 1960-х годов знаменитое сталинское определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». При этом Сталин подчеркивал: «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией... **только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию**»[35]. Незначительной ревизии это определение подверглось после знаменитой дискуссии об «азиатском способе производства» и уточнении содержания понятия «общественно-экономическая формация» в 1960–1970 годы в работах Н. А. Берковича, Ю. В. Бромлея, Т. Ю. Бурмистровой, Ю. Ю. Вейнгольда, М. С. Джунусова, А. В. Ефимова, А. А. Исупова, М. Д. Каммари, Н. М. Киселева, Л. М. Князева, И. С. Кона, П. М. Рогачева, М. А. Свердлина, П. Н. Федосеева, А. И. Холмогорова, Н. Н. Чебоксарова[36]. И хотя в некоторых из этих работ были получены имеющие научную значимость результаты, в целом отечественное обществознание, вплоть до начала 1990-х годов, оказалось выключенным из магистральной линии международного теоретического дискурса о нациях и национализме, проигрывая в объективности и качестве зарубежным исследованиям.

Завершая наш, поневоле краткий, обзор эволюции понятия «нация» в философии и общественных науках в XVIII – первой трети XX вв., следует еще раз отметить, что за этот период содержание термина менялось неоднократно. В зависимости от профессиональной принадлежности и исходной философской позиции исследователей понимание природы и эволюции этих исторически сложившихся, устойчивых общностей людей трактовалась по-разному. В итоге многие специалисты пришли к выводу: поскольку дать точное понятийное определение «этносу» и «нации» невозможно, их предпочтительно вообще элиминировать из категориального состава обществознания. «Национальность, — писал, например, еще в 1920 году Питирим Сорокин, — такая же сборная группа для социологии, какой является группа растений,

[35] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 296–297.

[36] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования. М., 2007. С. 25–34.

объединяемых одним термином „овощи“ в ботанике, группа животных, обозначаемых в общежитии термином „дичь“ в зоологии»[37]. И вообще, по его мнению, нет смысла искать общие признаки нации, ибо «зоологи и ботаники таких попыток не делают, но социологи, увы... одним термином „национальность“ обозначают различные по своему составу кумулятивные группы»[38]. Спустя тридцать лет к аналогичному выводу пришел Г. Кон, заявивший, что, хотя некоторые реальные факторы (территория, государство) имеют большое значение для образования наций, тем не менее, объяснить ими существование нации нельзя, тем более — дать ее «точное понятийное определение»[39].

Тем не менее изучение этносов и наций было продолжено в рамках структурно-функционального направления социологии (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс), интересно трансформировавшись затем в концепциях Г. Кона и Лудтца, предложивших различать этносы и нации по плотности коммуникационных и информационных связей внутри этих сообществ[40]. Одновременно, в 1950–1970 годы, продолжали развиваться *натуралистический (примордиалистский)*, *социетальный* (в его социоэкономической, политической и культурной версиях) и *субъективно-символический* подходы к изучению этносов и наций. Но ни одна из концепций не смогла предложить критерии, с помощью которых можно было бы точно отличать нации от этносов. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов. Пожалуй, нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации. Даже предложенное в 1950-е годы К. Дойчем функционалистское различение по плотности информационных связей внутри этносов и наций в современных условиях увеличения всеобщей взаимосвязанности и тотальной информатизации тоже не работает. Как не срабатывает и широко представленная апелляция к «особому менталитету», «национально-

[37] *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. II, гл. III. Петроград, 1920. С. 282.
[38] Там же.
[39] См.: *Kohn H.* Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur franzosischen Revolution. Heidelberg, 1950. S. 34, 37.
[40] Впоследствии идеи этой — информационно-коммуникационной — концепции использовали в своих работах, посвященных этничности, российские исследователи С. А. Арутюнов и С. В. Чешко.

му сознанию» или «национальному характеру» — как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни тем более между нациями и этносами.

Неслучайно вслед за П. Сорокиным уже в середине XX века некоторые исследователи (Э. Карр, Г. Кон, Х. Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры». Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведу Эрнесту Гелнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В начале 1980-х этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления западноевропейских «национальных государств», получил развернутое теоретическое обоснование сначала в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, К. Дойча, Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, а чуть позже — в исследованиях Энтони Д. Смита, М. Шадсона, Э. Эриксона и некоторых других зарубежных авторов. Так, к началу последнего десятилетия XX века окончательно сформировались *социально-конструктивистское* направление исследований, включившее в себя *модернистскую* и *постмодернистскую* (инструментально-лингвистическую) (Р. Брубэйкер, К. Вердери и др.) версии социального конструктивизма и акцентировавшее внимание на целенаправленных усилиях государства и его политических элит в формировании наций в Западной и Центральной Европе, возникновение которых, вопреки доминировавшему до этого мнению перениалистов, стало датироваться XVIII–XIX столетиями. Рассмотрим подробнее натуралистический (примордиалистский), социетальный (в его социоэкономической, политической и культурной версиях), субъективно-символический (этносимволический) и инструментально-конструктивистский подходы, акцентируя внимание на аргументах, выдвигаемых их сторонниками, достоинствах и ограничениях каждого их этих подходов, в ряде случаев имеющих точки пересечения.

Натуралисты-примордиалисты считают нацию «организмом», обладающим неизменным характером, которым наделяются ее представители уже от рождения. Конечно, здесь сказывается организмическая идея социальной мысли, идущая еще от античности и средневековья, но биологизация понимания индивидуального представителя нации — результат расистских построений XIX века о национальном

как данности и геополитического представления об истории как о вечном конфликте национальных организмов. В современной социальной мысли теоретическим источником натурализма может быть названа социобиология. По мнению ведущего представителя примордиализма П. ван ден Берге, существование наций лишь продолжение естественного родового отбора[41]. Фундаментальной проблемой для натуралистов оказывается соотношение генетического и негенетического наследования, которые они неявно, а, по существу, — мистически отождествляют: «врожденное» чувство «национального духа» аргументируется фактами социокультурного, то есть приобретенного порядка. Критики примордиализма считают натуралистические объяснения наций тупиковыми, вследствие их десоциализирующего и мистифицирующего характера. *Культурологический вариант примордиализма* (Г. Айзакс, У. Коннор) отличается лишь тем, что не только на биологической, но и на культурной основе отождествляет групповую идентичность нации с досовременной этнической идентичностью (перенниализм — по терминилогии Э. Смита). В советской России первым сторонником примордиального понимания этносов был Л. Н. Гумилев, предложивший рассматривать этносы в одном ряду с биологическими популяциями как «феномен природы», источником изменений которых является превращение различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, которая, трансформируясь в физиологическую и психическую энергию людей, формирует «этническую пассионарность»[42].

Возражая примордиалистам, *сторонники социентальных концепций* интерпретировали формирование этносов и особенно наций как результат влияния социально-экономических, политических или культурных изменений в европейских государствах. К социетальным

[41] *Berghe P. van den Race* and ethnicity // Ethnic and Racial Studies. 1978. N 4. P. 404.

[42] Следует иметь в виду, что в конкретных описаниях этнос у Л. Н. Гумилева выглядит как социоприродное явление, но определяется им преимущественно как биофизическое образование. Он утверждал, что «этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку» (*Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 227). Это обстоятельство воспринималось и сейчас интерпретируется многими авторами как принципиальное противоречие его концепции. Однако противоречия здесь, по-видимому, нет, так как, согласно концепции Гумилева, этнос является связующим звеном в едином социобиосферном комплексе. Он связывает две противоположности — биосферу и социально организованную деятельность людей, — и при этом полностью не относится ни к одной из них. Иначе говоря, этнос объединяет в себе особенности природы и общества.

концепциям этносов можно отнести уже упоминаемые этноэволюционизм (Л. Морган, Э. Тайлор), методологическим идеалом которого было перенесение на этносы принципов исследования органического мира, структурно-функциональный подход (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун), психологическую антропологию (Ф. Боас). К социетальным *концепциям наций* — теории Э. Геллнера, К. Дойча, М. Хроха, Э. Гидденса и др. Более того, именно сопоставление традиционных и современных обществ и пристальное внимание как к тем, так и к другим стало предпосылкой *модернистского подхода* к нациям и национализму. Интенсивное развитие этих направлений послужило основой исследований в областях исторической этнологии и теории модернизации.

В середине прошлого века указанные концепции активно оперировали рядом основных категорий («этнос», «культура», «общество» и др.), не всегда, правда, рефлексируя над философскими основаниями собственных построений, что иногда приводило к смешению употребляемых понятий. Например, для Э. Шилза и С. Эйзенштадта понятия «культура» и «традиция» были практически синонимичны[43]. Большое внимание, особенно в психологической антропологии и истории ментальностей, уделялось особенностям восприятия мира в рамках той или иной этнонациональной традиции. Этнопсихологии Ф. Боаса присущ социокультурный детерминизм — взгляд на человеческое общество, при котором поведение и образ мыслей индивида целиком объясняются социальными или культурными причинами, каждая же из культур определяется своей историей и потому уникальна. Его последователи рассматривают культуру как центральную проблему этнологии, оперируя понятиями «модель» и «этос» культуры. Благодаря же влиянию структурализма (К. Леви-Стросс) культура стала пониматься как система значений, необходимая для осуществления социальной коммуникации. В целом для работ, выполненных в парадигме социетализма, все более характерна смена акцентов с «социального» на «культурное», пристальное внимание к этосу как способу ценностного структурирования реальности через систему символов, что непосредственно выводит к этносимволическому подходу.

Знаменательно, что представители *этносимволического подхода* в целом разделяют идею о влиянии новоевропейской модернизации на образование наций. «Причиной, сделавшей нации столь желанными, —

[43] *Weber M.* Essays in Sociology. L., 1948. P. 176.

писал, например, Энтони Д. Смит, — послужило воздействие тройственной западной революции, или, точнее, трех типов революций, происходивших на Западе в разное время в разных странах. Это — революция в сфере разделения труда, революция в контроле управления и революция в культурной координации»[44]. Существенным моментом последней, по его мнению, был переход к общенациональным государственным системам образования, которые обеспечили относительную культурную гомогенность полиэтнических европейских государств. Этносимволисты подчеркивают важность для образования нации не общность внешнего облика или совместного проживания, а общность символического поля.

Данная позиция, по существу, корреспондировала со взглядами социеталистов-модернистов Эрнеста Гелнера и Карла Дойча, интерпретировавших становление наций как результат целенаправленных усилий государства в сферах образования и социальных коммуникаций. «Принадлежность к тому или иному народу, — писал К. Дойч, — основывается в значительной степени на распространенности дополнительной социальной коммуникации. Она сводится к способности более эффективно общаться по широкому кругу тем с членами большой группы, чем со стоящими вне ее»[45]. Придерживаясь позиции К. Дойча, П. Лудц определял нацию так: «Нации, будучи общностями, сформировавшимися и сложившимися как в историко-политическом, так и социально-экономическом отношении, понимаются как особенно конденсированные структуры коммуникации и активности, в которых люди взаимно соотносятся и образуют единое целое. В этом смысле нации являются продуктом деятельности и общения людей, входящих в нее. Людей, принадлежащих к одной нации, связывает как сознание своей национальной принадлежности, дающее направление их деятельности, так и воля к образованию и поддержанию этого единого целого»[46].

Вполне естественно, что трудности с дефиницией «нации», а также взаимные влияния разных теоретиков приводят к тому, что идеи представителей различных подходов переплетаются. Поэтому в литературе

[44] *Smit A.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, New York, 1986. P. 141.

[45] *Duetsch K. W.* Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1966. P. 97. Впоследствии идеи этой — информационно-коммуникационной — концепции использовали в своих работах, посвященных этничности, российские исследователи С. А. Арутюнов и С. В. Чешко.

[46] Materialen zum Berecht zur Lage der Nation 1974. (West) Berlin, 1974. S. 70.

встречаются не вполне адекватные оценки позиций некоторых авторов[47]. Однако более детальное изучение работы Смита «Национализм и модернизм» (1998) исчерпывающе показывает, что Смит является сторонником символического подхода к нациям и национализму. Действительно, уже само подчеркивание Смитом первостепенной значимости «общих мифов и символов» прямо свидетельствует об этом. Этносимволизм представляет собой весьма тонкую теоретическую конструкцию, которая занимает в дискурсе о нациях центристское положение, и потому часто ошибочно интерпретируется, вплоть до искажения, упрощается и сводится к прочим трем подходам. Объективные основания такого смешения заключаются в том, что как этносимволизм, так и инструментализм-конструктивизм выросли из социетального подхода в его различных вариантах либо же питались идеями таких классиков социетального модернизма, как Э. Геллнер. В частности, Э. Смит является прямым учеником Э. Геллнера.

Изучение текстов Смита показывает, что он нисколько не сомневается в определяющем влиянии модернизационных процессов в Европе Нового времени на начало формирования наций. Он пишет, например: «Я признавал современность и наций, и национализма, как и подобает ученику Эрнеста Геллнера»[48]. Но при этом Смит не считает, что модернизационные процессы могли идти произвольно и нации конструировались по чисто случайным основаниям в зависимости от предпочтений элит. Элиты активно воздействовали на процесс формирования наций, но как формы этого символического по преимуществу воздействия, так и пределы его возможной эффективности определялись тем историческим путем, который прошло население территорий, ставших базой потенциального нациеобразования.

Продолжая наш анализ, следует еще раз подчеркнуть, что этносимволизм (Дж. Хатчинсон, Дж. Армстронг, Э. Смит) в первую очередь

[47] Например, в своем более раннем исследовании «Нации, национализм и федерализм» (2002) я отнес Энтони Смита к сторонникам инструменталистски-конструктивистского подхода на том основании, что в своей работе «Этнические истоки наций» (1986) Смит, отметив, что внутри современных государств есть и «этнии», и «нации», и что каждая этния стремится стать нацией, писал, что исторически «это стремление воплощалось в «концепциях нации», которые (по мере распространения всеобщей грамотности, административных языков, формирования «общих мифов и символов») вырабатывались идеологами национализма и последовательно воплощались в жизнь бюрократами централизованных европейских государств». (*Энтони Д. Смит.* Образование наций // «Этнос и политика: Хрестоматия». М., 2000. С. 91).

[48] *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 344.

сосредоточен, конечно, на исследовании мифосимволических комплексов, которые в разные моменты истории могут составлять основу этнической и национальной идентификации. Дж. Армстронг определяет поэтому этничность как «узел меняющихся взаимодействий»[49]. Соответственно, речь не идет об этничности как о данности в духе примордиализма или же об искусственной конструкции в духе инструментализма-конструктивизма. Данная позиция близка к социетальному подходу, но в отличие от него рассматривает в качестве центральных духовные аспекты и проблематику идентичности. Этносимволисты изучают мифы и символы, легитимирующие идентичность в ее историческом движении и трансформациях вплоть до радикальных изменений и следующих за ними попыток установить ретроспективную преемственность в качестве идеологического инструмента легитимации. Согласно Дж. Армстронгу, современные национальные идентичности связаны ранними этническими идентичностями, выраженными в мифосимволических комплексах[50]. По мнению Э. Смита, символы дают группам общие переживания и ценности, а мифы иллюстрируют и разъясняют эти ценности[51]. Поэтому, как пишет Э. Смит, этничность не является чем-то бесконечно податливым и изобретаемым[52]. А последующая национальная идентичность привязана к набору ценностей, воплощенному в мифах и символах и составляющему культурное наследие. Обращение к этим символам прошлого становится важным фактором самостоятельности новой «нации». Нацию Э. Смит определяет как «группу людей, обладающую общими и особыми элементами культуры, единой экономической системой, гражданскими правами для всех членов, чувством солидарности, являющимся результатом общих переживаний, и занимающую общую территорию»[53].

Данное определение акцентирует внимание на массовом сознании, на чувствах, на механизмах формирования идентичности. Исходя из такого понимания нации, Э. Смит формулирует основные теоретические трудности, которые, оказалось, нельзя решить в рамках инструмен-

[49] *Armstrong John*. Nations before Nationalism. NC, 1982. P. 6.
[50] *Armstrong John*. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // Nations of Nationalism, Budapest, 1995. P. 34-43.
[51] *Smith Anthony D.* Ethnic persistence and national transformation // British Journal of Sociology, 1984, XXXV, 4, P. 452-461.
[52] *Armstrong John*. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // Nations of Nationalism, Budapest, 1995. P. 283.
[53] *Smith Anthony D.* Nationalism // Current Sociology, 1973. P. 18, 26.

талистски-конструктивистского подхода: 1) акцент на интеллектуалах и элитах отодвигает в тень массовую природу национального движения, 2) выявление пределов интеллектуального «конструирования», устанавливаемых народными представлениями и культурой, 3) обнаружение возможных связей между старыми и современными социальными формациями[54].

Таким образом, согласно Смиту, нациям присущи как черты, общие им и этническим общностям: мифы и воспоминания, — так и специфические черты: экономическое и правовое единство[55]. Более того, он совершенно справедливо утверждает, что «ни один подход, рассматривающий, нации и национализм с позиций только одной теории... не кажется особенно полезным». Всякому из них «есть что сказать нам об отдельных аспектах области этнических и национальных феноменов». Но без чётко разработанной теории характера, возникновения и развития наций и национализма споры по данной проблематике утрачивают содержательность[56].

Если иметь в виду эти соображения, становится понятным тот разброс мнений, который был характерен для отечественных дискуссий 1970–1980 годов, когда под влиянием критики коллег Л. Н. Гумилев вынужден был смягчить свою позицию и по существу стал трактовать этнос как биосоциальный организм, в эволюции которого значительную роль играют и социальные факторы. В свою очередь некоторые (но отнюдь не большинство) из его оппонентов также скорректировали свои взгляды и признали влияние на этногенез географической среды и форм воспроизводства человеческой популяции (брачных связей). Последние, стали писать, также являются «этнообразующими факторами», под воздействием которых формируются так называемые этникосы (собственно этнические общности людей), многие из которых затем входят в состав тех или иных «этносоциальных организмов» — «наций», в свою очередь трактуемых как определенные «территориально-политические единицы». Размер территории проживания этносов и их численность не имеют решающего значения.

Так, возражая против того, чтобы понимать под нациями только крупные этносоциальные общности, академик Бромлей указывал, что в мире существует достаточно много и очень небольших этносов, не

[54] *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 346.
[55] Там же. С. 357.
[56] Там же. С. 396.

отличающихся по своим характеристикам (формационной принадлежности, социально-классовой структуре, наличию государственности, интенсивности внутренних культурно-информационных связей) от крупных этнонациональных общностей. По его мнению, их целесообразно выделить в особый подтип — «микронации» (например италошвейцарцы, люксембуржцы, мальтийцы). В то же время не все сравнительно малочисленные этносоциальные общности представляют собой микронации — большинство из них не обладает всеми обязательными для нации параметрами. Поэтому их обозначают термином «народность»[57]. Правда, необходимо учитывать, что данная позиция развивалась в рамках социетального подхода, поэтому этническое здесь не тождественно биологическому. Как пишет С. В. Лурье, существуют, например, русский или американский этносы, которые объединяют вокруг определённого ядра представителей исходно разных народов, и «говорить об этносе, как о биологической общности — бессмысленно»[58]. Важнее та совокупность культурных парадигм, которая ретранслируется этносом. Для большей концептуальной четкости С. В. Лурье предлагает пользоваться здесь понятием «этническая картина мира» — как вариантом общего понятия ментальности.

В тех или иных авторских вариантах этносоциальная трактовка наций до сих пор является наиболее распространенной, хотя и она уязвима для критики. Прежде всего — критике политической. Ведь если четких критериев для различения «нации» и «этноса» («народа», «народности») нет, то в любом многонациональном государстве, каким был СССР и каковым остается современная Россия, любой этнос или «народность» может объявить (и объявляет!) себя «нацией» и реализовать свое законное право на государственное самоопределение вплоть до выхода из состава союзного государства или федерации. Именно это обстоятельство, как впоследствии признавал В. А. Тишков, побудило его и его единомышленников перевести обсуждение проблемы нации в плоскость политологии[59] и наполнить его содержанием, которое «принято в мировой научной литературе и международной практике», т. е. понимать «нацию» как совокупность граждан одного государства.

[57] *Бромлей Ю. В.* Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988. С. 49.
[58] *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1998. С. 40.
[59] Подробнее см.: *В. Тишков.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 597–645.

По существу, этой же позиции придерживался и Ю. М. Бородай, утверждавший, что «нация есть нечто непременно предполагающее опыт государственно-правового строительства»[60], различие состояло лишь в способе — философско-культурологическом — обоснования этой позиции. Если «этнос — субстрат прежде всего... фольклорно-этнографический», то «национальный духовный субстрат представляет собой не что иное, как развернутый культурный принцип. И главным в этом категориальном переходе является замена регуляции отношений между людьми посредством обычаев, традиций регуляцией посредством государственно-правовых норм»[61]. Аналогичным образом аргументировал и В. М. Межуев. «Нация, — отмечал последний, — есть межиндивидуальная коммуникация людей на базе некоторых общих для них ценностей и норм, задаваемых... не общим происхождением, кровным родством или просто совместным проживанием, а культурой, т. е. системой некоторых вынесенных вовне символических образований»[62]. Иначе говоря, «нация, в отличие от этноса, — это то, что существует не во мне, а вне меня, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором»[63]. Тем самым утверждалось, что «данность» нации субъекту устанавливается в процессе самоидентификации последнего, то есть субъективно-символически.

Разграничение нюансов различных подходов к определению нации — дело непростое. В особенности это касается символистского подхода. Его промежуточное положение в националистическом дискурсе часто приводит, как мы уже видели, к тому, что его представителей относят то к натуралистам-примордиалистам, то к инструменталистам-конструктивистам. Поэтому не лишним будет еще раз уточнить смысл, вкладываемый в соответствующие названия. И привлечь терминологическое новообразование Э. Смита — перенниализм. Примордиалисты говорят о нации как о природной или же природно-биологической данности. Перенниалисты подчеркивают вечность или древность наций. Причем в рамках перенниализма возможны варианты. Один связывает вечность наций с их природной определенностью и в этом смысле совпадает с примордиализмом. Другой (культурологический)

[60] *Бородай Ю. М.* Этнос, нация, государство // Полис. 1992. № 5–6. С. 19.
[61] Там же.
[62] *Межуев В. М.* Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 16.
[63] Там же.

считает, что в основе древности национальной традиции, передаваемой из поколения в поколение, лежит культурная определенность, или своеобразие данной нации. Этносимволисты, разделяя мнение об огромном значении культурных факторов (мифов, символов и т. п.), тем не менее считают нации продуктом новоевропейской модернизации. Соответственно, этносимволисты заняты решением проблемы преемственности между этнической и национальной формами интеграции.

Примером второго (культурологического) варианта перенниализма в отечественной литературе может служить «интегральная» концепция нации М. О. Мнацаканяна[64]. Возможно, на такой выбор теоретической позиции оказывает влияние происхождение. Ведь, например, Э. Смит прямо пишет, что, оставаясь на позициях этносимволизма, то есть признавая нации современным явлением, он не может решить некоторые проблемы, а именно национальной природы древних народов — евреев, армян. Эти нации при всем желании не вписываются в модернистскую парадигму. Эти исключения не служат для Смита причиной отказа от этносимволизма и перехода на позиции культурологического перенниализма, но сами по себе проблемы, тем не менее, остаются. Тем легче другим исследователям занять позицию культурологического перенниализма. М. О. Мнацаканян так и пишет: «Античные, средневековые и современные армяне – это единая этническая общность, народ с общими святынями, судьбой, будущим; без истории и национальных святынь — нет армянского народа»[65]. Причем в данном контексте, говоря «этническая общность», автор, по существу, имеет в виду нацию. Такая позиция в соответствии с установками культурологического перенниализма распространяется и на другие нации.

Например, М. О. Мнацаканян утверждал, что «Московская Русь — не этническая общность, а национальное государство, где рядом проживают и другие этнические общности»[66]. Таким образом, рассмотрение наций как «древних» образований вынуждает относить существование национальных государств к добуржуазному времени: к эпохе

[64] За рубежом наиболее последовательным сторонником культурного перенниализма является Курт Хюбнер, утверждающий, что «феномен нации никоим образом не является открытием девятнадцатого столетия, но издревле составлял субстанциальную основу государств, не исключая – вопреки расхожему и ошибочному мнению — античности и средневековья» (*Хюбнер Курт.* Нация. От забвения к возрождению. Перевод с немецкого А. Ю. Антоновского. М., 2001. С. 9).

[65] *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. М., 2004. С. 343.

[66] Там же. С. 45.

средневековья и даже античности. Критически относясь к примордиалистам вроде Л. Н. Гумилёва, основным теоретическим противником М. О. Мнацаканян считает «представителей и поклонников инструментализма и релятивизма», и как раз за то, что они «распространяют небылицы о том, что якобы этническая элита и интеллектуалы задним числом — уже в XIX–XX веках создают мифы о предках, чуть ли не фабрикуют национальную историю в корыстных целях»[67].

Как же выглядит нация с позиций интегральной теории Мнацаканяна? Он стремится выявить «субстратные основы» нации, «внутреннюю интегральную национальную связь, то генеральное свойство, которое объединяет, связывает глубокими психологическими нитями людей и поколения в единую коллективную общность»[68]. Он полагает, что скрепляют «национальную связь» символы, в которых персонифицировано трагическое и героическое прошлое народа и которые поэтому вызывают одинаковый эмоциональный отклик у всех его представителей независимо от времени и места. Автор называет эти символы «символами-проводниками». Следует, тем не менее, оговорить, что эта позиция все же не есть этносимволизм именно вследствие представления о древнем характере наций. Но вместе с тем это и не примордиализм, так как «национальная связь» усматривается в культуре, а не в природе. М. О. Мнацаканян прямо пишет, что «нация — это по существу культурно-психологическая общность людей, возникшая исторически на своей этнической территории»[69]. Последнее обстоятельство, однако, показывает родственность примордиализма и перрениализма, даже если последний принимает культурологическую форму, на что, кстати, обращал внимание и Э. Смит. У М. О. Мнацаканяна, при всей культурологичности понимания нации, нельзя обойтись без понятия «этнической территории», явно «природного», но вместе с тем столь же произвольного и искусственного, как, скажем, понятие «канонической территории» в межконфессиональных и межцерковных отношениях.

Отсюда проистекает и парадокс, в общем-то, не удивительный для позиции, стремящейся занять центристское положение в рамках национального дискурса. При более детальном обосновании этой позиции возможны неожиданные кульбиты от примордиалистских установок к утверждениям, которые сложно отличить от инструментализма-

[67] *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. М., 2004. С. 339–340.
[68] Там же. С. 72.
[69] Там же. С. 74.

конструктивизма даже терминологически. По мнению М. О. Мнацаканяна, «интегральная национальная связь становится реальностью тогда, когда коллективная идентичность символизируется общим языком, территорией, культурной традицией и другими этническими чертами, получает психологическое восприятие индивидом»[70]. Но все перечисленные характеристики автор считает не признаками нации, а лишь условиями формирования ее «объективной основы» — «коллективной идентичности». Отсюда он дает определение нации, под которым легко подпишутся и В. А. Тишков, Б. Андерсон и другие конструктивисты: «Нация — коллектив людей, возникший на основе их субъективного индивидуального восприятия идентичности посредством самосознания и психологически»[71]. Идентичность парадоксальным образом оказывается здесь бессознательной. Она у автора состоит из символов — «проводников», являющихся носителями «бессознательных, порой иррациональных чувств тоски, тревоги и надежд». Эта «национальная субстанция», «этническое ядро» приводит в энергичное движение все прочие социальные и культурные аспекты национального развития[72]. При такой трактовке сущности нации неизбежно возникает вопрос об объективности этого самого «ядра». Для автора национальное сознание объективно потому, что оно коллективно и содержит в себе «потребность инегральности национальной жизни, её энергию и интенсивность»[73]. По существу, речь идет о врожденности культурных различий (то, что Э. Балибар называет «неорасизмом»).

При таком подходе вся проблематика становления национальных общностей в Новое время, вызвавшая столько дискуссий в литературе, утрачивает всякий смысл. Ведь хотя «племя превращается в народ, народ — в нацию, но идентичность самой общности и в психологическом смысле, и в самосознании сохраняется и укрепляется»[74]. Так, на словах высоко оценивая историзм как важнейший принцип изучения наций (он пишет, например, что принцип историзма вытекает из самой сущности интегрализма — то есть его концепции[75]), на деле М. О. Мнацаканян отрицает его. Вся национальная история, все социально-экономические и политические перемены, значение которых

[70] *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. М., 2004. С. 75.
[71] Там же.
[72] Там же. С. 80.
[73] Там же. С. 83.
[74] Там же. С. 88.
[75] Там же. С. 93.

принципиально для формирования самой реальности нации, предстают лишь «внешними факторами», которые только позже «приходят в действие», если считать, что «нация имеет в качестве своей первоосновы (субстанции) совокупность в особой форме ассоциированных индивидов, образующих интегральное единство при помощи специальных проводников символического взаимодействия»[76]. Реальность национального коренится в индивидах, в их коллективном бессознательном, но не в истории их социальной деятельности.

Согласно М.О.Мнацаканяну, его «интегральная теория нации» претендует на то, что «содержит в себе междисциплинарный подход», поскольку она интегрирует «идеи о нациях различных обществоведческих наук — этнологии, психологии, культурологи, истории, философии, политологии, права, экономической теории»[77]. Какой же может быть междисциплинарный подход, если философия «идет через запятую» наряду с частными науками? В подобном случае поневоле придется компенсировать отсутствие общеметодологических исследовательских инструментов «тайной истории национальной общности», «живыми источниками жизни нации», «интегральной энергией, способной концентрироваться в элементах национальной общности»[78] и прочими мифологемами.

Мы уже отмечали, что социетальный подход во всех его вариантах, но в особенности, разумеется, в культурологическом и коммуникационном, послужил истоком и для этносимволического, и для инструменталистски-конструктивистского подходов. В частности, истоки инструменталистско-конструктивистского подхода можно усмотреть в относящемся к 1964 году высказывании Эрнеста Геллнера, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические принципы. В этой связи сопоставим несколько высказываний зарубежных и отечественных специалистов.

В своей книге с симптоматичным названием «Воображаемые общности. Размышления о происхождении и распространении национализма» один из ведущих теоретиков Бенедикт Андерсон пишет: «В рамках антропологии я предлагаю следующие определение нации: она есть воображаемая политическая общность, при этом воображаемая как имманентно ограниченная и суверенная. Она воображаемая,

[76] *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. М., 2004. С. 83.
[77] Там же. С. 96.
[78] Там же. С. 95.

потому что члены даже самой маленькой нации никогда не знакомы с большинством своих соплеменников, никогда не встречаются с ними и даже не слышат о них, но в то же время *в голове каждого живет образ их общности*» (курсив мой — *Ю. Г.*). Рассуждать, продолжает Андерсон, о подлинности или не подлинности этих образов общности не стоит, поскольку все они — продукт воображения. «Общности различаются не по их вымышленности или подлинности, а по способу их воображения»[79].

Способы воображения людьми самих себя как принадлежащих к той или иной групповой «общности» незначительно меняются от эпохи к эпохе. Радикальный сдвиг происходит в XVII–XVIII веках — в эпоху распространения «печатного капитализма» (массового книгопечатания и появления газет), распада «династийных государств» и распространения административных и печатных языков, повсеместность которых, раздвинув в воображении людей границы внешнего мира, изменило его восприятие — мир стал восприниматься и воображаться как боле широкая — надэтническая — общность людей одного государства. Тем самым, по мнению Андерсона, была подготовлена почва для появления «идеи нации», которая затем усилиями интеллектуалов и политиков была оформлена в политический принцип и идеологию национализма, получивший практическое воплощение в «национальном государстве»[80].

Следует подчеркнуть, что вследствие той легкости, с которой может искажаться термин «воображаемые», позиция Андерсона часто неверно интерпретируется, и ему приписывается то, что он в действительности не утверждает. Следует подчеркнуть, что «воображаемые» у Андерсона ни в коей мере не означает «вымышленные». Речь идет прежде всего об исследовании социокультурных аспектов формирования наций, что само по себе не может вызывать возражения. Другое дело, что ни один аспект исследования, особенно если его выделение превращается в принцип и исследовательский подход, не следует абсолютизировать. Но нельзя возразить против того, что такие социокультурные феномены, как коллективная память и солидарность, и такие символы, как могила Неизвестного солдата, сплачивают нацию. Аналогия между национализмом и религией, которую проводит Андерсон, во многом сближает

[79] *Андерсон Бенедикт*. Воображаемые общности. Размышления о происхождении и сущности национализма // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 79.
[80] Там же. С. 79–86.

инструментализм-конструктивизм с этносимволизмом, что признает и представитель последнего подхода Э. Смит[81]. В отношении же акцентуации Андерсоном роли государственных средств коммуникации в формировании национальной идентичности отчетливо видна преемственность конструктивизма по отношению к социетальному подходу.

Другой теоретик данного подхода Э. Хобсбаум рассматривает нации как «изобретенные традиции». Социокультурное прошлое рассматривается здесь в постмодернистском духе в качестве материала, из которого можно конструировать любую идеальную реальность[82]. Нация таким образом есть продукт социальной инженерии. В этом смысле отсыл националистов к «великому прошлому» есть по Хобсбауму — и в этом нельзя с ним не согласиться — яркий пример изобретения традиции. Данная процедура весьма полезна для государственных элит, которые ставят целью установить контроль над населением, вовлеченным в процесс модернизации и ставшим «электоратом»[83].

Налицо совпадение в этом вопросе позиций социетального и конструктивистского подходов: Хобсбаум утверждает, как в свое время Геллнер, что нации — это продукт национализма, возникший исключительно в современный период. Центральным моментом в этом процессе признается создание правового гражданского государства. Государство конструирует новую идентичность прежде всего за счет официального стандарта языка, в результате чего после векового существования национализма в гражданско-демократической форме он трансформируется в этнолингвистический[84]. Оригинальность конструктивистской трактовки заключается в том, что для нее этноязыковые особенности являются не предпосылкой, а продуктом государственного национализма, что в перспективе может приводить к опасности этнических чисток в государствах, перестающих быть демократическими. Инструменталистско-конструктивистский подход таким образом сосредоточивается не на интегративных функциях государственного языка, а на опасностях новых размежеваний. Каждый видит то, что ему ближе.

Разумные критические замечания в адрес инструментализма-конструктивизма в основном касаются не его марксистских, а его постмодернистских теоретических оснований, в частности апелляции

[81] *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 247.
[82] *Hobsbawm E., Ranger T.* The invention of Tradition. Cambridge, 1983. P. 6–7.
[83] Ibid. P. 14.
[84] Ibid. P. 102.

к процедурам деконструкции. Возникает вопрос о возможной деконструкции нации как ранее сконструированного артефакта в результате целенаправленного воздействия на то самое «воображение», которое и создало нацию, по мнению конструктивистов. Отсюда и упреки в индивидуализме и волюнтаризме, адресуемые теоретическим построениям Андерсона[85].

Энтони Смит указывает, что подход инструменталистов устраняет из определения нации такой критерий, как этничность. «Это значит, что любое воображаемое сообщество, если оно политическое, конечное и суверенное, может быть названо её членами нацией. Но описание нации почти исключительно в этих терминах приводит к утрате других важных элементов, определяющих понятие и отличающих его от других типов воображаемого сообщества»[86]. Нужно признать, что данная критика не искажает исходных посылок инструментализма-конструктивизма. Смит подчеркивает также, что понятие нации — не просто абстракция или изобретение, но еще и переживание страстное, поскольку составляет гарантию нашей идентичности[87]. Хотя здесь как раз принципиальной разницы в позициях нет; сам Андерсон говорит о национализме как о «светской религии». Есть контраргументы и более частного порядка, например устно-визуальная природа национализма в странах массовой неграмотности в Азии и Африке: роль газеты («печатного капитализма» — по Андерсону) здесь была ничтожной и пр. Да и капитализма там по большому счету не было.

Представители инструменталистски-конструктивистского подхода в духе постмодернизма полагают, что «нация» (как согражданство) это не научное понятие, отражающее ряд объективных характеристик новой исторической общности людей, а идеологический конструкт, выработанный бюрократами и интеллектуалами в сугубо прагматических целях — укрепления государства. Одна из видных современных постмодернистов К. Вердери, например, в работе «Куда идут „нация“ и „национализм“?» (2002) единственную реальную функциональность понятия нации видит в том, что оно обеспечивает связь государства со своими подданными, то есть сводит проблему нации к проблеме национального государства как одной из форм конструирования политической реальности. В условиях современной глобализации, которая

[85] *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 255–256.
[86] Там же. С. 257.
[87] Там же. С. 261.

ставит под вопрос будущее национального государства, такая привязка оборачивается «исчезновением» предмета исследования. К. Вердери осознает это обстоятельство, но сознательно идет на деконструкцию объекта исследования, предлагая рассматривать нацию «как символ». Данная трактовка, однако, как можно было бы подумать, вовсе не означает перехода на позиции этносимволизма в духе Энтони Смита. Этносимволизм, как мы видели, серьезно относится к историческим истокам наций и меньшее значение придает чисто формальным сюжетам вроде «классификации национальных государств в международной системе», существенных для К. Вердери. Символичность нации, согласно К. Вердери, сводится к политическому применению символа нации при помощи дискурса и политической деятельности. Действительно, в контексте политического дискурса понятие нации работает весьма эффективно, поскольку, с одной стороны, гомогенизирует население, способствует однородности, а с другой — в силу присущей символу неопределенности способна аккумулировать самые разнообразные, даже противоположные устремления и эмоции членов сообщества.

В других формулировках и по другому поводу ту же мысль о «пустоте» понятия нации повторил и В. А. Тишков, заявивший со ссылкой на североамериканского специалиста Т. Эриксена, что понятие «нации» является продуктом идеологии национализма, что оно есть «элитная конструкция». «По моему убеждению, — писал Тишков, — нация — это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки»[88]. «Нация», считает уважаемый автор, это понятие, которое входит в корпус знаний, который следует характеризовать как «политическая концептуализация». «Политическая концептуализация — это своего рода система элитных предписаний, которая вырабатывается учеными, политиками и просвещенной публицистикой, чтобы через эти предписания в виде доктрин, концепций и программ осуществлять гражданскую миссию, утверждать свой статус, отправлять власть и управлять обществом»[89]. Думаю, откровенно инструменталистский характер этого утверждения комментария

[88] *Тишков В.* О нации и национализме. Полемические заметки // Свободная мысль, 1996. № 3. С. 34.

[89] *Тишков В.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. — «Национальная политика России: история и современность». М., 1997. С. 597.

не требует[90]. Понятие «нация» предложено исключить из категориального аппарата науки, записав его по ведомству «политической концептуализации». Отсюда провоцирующее предложение В. А. Тишкова «забыть о нации»[91].

В. А. Тишков начисто отрицает какие бы то ни было объективные характеристики нации. Нельзя не согласиться с В. А. Тишковым в том, что многие определения нации сопровождаются исключениями, что в рассуждениях о нации, скажем, Н. А. Бердяева или Ф. М. Достоевского много путаницы и упрощенчества, что в современных условиях идеи нации и национализма используются как инструмент политико-идеологического воленавязывания. Но это не повод выбрасывать релевантное реальности понятие из научного оборота. Более того, В. А. Тишков ставит вопрос — и это интересный поворот мысли, требующий обсуждения, — об исторической обратимости, о неокончательности наций и национализма. В условиях глобализации такая постановка вопроса перспективна. Но у В. А. Тишкова она питается методологическими основаниями, типичными для инструменталистов-конструктивистов: постмодернистской деконструкцией. В. А. Тишков ведет речь о деконструкции этничности и национализма[92].

По оценке С. В. Лурье, доминирование в этнологии в 1980-е гг. постмодернистских идей «вело этнологию в тупик, к крайнему релятивизму, а этнологов превращало в художников-беллетристов, пытавшихся сквозь призму своего личного опыта передать основы чужой культуры. Переход к такому чрезмерному субъективизму и к преувеличению эзотеричности и уникальности культурных феноменов вел к разложению этнологии как науки».[93] Противоядие С. В. Лурье усматривает в необходимости изучать психологические и социокультурные проблемы в комплексе, осуществлять при изучении этноса анализ концепций, принадлежащих к разным областям знания — культурологии, политологии, социологии, конфликтологии и др.[94]

---

[90] Подробную критику инструментальной парадигмы в этнологии см.: *Козлов В.* Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. 1996. № 5; *Кучуков М. М.* Нация и социальная жизнь. Нальчик, 1996; *Руткевич М. Н.* Теория нации: Философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5.

[91] *Тишков В. А.* Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

[92] Там же. С. 9. Правда, теперь уважаемый автор изменил свои взгляды.

[93] *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1998. С. 100, 101.

[94] Там же. С. 107, 108.

Весьма показательна позиция, которую в отношении понятия «нация» занимает Ю. Хабермас. Здесь мы видим не только исследовательский, но вместе с тем и ценностный, идейно-политический подход. По существу, Хабермас стоит на инструменталистски-конструктивистских позициях. Он противопоставляет «этнологическое» понятие нации «правовому», причем «этнологическое» понятие престает здесь в невыгодном свете. Хабермас утверждает, что этнологическое понятие нации стирает связи национального сознания «с позитивно-правовым порядком демократического правового государства[95]. То есть Хабермас, опасаясь этнонационализма, предлагает постоянно акцентировать «конструируемую» природу нации, «воображаемую естественность происхождения национального», не допуская у его членов чувства естественности своей национальной принадлежности. В случае следования этим рекомендациям процесс нациеобразования не продвигается от политической стадии к социокультурному закреплению национального единства. И здесь возникает встречный вопрос — не является ли желанная «нация граждан», то есть чисто политическое образование, о котором пишет Хабермас, сама всего лишь абстрактной конструкцией, выделенной в чистом виде теоретическими средствами, но при этом рассмотренной как реальность, более того — в качестве должной реальности. Он стремится «показать правильность» правовой трактовки нации в сравнении с этнической[96].

Подводя промежуточные итоги этого раздела, следует подчеркнуть, что в идейно-теоретическом плане выделенные нами основные направления (подходы) исследований проблемы сущности и формирования наций, будучи в значительной мере программами исследования, в ряде работ совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-академического дискурса. Но в контексте предпринятого здесь философско-методологического анализа было важно зафиксировать, во-первых, не тождественность парадигмальных оснований заявленных подходов, а во-вторых, что не менее важно, — отсутствие желания у большинства отечественных и зарубежных исследователей хоть как-то сблизить теоретические позиции. Немногочисленные попытки выйти за пределы четырех указанных теоретических направлений нельзя признать удачными. Так, «релятивистская теория нации»

[95] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 231.
[96] Там же. С. 246.

А. Г. Здравомыслова[97] представляет авторский вариант субъективно-символического подхода, а «интегралистская теория» наций М. О. Мнацаканяна являет собой пример теоретической эклектики. Но дело не только в этом. Внимательное изучение существующего дискурса о нациях приводит к парадоксальному выводу: как и дискурс о глобализации[98] он как бы замыкается в круг, при котором крайние позиции смыкаются, но сами адепты заявленных подходов этого не замечают. Отечественный дискурс очень хорошо иллюстрирует этот вывод.

Ярый сторонник идеи политического конструирования нации в государстве А. Кольев в книге «Нация и государство. Опыт консервативной реконструкции» (М., 2005), основываясь на субъективно-символическом понимании «политического»[99], заявляет о тождественности «нации» и «имперского государства». Мы оставляем в стороне социал-дарвинистские перепевы автора на тему о том, что нации изначально конфронтационны по своей природе и образуют естественную иерархию, и остановимся лишь на понимании самого понятия нации. И здесь наглядным оказывается неявное для автора противоречие между примордиалистскими декларациями и чисто конструктивистским подходом. Идеологемы конструктивизма «на деле» проглядывают тут сразу же в отношении принципиальнейшего для Кольева (как и любого другого претендента в идейные вожди и спасители) вопроса: о его собственном месте в «авангардном проекте будущей России, русском прорыве»[100]. Оказывается, «русский прорыв может быть только

[97] А. Г. Здравомыслов считает, что в созданной им релятивистской теории наций он преодолел слабые стороны концепции В. Тишкова. «Центральной категорией релятивистской концепции наций, — пишет автор, — являются понятия национального самосознания. Речь идет именно о национальном *самосознании*, т. е. о сознавании народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других. Речь идет о том, что *русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя* соотносят...» (*Здравомыслов А. Г.* К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России // Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М., 1998. С. 12). На философском языке это означает, что русские в качестве народа (нации) реально существуют только в акте их собственного коллективного «самосознания». Но чем тогда эта точка зрения принципиально отличается от позиции сторонников субъективно-символического подхода: от взглядов того же Ренана, утверждавшего, что нация «есть ежедневный плебисцит»?

[98] Подробнее см. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство в глобализирующемся мире. М., 2014. С. 23–54.

[99] В основе которого лежит отсылка к психологической процедуре идентификации «свой – чужой».

[100] *Кольев А. Н.* Нация и государство. М., 2005. С. 6.

инициативой стратегической элиты, способной сформировать истинную аристократию — ведущий слой общества, и не убедить в бесплодных и бесконечных дебатах массу обывателей, а увлечь (если надо и принудить) её к спасению и сохранению России»[101]. Таким образом, вопрос о нации подменяется вопросом о претендентах на роль элиты нации, а сама «имперская нация» трактуется как ведомое стадо. Все это результат, в том числе и чрезвычайно легковесного обращения с термином нация. Автор без тени сомнения утверждает, будто понятие нация «ещё только приобретает в публицистике и науке позитивную смысловую нагрузку»[102]. Легковесность усиливается, когда Кольев приравнивает логику и миф[103], и утверждает, что миф «проистекает из политического класса, который и определяет уровень политического сознания масс. Миф масс — ничто без магии вождей»[104]. Отчасти. Тем не менее такие сентенции суть ничто иное, как примитивизированные положения о «публичной культуре» и роли элит в национальном строительстве Геллнера и Андерсона, которых Кольев, разумеется, клянет как разрушителей национального. Сам же при этом утверждает, что «сила политической группы состоит в том, чтобы сформировать для себя подлинный миф»[105]. В этом, видимо, отличие научного анализа от псевдонауки: Геллнер и Андерсон хоть и оговаривают мобилизующую роль мифов и деятельность элит в нациестроительстве, но им и в голову не пришло бы постулировать «подлинный» миф в отличие от «ложного». Кольев вообще не утруждает себя строгостью терминологии. Он осуждает «потрясателей» во главе с В. А. Тишковым за то, что те считают этнос «лишь мифом»[106], то есть меняет смысл термина по ходу книги так, как ему удобно. Нет, этнос не миф (то есть социокультурное образование), он — биологическая реальность, утверждает Кольев. А потом, вдруг, заявляет, что «этнос — это группа людей, соединённая чувством биологического родства, закреплённым в традиции, мифе»[107].

Впрочем, в своем непоследовательном примордиализме, прямо смыкающимся с расизмом, он не одинок. В работах А. Н. Севастьянова можно встретить много высказываний, корреспондирующих с заяв-

[101] *Кольев А. Н.* Нация и государство. М., 2005. С. 6.
[102] Там же. С. 7.
[103] Там же. С. 15.
[104] Там же. С. 16.
[105] Там же. С. 53.
[106] Там же. С. 387, 388.
[107] Там же. С. 389.

лениями Кольева. Так, апеллируя к идее расово-этнической основы современных наций, берущей начало в «немецкой расово-антропологической концепции как этносоциальной общности», А. Н. Севастьянов пишет: «Для нас, понимающих вторичный, производный характер культурного (вообще социального) компонента от биологического, ясно, что ничего третьего в теории нации предложить невозможно. Либо немецкий биологический (расово-антропологический) подход — и тогда нация есть высшая фаза развития этноса. Либо подход «французский», этатистский, и тогда нация есть согражданство, безотносительно к этничности, — просто население страны, замкнутое государственной границей, не больше, не меньше»[108].

Примордиализм при сознательной политизации понятия нации[109] оборачивается грубой политтехнологией. Такой идеолог вынужден постоянно балансировать между сюжетом мифа нации и сюжетом нации как биологического организма. Надо отдать должное специалистам в этом деле: они с легкостью балансируют, выдергивая то духовно-мифическое, то кровно-биологическое понимание нации. Только вот нация, во имя которой «распинаются» подобные идеологи, при этом оказывается у них «природно-биологическим материалом», которым «бюрократия» должна управлять, «применяя евгенические законы»[110]. Но ведь и в Третьем Рейхе немецкий народ был таким же объектом экспериментов, как и другие народы. Уместно спросить: если имперская нация и так биологически лучшая, зачем же ей самозваные вожди с их евгеническими экспериментами? Если такие вопросы с требованием все же дать верифицируемое понимание сущности нации возникают, идеологи, подобные Кольеву, прячутся за другую свою идейную опору — мифологическую. Вопрос о рождении и истории нации и государства по Кольеву есть «судьба и тайна, не поддающаяся научной рациональности». Он пишет: «Тайна рождения и индетерминированность исторической динамики становятся главными отличительными элементами идентичности, если дело касается нации и государства»[111]. Это очень удобно: жонглировать то биологическим, то мифическим ходом рассуждения, если не можешь дать внятного определения понятия нации.

---

[108] *Севастьянов А. Н.* Этнос и нация. М., 2008. С. 110-111. См. также: *Авдеев В. Б., Севастьянов А. Н.* Раса и этнос. М., 2007.
[109] *Кольев А. Н.* Нация и государство. М., 2005. С. 31.
[110] Там же. С. 35.
[111] Там же. С. 49.

Кольев предлагает «ремифологизировать нацию», что, согласно ему, означает выбор априорных политических ценностей, например: «Россия, русский народ, православная вера»[112]. Но и то, и другое, и третье — отнюдь не априорно, а более чем реально и не нуждается ни в какой мифологизации. Но для представителей теоретического гибрида «примордиалистов-конструктивистов» это не аргумент. «Наша цель, — провозглашает А. Кольев, — интеграция идеи российской государственности и русской нации. За мысленной разборкой должна осуществиться реальная сборка „проекта ‘Россия“ с указанием того, какие элементы погибли, какие требуют реанимации, какие пригодны для возобновления исторического пути»[113]. Кольев критикует Геллнера и Андерсона за отказ считать, что нации изначально существовали[114], но при этом собирается конструировать русскую нацию из «биологического материала» с помощью евгеники и «расового подбора». Ведь «расовый подбор — последовательная политика формирования национальной аристократии, концентрирующей в себе национальный идеал»[115]. Основная часть русского народа для него — биологический материал, но он надеется «подобрать» из него аристократию, сам, однако, не пройдя «расового подбора», и, следовательно, не имея права различать, кто относится к массе, а кто к аристократии.

Видимо, это общий парадокс националистического подхода к нации. Его адепты сразу же записывают себя в «национальную элиту», а затем по себе начинают мерить остальных. Известно, что в Третьем Рейхе, с его столь любезной Кольеву нормативной базой расовых законов, лишь фюрер в конечном счете определял, кто чистый ариец, кто нет. Ведь не все же «арийцы» будут разделять нацистские идеи. Вот и русские националисты глубокомысленно размышляют по поводу того, что «типично русский фенотип может сочетаться с совершенно нерусским культурным стереотипом, и, напротив, фенотипически нерусское лицо может принадлежать человеку с истинно русской душой»[116]. Тут уж не обойтись без «жрецов этноса», которые точно определят, кто есть кто. Примером является нацистская «Германия, потрясшая в XX в. Европу и весь мир, которая стояла на принципе, что немцем является тот, кто принадле-

[112] *Кольев А. Н.* Нация и государство. М., 2005. С. 50.
[113] Там же. С. 52.
[114] Там же. С. 368.
[115] Там же. С. 381.
[116] Там же. С. 388.

жит к немецкому народу по происхождению, по „закону крови“»[117]. В общем, если «кровные» признаки определения принадлежности к нации подведут, всегда можно обратиться к духовно-мистическим.

Весьма сходы с утверждениями А. Кольева о «реализации русской исторической миссии», о «информационных резервациях для национальных меньшинств», о «воссоздании традиции»[118] сентенции «консервативной революции» А. Г. Дугина. Сходны даже не столько терминологически, сколько методологически. Методология та же: конструирование нации на деле под прикрытием слов о ее извечности. Примордиализм Дугина[119] нисколько не мешает конструктивистским выводам. Поскольку обосновать изначальность наций затруднительно, доктор политологии Дугин также с легкостью обращается к мифу, рассматривая нацию как органическое существо с присущим ему судьбой. Ведь, как пишет Дугин в «Метафизике национал-большевизма», «к каждому народу земли приставлен определенный ангел, небесное существо. Этот ангел есть смысл истории данного народа, стоящий вне времени и пространства, но постоянно присутствующий во всех исторических перипетиях народа. На этом основывается мистика нации». Причём особенно важно, что «при крушении монархических династий» этот ангел может воплощаться «в ордене, классе или даже партии», каковой для России, как не трудно догадаться, является Движение «Евразия». И действительно, как пишет Дугин в «Гиперборейской теории»[120], он и его соратники «призваны воссоздать изначальную картину „сакрального мировоззрения“». Лишь Дугин и его соратники способны аккумулировать «национальный разум, отчуждающийся в индивидуальном множестве и вновь собирающийся (в осознанном, „отснятом“ виде) в элите нации в определенные эсхатологические периоды истории». С помощью такого нехитрого приема автор предоставляет себе неоспоримые права на конструирование нации с заранее заданной идентичностью, провозглашая при этом, что речь идет о восстановлении традиции, о реконструкции некоего изначального состояния нации. Нечего и говорить, что этим способом легко обосновывается и искомая «естественная иерархия наций» — она соответ-

[117] *Кольев А. Н.* Нация и государство. М., 2005. С. 415.
[118] Там же. С. 58.
[119] В «Проекте Евразия» он, например, постулирует «нацию-государство» ещё в Киевской Руси до св. Владимира и рассуждает об изначальности и природности этносов.
[120] *Дугин А. Г.* Гиперборейская теория. М., 1993.

ствует по Дугину небесной иерархии ангелов этих наций. Так же, как и Кольев, Дугин высмеивает рациональный дискурс нации и утверждает жизненность иррационального видения нации. Дугин даже идет дальше, говоря не только о надрациональном, но и надчеловеческом в понимании нации: о «достоверности опыта особого инициатического типа». И с легкой душой конструирует проект русской евразийской империи. С тех пор взгляды автора принципиально не изменились.

А. Кольев предлагает отстраивать Россию как нацию — государство на основе возврата к «православной сакральной империи»[121] — идеи, которую еще накануне Первой мировой войны активно отстаивали В. В. Розанов, М. О. Меньшиков и многие другие русские мыслители конца XIX – начала XX вв.[122] Как писал М. О. Меньшиков, «империя — как живое тело — не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причём победа достаётся сильным»[123]. Спустя столетие их старые идеи и аргументацию уже в современной России воспроизводят новые авторы.

Круг, как говорится, замкнулся. И многолетние научные дискуссии уже в наши дни завершились очередным всплеском русского национализма и имперской идеологии, о которых будет сказано ниже. Но что делать ученым-исследователям? Неужели отдать этнонациональную проблематику на откуп политикам и обслуживающих их идеологам, трактующих плюрализм современного научного дискурса как свидетельство беспомощности научного знания? Думаем, делать этого не следует.

Причины многообразия трактовок термина «нация» — в исторической сложности самого феномена, предметной организации научного социального знания и, разумеется, идеологической «нагруженности» национального дискурса. В итоге «нация» предстает одновременно в различных не совместимых друг с другом измерениях: как некое идеальное образование, предстоящее пред мыслимым взором националистов, и как совокупность граждан, и как реально существующая культурная система со своим исторически сложившимся своеобразием, и т. д. Неслучайно к определению нации подходят то через выделение каких-то объективных признаков, то через самосознание ее членов, то через отождествление с государством, то как к продукту идеологии национа-

[121] *Кольев А. Н.* Нация и государство. М., 2005. С. 272.
[122] Подробнее см.: Империя и нация в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 67, 91, 101, 128, 323.
[123] Империя и нация в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 67.

лизма. Дать классификацию путей возникновения наций и национализма, оказывается куда проще, чем применить эту классификацию к реальному многообразию истории. В итоге ключевые проблемы этнонационального дискурса — историческая преемственность этносов и наций, с одной стороны, и историческая взаимосвязь наций и национализма, с другой, не получают однозначных решений. Известно, что в большинстве случаев нации возникали «проективно», начиная с «эталонной» французской нации, ставшей продуктом Великой французской революции, и заканчивая, скажем, современной китайской нацией. Но сама идеология всякого националистического проекта апеллировала к древности нации и в качестве аргумента указывала на ее этнические основы. В результате дискурс о нациях изначально формировался как самопротиворечивый. В том числе благодаря отсутствию общепринятого содержания и неопределенности понятия «национальное государство».

1.3. АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ «НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»

Обращаясь непосредственно к концепциям сущности и формирования национальных государств, отметим, во-первых, что все они строятся на основе уже проанализированных нами интерпретаций «нации», а потому основой их наиболее общего различия является уже отмеченная проблема первичности: «Что первично, нация или национальное государство?» В зависимости от ответа на этот вопрос все концепции, так или иначе объясняющие происхождение и эволюцию национальных государств, можно разделить на *перенниалистские* и *модернистские*. При этом для самой «мягкой» формы перенниализма характерно представление о нации как сообществе, которое, как правило, стремится к обретению собственной государственности. Поэтому нации, имеющие собственные государства, представляют собой «не вполне гармоничный сплав более поздней „гражданской“ и более древней „генеалогической“ моделей социальной и культурной организации»[124]. Для модернистов, интерпретирующих историю

[124] *Смит Э. Д.* Образование наций // Этнос и политика. Хрестоматия. М., 2000. С. 93.

последних четырех столетий человечества в парадигме неизбежного перехода от «традиционного общества» к «современному» (модерному и западному) обществу, напротив, становление нации не мыслится без трансформации государства. Другими словами, не нации получают в свое пользование государства, а государства обретают нации. Или же государства и нации вместе проходят путь своего становления.Таким образом, в центре рассмотрения перенниалистов всегда оказывается сама нация. История обретения ею государственности оказывается сюжетом «второго плана», поскольку представляет собой лишь один из этапов ее развития. С точки зрения модернистов, нации и государства настолько тесно переплетены друг с другом, что когда идею нации «словно моллюска, извлекают из, на первый взгляд, твердой раковины „нации-государства“», она «предстает ... в чрезвычайно смутном и неуловимом облике»[125].

В свою очередь, для социально-экономической версии социетального подхода принципиальным оказывается действие объективных экономических факторов, под определяющим влиянием которых происходит и «рост наций», и «рост государства». В дальнейшем в центре нашего внимания будут находиться социетальная и модернистские концепции формирования национальных государств, поскольку именно они наиболее содержательно объясняют причины и этапы становления нового типа государственности на европейском континенте. В частности, предметом дальнейшего исследования будут ключевые идеи, получившее блестящее воплощение в работах Б. Андерсона, Дж. Бройи, Э. Геллнера, К. Дойча, М. Манна, Ч. Тили, М. Шадсона, Э. Хобсбаума, М. Хроха и некоторых других авторов. Если работы К. Дойча[126] можно отнести к великолепным образчикам социетальной версии образования наций и национальных государств, то труды остальных авторов являют собой образцы «социокультурного» (Б. Андерсон, Э. Геллнер), «политического» (Ч. Тилли, М. Манн, Дж. Бройи) и «социально-конструк-

[125] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 301.

[126] Имея в виду, что многочисленные теории модернизации в более общем плане могут быть интерпретированы как вариации социетального подхода, концепцию К. Дойча можно было бы включить в корпус работ социально-экономического модернизма. Но поскольку ее содержание далеко не исчерпывается «социально-экономической» составляющей, ее логичнее характеризовать как социетальную концепцию. Позиция сторонников инструментально-конструктивистского подхода (Брубейкера, Вердери и др.) нами будет рассмотрена здесь в самом общем виде. См. также: *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 74.

тивистского» (Э. Хобсбаум, М. Хрох) *модернизма* — теоретического направления, основывающегося на различении «современного» (западного) и «традиционного» обществ и вытекающей из этого различения динамики всемирной истории в координатах «вызов Запада» — «ответ остального мира».

Рассмотрим подробнее аргументы каждого из авторов и, сравнив их между собой, постараемся ответить на вопросы, каким образом и какими путями осуществлялось формирование национальных государств в Западной, Центральной и Восточной Европе в XVIII – начале XX столетий.

Социально-культурный модернизм. Это направление исследований исходит из того, что становление национальных государств в Европе неразрывно связано с вызванной капитализмом социокультурной трансформацией общества. Наиболее яркими его представителями являются Бенедикт Андерсон и Эрнест Геллнер.

С точки зрения методологии исследования характерной чертой взглядов Э. Геллнера является требование *совместного исследования* формирования наций, национальных государств и национализма, общей предпосылкой появления которых в Европе, по его мнению, стал переход к обществу нового типа — «индустриальному обществу». Но в этой связи надо иметь в виду, что воззрения исследователя на нации, национализм и национальные государства формировались на протяжении нескольких десятилетий. Так, первый вариант концепции национализма был представлен Э. Геллнером в работе 1964 года «Мысль и изменения», в которой он «связывал возникновение национализма с новой ролью языковой культуры в современном мире»[127]. На этом этапе политике и государству уделялось не так много внимания, как в дальнейшем: здесь политическое измерение сводилось в первую очередь к констатации роли интеллектуалов в формировании националистических движений. Вторая версия концепции содержится в книге «Нации и национализм», вышедшей в свет в 1983 году[128]. В этой монографии главным оказалось выявление роли систем всеобщего государственного образования в поддержании «высоких» культур в современных индустриальных обществах. Наконец, в работах автора 1990-х годов

[127] *Смит Э. Д.* (2004): Национализм и модернизм. М., 2004. С. 62.

[128] В России эта книга была издана восемь лет спустя. См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

«Пришествие национализма» и «Условия свободы»[129] была представлена идея «часовых поясов Европы», пришедшая на смену сформированной в книге «Нация и национализм» достаточно сложной типологии национализма, базирующейся на факторах власти, доступности образования, однородности/неоднородности культур.

Основополагающим постулатом взглядов исследователя является утверждение, что национальные государство и национализм взаимно обусловливают друг друга, а сам национализм представляет собой принцип, согласно которому политические и культурные границы нации должны совпадать[130]. В связи с этим, по его мнению, национализм и нация неразрывно связаны с двумя концептами — понятиями «государство» и «культура». Данная идея была сформулирована исследователем в меткой метафоре: национальное государство является результатом брачного союза государства и культуры. При этом речь шла не о любых типах культуры, а только о культурах «высоких», то есть «передаваемых не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения»[131]. Тем не менее не каждое государство и не каждая высокая культура могут образовать «брачный союз». Здесь существует ряд существенных ограничений, главным из которых является тип обществ.

В своей главной работе «Нации и национализм» и в более поздних исследованиях Э. Геллнер рассматривал два основных типа обществ — аграрное (или агро-письменное) и индустриальное (или развитое индустриальное)[132]. При этом он утверждал, что в аграрном обществе все «противится приведению политических границ в соответствие с культурными», так как здесь «из двух потенциальных партнеров — культуры и власти — ни один не имеет тяготения к другому»[133]. Хотя в аграрную эпоху и возникает множество культур (в том числе и высоких), но

[129] *Геллнер Э.* Условия свободы. М., 1995; *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 165–182.

[130] Под нацией исследователь понимал «обширную совокупность анонимных индивидов, которые приобщены либо к определяющей данную нацию высокой культуре, либо к культуре низкой, но находящейся в зависимости от этой высокой культуры, попадающей в ее потенциальный ареал и дающей своим носителям шанс войти когда-нибудь в число носителей высокой культуры» (*Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 166).

[131] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 9.

[132] В книге «Нации и национализм» также упоминается и доаграрное общество, однако ему исследователь практически не уделял внимания, поскольку на этой стадии в принципе не существует одного из партнеров будущей пары — современного государства.

[133] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 42–43.

отсутствует то, что Э. Геллнер назвал «культурным империализмом», — стремление одной из культур «занять главенствующее положение и заполнить собой всю политическую единицу»[134]. И только в эпоху индустриализации оказывается возможным союз государства и высокой культуры. В связи с этим центральным вопросом концепции стало выяснение причин появления этого союза.

Хотя в аграрных обществах, отмечает Геллнер, наличествуют и высокая, и низкая культура (носителями которых являются высшие и низшие сословия), здесь нет единой культуры, носителями которой являлись бы все жители государства. Напротив, разные слои общества здесь являются носителями различных образцов культуры. Дифференциация между такими культурами была как вертикальной (то есть иерархической), так и горизонтальной.

Первый тип дифференциации, с точки зрения Геллнера, был вызван тем, что в аграрных обществах «культурные различия определяют общественные позиции, регулируют доступ к ним и не позволяют индивидам их покидать»[135]. Иными словами, здесь отсутствовала вертикальная мобильность, провоцирующая и закрепляющая изоляцию различных социальных страт друг от друга. Горизонтальная дифференциация была связана с тенденцией сельскохозяйственных сообществ «культивировать особенности, отличающие их от соседних в географическом смысле сообществ, имеющих такой же статус». В свою очередь, данное культивирование наряду с «замкнутым образом жизни» способствовало «развитию культурных и лингвистических отклонений», что приводило к возникновению разнообразия «даже там, где вначале оно отсутствовало»[136].

Так как агро-письменные общества из-за отсутствия вертикальной мобильности являлись обществами сословными, то под понятие «нация» в них попадала достаточно узкая прослойка населения. По мнению Э. Геллнера, здесь термин «нация» «обозначает скорее размытое составное целое, включающее главным образом представителей так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»[137]. Ю. Хабермас обозначил данное явление как Adelsnation — «нация знати», описав

[134] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 45.
[135] Там же. С. 151.
[136] Там же. С. 153.
[137] Там же.

следующий механизм ее возникновения: «правящие сословия, которые встречались друг с другом в „парламентах“ или в других „представительных собраниях“, представляли страну или „нацию“ *перед лицом* двора»[138] (курсив Хабермаса).

Преобразование агро-письменного общества в развитое индустриальное общество повлекло за собой и преобразование Adelsnation (нации знати) в Volksnation — нацию народа. Новый тип разделения труда существенным образом изменил общество, которое теперь не могло иметь «стабильной ролевой структуры»[139]. В индустриальном обществе возникает потребность в большом количестве новых профессий и особых навыков, появляются эгалитаризм и мобильность. Однако возникновение этих новых явлений привело не к формированию новых закрытых каст специалистов, а, напротив, к «отсутствию глубинных дистанций между представителями различных профессий»[140]. Развитие экономики и технический прогресс требовали большого количества людей, способных к быстрому овладению новыми навыками, а также к смене профессий. В связи с этим меняется и *образование*, которое становится универсальным. Если в аграрном обществе «было невозможно и нежелательно иметь универсальное образование, то в современном индустриальном обществе это необходимо»[141]. Теперь на первое место выходит базовое, типовое обучение, которое предшествует получению узкоспециализированных знаний и навыков. В связи с этим *возникает насущная потребность в единой образовательной системе*, внедрение и поддержание которой способны осуществить только централизованные органы управления, то есть государство.

В таком обществе, с сильно развитой вертикальной и горизонтальной мобильностью и потребностью в типовом обучении, необходимой стала *культурная, в том числе и лингвистическая, стандартизация.* Становлению Volksnation также способствовало и формирование новой страты — пролетариата, состоявшего из «оторванных от своих корней крестьян». Бывшие крестьяне, становясь пролетариатом, стремились каким-либо образом восстановить привычные для них, но разрушенные общинные связи. Именно язык и культура смогли в городских усло-

[138] *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 366.
[139] *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 157.
[140] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 72.
[141] Там же. С. 7.

виях заменить им деревню и прежние родовые структуры, став новыми «скрепами общества»[142]. В связи с этим индустриальные общества «определенно способствуют распространению однородной культуры», причем данная культура должна быть «высокой», то есть «подчиненной сложной системе норм и стандартов». Другими словами, необходимой становится «гомогенизация» общества, осуществить которую способен только государственный аппарат. Все это приводит к постепенному сведению государственных границ к границам *культурным*, что Э. Геллнер выразил в формуле: «одна культура — одно государство; одно государство — одна культура»[143]. Такое государство, с его точки зрения, и является национальным.

Важно иметь в виду, что Э. Геллнер не считал возможным обретение каждой высокой культурой «своего» государства. Для того чтобы национальное государство было образовано, необходим «национализм». «Национализм — это ... всегда игра на выбывание, так как большинство участвующих в ней культур неизбежно проигрывают. Культур слишком много, и если бы каждая из них образовывала свое государство, то такое количество жизнеспособных государств просто не уместилось бы на Земле»[144]. Толчком для появления национализма является индустриализация, а его главной причиной — целенаправленная госполитика по культурной гомогенизации полиэтнического населения. Кроме того, значительную роль в процессе становления национальных государств играла интеллигенция, так как именно она была способна «превратить этнические конфликты в националистические движения, выступавшие за отделение от существующей политической единицы». Таким образом, с точки зрения Э. Геллнера, не нации создают национализм, напротив, национализм порождает нации и национальные государства[145].

Исследователь выделяет три стадии развития национализма и, соответственно, три формы образования национальных государств в Европе. По его мнению, в период с 1815 по 1918-е годы в Европе начался постепенный переход к национальным государствам, обозначенный Э. Геллнером как стадия *«политического ирредентизма»*. В это время, с одной стороны, сохранялись прежние государственные структуры, а с другой стороны, появилась «националистическая идея, выдвигаемая

[142] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 62.
[143] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 160.
[144] Там же. С. 180.
[145] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 127.

как политический принцип». Суть данной идеи сводилась к разрушению существующих государств и границ[146].

На следующей стадии, названной *«триумф и поражение национал-ирредентизма»*, «происходит распад многонациональных империй». На их месте «возникает ряд более мелких государств», каждое из которых «заявляет о своем намерении вести по особому национальному пути ту этническую группу, с которой оно отождествляется»[147]. В Европе «конец веку национал-ирредентизма» положила Первая мировая война, спровоцировавшая возникновение большого числа новых суверенных государств. Однако изначальный триумф национал-ирредентизма — распад прежних империй — оборачивается и его поражением. Причина этого состояла в том, что новые государства также не были этнически однородными, и в них проблемы меньшинств оказались не менее острыми, чем они были в разрушенных империях, охваченных националистической агитацией. В связи с этим образовавшиеся государства не только унаследовали «все слабые места прежней системы», но одновременно приобрели и новые. Поскольку на большей части европейского региона никогда не было компактного расселения этнических групп, то «*всякие* политические границы шли вразрез с чьими-то интересами и были несправедливы в самом очевидном смысле этого слова». В отношении же Восточной Европы «бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна»[148]. В этой части континента даже разрушение империй как «тюрем народов» приводило к образованию новых «тюрем» для этнических меньшинств. Ситуация усугублялась тем, что «*новые меньшинства*... в прошлом нередко входили в состав этнических или лингвистических групп, культура которых была доминантной». Поэтому новый статус оказывался для них «непривычным и вызывал естественное негодование и сопротивление»[149]. Одним из способов борьбы в данном случае становилось обращение к своей «исторической родине»: «Они могли искать покровительства у своего родного государства, призванного защищать их собственную культуру»[150].

Триумф ирредентизма и определенное его поражение привели к следующей стадии, обозначенной Э. Геллнером как *«Nacht und Nebel»* —

[146] *Геллнер Э.* Условия свободы. М., 1995. С. 162.
[147] Там же.
[148] Там же. С. 168.
[149] Там же.
[150] Там же. С. 169.

«ночь и туман». На данной стадии посредством «массовых убийств» или депортации целых этнических групп реализовывался максимально жестокий вариант приведения культурных границ в соответствие с границами государственными[151]. В Восточной Европе массовые убийства и принудительное переселение «позволили привести в порядок этническую карту, ... хотя, конечно, не полностью»[152].

Наконец, после окончания Второй мировой войны в Европе настала стадия *«снижения накала этнических переживаний»*[153]. По мнению Э. Геллнера, «на поздних, относительно благополучных этапах развития индустриального общества национализм получает все меньшее подкрепление». Это связано, во-первых, с тем, что «в изначально культурно близких» странах Европы «на поздних стадиях развития производственной и потребительской конкуренции... наблюдается заметная культурная конвергенция». Поэтому теперь «становятся возможными любые формы федерации или конфедерации». Кроме того, на данной стадии высокая культура хотя и «остается необходимым условием морального гражданства и эффективного участия в экономической и политической жизни», но уже не «продуцирует сколько-нибудь заметных националистических настроений». Таким образом, национализм удалось «приручить»[154].

При этом Э. Геллнер обращает внимание на то, что предложенная им схема перехода от аграрного к индустриальному обществу не является универсальной. Он отмечал, что «есть целый ряд причин, помешавших ее полной реализации в действительном историческом процессе», в том числе неравномерность и неодновременность данного процесса в различных частях Европы. Поэтому для уточнения предложенной схемы он ввел понятие «часовых поясов».

Если Геллнер связывал образование наций и национальных государств главным образом с переходом к индустриальному обществу с соответствующими ему практиками культурной гомогенизации населения, почти не уделяя внимания трансформациям общественного сознания полиэтнического населения Европы, то в концепции Б. Андерсона объяснение причин этой трансформации занимает ключевое место. Отличительной чертой национального государства, с точки зрения

[151] *Геллнер Э.* Условия свободы. М., 1995. С. 162.
[152] Там же. С. 170.
[153] Там же. С. 175.
[154] Там же. С. 176, 179.

Б. Андерсона, является предпринятое им расширение границ символического поля, в котором теперь оказывается и само государство: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не столько убивать, сколько добровольно умирать[155]. Он отмечает: «У современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата»[156]. Для него нация представляет собой товарищество, братство, основанное на ответственности. Это ответственность живущих членов нации за будущее, за еще нерожденных членов. Именно «во имя этих нерожденных нас призывают упорно трудиться, платить налоги и приносить другие жертвы — строить национальные парки, сберегать наследие, сокращать государственные долги, очищать окружающую среду и охранять национальные границы»[157]. Это и «странная новая ответственность» уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: «с их помощью наша страна, совершая отдельные ошибки, на самом деле всегда остается права»[158].

Для Б. Андерсона исследование национальных государств сводится к выявлению причин не столько формирования национальных движений или трансформации политических институтов (хотя этим процессам он тоже уделяет внимание), сколько возникновения наций как особого типа сообществ. Он определяет нацию как «*воображенное* политическое *сообщество*», которое «воображается ... как что-то неизбежно *ограниченное*, но в то же время *суверенное*»[159] (курсив — *Ю. Г.*). Воображенность, как уже отмечалось, обусловливается тем, «что члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ общности»[160]. При этом нации являются ограниченными, поскольку «даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых

[155] Эти идеи Б. Андерсона созвучны мыслям О. Ренана, утверждавшего, что «нация — это великая солидарность, которая держится на сознании как уже принесенных жертв, так и жертв, которые предназначено сделать в будущем». (Цит. по: *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 240).

[156] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 33.

[157] *Андерсон Б.* Непогрешимость наций. 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.politizdat.ru/article/71/ (дата обращения: 22.03.2019).

[158] Там же.

[159] Там же. С. 30.

[160] Там же. С. 31.

находятся другие нации»[161]. Суверенность связана с тем, что понятие «нация» «родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушили легитимность установленного Богом иерархического династического государства». Наконец, нация является сообществом, «поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать», она «всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество»[162].

Интересно, что нации, национальные государства и национализм в концепции Андерсона не являются закономерными явлениями: их появление во многом случайно. Будучи «особого рода культурными артефактами», возникшими в конце XVIII века[163], они оказались результатом взаимного пересечения многих, весьма различных, исторических процессов, связанных, в том числе с идеологическим «творчеством» и «пиратством». Однако, возникнув, они сразу обрели способности как к «переносу ... на огромное множество социальных территорий», так и к тому, чтобы «вплавлять в себя либо самим вплавляться в столь же широкое множество самых разных исторических и идеологических констелляций»[164]. Так «„нация“ оказалась изобретением, на которое невозможно было заполучить патент. Она стала доступным предметом для пиратства, попадавшим в очень разные, порой самые неожиданные руки»[165].

Любопытно, что в современной России эта мысль Андерсона получила признание: «Появление на международной арене нового субъекта истории – суверенного правового государства, было результатом творчества[166] и оказалось решающим фактором интеграции этнически и

[161] *Андерсон Б.* Непогрешимость наций. 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.politizdat.ru/article/71/ (дата обращения: 22.03.2019). С. 32.

[162] Там же. Заметим, что идея воображенности не была создана непосредственно Б. Андерсоном. Аналогичные представления об общих чаяньях незнакомых друг другу индивидов, связанных узами национального братства, были высказаны еще в 1944 году Х. Коном. В своей работе «Идея национализма» он отмечал: «Национализм — наша идентификация с жизнью и надеждами неисчислимых миллионов, которых мы никогда не узнаем, с территорией, которую мы никогда не посетим целиком». (Цитир. по: *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 25). Однако несомненным достижением концепции Б. Андерсона является выявление предпосылок для формирования подобного рода представлений.

[163] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 29.

[164] Там же.

[165] Там же. С. 89.

[166] «Оно, — пишут В. Г. Федотова, В. А. Колпаков и Н. Н. Федотова, — было «изобретено» во время подготовки Вестфальского мира после тридцатилетней войны».

культурно разнообразных групп общества в некую целостность нового типа, которая терминологически получает новое название – „общество организованной солидарности“ или „нация“ или „капиталистическое общество“»[167].

По мнению Б. Андерсона, появление национализма в Европе было напрямую связано с эрозией таких «культурных систем», как *религиозное сообщество* и *династическое государство*[168]. Интегрирующей основой первых являлись «священные языки» религиозных текстов. В связи с этим данные сообщества имели две отличительные черты: *во-первых*, они были внетерриториальными, то есть не были привязаны к конкретной местности. Так, католики или мусульмане из различных регионов, говорящие на разных языках, оказывались связанными друг с другом в первую очередь посредством общих священных текстов, написанных на латыни или классическом арабском. *Во-вторых*, реальный доступ к таким текстам был ограничен, поскольку был мал круг людей, владеющих священными языками. Как указывает Б. Андерсон, читатели священных текстов «были крошечными островками грамотности, которые возвышались над бескрайними океанами необразованности»[169]. Однако постепенный упадок латыни привел к тому, что религиозные сообщества западного христианского мира начали постепенно «фрагментироваться, плюрализироваться и территориализироваться»[170].

Эрозии религиозных сообществ сопутствовал и постепенный закат династических государств. Как уже указывалось, в династических государствах все было организовано «вокруг высшего центра», легитимность которого исходила «от божества», а не от населения[171]. Главным являлся принцип наследования данной сверху (от Бога) властью. Жители таких государственных образований являлись не гражданами, а подданными. В этих политических системах индивиды оказывались связанными друг с другом лишь посредством общего статуса подданных одного монарха, а не как жители одной страны, так как «границы были проницаемы и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой»[172].

[167] *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 157.
[168] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 35.
[169] Там же. С. 39.
[170] Там же. С. 42.
[171] Там же. С. 43.
[172] Там же. С. 43.

Тем не менее разрушение прежних культурных систем — религиозных сообществ и династических государств — не влекли за собой автоматического появления ни наций, ни национальных государств. В действительности за эрозией указанных систем «скрывалось глубинное изменение в способах восприятия мира»[173]. Б. Андерсон считает, что основной составляющей этого изменения было *новое восприятие времени, которое базируется на современном представлении об одновременности*. Это означало, что теперь люди оказались способны рассматривать конкретный момент не только в связи с прошлым и будущим, но и представлять себе, что происходит в это же время с другими людьми, которых мы не можем визуально наблюдать, вообразить себе, какие события разворачиваются там, где нас нет. По мнению Б. Андерсона, распространение такого ощущения времени стало следствием появления художественных романов и газет.

Знакомые и незнакомые друг с другом, но связанные фабулой романа герои *одновременно* совершают некоторые действия, описываемые автором, а ежедневные газеты заложили также представление о том, что множество людей одновременно совершают одно и то же действие — читают напечатанные на их страницах материалы. В целом новое восприятие времени позволяет каждому индивиду представить мир как совокупность одновременных действий и событий, а следовательно, делает возможным и существование воображаемых сообществ. Оно порождает уверенность в том, что существует множество других членов сообщества, связанных между собой, например, общими и практически одновременными действиями, такими как прочтение утренней газеты. Это же закладывает основы и для возникновения наций — воображаемых сообществ, члены которых обретают представление друг о друге посредством знаний как об общих символах и институтах, так и о неких знаках одновременности.

Таким образом, «ключом к зарождению совершенно новых представлений об одновременности» стало развитие «печати-как-товара», и именно оно заложило основы для формирования сообществ «горизонтально-секулярного, поперечно-временного» типа[174]. Данная логика вместе с Реформацией, которая «во многом была обязана своим успехом печатному капитализму», привели к уже упомянутому падению стату-

[173] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 45.
[174] Там же. С. 60.

са латыни как языка священных текстов[175]. По словам Б. Андерсона, «коалиция протестантизма и печатного капитализма быстро создала огромные читательские публики — не в последнюю очередь среди купцов и женщин, которые, как правило, либо плохо знали, либо вовсе не знали латынь»[176]. Происходило не просто обращение к народным языкам, а, по сути, искусственное создание новых письменных — печатных — языков, которых было много меньше разговорных диалектов.

Так печатный капитализм заложил основу для формирования современных наций. Созданные им языки породили сообщества, чьи границы оказались, *во-первых*, ограниченными пределами расселения конкретных лингвистических групп, а *во-вторых*, имели мало общего с существовавшими политическими границами династических государств. В связи с этим произошла своеобразная территоризация сообществ, усилившая эрозию династических государств и обеспечившая предпосылки для появления государств национальных. Однако сам процесс перехода к национальным государствам в Европе был связан с двумя формами национализма — *«лингвистическим»* и *«официальным»*.

По мнению Б. Андерсона, лингвистический национализм является «однозначно европейским по своему происхождению». Возникший в начале XIX века в подверженных эрозии династийных империях Европы, лингвистический национализм базировался на представлениях о том, что «каждая настоящая нация обладает собственным специфическим языком и литературной культурой, посредством которых выражается исторический дух народа»[177]. Этот национализм породил другую форму национализма — официальную, которая «сложилась исторически как реакционный ответ на народные национализмы снизу, направленные против правителей, аристократов и имперских центров»[178]. *Появление официального национализма было обусловлено тем, что «фундаментальная легитимность» большинства династических империй «была совершенно не связана с национальностью»*. Например, справедливо отмечает Андерсон, «Романовы правили татарами и латышами,

[175] Как указывает исследователь, в период с 1520 по 1540-е годы «книг на немецком языке было опубликовано втрое больше», чем за предыдущие два десятилетия. «И в этой удивительной трансформации Лютер, безусловно, был центральной фигурой», поскольку «его сочинения составили не менее трети всех (курсив Б. Андерсона) книг на немецком языке, проданных с 1518 по 1525 годы» // *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 62.

[176] Там же. С. 62–63.

[177] Там же. С. 211.

[178] Там же.

немцами и армянами, русскими и финнами. Габсбурги возвышались над мадьярами и хорватами, словаками и итальянцами, украинцами и южными немцами. Ганноверы управляли ... шотландцами и ирландцами, англичанами и валлийцами»[179]. Поэтому политизация языка, превращение его в основу национальной идентификации заставили династии выбрать один из языков в качестве не просто «универсально-имперского», а национально-государственного. В свою очередь, данный выбор привел к национальной самоидентификации монархов[180].

Такая «натурализация» династий Европы привела к возникновению «официальных национализмов», представлявших собой средство совмещения нового типа легитимности с монархической властью. С точки зрения Б. Андерсона, наиболее ярким примером данного процесса являлась Российская империя, «в которой цари правили сотнями этнических групп и множеством религиозных общин, а в своих собственных кругах говорили по-французски, что было знаком их цивилизованного отличия от подданных»[181]. Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский итало-говорящей Корсике (частично добившись успеха)»[182]. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»[183].

---

[179] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 105.

[180] «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы — что они англичане, Гогенцоллерны — что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т. д.» (*Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 107). Это сделало возможным отношение к представителям правящих династий не только как к символам нации, но, в ряде случаев, и как к ее предателям, что было совершенно невозможно в период расцвета династических государств.

[181] *Андерсон Б.* Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html (дата обращения: 01.03.2020).

[182] Там же.

[183] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 108.

Несмотря на ряд очевидных достоинств, социокультурный модернизм Э. Геллнера и Б. Андерсона имеет ряд недостатков, на которые сразу же обратили внимание другие исследователи. Так, одним из слабых мест концепции Э. Геллнера, по мнению Э. Д. Смита, является «установление причинно-следственных связей». Смит указывает, что в ряде случаев национализм предшествовал, а не являлся следствием индустриализации[184]. Кроме того, есть сложности и с установлением взаимосвязи между высокими культурами и государством. «Служит ли достижение конкретным народом высокой культуры актом получения власти, благодаря которому народ как бы вступает в сферу политики и становится „субъектом“ истории?»[185]. Еще один недостаток теории Э. Геллнера, считает Э. Д. Смит, заключается в придании слишком большого значения культурной гомогенности. Поскольку большинство государств являются полиэтническими, стремление к культурной однородности в них «нечасто достигает своей цели» либеральными и демократическими методами. Напротив, во многих случаях это стремление приводит к усилению авторитарных или даже тоталитарных тенденций[186].

Некоторые исследователи выделяют в качестве одного из недостатков концепции Э. Геллнера отсутствие объяснения причин возникновения в границах «не своих» государств «стандартизированных высоких культур, стремящихся обрести свое собственное государство»[187]. Опираясь на работы Ч. Тили, Э. Гидденса и М. Манна, А. Миллер также подчеркивает, что «по крайней мере, в Англии» отправной точкой развития национализма была не индустриализация, а «централизация власти, установление прямого правления и эффективного административного контроля», произошедшие задолго «до наступления индустриальной революции»[188]. Схожая критическая аргументация была высказана и Дж. Бройи, который утверждал, что «многие националистические доктрины и многие националистические политические движения расцвели в таких обществах, которым еще только предстояло претерпеть переход к индустриализации». По его мнению, «в неин-

[184] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 78.
[185] Там же. С. 81.
[186] Там же. С. 86. Однако Э. Геллнер не оспаривал данный факт, о чем свидетельствует, например, выделенная им стадия национализма «Nacht und Nebel».
[187] *Миллер А. И.* Теория Э. Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции. Под ред. А. И. Миллера. М., 1994. С. 6.
[188] Там же. С. 8.

дустриальных обществах есть средства распространения национальной культуры», и в них также можно обнаружить «политически значимые формы национализма». И, напротив, «национализм как специфическое политическое движение часто бывает довольно слаб в культурно однородных индустриальных обществах, живущих в границах современных наций-государств». Таким образом, заключает Дж. Бройи, «связь между национализмом ... и индустриализмом на самом деле нигде не является такой тесной, как она подается в воззрениях Геллнера»[189].

Наконец, не совсем корректным представляется вывод Э. Геллнера о том, что совпадение культурных и политических границ автоматически приводит к становлению национального государства. По мнению М. В. Ноженко, «данный принцип является релевантным не только для суверенных, но и автономных территориальных и даже внетерриториальных образований. Например, он подходит для описания Квебека или языковых сообществ Бельгии, однако в этих случаях мы имеем дело не с национальными государствами, а с разными видами политической автономии»[190].

На мой взгляд, несомненным достоинством теоретических построений Геллнера является рассмотрение процессов формирования высокой стандартизированной культуры с разных точек зрения: социально-экономической, социокультурной и политической. А основные претензии могут быть предъявлены к его периодизации национализма, общий недостаток которой заключается в том, что основана она на сугубо политических критериях, в то время как собственно генезис национализма объясняется Геллнером в социокультурных и социально-экономических категориях.

Что касается Б. Андерсона, то основные претензии к его концепции связаны, как уже отмечалось, с семантической слабостью определения нации как «воображаемого» сообщества. По мнению Э. Д. Смита, «термины вроде „изобретения“ и „воображения“ могут означать различные вещи и обычно используются именно в тех смыслах, от которых Андерсон стремится дистанцироваться: очень легко перейти от „воображаемого“ в смысле „вымышленного“ к „воображаемому“ в смысле „иллюзорного“ или „сфабрикованного“»[191]. В результате может сложиться впечатление, что «нация не обладает никакой реальностью,

[189] *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 221.
[190] *Ноженко М. В.* Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 49.
[191] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 255.

не зависимой от ее образов и репрезентаций», что «подрывает социологическую реальность нации»[192]. Также Э. Д. Смит считает, что, хотя «воображение» и «помогает понять, как легко концепция нации может распространяться и пересаживаться на другую почву», открытыми остаются вопросы о том, «почему она *должна* распространяться и почему пересаживаться должна именно *она* (нация)?»[193]. Наконец, возражения Э. Д. Смита касаются и самого определения нации, которое, по его мнению, охватывает «слишком широкие политические сообщества», а не только те, которые являются нациями[194].

В. В. Коротеева отмечает стремление Б. Андерсона ответить на вопрос о том, «как возникают границы воображенного сообщества». При этом в качестве основного объяснения она выделяет наличие у множества наций «чтение литературы на родном языке». Это, по ее мнению, является противоречием во взглядах автора, показывающего, что в Новом Свете или бывших европейских колониях Азии и Африки язык не имел особого значения[195]. Однако это критическое замечание вряд ли оправданно, если учесть, что только Э. Геллнер претендовал на создание единой, универсальной модели национализма, в то время как остальные исследователи не ставили перед собой такой задачи[196]. Поэтому, считает М. В. Ноженко, «концепция Б. Андерсона является примером рассмотрения разных национализмов, отличия между которыми обусловлены временем их появления, структурными условиями (например, затрудненностью коммуникации между метрополией и колониями или обособленностью административных единиц в случае Южной Америки), а также теми целями, которые преследовали идеологи национализма (например, попыткой натянуть узкую кожу наций на династическое государство)»[197].

Вместе с тем концепция Б. Андерсона характеризуется своеобразной «аполитичностью». Как мы помним, Андерсон характеризует нацию как *политическое* сообщество. Однако в последующем при рассмотрении процесса формирования наций и национальных государств политический аспект формирования наций оказывается практически полностью вынесенным за рамки анализа. Он заявляет о себе лишь

[192] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 255.
[193] Там же. С. 256. Курсив Энтони Смита.
[194] Там же. С. 257.
[195] *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 69.
[196] Там же. С. 14.
[197] *Ноженко М. В.* Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 36.

при описании официального национализма, определяемого автором как «реакционная политика». В то время как при рассмотрении лингвистического национализма основное внимание уделяется способам формирования представлений о «мы-сообществе», носящем, скорее, культурную, нежели политическую окраску.

Таким образом, к сильным сторонам «социально-культурного модернизма» можно отнести представление о нации не только как о принципиально новой форме политического, но и культурно связанного сообщества, состоящего из нового («модульного» Э. Геллнер) типа людей, сформированных новыми системами массового образования. Его основной слабостью является, несмотря на подчеркивание обязательной взаимосвязи между нацией и государством, слишком малое внимание к политическому аспекту национального строительства. В представленной далее точке зрения — «политическом модернизме», — напротив, в центре рассмотрения находится не столько социальная и культурная, сколько политическая трансформация, повлекшая за собой формирование национальных государств на европейском континенте.

Политический модернизм. Одним из ярких представителей «политического модернизма» является Ч. Тилли. Как и все сторонники данного подхода, он концентрирует внимание не на нации, а на государстве. С его точки зрения, именно современное государство обладает первостепенной важностью, поскольку исторически оно сложилось раньше нации. А нация для него является «просто конструкцией, зависящей от государства» и поэтому не представляющей самостоятельной исследовательской ценности[198].

Ч. Тилли относит появление национальных государств (а следовательно, и наций) к началу XIX века. По мнению исследователя, необходимыми условиями для их возникновения являются два фактора: *во-первых*, «способность государства отслеживать, ограничивать и контролировать ресурсы (включая культурные) в пределах собственной территории» и, *во-вторых*, готовность других государств согласиться с правом данного государства регулировать указанные сферы[199].

Он связывает приход эры национализма на европейский континент с политизацией проблемы культурного многообразия в границах одного государства и в этой связи выделяет два разных типа национализма:

[198] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 148–149.
[199] *Tilly Ch.* States and Nationalism in Europe // Theory and Society. 1994, Vol. 23. No. 1. P. 132–133.

управляемый государством (state-led nationalism) и *стремящий обрести собственное государство* (state-seeking nationalism). Первый из них предполагает, что граждане идентифицируют себя как членов нации и отдают приоритет государственным интересам. Во втором случае, напротив, представители определенной общности стремятся получить политический контроль над государственными институтами в рамках существующей страны или надеются получить его в рамках нового государства[200].

Несмотря на выделение двух различных типов национализма, основное внимание Ч. Тилли уделяет управляемому государством национализму и ставит вопрос о том, что стало причиной политизации проблемы культурного многообразия. По его мнению, до 1800 года сопротивление населения спускаемым «сверху» нормам, правилам и культурным образцам происходило в тех случаях, когда империи стремились: 1) навязать официальную религию меньшинствам, не разделяющим взгляды господствующей церкви; 2) усилить контроль над населением, которое до этого обладало достаточной степенью автономности по причине непрямого правления или слабости имперской администрации[201]. Однако к концу XVIII века государства Европы стали испытать насущную потребность в более масштабных унификации и контроле.

Методологически значимым моментом концепции Ч. Тили являются представления о том, что национальное государство создает война. Для него война — «это двигатель прогресса создания государств, но также и процесса формирования нации»[202]. С точки зрения исследователя, государства «проводили все более эффективную мобилизацию для внешних войн», которая «способствовала росту внутренней интеграции, смешивая людей из различных областей, провинций и социокультурных сред и прививая национализм при помощи идеологической обработки и самих процессов мобилизации, сражений, демобилизации и возвращения к гражданской жизни»[203].

Кроме того, с точки зрения Ч. Тилли, национальные государства, по сути, возникли случайным образом. Они являются производными

[200] *Tilly Ch.* States and Nationalism in Europe // Theory and Society. 1994, Vol. 23. No. 1. P. 133. Отчасти такая типология созвучна идее Б. Андерсона, который, как было указано ранее, выделял официальный и лингвистический национализмы.
[201] Ibid. P. 137.
[202] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 149.
[203] *Калхун К.* Национализм. М., 2006. С. 141.

от двух программ политических элит: 1) получения от сопротивляющегося населения все большего количества ресурсов на ведение войны; 2) замены управления уступчивых к дани посредников, наделенных существенной автономией, прямым правлением «сверху-вниз» (direct top-to-bottom government). При этом вторая из указанных программ зачастую являлась непосредственным следствием первой[204]. Так как новые международные конфликты и новые технологии ведения войны требовали, «чтобы государства отнимали у своих обществ все большие — невиданные прежде — ресурсы». Реализовать это было возможно только посредством создания мощного централизованного аппарата управления. Другими словами, теперь сбор налогов начал производиться «не квазиавтономными феодальными элитами или откупщиками, а национальным правительством и бюрократией»[205].

Новый тип управления нашел свое отражение и в новых способах организации контроля над государственным пространством. *Во-первых*, государства стали «отгораживать» себя, придавая большее значение своим границам. Если до этого во многих государствах Европы не существовало жесткого контроля над перемещением через границы рабочей силы, торговцев, товаров и денег, то в XIX веке органы управления начали уделять этому особое внимание. На вооружение был взят опыт тех немногочисленных стран, которые смогли к тому времени создать эффективную систему регистрации людей и товаров, ввести государственные пошлины и сборы.

Во-вторых, государства усилили контроль за населением внутри своих границ. И здесь немаловажную роль стало играть то, что Ч. Тилли назвал *культурным контролем* (cultural control). Так же как и Э. Геллнер, исследователь особо отмечает создание государственной образовательной системы и внедрение стандартизированного языка. Кроме того, он выделяет организацию музеев, государственную поддержку театров, создание национальных символики, праздников, традиций и так далее. В некоторых случаях государства могли также использовать и религию

[204] *Tilly Ch.* States and Nationalism in Europe // Theory and Society. 1994, Vol. 23. No. 1. P. 138. Следует отметить, что Ч. Тилли проводил разграничение между национальными государствами, которые постепенно сформировались в ходе экономических и военных преобразований, и теми, которые создавались «по плану» дипломатами и политическими элитами путем заключения международных соглашений. Тем не менее в своей концепции основное внимание он уделяет именно первому способу образования государств.

[205] *Калхун К.* Национализм. М., 2006. С. 141–142.

как основу для мобилизации. Как указывает Ч. Тилли, обращение к религии было эффективно в случае управляемого государством национализма тогда, когда первое создало собственную конфессию, например, в Англии[206]. Однако ни ужесточение контроля, ни привнесение новых стандартов и практик (которые, несомненно, культивировали чувство общности) не позволили бы государству достичь собственных целей. Для того чтобы население не оказывало яростного сопротивления осуществляемым реформам, государство предприняло ряд мер, «компенсирующих» возросшие издержки. К ним Ч. Тилли отнес, помимо прочего, расширение понятия гражданства, придание особого статуса идее народного суверенитета и способам ее претворения в жизнь, предоставление возможностей для выражения коллективного мнения посредством введения прав на петиции и ассоциации, а также создания институтов представительства[207].

Таким образом, с точки зрения Ч. Тилли, именно стремление государств создать эффективную милитаристскую систему стало причиной становления нового типа государственности — национальной. Схожую позицию занимает и М. Манн, считающий, что военные факторы обладали несомненной важностью в процессе формирования национализма.

М. Манн отмечает, что сам он является сторонником «скорее „модернистской“, чем „перенниалистской“ или „примордиалистской“ точки зрения»[208]. Согласно исследователю, нация представляет собой «межклассовое» (cross-class) сообщество, которое появилось на европейском континенте не позднее XVIII века. При этом «класс» понимается им не столько в классическом марксистском понимании (то есть как общность, базирующаяся на экономических отношениях), сколько в социологическом смысле, как синоним страт. До наступления эпохи национализма доминирующие, а также в редких случаях и подчиненные классы были способны лишь к экстенсивной политической организации. Поэтому «национализм и как идеология, и как движение является всецело современным феноменом»[209].

---

[206] *Tilly Ch.* States and Nationalism in Europe // Theory and Society. 1994, Vol. 23. No 1. P. 140–141. Ч. Тилли также говорит о том, что при стремящемся обрести собственное государство национализме роль религии оказывалась важной тогда, когда доминирующее сословие принадлежало к иной вере, как в случае Османской империи.

[207] Ibid. P. 139.

[208] *Mann M.* (1993): The sources of social power, Vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. Cambridge, 1993. P. 215.

[209] Ibid. P. 215–216.

Однако он считал, что у наций существовала и некая «досовременная» (premodern) история, включавшая в себя две «протонациональные фазы»: *религиозную* и *коммерческо-статистическую.* Первая началась в XVI веке, когда протестантизм и Реформация способствовали формированию потенциальных наций. Здесь М. Манн практически повторяет идею Б. Андерсона о том, что христианские церкви создали широкие слои грамотной публики, читавшей на родном языке и состоявшей в том время из представителей среднего класса.

Вторая фаза началась примерно с 1700 года и была связана с секуляризацией коммерческого капитализма и военной модернизацией государства. Изначально государствам «удалось монополизировать единственную функцию — военного насилия». Однако затем они «внезапно грубо и зримо вторглись в жизнь своих подданных, обложив их налогами, воинской повинностью». С точки зрения исследователя, государства начали превращаться в своеобразные «клетки», «прутья которых ограничивали свободу подданных»[210]. Тем не менее регулярные контракты с представителями власти, государственная регистрация, военная подготовка, деловые встречи в кофейнях стали институтами секуляризации и внедрения культуры знати. Если использовать терминологию Э. Геллнера, то в этот момент началось распространение высокой культуры среди достаточно широких слоев населения. Поскольку теперь все государства управлялись посредством закона, элементы общего «гражданства» стали также распространяться по территории страны, создавая основы для более универсальной солидарности[211].

В XIX веке национальное строительство прошло две другие, уже собственно националистические, фазы своего развития: 1) *милитаристскую* и 2) *индустриально-капиталистическую*[212]. То есть М. Манн вслед за Ч. Тилли утверждает, что столетиями политическая борьба структурировалась налоговыми кризисами, вызванными войнами. Милитаризм подталкивал элиты монархических государств к рационализации управления, а обложение налогами поставило вопрос о легитимности государства[213].

---

[210] *Манн М.* Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М, 2002. С. 383.
[211] *Mann M.* The sources of social power, Vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. Cambridge, 1993. P. 217.
[212] Ibid.
[213] Ibid. P. 221–222.

Вовлечение широких слоев населения в промышленность (а затем и в политику), которым ознаменовалась вторая из указанных фаз, привело к тому, что понятие нации стало означать не общность происхождения, как это было ранее[214], а совокупность граждан. На данной фазе произошло также расширение экономических функций государства, повлекшее за собой создание средств сообщения, необходимых для индустриального роста. Более интенсивной стала коммуникация, произошло становление системы всеобщего образования, способствовавшие, как это уже не раз отмечалось ранее, «сплочению ряда гражданских обществ, в какой-то мере уже ограниченных территорией государства»[215]. Все это привело к тому, что исследователь обозначил как «семейную» метаморфозу населения: оно не просто стало нацией, но и получило «родину» или «отечество», создав тем самым национальную семью в окружении других национальных семей[216].

Несмотря на выделение двух стадий национального строительства в XIX веке, М. Манн подчеркивал, что «становление межклассовых наций стимулировалось скорее военным, а не капиталистическим оформлением государств». Это было связано с тем, что распространение фискального бремени происходило внутри государств более равномерно, чем развитие торговли и промышленности. Таким образом возникновение новых административных институтов, призванных взимать налоги, осуществлялось одновременно на всей территории страны, а не только в экономически развитых регионах.

На мой взгляд, одним из главных недостатков концепции Ч. Тилли является интерпретация появления национальных государств через призму милитаризма. Разумеется, стремление государств вести эффективные войны существенно трансформировало и сами государства, и их население. Указанное стремление имело множество последствий, например развитие промышленного производства, рост бюрократического аппарата и даже, как в России времен Петра I, секуляризацию образования. Все это, в свою очередь, способствовало культурной гомо-

[214] То есть как «сообщества людей одного и того же происхождения, еще не объединившиеся в политическую форму государства, но связанные совместным поселением, общим языком, обычаями и традициями» (*Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 365).

[215] *Манн М.* Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 383.

[216] *Mann M.* The sources of social power, Vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. Cambridge, 1993. P. 225.

генизации. Однако если именно война стала первопричиной национального строительства, то почему государству удалось так легко навязать «новые правила игры» населению, от которого милитаризм требовал не только налогов, но и человеческих жизней? «Разве могло расширение гражданских прав компенсировать людские потери? Другими словами, почему сопротивлявшееся прежде любым попыткам унификации и контроля население восприняло идею того, что государство должны защищать не наемники, а сыны отечества? Рациональное объяснение Ч. Тили — „гражданские права в обмен на материальные издержки и человеческие жизни“ — кажется не вполне убедительным»[217].

Этот же упрек можно адресовать и концепции М. Манна, связывающего возникновение наций и национализма главным образом с милитаризацией государства и зарождением капитализма. Но возможен и другой поворот событий. «Не потому ли, — спрашивает Э. Смит, — что государство было настолько всепроникающим и чуждым, ... люди стремились обрести некое чувство общности *вопреки* государству?». Кроме того, концепция исследователя не дает представления о том, почему национализм тесно связан с культурой, если он является порождением «межгосударственного порядка и образующих его милитаризованных государств»[218].

Наконец, общим недостатком представленных теорий является их западноевропейская ориентация. Например, Ч. Тилли хотя и выделяет в качестве отдельного типа «стремящийся обрести собственное государство национализм», но строит свою теоретическую модель для объяснения феномена «управляемого государством национализма», характерного для Западной Европы. Сходным образом и М. Манн «исключает из рассмотрения ряд типичных случаев», например национальные движения «народов, не имеющих своих политических структур»[219]. В связи с этим более полной мне представляется концепция еще одного политического модерниста — Дж. Бройи, который, напротив, подчеркивает изначальную оппозиционность национализма по отношению к государству.

Исходной посылкой рассуждений Дж. Бройи является представление о национализме как о политике. Он считает, что «концентрация на культуре, идеологии, идентичности, классе или модернизации приво-

[217] *Ноженко М. В.* Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 56–57.
[218] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 161–162.
[219] *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 62.

дит к игнорированию того фундаментального момента, что национализм и „сверху“, и „снизу“ является политикой и что политика связана с властью». При этом «власть в современном понимании, главным образом, представляет собой государственный контроль»[220]. Следовательно, ни изменения в сфере языка, ни модернизация, по его мнению, не могут быть причиной национализма: «изначально национализм являлся одним из аспектов „незапланированной“ современности. Только позднее, когда идеи и современности, и национализма зазвучали осознанно и весомо, люди смогли целенаправленно применять идею национализма для содействия модернизации»[221].

Обоснование современности наций и национализма Дж. Бройи строит, исходя из институциональной логики: по его мнению, национальная идентичность создается и увязывается с определенными интересами только посредством современных институтов, таких как «парламент, массовая литература, суды, школы, рынки труда и так далее»[222]. Но почему же именно современные институты смогли стать основой для наций и национальных государств в Европе? Для ответа на этот вопрос Дж. Бройи выявляет различие между до-современными и современными институтами на основе разницы в типах разделения труда, анализирует последствия перехода от многофункциональности институтов прошлого к монофункциональности институтов настоящего и акцентирует внимание на проблеме разрыва между государством и обществом как следствии утверждения нового типа разделения труда[223].

Дж. Бройи выделяет два идеальных типа[224] разделения труда: *корпоративный* (до-современный) и *функциональный* (современный). Согласно его концепции, первая идеальная модель представляла собой выполнение определенными институтами, «действующими от имени какой-то определенной группы», большого количества функций. Другими словами, институты являлись многофункциональными, поскольку отсут-

[220] Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester. 1993. P. 1.
[221] Ibid. P. 213.
[222] Ibid. P. 210.
[223] Эти идеи Бройи отчасти представляют собой развитие идеи Э. Геллнера о том, что корни национализма заключены «в *определенном типе* разделения труда, очень сложном и к тому же бесконечно, беспредельно изменчивом». (См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 67).
[224] Дж. Бройи специально оговаривает, что выделенные им типы разделения труда являются идеальными, так как в реальности можно обнаружить множество отклонений, по крайней мере, от корпоративного типа (*Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 223).

ствовала их четкая специализация[225]. Например, церковь одновременно выполняла религиозные, культурные, образовательные и политические функции, а также являлась землевладельцем. Такая полифункциональность содержала в себе конфликтный потенциал, так как, *во-первых*, она провоцировала споры между институтами о границах их компетенций. *Во-вторых*, она давала почву и для внутриинституциональных конфликтов, поскольку требовалось разграничение компетенций и между различными институциональными уровнями. В связи с этим «к концу XVIII века такое разделение труда было подвергнуто острой интеллектуальной критике» призывавшей к переходу на принципиально иной способ, «при котором каждая социальная функция сосредотачивалась бы в отдельном институте». В результате «во многих частях Западной и Центральной Европы» произошел переход от корпоративного разделения труда к функциональному[226].

Этот переход к новому типу разделения повлек за собой ряд следствий. Во-первых, он привел к изменению функций существующих институтов. Одни институты теряли свои «общественные функции управлении», заняв нишу «частной сферы» (например, церкви стали преобразовываться в «добровольные объединения верующих»). Другие, напротив, утратили свои «частные права» (например, монархия утратила право на «принципиальный источник дохода от королевских земель, предоставление монополий или владение ими»). Итогом данного процесса стало формирование идеи «государства как „общественной“, а „гражданского общества“ как „частной“ сферы»[227].

Вторым следствием перехода стала идея государства как «единственного источника политических функций», являющегося, в терминологии М. Вебера, монополистом на насилие в пределах определенной территории. А это, в свою очередь, требовало более ясного, чем прежде, определения границ, особенно потому, что процесс формирования современного государства в Европе происходил в условиях межгосударственного противостояния. Таким образом *государство стало единственным источником внутреннего* (в пределах собственной территории) и *внешнего* (во внешнегосударственных отношениях) *суверенитета*. А суверенизация привела к формированию общегосударственных интересов.

[225] *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 222–223.
[226] Там же.
[227] Там же. С. 224.

Третьим следствием разрушения корпоративных связей стало *превращение* прежде включенных в различные сообщества *людей в атомизированных индивидов*. Как указывает Дж. Бройи, возник «новый взгляд на людей — прежде всего как на индивидов, а не членов группы»[228]. Следовательно, формирующиеся личные интересы необходимо было согласовать с интересами государства. И эту проблему смог решить национализм.

Национализм оказался способен увязать общественные и частные интересы, выстроить связь между государством и обществом посредством двух политических решений: *введения института гражданства* и *выделения коллективной сущности общества*. Общество, с одной стороны, стало определяться как объединение граждан, чья ответственность перед государством развивалась в «процессе ... участия в либеральных и демократических институтах». Это привело к становлению *политического* смысла нации как сообщества граждан, для которых «значение имели политические права, а не культурная идентификация»[229]. С другой стороны, политические элиты, столкнувшиеся с проблемой легитимности в ее двояком проявлении — «интеллектуальном» (как придать государственному действию законный статус?) и «политическом» (как апеллировать к социальным группам, с тем чтобы обрести поддержку для своей политики?), — были вынуждены формировать у населения *чувство идентичности*.

Так возникли представления о коллективных интересах, которые были облечены в первую очередь в форму культурных запросов. И несмотря на то что данное политическое решение диссонировало с «первой серьезной политической доктриной современности» — либерализмом, оно не только позволило разрешить проблему легитимности, но и сформировало взгляд на нацию как культурную общность. Как заключает Дж. Бройи, национализму удалось соединить логически *противоречащие друг другу понятия нации* и как объединения граждан, и как культурной общности[230].

Ситуации, при которых содержание национальной идеологии было тесно связано с институциональным контекстом, а сама идеология была по преимуществу политической, наблюдались в первых нацио-

[228] *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 224.
[229] Там же. С. 225.
[230] Там же.

нальных государствах Европы — Франции и Англии. Однако эти случаи Дж. Бройи обозначил как «прелюдию к национализму»[231]. В целом же ни появление нового принципа разделения труда, ни формулирование двух политических решений, предложенных национализмом, не влекли за собой автоматического превращения существовавших в Европе государств в национальные. Напротив, национальные движения и государства находились (и, как правило, находятся) в состоянии противостояния.

Как указывает Дж. Бройи, «в мире, где политическая легитимность прежде никогда не основывалась на национальности», национальные движения с самого начала были *оппозиционными*. Только на более позднем этапе «правительства, сформированные националистической оппозицией либо взявшие на вооружение идеи таких оппозиций, сами делали националистические аргументы основой своих претензий на законный статус»[232]. Таким образом национализм изначально представал и как оппозиция существовавшим государственным образованиям, и как фактор формирования национальных государств.

Однако такое положение вещей можно констатировать только в момент перехода к новому типу государств — национальному. Впоследствии в политической практике возникли ситуации, когда национальные движения начали развиваться в рамках уже сформировавшихся национальных государств. В этом случае они стали оппозиционными национальным государствам. В связи с этим в своей книге «Национализм и государство» *Дж. Бройи проводит разграничение между «оппозицией ненациональным государствам»* и *«оппозицией национальным государствам»*[233] и *выстраивает типологию национализмов, выделяя в качестве наиболее распространенных «унификационный» и «сепаратистский» национализм*.

Признавая ценность концепции Дж. Бройи как достаточно полной политической теории национализма, многие исследователи отмечают ряд ее недостатков, указывая, к примеру, что «некоторые национализмы не стремились достичь полной независимости, предпочитая получение максимальной культурной и социально-экономической автономии для своего отечества в рамках более крупного федеративного суверен-

[231] *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester, 1993. P. 75–95.
[232] *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 226.
[233] *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester, 1993. P. 9.

ного государства»[234]. Однако данное замечание не является, на мой взгляд, принципиальным. Гораздо существеннее тот факт, что национализм реализуется не только в формах политики, но и представляет собой форму культуры («культурный национализм»). «Сведение Бройи понятия национализма к его политическим формам, — справедливо отмечает Э. Смит, — хотя и делает более ясным его политические цели и роль, но упускает важнейшие аспекты национального культурного и социального возрождения, которое национализм стремится осуществить»[235]. Также, признавая важность политологического объяснения национализма как попытки нивелирования раскола между современным государством и обществом, Э. Д. Смит критикует Дж. Бройи за то, что тот «не придает значения роли неполитических факторов», к которым могут быть отнесены образы и символы нации, создаваемые «интеллектуалами», «лицами свободных профессий» и «лицами умственного труда». Поскольку «без таких образов и репрезентаций политическое движение было бы просто анти- (или про-) государственным движением»[236].

Кроме того, возникают проблемы с самим «последовательно политическим подходом к анализу национализма». *Такой подход*, подразумевающий рассмотрение исключительно политических институтов, групп и сообществ, хотя и позволяет сосредоточиться исключительно на политическом противостоянии, *не в полной мере объясняет факт апелляции националистических движений к досовременным или дополитическим общностям*[237]. Действительно, сам Дж. Бройи при рассмотрении случаев формирования Германии и Италии как национальных государств указывает на значимость представлений о существовавших прежде, но утраченных общностях, ставших основой унификационного национализма. Однако он не дает ответов на вопросы о том, «почему в некоторый исторический момент интересы данного сообщества вторгаются в сферу политики, почему политическое сообщество расширяется»[238].

Не трудно заметить, что Дж. Бройи избегает всяких внеполитических объяснений национализма, особенно из области экономики или культуры. Результатом этого становится характеристика национализма

[234] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 174.
[235] Там же. С. 175.
[236] Там же. С. 177.
[237] Там же.
[238] Там же.

исключительно как формы политики, но только лишь формы. Таким образом Дж. Бройи хотя и «выполняет поставленную перед собой ограниченную задачу», но оставляет «другим исследователям построение более общей теории»[239].

Таким образом, к несомненным достоинствам «политического модернизма» можно отнести: 1) признание четких и признанных в международном масштабе территориальных границ наций, 2) акцентирование первичной роли политических элит и политических институтов в процессе образования наций и национальных государств, 3) разносторонний анализ роли государства «как центрального элемента националистических идеологий во всем мире»[240]. Но «политический модернизм» имеет и слабые стороны. Так, если в рамках «социально-культурного модернизма» основное внимание было уделено новому типу сообщества, то здесь те особые связи, которые объединяют отдельных индивидов в горизонтальное братство — нацию, оказываются за пределами исследования. Не до конца понятным оказывается и механизм распространения национальных идей во всех слоях населения. «Что и кто побуждает обычных людей идентифицировать себя с нацией?». Во многом ответы на данный вопрос дают представители «социально-конструктивистского подхода».

Социальный конструктивизм М. Хроха и Э. Хобсбаума. Даже поверхностное сравнение концепций двух этих исследователей позволяет заметить их значимое отличие: в концепции М. Хроха не прослеживается стремление к созданию общей модели становления национальных государств в Европе. Исследователь ограничивается в основном рассмотрением тех случаев, когда национальное государство возникло в результате сецессии. Он считает, что процесс отделения обусловлен деятельностью национальных движений, и в связи с этим уделяет основное внимание процессу формирования, распространения и превращения национальной идеологии в политический лозунг.

Несмотря на отказ от создания универсальной модели национального строительства, М. Хрох все же исходит из того, что «процесс создания наций понимается не как неисчислимое множество единичных и неповторимых событий, а как часть масштабной трансформации общества, поддающаяся контролируемым обобщениям»[241]. Для М. Хроха,

[239] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 177.
[240] Там же. С. 182–183.
[241] Там же. С. 121.

в отличие от Э. Хобсбаума, главными в данном случае являются не столько действия элит и способность интеллектуалов «„изобретать“ национальные сообщества», а «объективные предпосылки для образования наций»[242]. Поэтому он подчеркивает, что в центре его рассмотрения находятся национальные, а не националистические движения. Ибо в его представлении «национализм» представляет собой мировоззрение, в рамках которого ценности нации обладают абсолютным приоритетом перед «всеми иными ценностями и интересами»[243].

Исследователь определяет нацию как «большую социальную группу, цементируемую не одним, а целой комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических), и их субъективным отражением в коллективном сознании». При этом, с его точки зрения, три вида отношений «остаются абсолютно незаменимыми». К ним относятся: 1) «„память“ об общем прошлом, толкуемом как „судьба“ группы или хотя бы ее ключевых элементов»; 2) «плотность и интенсивность языковых или культурных связей»; 3) «концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество»[244].

С точки зрения М. Хроха, процесс формирования нации «не был предопределен и необратим», он мог прерываться или «возобновляться после долгой паузы». При этом на европейском континенте национальное строительство происходило в два этапа. На протяжении первого из них в Западной Европе современный тип государства формировался вокруг одной доминирующей этнической культуры. Затем путем преобразований, имевших форму реформ или же революций, происходило параллельное оформление и гражданского общества, и национального государства «как сообщества равноправных граждан». Однако в Восточной Европе дело обстояло совершенно иным образом. Здесь правящий класс, состоявший из «чужеземцев», «доминировал над этническими группами, которые занимали компактную территорию», но не имели ни собственной знати, ни политического единства, ни «продолжительной культурной традиции»[245].

Тем не менее, утверждал М. Хрох, принципиальная разница в формировании национальных государств в различных частях Европы заклю-

[242] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 122.
[243] Там же. С. 124.
[244] Там же. С. 122.
[245] Там же. С. 123.

чалась не столько во времени, сколько в способе обретения нового типа государственности. Он считал, что главной движущей силой становления национальных государств в Центральной и Восточной Европе являются национальные движения.

По мнению М. Хроха, началом национального строительства в Центральной и Восточной Европе следует считать момент, «когда отдельные группы в пределах недоминантной этнической общности принялись обсуждать собственную этническую принадлежность» и воспринимать ее с позиций превращения «в будущем в полноценную нацию». Со временем данные группы смогли обозначить для себя те «конкретные черты, которых не доставало их будущей нации» и начали прилагать усилия к тому, чтобы их общность смогла обрести эти черты. Затем они стали убеждать представителей своей этнической общности в «важности сознательной принадлежности к нации»[246]. Иначе говоря, предпосылками последующего строительства национального государства оказываются: а) появление групп, проблематизирующих современное состояние и перспективы собственной этнической общности; б) формулирование этими группами плана действий и в) распространение их убеждений в иных социальных слоях населения. Опираясь на эти представления, М. Хрох выделил три основные фазы развития национальных движений: «А», «В» и «С».

С его точки зрения, в первой из указанных фаз активисты национальных движений проводили «тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт» своей этнической общности, пытаясь закрепить установленные ими факторы в сознании других. В этот период развития национальных движений осуществлялся сбор информации «об истории, языке и обычаях недоминантной этнической группы». Посредством этого «исследователи-эрудиты» закладывали «основу для последующего формирования „национальной идентичности“». Однако в данной фазе еще не происходило формулирование каких-либо «национальных» требований. Превращение научных интересов в политическую программу произошло в следующей фазе «В»[247].

На данном этапе появляется «новое поколение активистов», старающееся обрести большое количество сторонников «для реализации планов по созданию будущей нации» посредством «патриотической

[246] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 124.
[247] Там же. С. 125–129.

агитации». Здесь М. Хрох выделяет три процесса, способствующих данной трансформации: *во-первых*, «социальный и/или политический кризис старого порядка»; *во-вторых*, «возникновение разногласий между влиятельными группами населения»; *в-третьих*, «утрата веры в традиционные нравственные системы», в том числе и «упадок религиозного авторитета»[248]. Все это вместе с развитием социальной мобильности и коммуникации позволило (в первую очередь самим активистам) сформировать «повестку дня» для социально-политической трансформации.

Наконец, в фазе «С» национальные движения становились массовыми благодаря тому, что «подавляющая часть населения начинала придавать особое значение своей национальной принадлежности». Распространению национальной идеологии среди широких слоев населения зачастую способствовало «социальное напряжение или противоречие, которое могло бы наложиться на языковые (а подчас и религиозные) различия»[249].

Успешное прохождение всех трех стадий, по мнению Хроха, влечет за собой появление нового национального государства, поскольку «отождествление с национальной группой предполагает... создание персонифицированного образа нации», а «персонифицированный национальный организм... требует себе собственного отдельного пространства»[250].

Опираясь на указанные обобщения, М. Хрох делает вывод, что для успеха национального движения и, следовательно, становления национального государства необходимо наличие как минимум четырех условий. *Во-первых*, необходим кризис легитимности, связанный «с социальными, моральными и культурными деформациями». *Во-вторых*, нужен «базисный уровень вертикальной социальной мобильности». *В-третьих*, надо достичь «довольно высокого уровня социальной коммуникации, в том числе грамотности, школьной подготовки и рыночных отношений». И, *в-четвертых*, должны возникнуть конфликты интересов, наложенные на языковые, конфессиональные, этнические расколы[251]. Нередко процесс становления наций и национальных

[248] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 125–129.
[249] Там же. С. 125, 131.
[250] *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 136–137.
[251] Там же. С. 133.

государств в Центральной и Восточной Европе обрывался, однако предыдущий опыт предоставлял будущим национальным движениям серьезные ресурсы.

Предложенная исследователям схема позволяет во многом понять, почему в ряде случаев появление национальных идеологий и устремлений привело по меньшей мере к получению значительной политической автономии (а зачастую и к формированию национального государства), а в других случаях этого не произошло. Именно поэтому идеи М. Хроха привлекают внимание многих исследователей. Тем не менее концепция автора не лишена и определенных недостатков.

По мнению некоторых специалистов, наиболее слабым местом в рассуждениях М. Хроха является представление о нации как политизированной этничности: в его концепции «этносы» являются своеобразным материалом для наций. «Складывается впечатление, — пишет М. В. Ноженко, — что этнические группы были даны изначально, а „исследователи-эрудиты“ просто „открывали“ их для мира». Однако, как указывают многие специалисты, этническая самоидентификация тоже является феноменом Нового времени, и границы этнических «мы-сообществ» стали формироваться достаточно поздно. Другими словами, этническая общность, также является воображаемым сообществом.

Даже в тех частях европейского континента, где разница между правящими «чужеземцами» и управляемыми «местными» явно бросалась в глаза, происходило скорее выделение «чужих», чем определение «своих». До возникновения у интеллектуалов интереса к народной культуре «обычные» люди не имели представлений о том, что они говорят на диалекте какого-то общего языка, объединяющего их с соседями. Поэтому политизация представления о том, что «нами» не имеют права управлять «чужие», произошла достаточно поздно — сначала должно было возникнуть представление о «нас»[252].

Впрочем, это довольно спорное утверждение. На мой взгляд, наиболее уязвимым местом концепции является объяснение появления наций и национальных государств исключительно деятельностью национальных движений, существующих как бы вне общего исторического контекста развития Европы. В итоге без ответа остается вопрос о том, почему в одних случаях переход в фазу «С», то есть массовое

[252] *Ноженко М. В.* Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 78–79.

распространение национальной идеи, приводит к формированию национального государства, а в других это распространение ограничивается предоставлением широкой культурной и политической автономии. Если нация является, с одной стороны, порождением национальных движений, а с другой стороны, она неразрывно связана с идеей отдельного политического пространства, то почему на современной политической карте, например, присутствует государство Польша, но отсутствует независимая Страна Басков? Другими словами, почему успешный переход в фазу «С» в случае польского национального движения привел к становлению государственности, а в случае с басками этого не произошло? При ответе на эти вопросы, очевидно, следует учитывать и множество других факторов, связанных с особенностями развития различных регионов Европы. Достаточно удачная попытка такого рода была предпринята Э. Хобсбаумом.

Представления Э. Хобсбаума о нациях, национализме и национальных государствах являются превосходной иллюстрацией модернистской парадигмы, поскольку его взгляды перекликаются со многими ее представителями. *Во-первых,* подобно Э. Геллнеру он определяет национализм как «принцип, согласно которому политические и национальные образования должны совпадать». При этом исследователь дополняет данную дефиницию замечанием, перекликающимся с идеями Б. Андерсона[253]. А в целом для него национализм представляет собой «политическую программу», целью которой является формирование нациями государств «того стандартного образца, который утвердился со времен Французской революции»[254].

Во-вторых, Э. Хобсбаум считает, что нация «всецело принадлежит к конкретному, по меркам истории недавнему периоду», поскольку она неразрывно связана «с определенным типом современного территориального государства, с „нацией-государством“». Поэтому «анализ национализма должен предшествовать анализу наций»[255]. Также он поясняет, что появление наций и национальных государств обусловлено «вполне определенным этапом экономического и технического разви-

[253] Так, он утверждает, что в современных условиях «политический долг» членов нации «выше всех прочих общественных обязанностей, а в экстремальных случаях (таких, например, как война) он должен подчинять себе любого рода обязанности» (*Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 18–19).

[254] *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 334.

[255] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 19.

тия», в силу того, что литературные национальные языки «не могут возникнуть до распространения книгопечатания, массовой грамотности... и всеобщего школьного обучения»[256]. *В-третьих,* исследователь подчеркивает ключевой момент своей концепции: ту роль, «которую играют в процессе формирования наций искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия»[257].

При этом Хобсбаум справедливо указывает на методологические трудности, с которыми сталкиваются исследователи наций, национальных государств и национализма. Так, в частности, он считает, что все предпринимавшиеся ранее «попытки установить объективные критерии „статуса нации“ или же объяснить, почему некоторые социальные группы превратились в „нации“, а другие — нет» были безуспешными прежде всего потому, что сами критерии, которые использовали исследователи — язык, этническая принадлежность, общие территория и история, или иные культурные характеристики — являются «зыбкими, неустойчивыми и двусмысленными»[258].

Другой сложностью является «измерение» степени распространенности националистических идей в обществе. Как отмечает Э. Хобсбаум, «национальная идея в формулировке ее официальных поборников не обязательно совпадает с истинным самоощущением соответствующих народов»[259]. Так как официальные лозунги и воззрения лидеров национальных государств и национальных движений не дают возможности «понять, что же в действительности думали даже самые лояльные граждане и верные сторонники»[260]. В связи с этим он пытается подчеркнуть значимость как субъективных, так и объективных факторов, использовать идеи Геллнера и периодизацию становления национальных движений М. Хроха. При этом основное внимание исследователь уделяет переходу от фазы «В» к фазе «С», который, по его мнению, является «ключевым моментом в истории национальных движений»[261].

Особое внимание в своей работе «Нации и национализм после 1780 г.» Э. Хобсбаум уделяет способам конструирования новых сообществ, которые представляют собой не просто набор политических решений, но и элементы социальной инженерии. И, поскольку для исследовате-

[256] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 20.
[257] Там же. С. 19.
[258] Там же. С. 12-13.
[259] Там же. С. 13.
[260] Там же. С. 21.
[261] Там же. С. 23.

ля понятия «нация» и «государство» неразрывно связаны между собой, он уделяет большое внимание вопросу формирования «национального патриотизма».

В частности, он задается вопросом «Почему понятие национального патриотизма, столь далекое от реального жизненного опыта большинства людей, могло так быстро превратиться в чрезвычайно мощную политическую силу?»[262]. По его мнению, это связано с целенаправленными усилиями государства. Как указывает Хобсбаум, вместе с национальными государствами возникли совершенно новые символы: государственный гимн, флаг и герб, «посредством которых независимая страна заявляет о своей идентичности и суверенности». Данные символы «внушают чувство уважения и преданности», поскольку в них отражается «полнота прошлого, национальной мысли и культуры»[263]. Однако сами они являются достаточно поздним изобретением. Так, первым государственным гимном является британский, появившийся в 1740 году. А многие государственные флаги представляют собой «различные вариации на тему французского триколора, оформившегося в 1790–1794 годах»[264]. В целом же ситуации, напоминающие людям об их гражданстве, «постоянно ассоциируются с символами и полуритуальными действиями, большинство из которых... являются изобретенными историческими новшествами»[265], результатом «изобретения традиций».

Под «изобретенной традицией» Э. Хобсбаум понимает «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил». Целью такой традиции является «внедрение определенных ценностей и норм поведения». При этом исследователь подчеркивает, что спецификой изобретенных традиций является то, что «их связь с историческим прошлым, по большей части фиктивная». Другими словами, данные традиции представляют собой ответ «на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»[266].

Несмотря на то что изобретенные традиции можно найти в любые исторические периоды, чаще всего их появление было связано

[262] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 74.
[263] *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000. № 1. С. 58.
[264] Там же. С. 54.
[265] Там же. С. 58–59.
[266] Там же. С. 48.

с радикальными преобразованиями обществ. В ходе таких трансформаций «быстро разрушались социальные формы, под которые подстраивались старые традиции, а взамен возникали такие формы, к которым эти традиции уже невозможно было приложить»[267]. Как было показано многими исследователями, становление национальных государств в Европе происходило как раз в период кардинальной социально-экономической и политической перестройки прежней системы династических государств. А это значит, что многие «государства и национальные движения могли использовать в собственных целях определенное чувство коллективной принадлежности», способное превратиться в национальный патриотизм. Это чувство «уже существовало и обладало... потенциальной способностью действовать на новом, макрополитическом уровне, соответствующем современным нациям и государствам». Поэтому прежние связи, которые еще до прихода эры национализма объединяли воедино жителей тех или иных территорий, Хобсбаум определил как *«протонациональные»*[268]. В своей работе «Нации и национализм после 1780 года» он уделяет целую главу рассмотрению различных протонациональных связей, однако в итоге приходит к заключению, что только два их вида — религия и государство (верховная власть) — имеют определенную связь с национализмом. Здесь Э. Хобсбаум оппонирует Б. Андерсону, с точки зрения которого как раз эрозия двух основных «культурных систем» прошлого — религиозного сообщества и династического государства — открыла дорогу национализму.

В частности, исследователь приводит примеры Ирландии и Польши, где конфессиональная принадлежность сыграла важную роль при становлении национального самосознания. Он признает, что «религия — это старый испытанный способ, позволяющий через общую обрядовую практику и своеобразное братское чувство соединить людей, в остальном имеющих между собой мало общего». Тем не менее он указывает, что религия не является универсальной «скрепой» для национализма, поскольку «*племенные* религии оперируют, как правило, на слишком ограниченном для современных наций пространстве и противятся его расширению», а «мировые религии... по определению универсальны, а потому должны стирать этнические, языковые, политические и

[267] *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000. № 1. С. 51.
[268] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 75.

прочие различия»[269]. Поэтому «религия сама по себе», с точки зрения Э. Хобсбаума, не является «необходимым отличительным признаком протонациональности», однако «святые иконы», которые она создает, «представляют собой важнейший компонент как протонациональности, так и современного национализма».

Подобно М. Хроху, важнейшим критерием протонационализма Хобсбаум считает «чувство принадлежности (в настоящем или прошлом) к устойчивому политическому образованию». Здесь он так же, как и Э. Геллнер, и Ю. Хабермас, обращается к разнице между «нацией знати» и «народом-нацией» (в терминах Ю. Хабермаса — Adelsnation и Volksnation). При этом он подчеркивает, что хотя в «„национализме знати“ можно... видеть „протонациональный феномен“, „скрепа“ принадлежности к государству будет более прочной в том случае, если она ассоциируется с определенным *Staatsvolk* или „государственным народом“»[270]. Однако в любом случае связь в настоящем или прошлом с политическим образованием способна «оказывать непосредственное воздействие на сознание простого народа», порождая чувство общности[271].

Хотя протонационализм и «облегчал задачу национализма», однако, по мнению Э. Хобсбаума, нельзя говорить о том, что «оба эти феномена тождественны или что один из них неизбежно влечет за собой другой». Протонациональная основа желательна, но не обязательна для возникновения «националистического движения, ставящего своей целью образование самостоятельного государства»[272]. Примером этому может служить национализм, доминировавший на европейском континенте после 1880 года, который зачастую не имел такого мощного союзника, как «чувство принадлежности к устойчивому политическому образованию».

Введение Э. Хобсбаумом понятия «протонациональные связи» сделало существенно прочнее позиции представителей модернистской парадигмы в той части их спора с перенниалистами, которая касается наличия у наций глубоких исторических корней. Ведь для сторонников перенниализма свойственно говорить о «пробуждении» в XVIII–XIX веках наций и национального духа. Это созвучно пред-

[269] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 109–110.
[270] Там же. С. 117–118.
[271] Там же. С. 121.
[272] Там же. С. 124–125.

ставлениям идеологов европейского национализма того времени. Как указывает Б. Андерсон, «новые национализмы в Европе почти сразу же стали представлять себя в своем воображении „пробудившимися ото сна“, что было чуждо национализмам Америки»[273].

Кроме того, введение понятия «протонациональные связи» позволяет модернистам утверждать, что хотя во многих нациях и можно обнаружить своеобразные рудименты предшествующих им сообществ, однако нельзя говорить о том, что первые являются прямыми наследницами вторых. Напротив, нередко связь между нациями как феноменами Нового времени и протонационализмом может оказаться либо мнимой, либо чрезвычайно сложной и неясной[274]. Конечно, Э. Хобсбаум не был первым представителем модернистской парадигмы, попытавшимся установить взаимосвязь между донациональным прошлым и националистическим настоящим. Так, например, в уже рассмотренной работе Б. Андерсона присутствует идея о том, что определенную роль при формировании «воображаемых сообществ» играло не только настоящее, но порой и весьма далекое прошлое. Он пишет о начавшемся в XIX веке процессе приписывания «национальным» героям прошлого образа мыслей, характерного для эпохи национализма[275]. Однако именно Э. Хобсбаум был первым, кто достаточно подробно рассмотрел процесс своеобразной «конверсии» прошлых связей в элементы новой общности — нации.

Еще одной несомненной заслугой автора является указание на те способы формирования и поддержания национальной идентичности, которые существуют в арсенале государственных органов управления. Так, в первой половине XX века, когда политические лидеры многих «национальных» государств Европы открыли для себя наличие несоответствия между национальной идеей и самоощущением простых граждан, началось активное культивирование патриотических чувств. В этот период существенным подспорьем для социальной инженерии стало появление «новых способов самовыражения» — *средств массо-*

[273] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 211.

[274] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 114, 122.

[275] См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 214–215. Данный процесс характерен для многих случаев национального строительства. Он находит свое отражение не только в учебниках по национальной истории, но и в художественных произведениях, посвященных героям прошлого.

вой информации и *международного спорта*. С помощью прессы, кино и радио государство получило возможность «унифицировать и изменять в собственных интересах массовое сознание и, естественно, превращать его в объект целенаправленного пропагандистского воздействия». Кроме того, помимо прямой пропаганды идей СМИ обладают и важной способностью трансформировать национальные символы «в элемент повседневной жизни рядового человека, разрушая, таким образом, границу между приватно-локальной сферой существования большинства граждан и областью публично-государственной»[276].

Разрушению этой границы способствует также спорт, который превратился в межвоенной Европе из состязания индивидов или команд в поединки между государствами. До этого «такие события, как Олимпийские игры или международные футбольные матчи» представляли интерес в первую очередь для представителей среднего класса. Основной целью большинства спортивных состязаний являлось также снятие межэтнической напряженности между сегментами полиэтнических обществ. Как указывает Э. Хобсбаум, «элемент ритуальной „разрядки“ легко обнаруживается в играх между командами Австрии и Венгрии — первых международных футбольных матчах, организованных на континенте».

Такие состязания символизировали не различия, а, напротив, государственное единство, поскольку «дружеское соперничество» между этническими группами «должно было, по идее, лишь обострять чувство принадлежности к единому целому». Однако после окончания первой мировой войны международный спорт «превратился в элемент национального соперничества, а сами спортсмены... — в важный символ их воображаемой общности», поскольку «в виде команды из одиннадцати человек с конкретными именами воображаемая общность миллионов кажется более реальной»[277].

Таким образом, чувство принадлежности к нации, с точки зрения Э. Хобсбаума, сознательно формируется политическими элитами и интеллектуалами посредством «изобретения традиций». При этом некоторые из таких традиций изобретаются «с нуля», тогда как другие опираются на протонациональные связи, что, безусловно, провоцирует появление представлений о нации как о феномене, имеющем глубокие исторические корни.

[276] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 224–225.
[277] Там же. С. 225–226.

Невзирая на ряд достоинств, концепция образования наций и национальных государств Э. Хобсбаума была подвергнута критике, прежде всего за преувеличенное внимание к деятельности элит и недооценку роли народных масс. По мнению Э. Д. Смита, Э. Хобсбаум «не отводит „массам“ никакой роли в качестве субъектов истории». В его концепции «они пассивны, действуют по указке элит,.. а их культуры и общественные объединения даже там, где они обладают определенной автономией, не играют никакой роли в политике»[278]. Кроме того, «при рассмотрении наций как состоящих главным образом из „изобретенных традиций“... слишком большое значение придается изобретению и слишком большая роль отводится изобретателям»[279]. Наконец, в представленном подходе элитам также приписывается «больший инструментальный рационализм, чем имеет место в действительности»[280].

С этими замечаниями следует согласиться и добавить, что, *во-первых,* не всегда «изобретателями» национальных символов и даже некоторых традиций являются политические (или интеллектуальные) элиты, а *во-вторых,* нередко изобретение традиций оказывается результатом случайного стечения обстоятельств или инициатив «снизу»[281]. К тому же «сведение нациостроительства к процессу изобретения традиций не позволяет в полной мере понять, что же конкретно должны чувствовать и думать люди, чтобы их можно было причислить к такому политическому сообществу, как нация. Можем ли мы причислять к членам нации тех, кто в силу определенных причин не участвует (или участвует изредка) в ритуальных действиях? Например, являются ли футбольные фанаты большими сторонниками национальной идеи, чем те, кто не интересуется спортом? Кто является большим патриотом: человек, вывесивший на своем доме государственный флаг, или тот, кто считает своим гражданским долгом участие в выборах?»[282].

---

[278] *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 238.
[279] Там же. С. 242–243.
[280] Там же. С. 240.
[281] Показательной в данном случае является традиция празднования Дня взятия Бастилии. Национальным праздником 14 июля стало во Франции только в 1879 году. При этом одним из главных атрибутов праздничных торжеств являются балы и танцевальные вечеринки. «Такая, на первый взгляд, плохо стыкующаяся с самим событием танцевальная традиция, — отмечает М. В. Ноженко, — сложилась еще в первые годы после взятия неприступной тюрьмы. По легенде, через год после того как Бастилию разрушили до основания, на освободившемся месте была установлена надпись «Здесь танцуют», и под таким лозунгом прошли народные гуляния. С тех пор 14 июля не мыслится французами без балов и танцевальных вечеринок». (*Ноженко М. В.* Национальные государства в Европе. М., 2007. С. 89.)
[282] Там же.

Хотя конструктивистам так и не удалось до конца описать механизмы формирования устойчивой национальной идентичности, бесспорным достоинством «конструктивистского подхода» является экспликация процедур, которые позволяют распространить национальную идеологию на широкие слои населения. Он объясняет более детально, чем все рассмотренные ранее точки зрения, роль политических элит в формировании наций, то, почему люди соотносят себя с воображаемым сообществом — нацией.

Суммируя промежуточные итоги методологического исследования различных версий модернистого подхода к образованию национальных государств, следует еще раз подчеркнуть основные особенности этой исследовательской парадигмы, основывающейся, повторим, на различении «современного» (западного, модерного) и «традиционного» обществ.

1. Если для перрениалистов нация является политизированным этнокультурным сообществом, объединенным общим происхождением и претендующим на этом основании на политическое признание, то для модернистов нация — это территориальная политическая общность, гражданское объединение юридически равных граждан на конкретной территории.
2. С точки зрения перенниалистов, нация «укоренена» во времени и пространстве; она неразрывно связана со своей исторической родиной. Модернисты полагают, что нация — это сотворенный феномен. Она сознательно и продумано «строится» ее членами или создается элитами, которые стремятся влиять на эмоции масс, чтобы достичь своих целей.
3. Помимо этого модернисты полагают, что нации, как правило, расколоты и подразделяются на некоторое количество (региональных, классовых, гендерных, религиозных и проч.) социальных групп, каждая их которых обладает своими собственными интересами и потребностями.
4. Невзирая на разницу в приоритетах, отдаваемых представителями различных версий модернизма той или иной группе факторов в процессе образования наций и способствующих появлению государств современного типа, общим для них является понимание исторического движения «от государства к нации». Другими словами, не нации получают в свое пользование государства, а государства обретают или формируют нации.

Вместе с тем, акцентируя внимание на преобразующей социальную действительность совместной социально организованной деятельности людей, модернисты в ряде случаев игнорируют естественно-исторический (объективный) характер образования наций и национальных государств.

На мой взгляд, этот недостаток преодолевается в неомарксистской (естественно-исторической) версии социального конструктивизма, которой в дальнейшем я буду придерживаться. Согласно этому взгляду, «люди сами творят свою историю», но творят ее не произвольно и лишь в актах субъективного и интерсубъективного индивидуального опыта, а под воздействием многих не зависящих от них обстоятельств и в соответствии с мерой их познанности, определяющей успешность предметно-практического преобразования окружающей их действительности в желаемое состояние. С определенными уточнениями, связанными с различным пониманием «базисных» причин социальных трансформаций, с такой естественно-исторической версией социального конструктивизма К. Маркса были солидарны сначала О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, а затем А. Тойнби, Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, Э. Балибар, И. Валлерстайн и многие другие выдающиеся социологи и историки, различающие *предметно* и *духовно*-практические формы деятельности. Эта же философская онтология истории, в неявном виде, присутствует в качестве базового основания в рассмотренных нами модернистских концепциях образования наций и национальных государств, «общим местом» которых является представление о человеческой деятельности как способе существования и трансформации всех исторических явлений и процессов, о принципиальной возможности их познания. Различия, как уже отмечалось, состоят лишь в акцентуации тех или иных групп объективных и субъективных факторов, комплексное воздействие которых вместе с тем должно быть учтено. На это, кстати, указывали Б. Андерсон, Э. Геллнер, М. Манн, Э. Хобсбаум, П. Чаттерджи, иные адепты модернистской парадигмы[283]. Но в своих работах они, как было показано, не выдерживали данное требование, отдавая предпочтение социальным, культурным, политическим и др. интерпретациям этого сложного исторического феномена.

[283] Так, Э. Геллнер прямо называл свой подход немарксистской версией «исторического материализма». Б. Андерсон воздерживался от таких квалификаций, что не уберегло его от обвинений Л. Гринфельд в «материалистическом понимании социальной реальности». Подробнее о взглядах Л. Гринфельд см.: *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 87–89.

Пожалуй, наиболее отчетливо неомарксисткая версия социального конструктивизма получила воплощение в работах К. Дойча, обратившего внимание на ряд объективных (социальных, экономических, политических и других) факторов национальной интеграции и роль социальной мобилизации в формировании наций и национальных государств.

Сопоставляя «феодальный» и следующие за ним периоды европейской истории, К. Дойч приходит к выводу, что ни в одном из европейских полиэтнических государств (да и нигде в мире) приобщение к «общим культурным стандартам» никогда «не было полным» ни в одной из социальных групп населения. Общая культура вообще не играла большой роли в интеграции из-за ее незначительного влияния на жизнь основной массы народа — сельского населения[284]. И лишь «когда это относительно пассивное население было мобилизовано в процессе экономического развития и политической организации, его культурные и социальные характеристики в каждом случае приобретали ключевое значение в процессе национального строительства»[285].

По мнению Дойча, «рост наций» теснейшим образом связан с образованием государств нового типа: эти процессы взаимно обусловливают друг друга, объективным образом формируются под влиянием ряда факторов. Какие же общие черты характеризуют рост наций и формирование национальных государств в прошлом? По мнению К. Дойча, это:

1. «Переход от натурального хозяйства к *экономике обмена*.
2. *Социальная мобилизация* сельских жителей в ядрах (центральных районах) с большей плотностью населения и более интенсивным обменом.
3. Рост *городов*, социальной мобильности в них, а также между городом и деревней.
4. Развитие *базовых коммуникационных сетей*, соединяющих важные реки, города и торговые пути в потоке транспорта, путешествий и миграций.

[284] «И даже там, где ее влияние было сильным и с течением веков привело к культурной ассимиляции, сохранявшаяся пассивность и отсутствие возможностей прямого участия в решении более важных дел в конечном счете не обеспечило полной интеграции — независимо от того, было ли подчиненное сельское население в известной мере приобщено к единой культуре, как в Италии, или оставалось резко дифференцированным, как чехи и немцы в Богемии или малайцы и китайцы в Малайе». *Дойч К.* Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. М., 2000. С. 64.

[285] Там же.

5. Дифференциальное накопление и *концентрация капитала* и профессиональных навыков, иногда также социальных институтов, и *эффект „перекачки“* их в другие районы и группы населения с последующим вступлением различных социальных слоев в националистическую фазу.
6. Появление концепции *интереса* у индивидов и групп с неравным, но переменчивым статусом, и рост *индивидуального самосознания*, а также осознания своей предрасположенности присоединяться к группе, объединяемой общим языком и коммуникативными привычками.
7. Пробуждение *этнического самосознания* и принятие национальных символов, введенных преднамеренно или сложившихся естественным путем.
8. Совмещение этнического, самосознания с попытками *политического принуждения*, а в некоторых случаях попытки преобразовать свой народ в привилегированный класс, которому подчинены представители других народов»[286].

Последовательно рассматривая все эти группы факторов, Дойч устанавливает иерархию их значимости, в которой рост этнического и национального сознания оказывается «вторичен» по отношению к естественно исторически возникающей группе социально-экономических причин — переходу к экономике обмена, росту городов, базовых коммуникационных сетей, концентрации капитала и профессиональных навыков, — каждый из которых, в конечном счете, стимулирует рост «социальной мобилизации».

Социальная мобилизация — ключевое понятие и ведущий фактор роста «национализма» индивидуального сознания и, разумеется, сознания группового. «Периоды социальной мобилизации, быстрых изменений традиционного социального контекста, — пишет Дойч, — обостряют сомнения и самосознание индивидов. Вопросы „Кто я?“, „На кого я похож?“, „Кому я могу доверять?“ приобретают новую остроту и требуют нетрадиционного ответа. По мере поиска ответов на эти вопросы люди пытаются оценить себя, свои воспоминания, предпочтения, привычки, конкретные образы и даже специфические слова, посредством которых все это передавалось и фиксировалось в их памяти. Поскольку старые культурные или религиозные образцы,

[286] *Дойч К.* Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. М., 2000. С. 65. См. также: *Deutsch, Karl W.* Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. P. 18.

верования и обряды подвергаются сомнению, эти внутренние поиски должны привести к воспоминаниям детства и к родному языку, запечатлевшему значительную часть жизненного опыта и в определенном смысле сформировавшего характер и личность. В итоге поиски своей индивидуальности могут привести к национальности, а стремление к общению с себе подобными может раскрыть индивиду связь между этнической национальностью и потенциальной возможностью товарищества (т. е. национальной жизни)»[287].

Если индивидуальное осознание языка, религии и культурных традиций своего народа, продолжает Дойч, может показаться делом личной психологии, то национализация (национализм) группового и массового сознания[288] явно связана с всплесками социальной мобилизации (поддерживаемых властью), которые делают необратимым процесс распространения национальных символов: «Поток воспоминаний открыт и отчасти самовоспроизводится, и до тех пор, пока сохраняются основы для существования этнической группы и социальная мобилизация и коммуникации продолжают сплачивать ее членов, национальное самосознание сохраняется. И едва ли можно ожидать, что оно уступит место наднациональной лояльности до тех пор, пока в сфере объективной реальности не появится основа для привлекательности более широких наднациональных символов, не менее актуальных и частых в повседневной жизни индивидов и столь же существенных для их интересов, языка, коммуникаций и мыслей, как те переживания, которые привели к осознанию национальности».

При наличии объективной социальной мобилизации символы и институты группового сознания могут сложиться совершенно непреднамеренно. Процесс социальной мобилизации, считает Дойч[289], может даже преобразовать функции существующих символов или институтов таким образом, что они могут превратиться в проводников группового самосознания независимо от их первоначального предназначения.

---

[287] *Deutsch, Karl W.* Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. P. 27.

[288] Выражающаяся, прежде всего, в устойчивом воспроизводстве «национальных символов».

[289] «Например, — пишет Дойч, — распространению национализма нередко способствовала наднациональная церковь. Ранние средневековые церковные провинции, такие как Галлия или Англия, сами по себе не могли создать единство Франции или Англии, но они способствовали этому наряду с другими факторами, рассмотренными выше. Имена святых покровителей провинций и регионов, таких как святой Стефан для Венгрии, святой Вацлав для Богемии, святой Патрик для Ирландии и Мать Божья Ченстоховская для Польши, превратились в патриотический боевой клич» // *Deutsch, Karl W.* Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. P. 28.

С другой стороны, одним из значимых факторов социальной мобилизации населения оказывается государство, формирующее общие национальные символы.

Вместе с тем социально-философская рефлексия К. Дойча была односторонней. Постулируя национализм как «состояние ума, которое при принятии решений в социальных коммуникациях придает особое значение „национальным“ сообщениям воспоминаниям и образам»[290], Дойч, *во-первых,* упускает из вида многочисленные предметно-практические воплощения национализма. А *во-вторых,* недостаточно внимания уделяет роли политических элит и государственной бюрократии государства, целенаправленно формирующих, выражаясь современным языком, общее символическое поле для своих наций. Иначе говоря, в истории образования и функционирования национальных государств, реализующейся в сложной диалектике Бытия и Сознания социальных групп, К. Дойч акцентирует внимание на объективных моментах, в ряде случаев оставляя вне поля внимания роль субъектов исторического действия. В ходе дальнейшего исследования исторических особенностей формирования и эволюции государства модерна в его «национальной» и «социальной» ипостасях автор попытается не допускать подобной односторонности.

1.4. «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» И ЕГО КРИТИКИ

Как и дискурс о национальном государстве, обсуждение проблем формирования и развития «социального государства» характеризуется таким разнообразием теоретических интерпретаций, соединить которые в одну разделяемую большинством исследований концепцию в обозримом будущем не представляется возможным. Единственное, в чем солидарны все специалисты, — это время и авторство термина «социальное государство». Этот термин мы находим в двух трудах Лоренца фон Штейна: «История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней» и «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции,

[290] *Deutsch, Karl W.* Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. P. 301.

Англии и Германии», увидевших свет в 1850-х годах. Подробнее об этих работах и специфике концептуального оформления фон Штейном идеи социального государства и ее связи с германским национализмом будет сказано далее. А сейчас важно подчеркнуть, что за почти двух вековую историю осмысления в лоне социалистической, консервативной и либеральной мысли концепт «социальное государство» получил множество теоретических воплощений, ни одно из которых не является общепризнанным.

В отечественной литературе, помимо экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок, к настоящему времени сформировались как минимум четыре междисциплинарных подхода к анализу социального государства: а) **атрибутивный** (в рамках которого социальное государство определяется через выявление и перечисление его социальных характеристик), б) **ценностно-нормативный** (в пределах которого социальное государство понимается как государство основанное на принципах социальной справедливости, равенства и общественной солидарности), в) **системно-функциональный подход** (интерпретирующий эволюцию государства в социальное как формирование (и развитие) системы его социальных функций, увеличение их числа и значимости)[291] и г) **идеально-типический подход**, представляющий собой выделение из имеющихся теоретических представлений о государстве наиболее характерных («типических»), с точки зрения адептов этого подхода, черт социального государства, совокупность которых позволяет сконструировать его «идеальный тип»[292].

Идеальный тип социального государства выражается в его инвариантных характеристиках, которые оказываются постоянными, присущими ему всегда, независимо от того, какие исторически конкретные формы принимает социальное государство. В его пределах социальное государство может быть интерпретировано, например, как «правовое демократическое государство, которое совместно с институтами гражданского общества с целью сглаживания классовых противоречий, устранения разрывов в уровне и качестве жизни и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальной и духовной жизни, которые позволяют ему реализовывать

[291] *Калашников С. В.* Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006.
[292] См., например, *Кочеткова Л. Н.* Социальное государство. Опыт философского исследования. М.: Либерком, 2016. 160 с. Там же (с. 64–97) содержится довольно подробный анализ современных дискуссий о социальном государстве.

свои политические, экономические, социальные и личные конституционные права и свободы»[293].

Понятно, что «идеальные типы» представляет собой заведомое упрощение и идеализацию сложности и многообразия феноменов социально исторической действительности. Но идеально-типическое конструирование понятий полезно для обработки и организации эмпирического социально-исторического материала с точки зрения некоего «образца» и «идеала», к которому в настоящее время стремится человечество. И хотя отдаленное будущее нам, строго говоря, неизвестно, опыт последних десятилетий показывает возможность замены сформированного в странах Запада «государства всеобщего благосостояния» обществом «всеобщего благосостояния», предусматривающим значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, реализующих социальные услуги. «Следовательно, социальное государство — это государство нового типа, которое на основе принципов социального рыночного хозяйства создает условия для свободного саморазвития человека, его культуры и гражданского общества, его перехода на новый уровень самоорганизации и гуманистически ориентированную траекторию саморазвития»[294].

Однако это государство нового типа, воплотившееся во второй половине XX столетия в «государство всеобщего благосостояния» (и в свою очередь получившее множество «модельных форм» в разных странах мира), почти сразу же было подвергнуто «теоретическому остракизму» со стороны представителей так называемой Франкфуртской «критической школы (теории)» (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе)[295], некоторые из идей которой подхватили и развили современные социальные теоретики М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Гоулднер, Ч. Миллс, Э. Гидденс и ряд других исследователей.

---

[293] *Гранин Ю. Д.* Социальное государство и его исторические воплощения // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. И. Баумана. Электронный журнал. 2019. Выпуск 4 (78). [Электронный ресурс]. DOI 10.18698/2306-8477-2019-4.

[294] *Лапин Н. И.* Формирование социального государства — способ успешной эволюции общества // Социс, 2018. № 8. С. 9 (С. 3–11).

[295] Критическая теория, это — «теория, способная дать аналитическое обоснование, необходимое для выявления структуры явлений, лежащих в основе общественной практики, и раскрыть воплощенную в них возможную деформацию социальной жизни». Ее основатель М. Хоркхаймер считал, что критический метод призван разоблачать «всё, что уродует жизнь человечества и препятствует его свободному развитию...». Цитир. по: *Фурс В. Н.* Контуры современной критической теории. Мн.: ЕГУ, 2002. С. 11.

Как уже было отмечено и далее будет исторически обосновано, социальное государство, существующее теперь в большинстве развитых стран в форме «государства всеобщего благосостояния» (ГВБ), по своей экономической сути представляет собой «капиталистическое» государство, основанное на принуждении к труду и не способное устранить отчуждение человека от результатов его деятельности. А неомарксистская критическая теория ориентирует людей на идеал эмансипации и присвоение продуктов отчуждения их труда и собственности. Нынешнее ГВБ, полагают многие, не способно стать движущей силой борьбы за эмансипацию человека, хотя в своей официальной политике оно декларирует гуманистические идеалы («достойная жизнь», «свободное развитие личности» и пр.). Поэтому необходимо вскрывать все недостатки деятельности такого государства, показывая его двойственную природу и неспособность к радикальным социальным изменениям. Государство «всеобщего» благосостояния, полагает Ю. М. Резник, находится в поле взаимодействия «системного» и «жизненного» миров социума. «Его можно определить как один из институтов системного мира, обеспечивающий за счет ресурсов последнего элементарные условия для жизнедеятельности людей и ориентированный в той или иной мере на удовлетворение потребностей жизненного мира»[296]. И критика этого института системного мира ведется главным образом с позиций антифункционализма и эмансипации человека. Наиболее яркими представителями этих позиций являются А. У. Гоулднер и Ю. Хабермас.

Напомним, что теоретическая система функционализма Т. Парсонса исходила из признания самоорганизующегося существования социального мира, экономическую основу которого составляли капиталистические (рыночные) отношения. Последние, в соответствии с постулатами классического либерализма, признавались наилучшими из возможных. Следовательно, любые отклонения от установленного порядка в теории функционализма должны «мягко» преодолеваться или «нейтрализоваться», что, по мнению Гоулднера, ориентировало чиновников на решение социальных проблем с позиций обеспечивающих прежде всего стабильное существование капитализма. Реальные противоречия и антигуманизм капиталистической системы, построенной на

[296] *Резник Ю. М.* Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (системно-рефлексивный анализ) // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. Под редакцией Н. И. Лапина. М.: РЕНОМЕ, 2019. С. 103.

утилитарных ценностях, выносились за скобки. Но, будучи подвергнуты критическому (антисистемному) анализу, системные основания капиталистического бытия, институционально оформленные «государством всеобщего благосостояния», становятся явными.

Последнее, считает Гоулднер, лишь маскирует реальное разделение общества на «полезных» и «бесполезных» (с точки зрения системы) людей. Переход к ГВБ означает лишь расширение государственного участия в избавлении от «бесполезных» людей[297]. Теперь целью государства становится фильтрация людей по критериям «полезности» и «бесполезности». Причем акцент в политике делается на увеличение количества «полезных» и сокращение «бесполезных» людей в обществе. Полезными считаются те, кто имеет постоянную работу, регулярно платит налоги и выполняет другие социальные требования. Ни о какой общественной пользе речь, конечно же, не идет.

По мнению Гоулднера, существуют три основных стратегии контроля над «бесполезными» людьми со стороны ГВБ:

- *экологическая изоляция* (создание анклавов или резерваций, этнических или расовых гетто, трудовых лагерей, общин для пожилых, психиатрических лечебниц и т. д.);
- *перевоспитание личности*, в т. ч. перевод части больных или временно нетрудоспособных, безработных, мигрантов и неквалифицированных граждан в категорию «бесполезных» людей с целью их дальнейшего «исправления»: «лечения», «переобучения», «переподготовки» и т. д. Забота государства о «благоденствии» своих граждан «ограничена приверженностью полезности; оно требует чего-либо полезного взамен того, что дает»[298];
- *адаптация людей к рутинным практикам, понижение их творческой активности*. Здесь на первый план выходит «проблема механического труда; социальное государство должно постоянно идти в ногу с продолжающимся процессом механизации и автоматизации, с присущей ему тенденцией порождать безработицу, по крайней мере временную, и постоянное устаревание навыков»[299]. С этим связаны также многочисленные программы «человеческих отношений», которые пышным цветом расцвели в крупных корпорациях.

[297] *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии: Пер. с нем. СПб.: Наука, 2003. С. 105–106.
[298] Там же. С. 106.
[299] Там же.

Кроме того, «государство благосостояния», как и любое современное (т. е. бюрократическое) государство, имеет пределы своего влияния и ограничения, к числу которых относятся: а) *медленное реагирование на решение большинства проблем;* б) *зависимость этих решений от тех институтов, которые их же и порождают* (частное предпринимательство, фонды, политические партии, административные учреждения и пр.); в) *неэффективное использование* (а часто — присвоение и разбазаривание) *средств, выделенных на программы социального обеспечения*.

С последними наблюдениями можно согласиться, особенно когда речь идет о социальном государстве, сформированном в нашем отечестве. Но вызывает сомнение однозначная квалификация Гоулднером современного государства в качестве «централизованного бюро планирования и финансирования» посредников в избирательном решении социальных проблем или же «агентства по работе с „бесполезными“ людьми», которое осуществляет систему мер по сокращению их количества и адаптации человека к изменившимся условиям современного капитализма. Наличие социальной солидарности и гуманности в обществах с рыночной экономикой при таком подходе полностью игнорируется, и критика автора становится слишком резкой. Вот пример иного подхода отечественных социальных философов:

«Все задачи демократического социального государства на Западе решались посредством институционализации социального контракта между государством и гражданским обществом, и конкретно — между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. Эти отношения построены на принципе солидарности, дополняемом, в случае необходимости, субсидиарным подходом. (Курсив авторов цитируемого текста. — *Ю. Г.*) Они несут черты... баланса сил и социальных групп, которые выступают как предпосылка организованности. Основой достижения солидарности государства и других социальных сфер является компромисс, т. е. способность всех участников социального контракта жертвовать частью своих интересов для рационального достижения их базовой части, а также для достижения общественного блага...

Бизнес шел на эти условия, имея солидарность с обществом и следуя как патриотической настроенности, так и экономической рациональности. Солидарность определялась социальным государством как борьба за права человека, за равенство полов. Социальное государство брало на себя ответственность за рынок как институт инноваций,

существующий наряду с другими подобными институтами... Для этого государство брало на себя функции обеспечения свободы предпринимательства не только от государства, но и от монополий, теневых и криминальных структур, подавляющих эту свободу...

Основной вопрос для западной социал-демократии, которой принадлежит идея и практика социального государства, состоит в том, возможно ли удержать социальное государство в связи с переходом общества из индустриальной фазы развития в информационную, постиндустриальную, а также в связи с процессом глобализации»[300].

С этим мнением следует согласиться, подчеркнув, тем не менее, что любое государство есть в той или иной степени ограничение человеческой свободы и экзистенции. В этой связи более мягкий вариант критики «социального государства» с позиций таких жизненных ценностей, как взаимопонимание, любовь, личное достоинство и пр., предложил Ю. Хабермас. Вот как он описывает ситуацию, сложившуюся к началу 1990-х годов в странах Западной Европы: «Программа „социального государства“, которую удалось провести после второй мировой войны в обществах нашего типа, — относительный успех. Она означает, с одной стороны, ощутимую компенсацию за риск и тяготы, связанные с трудом, с другой — некоторое дисциплинирование и в то же время защиту капиталистического роста. Конечно, врожденный порок естественной судьбы, обусловленный капиталистическим рынком труда, пока не устранен, а лишь косметическим подправлен. Но в настоящий момент дело обстоит так, что социалистически ориентированные левые силы на Западе не могут добиться дальнейшего прогресса, даже закрепить достигнутое...»[301].

Ю. Хабермас обратил внимание и на то, что многие граждане западноевропейских стран по-прежнему отстранены от повседневного участия в системе власти. Их жизненный мир подвергается, по мнению Ю. Хабермаса, беспощадной колонизации со стороны системного мира и прежде всего авторитарного государства. Комментируя это наблюдение и солидаризуясь с ним, отечественный исследователь «жизненного мира» Ю. М. Резник отмечает, что ценности рынка и бюрократии

[300] *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 254–258.

[301] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «KAMI», 1995. С. 92.

повсеместно «стали проникать в структуры повседневной жизни и устанавливать там свои „правила игры“». Подобную идею развивал в свое время и А. У. Гоулднер, подчеркивая, что «современные искушенные управленцы стремятся контролировать „неформальные“ групповые структуры в производственной жизни, которые до сих пор предоставляли возможности для компенсирующего выражения»[302]. Частная жизнь людей перестала быть личным делом людей и на нее все больше посягают «всевидящие организации». Системные суррогаты и утилитарные жизненные стандарты «шаг за шагом вытесняют остатки спонтанной активности индивидов, блокируя или выхолащивая их коммуникации, а тем самым лишая жизненный мир смысла»[303].

Продолжая, автор отмечает, что даже Хабермас, которого трудно заподозрить в симпатиях к реальному социализму, «признает, что введение программы ГВБ явилось ничем иным, как попыткой защитить капитализм или его косметическим ремонтом. Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее — межклассовым) компромиссом, оно становится вместе с тем «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма»[304]. В России, которая застряла между Востоком и Западом, ситуация гораздо сложнее.

Здесь и сейчас мы имеем дело с социально-экономическим кризисом и нарастающим кризисом сознания большинства наших сограждан, обусловленным преимущественно внутренними факторами (непопулярными мерами правительства, экономической стагнацией, политическим застоем, бюрократическим произволом, духовно-нравственной деградацией и пр.) и сопровождающимся их страхами и неуверенностью в завтрашнем дне. Что же касается квалификации в Конституции РФ России как «социального государства», то его фактический статус, по мнению Резника, таков: «оно еще не стало правовым и социальным... Об этом свидетельствуют многочисленные факты. В последние годы полным ходом идет сворачивание социальных прав рядовых граждан (повышение пенсионного возраста, рост налогов, сокращение перечня обязательных социальных и медицинских услуг, и пр.), а дове-

[302] *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2003. С. 105–106.
[303] *Резник Ю. М.* Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (системно-рефлексивный анализ) // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. Под редакцией Н. И. Лапина. М.: РЕНОМЕ, 2019. С. 106.
[304] Там же.

рие к институтам власти продолжает снижаться, что лишь увеличивает дистанцию между реально функционирующим корпоративно-бюрократическим государством и декларируемым в Конституции принципом социального государства. Применительно к опыту построения этого государства в России можно использовать оба вида критики — антисистемную и экзистенциальную.

Используя антисистемную аргументацию, можно сделать вывод, что сегодня мы идем в сторону „от социального государства“, а не к нему. Ведь социальным считается то государство, которое действует в интересах большинства классов и групп общества, выравнивая постепенно условия их жизнедеятельности и расширяя границы среднего класса. Пока существует колоссальный (несопоставимый с подобными показателями самих развитых стран) разрыв между самыми богатыми и самыми бедными людьми в России, не может сложиться полноценное социальное государство»[305].

В общем с такими оценками согласны многие отечественные исследователи. Но в пространстве теоретической неопределенности остается ключевой вопрос: возможно ли посредством «государства» достичь «всеобщего благосостояния» в условиях очевидного экономического неравенства, обусловленного частнособственническим способом материального производства? «Государство всеобщего благосостояния» — это скорее метафора, нежели цель экономического развития», — констатирует профессор Т. Ю. Сидорина. «В рамках Welfare State этический контекст остался нерешенным. Достигли материального благосостояния – но не дошли до нравственных преобразований...»[306]. И, судя по всему, в обозримом будущем это вряд ли осуществится. Но другие авторы более оптимистичны, полагая, что возникшее в лоне утопического социализма «социальное государство», тем не менее, есть реализуемая утопия, вырастающая из государства благосостояния[307].

С точки зрения разделяемой автором этих строк конструктивистской версии социальной философии, интерпретирующей социальную

[305] *Резник Ю. М.* Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (системно-рефлексивный анализ) // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. Под редакцией Н. И. Лапина. М.: РЕНОМЕ, 2019. С. 115.

[306] *Сидорина Т. Ю.* Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М., 2013. С. 290–293.

[307] Подробнее см.: Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. Под общей редакцией Н. И. Лапина. СПб.: РЕНОМЕ, 2019.

реальность как формируемую в контексте предметно-практической и духовно-языковой жизнедеятельности обладающих сознанием индивидуальных и коллективных субъектов истории, в том числе и с позиций ее (реальности) должного состояния, вторая версия осуществима. Эволюция «государства» в Новое и Новейшее время представляла собой сложный взаимообусловленный процесс «национализации» и «социализации» этого общественного института, который правильнее было бы определять не как нечто ставшее, а как становящееся — т. е. как «институционализацию».

Употребление мною этих терминов не авторская прихоть, а теоретическая необходимость, вызванная попыткой избавиться от эссенциализма — веры в независимое от человека (объективное) и внеязыковое существование «наций», «классов», «государств», других категорий социальных наук *в качестве неких ставших, а не становящихся явлений*. Разумеется, окружающий(ие) нас природный и социальный мир(ы) представляет собой совокупность качественно определенных (устойчивых) явлений и в этом смысле может быть уподоблен «вещам». Это уподобление совершается в обыденном и научном языке: каждое слово, а также понятие «уже обобщают», тем самым схватывая качественную определенность (устойчивость) внешней человеку реальности, но одновременно и «останавливая» ее имманентно процессуальный характер. Возникает языковая иллюзия ставшего (но и остановленного нами) Мира, который, согласно науке, представляет собой диалектическое единство изменчивого и устойчивого, ставшего и становящегося. Процессы овеществлены, а вещи процессивны. Именно это, ускользающее от внимания исследователя обстоятельство, я предлагаю удерживать, используя термины «национализация» и «социализация» государства модерна. Однако в целях удобства изложения материала в дальнейшем, как и принято, можно вести речь о «национальном» и «социальном» государствах, имея в виду процессивный характер этих исторических феноменов, их взаимосвязь.

Возникшее позже национальных государств в конце XIX столетия «социальное государство» в дальнейшем развивалось на базе и вместе с государством национальным. Учитывая эту хронологию, процессы «национализации» и «социализации» государства имеет смысл рассмотреть отдельно, постоянно подчеркивая их диалектику в контексте движения истории от эпохи «первого» (доиндустриального) к «индустриальному» и постиндустриальному (информационному)

«модерну». То есть в Новое и Новейшее время становления всемирной истории — эпох, для которых характерен переход от второй к третьей стадии глобализации человечества[308]. Начать целесообразно с анализа формирования наций и национальных государств в Западной Европе XVII–XIX столетий — процесса, суть и вектор которого были заданы переходом от этногосударственных и этноимперских к национальным и национально-имперским формам общежития, обеспечившим историческое преимущество Европы над Азией.

[308] О глобализации человечества и ее стадиях подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. М.: Академия медиаиндустрии, 2014; *Гранин Ю. Д.* Глобализация и ее исторические формы. Социально-философский анализ // Вопросы философии и психологии. 2018. № 5. С. 12–23.

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

2.1. РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ИМПЕРСКИЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Продолжая исследование, прежде всего зафиксируем ограниченность западоцентричных моделей исторического развития и созданных на их основе «вестернизированных» интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции лишь к одной из потенциально возможных. Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX-го – середины XX столетий. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной[309]. Как свидетельствуют многочисленные данные, «центр» и «периферия» постоянно менялись местами и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущей к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История — нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов,

[309] Подробнее см. *Гранин Ю. Д.* Глобализация или «вестернизация»? // Свободная мысль. 2013. № 1/2. С. 51–64.

обществ, государств и цивилизаций. Соответственно, и глобализация как одна из ее тенденций (тенденция к объединению человечества) была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных «цивилизационных» (социокультурных) и политических моделей[310]. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала империя.

Это сейчас термин «империя» и соответствующие ему реалии воспринимаются как нечто регрессивное. Однако на протяжении многих столетий до и после новой эры имперская политическая форма в ряде случаев несла в себе позитивный культурно-исторический смысл, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Существуя главным образом за счет налогов и дани[311], оседлые династийные империи, которые вслед за Тойнби лучше именовать «универсальными государствами», прокладывали новые торговые пути, строили дороги и, делегируя часть своей власти на «периферию», создавали универсальный правящий класс, связанный узами родства, верований и религии, цементирующий имперское «культурное ядро» и вырабатывающий проекты не только политической, но и культурной экспансии на значительные расстояния. Так, повторим, параллельно или сменяя друг друга, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и выросшая из нее «евро-атлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития, которые, объявляя соседей «варварами», естественным образом считали себя «центрами» окружающего мира и, формируя глобальные стратегии, реально претендовали на мировое господство.

[310] Подробнее см. *Гранин Ю. Д.* Глобализация, нации и национализм. История и современность. М., 2013. С. 84–92.

[311] Последняя форма характерна для так называемых «кочевых» империй (Чингиз-хана, Тамерлана и др.), которые П. Н. Савицкий справедливо относил к «континентально-политическим» образованиям, милитарное властвование которых над покоренными народами не ведет ни к какому (экономическому, политическому или культурному) прогрессу, и которые, в отличие от «оседлых» династийных империй, собственно империями не являются. Подробнее см.: *Савицкий П. Н.* Борьба за империю // Империя и нация в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 268–302.

По справедливому замечанию А. Г. Франка, перемещение «центра мира» — колебательный процесс, отмеченный «сменяющими друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии»[312]. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказавших, что, начиная с XII века н. э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия, центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса (до XV века) была Азия. Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовала и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система.

Кроме того, крупнейшие азиатские империи значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния. Уже в XI веке уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV веку в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII века. Это была, пишут американские ученые Д. Линь Ифу и К. Станкела, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII столетии, в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров[313].

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась

[312] *Frank A. G. ReOrient*: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles, 1998. P. 1.
[313] See: *Lin Yitfu J.* The Needham Puzzle: Why the Industrial Revolution did not Originate in China // Economic. Development and Cultural Change. Chicago, 1995 / Vol. 43. № 2. P. 269–270; *Stunkel K. R.* Technology and Values in Traditional China and the West // Comparative Civilizations Review. № 23. 1990. P. 78–79.

как угроза основам, сплачивающим социумы традиционным мировоззрению и культуре[314], с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, многими другими причинами. Но, скорее всего, успехи Европы, все-таки, определялись рядом преимуществ западноевропейской модели (типа) развития. Исторический успех которой, помимо прочего, был связан с трансформацией политических субъектов и политических форм осуществления глобализации в европейском регионе планеты: *переходом от этногосударственных и этноимперских к национальным и национально-имперским формам общежития*. Здесь самое время взять паузу и хотя бы в общих чертах рассмотреть процесс образования в Европе этнических государств, империй древности и средневековья.

Как показывают исследования, образование этнических государств[315] принципиально (по механизмам) не отличалось от процессов создания государств надэтнических — империй. В этнических государствах происходит с большим или меньшим успехом «переплавка» их исходной — племенной основы. В плане социально-экономическом этому соответствует аграрная стадия развития человеческого общества и накопление богатств элитой посредством военно-административных методов — войн, дани, неузаконенного и узаконенного грабежа, осуществляемого дружиной. В плане социокультурном решающую роль в образовании этнического государства играет интегративный миф, носителем которого выступает надплеменная элита. Указанный механизм является общим для образования этнических государств как древности, так и средневековья. Везде элита становится фактором формирования этнокультурной идентификации и этнокультурного единства. Масштабы этого единства расширяются от локальной территории через родственный в этнокультурном отношении регион до государства. По мнению специалистов, «на всех этапах элиты предстают как аккумулятивное начало общественного развития, важнейший сгусток культурного и этноконфессионального взаимодействия, нередко как инициаторы этнокультурной идентификации, критериев этнического отбора и фобий

[314] Самый впечатляющий пример — добровольный, вызванный основанными на конфуцианской этике моральными соображениями, отказ Китая на долгое время после 1433 г. от дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также изготовления механических часов и водяных машин. Подробнее см.: *Diamond J.* Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies. New York; London, 1999. P. 248.

[315] То есть государств, образовывавшихся на племенной основе, где формирующееся «государство» выступает необходимой политической формой образования этносов.

в этой области»[316]. Мощным инструментом интеграции и одновременно сплочения элиты становится языковая унификация, использование того или иного языка или диалекта в качестве нормативно государственного.

На племенной догосударственной стадии общее этническое самосознание представителей родственных племен не проявлено. Отсутствие политического единства означало отсутствие этнического самосознания. Формирующиеся политические структуры становились первоочередными этноконсолидирующими и этнодифференцирующими факторами[317]. Исследователи отмечают, что племенные этнонимы, фиксирующие момент общего происхождения, выполняют различительную функцию. Напротив, самоназвания, декларирующие признание принадлежности к какому-либо политическому объединению, направлены на стремление к уподоблению, выражают тенденцию к интеграции[318]. Характерным в этом отношении является трансформация галльского самосознания до и после римского завоевания. Оказываемое римлянам сопротивление не было общегалльской борьбой, стимулированной общим самосознанием, а политикой отдельных племен. Напротив, получившая права римского гражданства и перенявшая римские культурно-бытовые и мировоззренческие нормы племенная знать, существующая в рамках провинции как политического института, формирует общегалльскую самоидентификацию, что находит свое отражение в трансформациях этнонимов: понятия, относящиеся к самоназваниям племен, выступают как различительные, а связанные с существованием Римской Галлии — как интеграционные. Пика этот процесс достигает в момент падения имперских структур, из которых выходит элита, обладающая консолидированным самосознанием и способная выстраивать самостоятельные государственные структуры. Как пишет Е. В. Ляпустина, «до римского завоевания было лишь культурное единство, обнимающее огромное разнообразие племён; этническую, то есть обладающую известной структурной целостностью, определённость Галлии придала успешная интеграция в Римскую империю»[319].

[316] Элиты в контексте этнокультурного взаимодействия // Элиты и этнос средневековья. М., 1995. С. 7.

[317] *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

[318] *Томановская О. С.* Этнос и этноним в предклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

[319] *Ляпустина Е. В.* Романизация провинций и формирование галло-римской знати // Элиты и этнос средневековья. М., 1995. С. 17.

Огромную роль в политической и этнической мобилизации играет выдвижение межплеменного мифа и монополия знати на воспроизведение этого мифа. Элита германских племен периода миграций и образования варварских королевств консолидировалась на основе создания мифа о легендарной земле Ойуме, бывшей одновременно прародиной и целью. Монополия на миф о ней укрепляла власть и авторитет элиты, подчинение представителей различных племен и, как отмечает В. П. Буданова, «позволила процессам консолидации распространиться за узкие этнические рамки конкретных племён»[320]. В перспективе это вело к формированию этнического государства. При формировании ранних государств сложение знати на полиэтнической основе при доминировании одного из племен было правилом. Переработка племенных легенд и творение этнического мифа становилось формой легитимации иноэтничной по происхождению знати. В случае если процесс этнической консолидации (сам, конечно же, шедший не без применения насилия) искусственно прерывался завоеванием, получала распространение такая форма этнического мифа, которая возводила знать к одной этнической основе, а простолюдинов к другой (Англия, Франция, Венгрия, Чехия). Это обеспечивало санкцию на управление и даже претензии на богоизбранность знати. В некоторых средневековых государствах существовавшее тогда понятие «нация» отождествлялось с дворянством, бюргерство же из него исключалось. *Этногенетический миф становился частью государственной идеологии и способствовал укреплению этнопатриотических элементов в самосознании элиты.* Племенная, догосударственная стадия этими мифами обесценивалась. Этим идеологически закреплялась практическая политика раннефеодальных монархов по уничтожению институционально-территориальной организации догосударственных племен и создания этногосударственной административной системы.

Из истории Древней Руси и взаимоотношений киевских князей с племенными вождями мы знаем, что «государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались «завоевателями» формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе

[320] *Буданова В. П.* «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элиты и этнос средневековья. М., 1995. С. 43. См. так же *Буданова В. П.* «Желанная земля» в духовной традиции германской элиты // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М., 2002. С. 13–21.

дружины и подвластных её земель»[321]. В случае с древнерусским государством основой этнической идентификации оказывается использование славянским населением скандинавского (варяжского) слова rops (русь, рось), и превращение его в этноним сначала полиплеменной и даже иноэтничной элиты в этноним, объединяющий все население формирующегося государства вне зависимости от племенного происхождения.

Вообще, характерным процессом для образования этногосударственной элиты была добровольная социокультурная ассимиляция иноэтнической знати, чему история дает много примеров. Само сознание этнической принадлежности в государствах средневековья неразрывно сопряжено не столько с представлением о кровном родстве или используемом речевом диалекте, сколько с идеей верности своему государю, соблюдением положенных норм поведения для данного сословия и приверженностью героическим преданиям о деяниях предков. Ослабление средневековых государств сопровождалось сменой приоритетов у аристократии: местные интересы становились для нее важнее общих, символизированных в верности королю. Преступавший свою клятву феодал не осознавал себя при этом изменником Родины. Социокультурные возможности этнического государства по обеспечению этнического самосознания даже у элиты не были высокими в силу общей неразвитости идейно-образовательной сферы.

Слабым местом государств домодернизационной эпохи была неспособность укреплять и использовать в качестве инструмента интеграции общенациональный язык. С другой стороны, именно это позволяло идеологам дворянской элиты включать в состав по-средневековому понимаемой «нации» представителей всех знатных родов без различия их этнического происхождения[322]. В любом случае проблема этнического самосознания в средневековых государствах решалась не отсылкой к происхождению, а трактовалась с политических позиций. Португальская знать, например, не говоря уже о народе, не мыслила себя в качестве чего-то отличного от испанской, пока в ходе Реконкисты она не получила от местной власти земли и готова была поддержать ее в конфликте и военных действиях против Леоно-Кастильской короны.

[321] *Петрухин В. Я.* Русские князья и дружина: социальная терминология и этнические связи // Элиты и этнос средневековья. М., 1995. С. 93.
[322] *Гранин Ю. Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации. М., 2007. С. 9–10.

Рост этногосударственного самосознания сопровождался ростом популярности местночтимых святых и обретением королевским двором статуса культурного центра. Идентичность движется от верности короне к осознанию себя в качестве особого этноса. Постепенно осознание принадлежности к португальской нации переходит к простонародью не без помощи тех или иных политических или бытовых столкновений с прибывшими из Испании.

Итак, этнический миф, право на истолкование которого присваивает себе элита, становится как основой консолидации этнической элиты, так и средством «переплавки» племен, причем не обязательно родственных (достаточно указать на насильственную и добровольную франкизацию сакских и славянских плен в ходе расширения державы Карла Великого), в единый этнос — основу этнического государства. В литературе, особенно отечественной, стало почти общим местом иронизировать над нациями — «вымышленными», «искусственными» общностями Б. Андерсона. За этой иронией нет ничего кроме предрассудков примордиализма. Не только нации, но и этносы являются искусственными в том смысле, что составлены из «переплавленных» племен, и вымышленными, поскольку для осуществления такой переплавки необходимы были социокультурные инструменты обеспечения интегративной идентичности, главным из которых был этнический миф, санкционирующий власть общегосударственной элиты и этноконфессиональную общность населения государства. С точки зрения разделяемой автором неомарксистской версии социального конструктивизма этническое государство столь же искусственно, как и национальное государство, и потому столь же естественно.

Этнические государства могут возникать как из продуктов распада империй, так и становиться для них зародышем, трансформироваться в империи. Так возникали империи древности. Образование империй характеризуется в литературе как военно-экономическая экспансия государств и протогосударственных образований. Экспансия, объективно провоцируемая прежде всего недостаточностью природных ресурсов территории для традиционно-успешной хозяйственной деятельности веками живущих здесь этносов и народов и сопутствующим ростом «избыточного» населения. Последнее стремительно увеличивается независимо от эффективности имеющихся способов производства материальных благ и систем хозяйствования. Климат, рельефы местности, водоснабжение и другие «географические» характеристики

разных территорий нашей планеты со временем сильно меняются, в том числе под воздействием деятельности людей, что ставит населяющие их этносы и народы в очень неравные условия жизни, способствуя или препятствуя их хозяйственно-экономическому прогрессу, периодически стимулируя борьбу между социумами за контроль над торговыми коммуникациями и рынками.

Таким образом, объективно неравные естественные и экономические условия жизни рано или поздно приводят к тому, что внутри некоторых обществ возникают мощные очаги социальной напряженности, вызванные тем, что производительные силы начинают «давить на население» (Ф. Энгельс), создавая «лишних» людей — маргиналов, которые в свою очередь «давят» на господствующие политические и хозяйственные элиты, побуждая их к изменению геополитических стратегий. Одна из этих стратегий — прямая военная агрессия против соседних государств с последующим полным либо частичным включением их территорий в состав государства-агрессора. Другая — колонизация близлежащих и отдаленных территорий. Различие между этими двумя способами образования империй состоит в масштабах, степени и формах осуществления насилия, а также в степени участия регулярных репрессивных сил государства. В конечном счете «государство» (метрополия) поддерживает конкистадоров, продвигаясь за их отрядами. Именно так в середине первого тысячелетия до нашей эры древнегреческие полисы колонизировали побережье Средиземного и Чёрного морей, подобным же образом Московская Русь колонизовала территории Сибири и Дальнего Востока, а Испания, Голландия, Англия и Франция — Америку, Африку и значительную часть Азии. Следствием этой колонизации оказывался, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни.

Несмотря на то что колонизация новых земель зачастую не имеет явно выраженной «имперской цели», результат оказывается тем же, что и при государственном завоевании соседей: расширение масштабов и этнического состава государства, влекущие за собой политические и экономические выгоды. Образование имперских государств есть в значительной мере итог попытки решить свои внешнеполитические

и внутренние проблемы за счет экономически и военно более слабых соседей. Вместе с тем успешными оказывались завоевательные попытки периферийной для античного мира Македонии, немногочисленного союза монгольских племен, или бедуинов Аравии, которые, уступая побежденным экономически и цивилизационно, превосходили их духовно-психологически.

Гегель считал образование империй прошлого закономерным процессом, обусловленным мощью духа империеобразующих народов, которые затем уже создают и сильное государство, и великую культуру. Такие государства неизбежно поглощают духовно более слабые народы, образуя империи. Но в чем источник «силы духа» «имперских» народов? Разумеется, великий философ полагал — в «мировом духе». Претендующий на научность вариант объяснения этого явления был дан в пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилёва, согласно которой великие переселения народов и сопутствующие им распад и образование империй связаны с возникновением особого рода духовной энергетики и стереотипов поведения у отдельных, иногда малочисленных этносов, источником чего были и продолжают оставаться изменения биосферных процессов в той или иной части планеты. Эта духовно-физиологическая энергия была названа Л. Н. Гумилёвым пассионарностью, а ее носители — пассионариями, людьми «длинной воли», которая позволяла им завоевывать и осваивать огромные территории. Для объяснения исторических процессов, однако, важнее выявление собственно социальных закономерностей, которые могут оказывать влияние, в том числе и на этнический состав населения.

Империи были основными проводниками глобализационных процессов на досовременной стадии глобализации. Первоначально инструментом имперского объединения выступает военная сила. Империи развивались, экстенсивно, расширяя свою территорию за счет наращивания военной мощи. Как и этнические государства, ранние (древние и средневековые) империи живут в большей степени за счет дани, чем благодаря развитию торговых путей. Силовые методы поддержания власти над множеством племен и народов весьма ограниченны: «военные и политические структуры не в состоянии были распространить отношения, свойственные регулярной форме правления на действительно глобальные расстояния»[323]. Чем больше империи полага-

[323] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. М., 2004. С. 491.

ются на силу, тем менее они устойчивы. Добиться реального подчинения провинций империя могла благодаря только социокультурной и управленческой модернизации. Важным способом поддержания целостности империи являлось формирование универсальной правящей элиты — разноэтничной и связанной узами родства, общим стилем жизни, культурными установками и верованиями. Еще один важнейший способ интеграции многоязычного и поликонфессионального населения в империи — ее оплодотворение универсалистской идеей. Как правило, в этом качестве выступает религиозное обоснование имперского объединения, постепенное продвижение к более или менее равному подданству различных народов в рамках империи. По верному замечанию авторов книги «Глобальные трансформации», «сильными становились те империи, где экстенсивное расширение военной и политической власти подкреплялось расширением власти культурной»[324].

Вместе с тем для большинства населения империй воздействие великих религий часто носило поверхностный характер, и формирование идентичностей определялось местными верованиями. Имперские власти были вынуждены идти на значительные теологически и обрядовые уступки.

В целях интеграции элиты в этнических государствах мог использоваться как один из племенных этнонимов, так и — в случае с империями — как более масштабными образованиями в этом качестве использовалась религиозная принадлежность или же надэтничный этноним. Размывание этнических границ, торможение этнической консолидации становится необходимым при возникновении надэтнических конфессиональных общностей в связи с имперским самосознанием. Большую роль в этом играют мировые религии. Империи, возникавшие на языческой основе, с трудом справлялись с задачей обеспечения социокультурной интеграции и либо быстро разваливались, как держава Александра Македонского, либо были вынуждены применять паллиативные меры вроде своза статуй богов покоренных народов в Рим или же совмещением в одном храме римских и неримских божеств.

Мировые религии становятся мощным фактором «глобализации сознания», поскольку обладают мощным интегративным потенциалом и становятся эффективной идеологической основой для масштабных и долговременных завоеваний, в ходе которых под имперское крыло

[324] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. М., 2004. С. 394.

объединяются как родственные, так и этнически неродственные народы. Очевидно, что арабские завоевания не могли бы быть успешными без исламской идеологической основы. В Византийской империи православие заменяло собой национальность, а этнос был размыт общим понятием «ромей». Среди византийской знати значительным было число фамилий самого разного иноземного происхождения. Высшие военные и гражданские должности занимали лица латинского, арабского, турецкого, кавказского, славянского происхождения. Этническое самосознание у иноземных представителей византийской знати отсутствовало[325]. Принятие ислама в Османской империи могло открыть путь к высшим постам тому, кто не был этническим турком. Из шести человек, имевших в Турции в период войн середины XIX в. титул генералиссимуса, только один был этническим турком, остальные: чеченец, черкес, венгр, немец, еврей. Но все они осознавали себя турками и подданными султана. Можно вспомнить и знаменитого Гольц-пашу, остававшегося, разумеется, германским подданным, но бывшего при этом вице-председателем Высшего военного совета Турции. В империи степень внутренней интегрированности элиты столь высока, что не только различная этническая, но даже различная конфессиональная принадлежность не становится препятствием для занятия высших должностей. Фактическим правителем России при Александре II был М. Т. Лорис-Меликов, этнический армянин, армяно-грегорианского вероисповедания.

В чем глобализационное, всемирно-историческое значение образования империй, например, империи Александра Македонского и Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великих цивилизаций и великих культур на огромных пространствах Ойкумены, утверждая в провинциях единую для всех народов государственную наднациональную идеологию и единые законы совместного проживания. Точно так же Московское царство, колонизируя земли за Волгой и Уралом, выполняло по сути ту же цивилизаторскую миссию, реализовывало римскую идею «единого правового пространства» в Евразии. Неважно, хорошо ли было это право, важно, что превращение десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей в «граждан» или «подданных» одного государства создавало возможность для сосуществования и взаимообогащения различных

[325] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии. М., 1974.

культур и религий, для нормальной хозяйственной жизни, научного и технического прогресса. В этом, кстати, отличие России от европейского колониализма Нового времени, который не создавал для колонизуемых народов общего правового пространства с колонизаторами.

Перед империями стояла задача обеспечения социокультурной интеграции не только элиты, но и населения империи в целом, в особенности окраинных территорий. С проблемой их абсорбции империи справлялись с большим или меньшим успехом. Китай постепенно ассимилировал кочевников, регулярно наседавших на его границы и даже добивавшихся военно-политических успехов, а вот проблема интеграции внутри страны решалась труднее. Со сходной ситуацией сталкивался Древний Египет, более или менее успешно решавший проблему взаимодействия с кочевым окружением, но всегда сохранявший опасность раскола на Верхний и Нижний Египет. Можно вспомнить и пресловутое массовое бракосочетание македоно-греческих воинов с персиянками, проведенное Александром Македонским в Сузах. Конечно, такие меры не могли способствовать реальной интеграции внутри имперской державы. В подавляющем большинстве случаев потенциально существовавшая возможность имперской площадки полиэтничного диалога и культурного взаимопроникновения не воплотилась в реалии межцивилизационного синтеза. Более того, собирание под эгидой верховной государственной власти миллионов людей, различных по языку, вере, обычаям и другим цивилизационным характеристикам по мере роста расового, этнического, национального и даже «экономически-локального» самосознания реально создавало предпосылки различного рода сепаратизмов. Противостоять им могла лишь социокультурная сила сцепления и инерции структур крепкого государственного организма.

Проблема социокультурной интеграции в империях в основном решалась с помощью так или иначе выраженной имперской идеологической доктрины. Завоеваниям Александра Македонского предшествовали кризис полисной демократической идеологии, смешение греческих и восточных культов, растущая аполитичность населения и приобретшая популярность на этом фоне монархическая панэллинская доктрина (развивавшаяся Исократом, Ксенофонтом и Аристотелем), провозглашавшая спасительную роль сильной личности, стоящей над обществом и способной объединить разрозненные эллинские государ-

ства в державу, подчиняющую себе варваров[326]. В качестве способа объединения греков, в число которых включались и македоняне, и решения социальных проблем, в том числе проблемы бедности, Исократ предлагал завоевательный поход на Восток под предводительством македонского царя, который его противниками в Элладе сам рассматривался как варвар. В разрез с классической греческой политической традицией, наиболее ярко представленной Платоном, Исократ прославлял единоличную форму правления в ее наиболее чистой тиранической форме. Выдвинув программу панэллинизма, Исократ политизировал понятие «эллин», целенаправленно подчеркивая этническую общность эллинов и противопоставляя их варварам. Военный завоевательный поход на Восток становится одновременно подтверждением этнической общности греков и способом ее формирования. Идея шовинизма пролагает путь к будущей империи[327].

Свою лепту в обоснование имперской идеологии внес учитель Александра Македонского Аристотель, в целом благоволивший к монархической форме правления и развивавший идею этнически чистого греческого «среднего класса», согласно которой греки будут заниматься делами управления и войны и разделят более или менее равномерно земли восточных варваров, обратив последних в рабов[328]. Такой имперский этнизм играл свою роль в идеологическом обосновании македонской державы. Крайне показательно, что по мере успе-

[326] *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Л., 1991.

[327] *Исаева В. И.* Исократ. М., 1994. Термином же «панэллинизм» историки называют комплекс «панэллинских», то есть общегреческих, всегреческих идей и связанных с ними различных мероприятий объединительного характера VI–IV веков до Р. Х. К таким мероприятиям можно отнести и регулярные Олимпийские игры, и организацию двух Афинских морских союзов, и, наконец, общегреческий Коринфский конгресс в 336 года до Р. Х., признавший гегемонию Царя Филиппа II Македонского над греческими полисами. Конечно, термин «панэллинизм» не современен Исократу, но в исторической науке он выражает объединительные усилия греков с целью преодоления постоянной межполисной вражды и соперничества. Сам Исократ в своем самом знаменитом произведении «Панегирик» пишет: «15. Теперь — о том, что касается всех. Ораторы, которые говорят, что пора нам прекратить взаимные распри и обратить оружие против варваров, перечисляя тяготы междоусобной войны и выгоды от будущего покорения Персии, совершенно правы, но забывают о главном. 16. Эллинские города большей частью подвластны либо Афинам, либо Спарте, и разобщенность эту усиливает разница в их государственном и общественном строе. Безрассудно поэтому думать, что удастся побудить эллинов к совместным действиям, не примирив два главенствующих над ними города!». Исократ тем самым косвенно указывает, что идея общеэллинского объединения, то есть идея панэллинизма принадлежит не ему, но он предлагает политическую схему решения этой проблемы.

[328] *Чанышев А. Н.* Аристотель. М., 1988.

хов имперского проекта происходит постепенный отказ от имперского этнизма, принятие восточных форм легитимации имперской власти, провозглашение Александра в Египте сыном Амона-Ра по модели легитимации власти фараонов. Место панэллинской идеи в идеологической жизни формирующейся империи занимает идея человечества. В этом контексте следует рассматривать такие мероприятия, как бракосочетание в Сузах, молитву в Описе, имевшие целью формирование общеимперской западно-восточной элиты. При жизни и особенно после смерти Александра благодаря концепциям стоиков Зенона и Плутарха все больше обоснование получает идея братского объединения людей, устранения этнических предрассудков и высокомерия, общего служения всех народов высшей власти[329].

В Риме такую же функцию легитимации имперской власти и обеспечения подвластности ей различных в этническом и конфессиональном отношении народов играли процедуры привоза статуй периферийных богов в Рим и особенно — обожествление императора. Стандартным приемом укрепления общественного единства были, особенно с времен Цезаря, военные экспедиции и триумфы по поводу их успешного завершения. Продолжительное существование имперского Рима обеспечивалось не только традиционными для ранних империй способами применения военной силы и сбора дани, но и рядом культурных инноваций, связанных с насаждением в провинциях правящего класса, связанного общими культурными традициями, верованиями и историческими вкусами. Рим после завоевания новой территории оставлял у власти большую часть местной элиты, приобщая ее культурно и политически к римскому правящему классу (во многом за счет обучения латинскому языку и культуре). Свою роль играло постепенное распространение на провинциалов прав римского гражданства.

Новые возможности перед обоснованием имперской панэтничности открыли мировые религии, прежде всего христианство. Мировая религия обеспечивала возможность навязывать общеимперский набор ценностей при сохранении определенной плюральности, терпимости к местным особенностям и обычаям, включая христианскую канонизацию местных языческих духовных авторитетов. Скрепой всего этого оставалась идея превосходства духовной власти над светской, санкционирующая подобное высшему единству духовной власти такое же

[329] *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. Ростов-на-Дону, 1997.

высшее единство светской власти — имперское. Свое обоснование эта идея нашла в концепции Града Божия и Града Земного у А. Августина. Основатель первой империи средневековья — Франкской, Карл Великий, коронованный папой в Риме в качестве императора в 800 г., считал, что своей деятельностью реализует идею святого Августина об утверждении на Земле Града Божия. Карл поставил перед собой эту цель, проникнутый сознанием долга перед Богом, вверившим ему власть над народами империи. Идея божественного происхождения имперской власти Карла теоретически обосновывалась Алкуином. Хотя принятие Карлом императорского титула санкционировало строительство империи как строительство Града Божия, император не допускал вмешательства священнослужителей в процесс принятия решений и ограничивал их роль служебными обязанностями[330].

Идея об империи как зримом воплощении Града Божия легла в основу следующего — более долговечного имперского проекта — Священной римской империи германской нации, основанной Оттоном I в 962 году. Вселенский католический проект сопряжен здесь с представлением о доминирующей нации. Становление империи было вместе с тем и образованием нации, если допустить здесь применение этого термина. Пребывание в составе Франкской империи привело к ускоренному интегративному процессу у племен, не имевших до этого собственной государственности. «Среди представителей господствующего класса отдельных племенных герцогств зарождалось чувство общности, обусловленное общностью интересов и всё более выходившее за рамки этих герцогств, способствуя политическому и личному сближению элиты Восточно-Франкского королевства»[331]. Расширение империи сопровождалось ассимиляцией славянских земель и регулярным подчинением итальянских территорий. Преемник Оттона I Оттон III сознательно использовал для укрепления своей власти идею «возрождения» Римской империи. Имперская «римская» идея пронизывала всю атрибутику власти. В концепцию возрождения «империи римлян» вписывалось и возведение интересов церкви в ранг высшего принципа. Использование «римской» стилистики было призвано не только обеспечить самоутверждение новой империи наряду с Византийской, но и привлечь на сторону империи итальянцев. Однако императорское правление в Риме воспринималось как чужезем-

[330] *Левандовский А. П.* Карл Великий. М., 1995.
[331] *Балакин В. Д.* Творцы Священной Римской империи. М., 2004. С. 31.

ное господство, что приводило к восстаниям и периодической утрате контроля империи над Римом и Северной Италией. Позже интегративные возможности империи в условиях феодальной раздробленности были весьма ограничены. Низшее рыцарство, непосредственно подчинявшееся императору, не имело представительства в имперском сейме. Попытки введения имперского налога и более действенных центральных учреждений оказались малоэффективными. Но Священная Римская империя стала чревом для зарождения многих европейских национальных государств.

Последней христианской версией обоснования имперского проекта можно считать гуманистическую мечту о всемирном государстве, развитую Данте Алигьери в трактате «Монархия» в связи с итальянским походом императора Генриха VII. Данте полагал, что объединение в составе Священной Римской империи необходимо для всех итальянских городов-государств, поскольку лишь в ее составе их граждане смогут пользоваться гражданскими правами и пребывать в мире под сенью имперского престола. Данте утверждал, что всемирная монархия необходима для благосостояния мира и что римский народ снискал право на первенство в этой монархии. Специфика гуманистического прочтения идеи всемирной монархии сказывается у Данте в том, что он не считает необходимой зависимость авторитета монарха от Папы Римского и настаивает на верховенстве имперской власти. Как гуманист Данте отмежевывается от той критики, которой подверг языческие империи Августин, и приводит деяния Александра и Августа в качестве примера для современных монархов. Данте соглашается с античным тезисом о божественности власти римских императоров. Империя призвана, по Данте, решать задачи, стоящие перед всем человеческим родом, взятым как целое, и устанавливать общие для всего мира законы из единого центра. Вместе с тем имперская власть должна учитывать местные особенности и управлять «скифами иначе, чем гарамантами»[332].

Распад традиционных империй всегда был вполне закономерен: они достигали могущества, с которым не могли справиться. Их экстенсивные управленческие и культурные механизмы не могли обеспечить глубокой интеграции. М. К. Петров хорошо показал, что на основе культурной кодификации «профессионально-именного» типа (в отличие

[332] *Голенищев-Кутузов И. Н.* Данте. М., 1967.

от «универсально-понятийного») нельзя обеспечить сколько-нибудь устойчивой интеграции в больших масштабах. Кроме того, ранние имперские системы испытывают недостаток административных средств (институтов, организаций, информации, персонала), чтобы создать эффективно действующую администрацию на всех включенных в их состав территориях[333]. Отсюда, между прочим, ясна целенаправленная деятельность римлян по прокладыванию дорог, которые были для них прежде всего инструментом военно-политического контроля. Но все равно скорость регулирования глобальных потоков была низкой, а институционализированных форм межцивилизационного общения не было.

Подводя промежуточные итоги, отметим следующее. С древнейших времен, во времена господства эллино-македонской и римской цивилизаций, а затем и в средние века, глобализация шла рука об руку сначала с династийным империализмом, а затем, в Новое время, — с колониализмом и национализмом основных европейских наций (национальных государств), распространяя свое присутствие по схеме «центр – периферия».

Начиная по меньшей мере с первого тысячелетия до н. э. и вплоть до XVI столетия новой эры, евроазиатский вектор объединения человечества был связан с множеством попыток интегрирования разноплеменного населения Европы и Азии сначала в составе «ранних (этнических) государств», а затем и сформировавшихся путем завоеваний полиэтнических империй, стремившихся превратить в «граждан» или подданных мультирелигиозное и мультикультурное население имперских территорий.

Различаясь между собой религиозно и культурно, древние и средневековые, языческие, христианские и мусульманские, азиатские и европейские империи, распространявшие свое присутствие по схеме «центр» – «периферия», были схожи в главном: их отличала неэффективность доминирующего рабовладельческого способа материального производства, сословный характер общественного устройства, экономическая многоукладность, сакральный характер власти, отсутствие значительного числа экономически и политически свободных индивидов в подавляющем большинстве провинций (Рим, Византия), тотальное государственное принуждение, распространявшееся на все

[333] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. М., 2004. С. 39.

сословия и чиновничество (Египет, Персия, Китай, Индия, Ближний и Средний Восток). Помимо этого, ранние имперские системы испытывают недостаток административных средств — институтов, организаций, информации, персонала, чтобы создать эффективно действующую администрацию на всех включенных в их состав территориях. Соответственно, скорость регулирования глобальных потоков была низкой, а институционализированных форм межэтнического и межцивилизационного общения (диалога) не было.

Ранние имперские образования испытывали трудности интегрирования не из-за отсутствия универсальных идей и норм совместной жизни, а из-за дефицита общественных институтов и средств их пропаганды и распространения (системы массового светского образования, административных и печатных языков, СМИ), что приводило их к краху и формированию на их обломках череды новых этнических государств. Так что первая стадия (виток) глобализации преимущественно осуществлялась в пределах политического цикла «этническое государство – империя – конгломерат этнических государств, образовывавшихся на обломках империи»[334].

Основой второй стадии глобализации человечества стало национальное государство. Оно смогло обеспечивать преодоление социокультурных и этнических различий благодаря действию таких механизмов, как национальная валюта, регулярная армия, общеобязательная государственная школа. Глобализация стала осуществляться в национальных формах: организационных формах национальных государств, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие позволило им со временем сформировать «европейскую идентичность» и распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке.

Средневековая христианская Европа также проделала путь от варварских королевств, элита которых отождествляла себя (и отчасти была в родстве) с римской знатью, к недолговечной Священной римской империи германской нации, в свою очередь распавшейся на

[334] Этот тезис о циклах не противоречит тезису о нелинейном характере исторического развития. Так как нелинейность не отрицает возможности построения некоторой воображаемой исторической последовательности сосуществования и смены форм социальной общности. А означает, что исторически первые и более простые формы общежития не исчезают, а будучи базовыми, в изменившихся исторических обстоятельствах (например, в случае глобальных мировых катастроф или катаклизмов) могут быть воспроизведены и воспроизводятся как элементы (продукты) распада более сложных социальных форм совместной жизни людей.

моноэтнические и полиэтнические феодальные анклавы, постепенно оформившиеся в морские республики и феодальные государства. Они, будучи по размерам значительно меньше современных им азиатских «династийных империй»[335], были также слабо территориально, экономически, лингвистически и культурно интегрированными, как и их восточные соседи. Их населяли народности и племена, языки и обычаи которых так сильно различались, а внешние связи были так фрагментарны, что они сохраняли самобытность существования, невзирая на постоянные междоусобные войны королей и феодалов, и, подчас, не знали, в каком королевстве они живут.

Однако начавшийся переход к индустриализму (с сопутствующими ему концентрацией экономической жизни в отдельных регионах, ростом городов, ремесел, развитием науки и техники, торговли, миграции, социальной мобильности населения и, конечно, с усилением централизованного государства) постепенно изменил ситуацию, открыл новую эпоху в развитии глобализации человечества — эпоху попыток объединения народов Европы и других континентов на основе западноевропейской модели развития с имманентными ей формами жизни в составе «национальных государств» и образованных этими государствами колониальных империй.

Первой вехой на этом пути стало формирование принципиально новых социальных общностей — наций и сопутствующего их образованию национализма, появление которых, в свою очередь, было вызвано с процессами финансово-экономической, военно-политической и социокультурной интеграции полиэтнического населения Европы.

[335] Исторических форм империй в истории человечества было великое множество. В качестве особых типов выделяют кочевые и оседлые, колониальные (морские) и внутренние (сухопутные), династийные и республиканские, азиатские и европейские, и многие другие империи. В контексте предпринятого исследования автор предлагает различать национальные (ядром которых является «национальное государство» — метрополия) и полиэтнические внутренние империи. Более детальное установление различий между империями выходит за рамки нашего исследования.

2.2. ОТ ЕВРОПЫ «НАРОДНОСТЕЙ» К ЕВРОПЕ «НАЦИЙ» И «НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ»

В соответствии с предложенными критериями вступление полиэтнической, многоязыкой и мультикультурной, политически раздробленной феодальной Европы в эпоху «наций» и «национальных государств»[336] можно рассматривать как начало второй исторической стадии европейского вектора глобализации, осуществленной на индустриальной технологической основе. Это было время становления новой западноевропейской цивилизационной модели развития, мотором которой была ускоренная модернизация финансово-экономической, политико-правовой, административной и культурной сфер жизни, сопровождавшаяся развитием науки и техники, формированием западноевропейского рационализма и расширением международных рынков. Одновременно это было время распространения данной модели развития в Европе и по всему миру. Благодаря Великим географическим открытиям западноеврпейский модернизационный тип развития обрел межрегиональное и межконтинентальное измерение. Впервые появилась возможность говорить о всемирности, хотя экспансия империй древности и средневековья по своему этнокультурному содержанию уже была глобализационным процессом. Процесс этот не достигал планетарных масштабов. Теперь же, и в этом качественное своеобразие второй стадии глобализации, всемирная история означала по существу историю становления и развития европейских национальных государств и их колоний.

Вне зависимости от того, понимаем ли мы нацию как преимущественно социокультурную или же политическую общность (появление

[336] В данном случае мы оставляем без подробного обсуждения дискуссионный вопрос о том, что предшествовало чему: нация национальному государству или национальное государство — нации. Как показали многочисленные исследования, эта проблема не имеет однозначного решения. В большинстве стран Западной Европы XVII-XVIII столетий этот процесс шел по схеме «государство – нация», в Центральной Европе (Италия, Германский Рейх) — по схеме «нация — государство», тогда как страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы реализовали некий «гибридный» путь развития и образовывались в XIX – начале XX века в результате сецессий — отделения от «политического тела» Австро-Венгерской, Османской и Российской империй. Подробнее об этом см.: *Гранин Ю. Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб., 2014; *Гранин Ю. Д.* Нации и национализм. Теория и история. М., 2016.

которой связано со становлением в странах Западной и Центральной Европы XVII–XVIII веков гражданского общества), она в противовес общности этнической — локальной представляет собой глокальную общность — некое средоточение глобального (всеобщего) и локального (особенного) в экономическом, политическом и культурном смыслах. Формирование нации связано с экономической, культурной, языковой и политической интеграцией и стандартизацией, масштабы и качество которых были заданы государством. В Европе начался процесс интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое, «перемалывания» многочисленных этносов, столетиями живших на территории Европы. Так тысячелетний этнизм постепенно отступал под напором государственного национализма, являвшегося вместе предпосылкой и следствием, то есть — политическим принципом формирования национального государства. По существу, политические и социокультурные процессы, шедшие в национальных рамках и подстегивавшиеся «укреплением» этих рамок, являлись глобализационными, хотя и осуществлялись на региональном и межрегиональном уровнях.

Процесс формирования наций и национальных государств имманентен процессу глобализации в Европе на второй стадии его развития. В этом смысле современная глобализация не есть только некое завершение процесса, начавшегося с модернизации экономических и политических структур европейских стран при переходе на рельсы капиталистического развития по логике «модернизация» – «интернационализация» – «глобализация», а переход от второй стадии процесса к третьей.

Образование европейских наций довольно хорошо изучено и описано в работах Б. Андерсона, Ю. Вебера, Э. Геллнера, К. Дойча, М. Манна, Э. Смита, Ч. Тилли, Ю. Хабермаса, М. Шадсона и некоторых других менее известных авторов, хотя единства взглядов по поводу ключевых линий детерминации этого процесса достигнуто не было. Последнее связано, как уже отмечалось, с различием исходных теоретических установок авторов, акцентирующих, в зависимости от предпочтений, внимание на экономических, политических или культурных факторах национальной интеграции. В реальности исторического процесса все они, разумеется, взаимосвязаны. Но ситуация осложняется тем, что исторически национальная интеграция происходит в разной последовательности составляющих ее элементов. Как показал Карл

Дойч, «процесс может начаться с интеграции страны, которую мы обозначим „С“, затем привести к интеграции населения („Н“) и, наконец, к возникновению государства („Г“). Последовательность „С-Н-Г“ вполне возможна. Но первой фазой может быть и интеграция народа. В известной степени, арабские племена даже в доисламский период были интегрированы посредством языка („Я“) и формировавшейся литературы, затем к интегрирующим факторам добавилась исламская религия („Р“), а консолидация арабских стран и национальностей произошла намного позже и не достигла завершения. Тем не менее, как политическая реальность существует арабский национализм, созданный усилиями отдельных людей, и последовательность интеграции можно изобразить как „Я-Р-С-Г-Н“»[337].

В других случаях интеграция могла начаться с политического объединения в той или иной форме. Последовательность валлийско-английской интеграции в британский народ, согласно Дойчу, можно свести к формуле «Г-Р-С-Н». Сходной была интеграция Англии и Шотландии. Но в отношении Ирландии, например, государственная интеграция не повлекла за собой консолидации на массовом уровне. Поэтому англо-ирландскую интеграцию можно изобразить как «Г-С*-Р*- Н*-Г*», где «*» означает срыв интеграционного процесса.

Таким образом, генезис национальной интеграции не сводится к простому коррелятивному процессу синхронизированного роста. Скорее, справедливо отмечает К. Дойч, «это процесс, напоминающий очень плохо налаженный конвейер. На хорошо налаженном конвейере движение всех компонентов происходит с одинаковой скоростью, и все они достигают критических точек сборки примерно в то же время. Однако даже на идеальном конвейере безразлично, начинается ли сборка с шасси, на которое ставится двигатель, собранный в другом месте, и позже добавляются колеса, или же сначала устанавливаются колеса, а потом двигатель. Главное — чтобы на конце линии был готовый автомобиль»[338].

Действительно, порядок и характер интеграции, преобладание в ней влияния тех или иных групп факторов настолько исторически многообразны, что вряд ли поддаются всестороннему теоретическому обобщению. Неслучайно в пределах современного теоретического

[337] *Deutsch, Karl W.* Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. P. 284.
[338] Там же. См. также *Дойч Карл.* Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. М., 2000. С. 64.

дискурса сосуществуют много концептуальных моделей национальной интеграции, выстроенных на преобладающем внимании к действию социально-экономических (К. Дойч), политичесих (Э. Геллнер), гражданско-правовых (Ю. Хабермас), коммуникационно-языковых (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит) и образовательных (М. Шадсон) факторов.

Обобщая итоги исследований этих авторов о формах и способах национальной интеграции населения западноевропейских стран (которые в разной степени и с разным успехом впоследствии были использованы во многих иных странах), можно сделать вывод, что формирование наций исторически связано с развитием западноевропейского капитализма, сопутствующим ему становлением гражданского общества, печатных и административных языков, средств массовой информации, систем массового светского образования и, конечно, распадом абсолютистских монархических государств, их заменой правовым буржуазно-демократическим государством, оказавшимся совместно с «национализмом» важнейшим фактором интеграции лингвистически, конфессионально и культурно разного населения европейских стран в новые — надэтнические – общности – «нации».

Последовательность здесь нам представляется такой:

1. *интерэтнизация*, взламывание всяких локальных ограниченностей как в ходе расширения постфеодальных отношений, складывания «национальных» рынков, так и вследствие выстраивания абсолютистских государств;
2. экономическая, политическая, техническая и пр. *модернизация общества и государства* (формирование налоговой системы, единая валюта, регулярная армия, окончательная ликвидация сословно-представительных учреждений, начало технического прогресса), перемалывание бюрократической машиной многочисленных этносов, живших в поле влияния формирующегося национального государства;
3. *социальная интеграция* — начало формирования национальной идентичности у всех слоев населения (пока что в монархической форме), усиление социальной мобильности (джентри, дворянство мантии);
4. *политическая мобилизация* — осознание себя нацией, ломка всех барьеров, препятствующих национальной универсальности, включая и исключительность абсолютной монархии (прежний

мотор глобализации превращается в ее тормоз), формирование единого правового поля и общенациональных представительских учреждений, появление идеи нации как общности, нуждающейся в защите со стороны граждан, равных между собой в качестве сыновей этой общности;

5. *национализация*, то есть утверждение этой новой общности, проведение национального принципа во всех сферах жизни общества, агрессивная внешняя политика, как правило, сопровождающая рождение наций, а подчас и процедуры национализации в узком смысле слова (конфискации и формирование фонда «национальных имуществ»), и интернационализация — интенсивное развитие международной торговли, формирование мировых рынков, складывание колониальных империй, достигшее пика к началу 20 века;
6. *социокультурная интеграция*, осуществляемая национальным государством, уже обретшим в борьбе за независимость чувство общей судьбы, проведение единых культурных, образовательных стандартов, создание национальной системы образования и культурной инфраструктуры, стандартов в области языка и печати.

Возникновение современной Европы, национальных государств не было предопределенным процессом и носило вероятностный характер. Но по завершении процесса ретроспективно можно выделить его этапы, каждый из которых был существенен с точки зрения успешности национальной интеграции: финансово-административный, военно-политический и социокультурный этапы.

Финансово-административный этап. Согласно теориям модернизации, процесс европейской модернизации был обусловлен рационализацией и универсализацией основных экономических, политических, социальных и культурных процессов. Эти социальные инновации закреплялись универсально-понятийным способом кодирования и передачи информации и оформлялись административными, транспортными и коммуникационными инфраструктурами. В основе этого процесса лежало формирование современного государства: как его границ, так и институтов. Ранний этап второй стадии глобализации связан с образованием основных европейских наций, о чем шла речь выше.

Параллельно, взаимно поддерживая друг друга, шли процессы укрепления общегосударственных политических административных струк-

тур, а в экономическом плане — укрепления позиций и постепенного господства торгового и банковского капитала. Буржуазии нужен был абсолютизм, который сформировал универсальное торговое и правовое пространство и превратил аристократию в слуг государства, то есть вытянул как «гной» и засушил все, что оставалось жизнеспособным от эпохи феодализма и мешало национальной интеграции. Со временем оставалось лишь удалить эту «болячку», под которой уже сформировалась новая кожа, в результате революций. Укрепление абсолютизма подрывало основу феодализма — родовой принцип принадлежности к власти. Роль родства при занятии должностей неуклонно снижалась, уступая место преданности государю и интересам государства. Устранение монархии и оформление несословной, универсальной в правовом отношении системы власти стало лишь логическим завершением этой политики. Преданность королю на этом этапе была основным рычагом централизации.

Национальное единство пока что, в раннее Новое время, существовало лишь как проект, персонифицируясь в фигуре короля. Это именно переходная форма централизации, феодальная по природе своей и сохранявшая потому многие местные структуры и обычаи. Но верность королю легитимировала национально-государственное строительство. Опорой королевской власти становилось чиновничество. По существу, опора на чиновничество выводила королевскую власть из парадигмы феодальных отношений. Будучи инструментом абсолютизма, чиновничество вместе с тем формировало унифицированные поля правовых отношений, объективно ограничивающие королевскую власть и формирующие массовое правосознание.

Классической формой укрепления административной машины государства и внешней политики, направленной на построение национального единства за счет абсорбции окраин, стали реформы А. Ж. Ришелье во Франции. Важнейшую роль в национальной унификации сыграло учреждение общенациональной финансовой администрации. Утверждение единой денежной системы и чиновничества шли рука об руку. При Ришелье утратили свое значение провинциальные штаты и парламенты, эти бастионы сословно-представительской организации общества. Их слом был необходимой мерой обеспечения государственного единства. Королевский финансовый аппарат приобретает с XVI в. независимость от сословно-представительных органов. Для новой политики не годились казначеи, слишком укоренившиеся в своих

провинциях. В 1637 году Ришелье унифицировал провинциальную администрацию. Был создан институт интендантов юстиции, полиции и финансов, непосредственно подчинявшихся королевскому совету.

На первых этапах новую бюрократическую систему было сложно отделить от совокупности лиц, лично преданных министру-кардиналу. Интенданты сосредотачивали в своих руках почти всю административную власть. Интенданты могли действовать «через голову» губернаторов провинций, принадлежавших к высшей аристократии и часто становившихся выразителями сепаратистских настроений. Финансовая политика становилась решающим инструментом построения абсолютистского государства. Сбор налогов и подавление сепаратизма шли рука об руку. Сопротивление сепаратизма аристократии, опиравшейся на местные парламенты, жестоко подавлялось. Был казнен губернатор Лангедока герцог Монморанси, попытавшийся поднять оружие против центральной власти. Была ликвидирована «гугенотская республика». Народные восстания против центральной власти нельзя назвать в этот период националистическими движениями: их причины прозаичнее — новые налоги. Ришелье энергично насаждал централизацию и унификацию, жестоко подавляя сословный и провинциальный партикуляризм. Местная валюта была упразднена. Велась работа по кодификации законодательных актов. Без этих мер формирование в последующем общего правового пространства уже на буржуазно-гражданской основе было бы невозможно.

Государство утверждало свой суверенитет в области финансов, внутренней и внешней политики. Губернаторам и феодальным сеньорам было запрещено осуществлять самостоятельную финансовую и военную политику провинции последовательно лишались региональных свобод, а парламенты — политических полномочий. Парламентам было запрещено вмешиваться в дела государственной администрации. Провинциальные штаты, поддерживавшие сепаратизм, распускались без права созыва. Степень сопротивления провинциальных штатов централизаторской политике была тем меньше, чем более в них были представлены мелкопоместные дворяне и третье сословие. Нередко на должности интендантов назначались выходцы из буржуазных слоев, доказавшие свою преданность новой политике[339]. В целом централизаторская политика была на руку крупной буржуазии. Важную роль

[339] *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 92.

в сборе налогов стали играть откупщики. Возросло могущество спекулянтов — владельцев капитала. Имел место своего рода союз государства и спекулянтов. Поддержка Парижским парламентом фрондеров, как и его колебания между Фрондой и верностью королевской власти во время правления Мазарини, были вызваны именно ненавистью к деятельности откупщиков, от услуг которых правительство Мазарини, продолжавшее централизаторский курс Ришелье, не могло отказаться. Парижский парламент в этом выражал не столько настроения оппозиционные централизации, сколько интересы более широких слоев третьего сословия.

Как пишет Е. М. Кожокин, именно в борьбе двух взаимосвязанных сил — королевских министров и магистратов — зарождалось буржуазное государство. Ни та, ни другая сила сознательно не стремились к этому, но обе защищали институты, без которых современное общество немыслимо: чиновничество современного типа в лице интендантов и право общества на независимую судебную систему, и возможность контроля за расходованием государственного бюджета со стороны парламентов. Фактически этим закладывалась основа для идей разделения властей и подотчётности исполнительной власти[340]. Меры по укреплению абсолютизма отвечали интересам буржуа, стремившимся к единым правилам игры в торговом пространстве и гарантиям безопасности для деятельности на этом пространстве. Мероприятия государства по унификации обеспечивали совершенно новые условия для горизонтальной, а иногда и вертикальной мобильности. Опора на буржуа была важным рычагом могущества королевской власти наряду с опорой на низшее служилое дворянство. Именно союз горожан с королем привел к постепенному уничтожению самостоятельных феодальных вотчин на территории Франции и возникновению на их месте суверенной монархии, то есть национального государства. Эта линия была успешно завершена Людовиком XIV и Кольбером: введение протекционистских таможенных тарифов, издание мануфактурных регламентов, округление территории благодаря войнам.

Становящееся национальное государство модернизировало «поля обмена и коммуникаций», совершенствуя транспортные инфраструктуры, «сжимая» время и пространство. Тот же процесс, идущий сегодня, мы называем глобализацией. Как пишет З. Бауман, «задача, стоявшая

[340] *Кожокин Е. М.* Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции. М., 1989. С. 27.

перед государством Нового времени, нуждавшимся в унификации пространства, находившегося теперь под его прямым управлением, не являлась в этом смысле исключением; она заключалась в отделении пространственных категорий и различий от видов человеческой деятельности»[341]. Государство преодолевало партикуляризм, обеспечивая, по словам З. Баумана, «читаемость», прозрачность пространства посредством единой налоговой и финансовой политики, введением национальных мер и весов.

Процесс этот шел при абсолютизме и ускорился после революций. Революционное правительство во Франции неслучайно уделяло столь большое внимание вопросам мер и весов. Революционное значение имело и разделение страны на департаменты, поломавшее историко-культурные территориальные привязки, препятствовавшие повсеместному равномерному проникновению национального государства в ткань социальной жизни. Населенный мир становился однородной средой, приспособленной для надобщинного государственного администрирования. Удобное для государственной администрации, но дезориентирующее исторически сложившиеся общины разграничение пространства — что это, как не отрыв от корней, расширившийся сегодня до глобальных масштабов. Все это показано в ставших классическими работах М. Фуко о дисциплинирующем воздействии таких институтов, как производство, тюрьма, армия, клиника, избирательный процесс. В том, что освобождение от укорененности и дисциплинирование извне дополняют друг друга, критики глобализации правы.

Процесс становления национального государства в раннее Новое время идет как двуединый процесс построения государства и формирования нации под воздействием унифицирующих усилий государства. Важно понимать, что это процесс, и государство здесь не однотипно, а со временем меняется само, в т. ч. и принципиальным образом (абсолютная монархия, конституционная монархия, республика, имперская форма, те или иные варианты реставрации). Мы обращали внимание выше на диалектику самоотрицания абсолютистского государства. Этот универсальный нивелир своими мероприятиями создал условия для формирования гражданского общества на месте общества сословного, то есть создал нацию. Но исключительность его политического принципа отрицала самостоятельность бытия нации. Абсолютизм сыграл для

[341] *Бауман Зигмунт.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 46.

нации роль куколки. Слабость его была в том, что стремление к централизации и унификации, ликвидация сословных и провинциальных свобод, легальной оппозиции не только создавало условия, но и затрудняло развитие гражданского общества. Ришелье, пишет П. П. Черкасов, «создавал централизованное бюрократическое государство, полностью игнорируя интересы гражданского общества, постоянно попирая их, что и определило непрочность его творения»[342]. Внешне внушительное здание абсолютистской монархии пришло в негодность, лишенное поддержки общества. Продолживший политику Ришелье Людовик XIV «с помощью Кольбера и других послушных министров возводил систему всеобщей бюрократической опеки, система была создана, но опекаемые сохранили в себе способность к сопротивлению»[343]. Бюрократическими методами оказалось невозможным обеспечить реальную социальную интеграцию.

Диалектика государства и гражданского общества проявилась в том, что государство начало вырождаться в деспотию, а разбуженное и объединенное им гражданское общество стало «расправлять плечи». По мере того, как система национального государства институционализировалась, претензии абсолютных монархий на выражение суверенитета вынуждены были столкнуться с требованием суверенитета со стороны народа-нации. Неизбежным становился новый этап, на котором гражданское общество своим давлением пересоздаст государство, а государство, вышедшее из горнила революции, начнет стремиться реально работать с гражданским обществом, видя в гражданском единстве залог прочности государства. Как отмечает И. Валлерстайн, Французская революция изменила ситуацию, сделав подданных гражданами, а государства — теоретически, а в некоторой степени и практически ответственными перед значительной частью населения[344].

Военно-политический этап. Создание национального государства требовало не только административного и финансового, но также политического и гражданского единства. Степень интегрированности общества должна была стать существенно выше, интенсивнее должны были идти процессы, которые мы сегодня называем глобализационными. Буржуазные революции создали единство правового поля, без которо-

[342] *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 225.
[343] *Кожокин Е. М.* Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции. М., 1989. С. 80.
[344] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 146.

го немыслимо ни гражданское общество, ни национальное государство. Символом рождения нации стало свершившееся в период Великой французской революции разделение на аристократов и патриотов. Само употребление этого слова практически как штампа революции показывает великую роль национализма в демократизации и унификации социума. Аристократ был подданным, патриот стал гражданином. Аристократы не осознавали себя частью нации, были для нее инородным телом. Ликвидация сословных привилегий дополнила ликвидацию феодального землевладения и унифицированное административно-территориальное деление на департаменты. Этноязыковые меньшинства в старой Франции были привязаны к исторически сложившимся провинциям, и разделение на департаменты было ударом по партикуляризму. Интенданты Бурбонов в нефранцузских по составу провинциях ограничивались вопросами сбора налогов и верности королю, но не имели целью вмешиваться в национальные и местные обычаи. В завоеванной при Бурбонах Фландрии были сохранены все существовавшие ранее местные органы власти. Уполномоченные присылаемого из Парижа интенданта часто были местного происхождения и обеспечивали контакт с местной элитой. Теперь же все должны были становиться французами. Неслучайно, например, сегодня савойские националисты требуют создания в рамках Франции Савойского региона: формальное разделение Савойи на департаменты представляет серьезную помеху их планам. В Эльзасе раздаются требования об объединении департаментов в Эльзасскую общность. Деление на департаменты сдерживает сепаратистские настроения.

В ходе модернизации унификация шла рука об руку с рационализацией. Демократия в отличие от автократии предполагала рационального индивида, фиксированного своими гражданскими правами и обязанностями. Подход на позиции приоритета разума был условием признания за другим аналогичного набора прав. Демократия становилась условием рациональности, сознательного объединения в нацию. Рационализм освободил мобилизующий модернизационный порыв государства. На этом этапе происходило ускоренное формирование нации как политической общности. Если несколько огрубить, *можно сказать, что принципы новоевропейской рациональности порождают национальное государство, поскольку формируют вменяемого и лично независимого гражданина для этого государства*. Впервые в истории возникали нации — сообщества, состоящие из формально равных в правовом отношении

представителей разных социальных классов, имеющие общее чувство идентичности, связанное как с той или иной степенью этнической общности, так и прежде всего с опытом борьбы за новую идентичность с внутренними и внешними врагами. «С этой точки зрения национализм можно рассматривать как психологическую и культурную привязанность, создающую связь с национальным сообществом, а также как политический и культурный проект, цель которого самоопределение, а также создание и формирование государства»[345]. Ранее конца XVIII века нельзя говорить о сложившихся западноевропейских нациях. Лишь эпоха буржуазных революций сделала национальную идентичность доминирующей. *Старые империи как федерации государств при доминировании одного сменились интегрированными имперскими национальными государствами.* Показателен и раскол среди самих французских революционеров: жирондистов — сторонников федерации, и централистов-якобинцев. Победили последние.

Европейские нации, унифицирующие подвластную им социальную среду, рождались в борьбе. Решающую роль в их формировании на этом этапе играл общий исторический опыт. Сам этот опыт национальной борьбы был многослоен. Он включал в себя и моменты реальной борьбы: война британских колоний в Америке за независимость, войны революционной Франции, антинаполеоновское сопротивление германских государств, войны Испании против интервентов, войны испанских колоний в Америке за независимость, вооруженная борьба за независимость итальянцев, греков. Помимо прочего, войны обеспечивали приращение национальной территории с ускоренной «переплавкой» наличного населения в нацию.

Еще одним существенным компонентом исторического опыта, формирующего нацию, становилась интерпретация в соответствующем идейном духе событий настоящего и особенно прошлого. Национальный исторический опыт также становился более эффективным благодаря воображаемым компонентам. Различные исторические события и деятели превращались в символы национальной борьбы независимо от их реального исторического содержания. В этом смысле национальный миф по существу, то есть по своим мобилизационным задачам, не отличается от этнического мифа. Во время Английской буржуазной революции XVII века миф о «норманнском иге» подпиты-

[345] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. М., 2004. С. 397.

вал антимонархическую идеологию «освободительной борьбы английского народа» демократического крыла революционеров. Такую же роль противопоставления нации с галльскими корнями и иноземной, франкской по происхождению, власти играло наименование Людовика XVI Капетом во Время Великой французской революции XVIII в. В XIX в. Наполеон III в целях укрепления мифологии борьбы за национальное единство «присвоит» подвиги Верцингеторикса и введет его в пантеон национальных героев наравне с Жанной д'Арк, хотя у самого героя не могло быть не только «французского», но даже общегалльского самосознания.

Искажение исторической истины не только не помеха, но, напротив, условие деятельности национального государства по формированию национальной идентичности. Нации как новые образования стремятся санкционировать себя вековечной историей, которая оказывается не более чем мифом. *При возникновении всех наций имело место сознательное конструирование национальной истории.* Огромную роль в этом играли общенациональные государственные ритуалы и празднества. Первыми это поняли французские революционеры. Праздник Федерации, посадка деревьев Свободы, праздник Верховного существа не только заполняли духовную пустоту, порожденную антиклерикальными мероприятиями революции, но и конституировали в душах людей чувство национального единства, осознание новой идентичности. Глубоко прав Б. Андерсон, когда пишет о том, что лишь нации и национализм могут создавать такие культурные символы, как кенотафии и могилы Неизвестного солдата[346]. Мы отмечали, что переход к национальному способу существования предполагает приобщение к универсально-понятийному способу социального кодирования. Кенотафии и могилы Неизвестного солдата есть именно абстракции в высшем и глубоко реальном смысле этого слова, абстракции не просто мыслительные, но идентификационные. Именно абстрактность, внеэтничность, внеперсональность этих символов оказываются условием идентификации, чувства единства у самых разных людей с самыми разными этнокультурными корнями. Эти корни сплетаются вместе в единую историческую судьбу. Только национализм может создать гуманитарные инфраструктуры, необходимые для ассимиляции населения окрестных территорий и «переплавки» народа в нацию.

[346] *Андерсон Б.* Воображаемые общности. Размышления о происхождении и распространении национализма // Этнос и политика. М., 2000. С. 80.

Важнейшую роль в закреплении национальной интеграции, приобщению граждан к национальному единству играли войны и символизация всего, что связано с армией. Еще в абсолютистский период Ришелье и Людовика XIV участие Франции в европейских войнах, в частности в Тридцатилетней войне, преследовало не религиозные цели, а реализовывало стремление объединить вокруг общего центра тяготевшие к нему окраинные исторические области, бывшие квазинезависимыми или находившиеся под властью других европейских монархов. В ходе этих войн формировалось само понятие национальной государственной границы, и складывалась мобилизационная экономика и профессиональные армии. Однако абсолютистская монархия не могла обеспечить единство национального сознания, и до начала эпохи модерна, ознаменованной чередой социальных (буржуазных) революций, воевали монархи, а не нации, а население подчиненных территорий присягало на верность новому монарху, сохраняя все свое этнокультурное своеобразие.

Гражданство же, как верно пишет И. Валлерстайн[347], выдвинуло на первый план конфликт между нациями. Прежде всего потому, что временно завуалировало существовавшие внутри государств как классовые, так и этнические трения и конфликты и способствовало консолидации государства за счет реальных и одновременно иллюзорных средств. В войнах за Французскую республику родились и национальная гордость, и символы, выражающие ее, например национальный гимн. Чрезвычайно интересно, например, что Великая французская революция и война с соседней, родственной в этническом и языковом отношении бурбонской Испанией, создали в провинции Руссильон французский патриотизм и способствовали ее реальному слиянию с судьбой нации. Первая мировая война еще более углубила разрыв между испанскими южными и французскими северными каталонцами, который из плоскости патриотических чувств постепенно, но закономерно переходил в плоскость филологии и орфографии.

Поэтому когда С. Хантингтон, высказываясь против тезиса Э. Ренана о нации как «ежедневном плебисците», указывает на то, что нация невозможна без таких родовых признаков, как совокупность ритуалов, гимнов и т. п., выражающих ее «душу», то есть историческую судьбу, наполненную героями и злодеями, жертвами и победами, он,

[347] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 149.

сам не замечая того, солидаризируется с конструктивистской концепцией нации[348]. Но С. Хантингтон безусловно прав в другом — признании роли армии и войны в формировании нации. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан национальное самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических[349]. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы – они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и ставит проблему самой возможности поддерживать национальную идентичность в мирное время[350].

С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн нельзя согласиться. В этом случае не учитывается именно трехэтапный путь формирования целостности нации: от финансово-административного через военно-политический к социокультурному. Более того, без социокультурного закрепления никакие успехи национальной идентичности на военном поприще не могут быть долговечными.

Успешность строительства национального государства не может быть обеспечена одними лишь военно-политическими методами, так же как и финансово-административными, не может на них остановиться. Остается проблема истинной интеграции — социокультурной. Она актуальна для всякого успешного национального государства, то есть такого, в котором формируется нация, независимо от того, возникло ли оно на основе абсолютистской монархии, выросло ли оно в империю или же, наоборот, выделилось из империи или освободилось от колониальной зависимости. Военно-политический этап второй стадии глобализации создал современный институт гражданства — великое завоевание государства, скрепляющее индивидов независимо и поверх и этнических, и классовых интересов и выдвигающее на первый план различие между нациями. Гражданство обеспечивало единство государства с помощью взращивания в душах людей чувства общей судьбы, возникающего из осознания общности понесенных во имя нации

[348] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 529.
[349] Там же. С. 23, 26, 41, 61.
[350] Там же. С. 57, 58, 62.

жертв, которое оформлялось соответствующими мифами и идеологемами. Но именно успешность в этом деле требует перехода в нации-государстве от гражданской к социокультурной интеграции.

Социокультурный этап. Его важнейшими факторами становятся обеспечение реальной коммуникации между представителями разных классов, составляющих нацию, повышение уровня грамотности всех слоев населения на основе общегосударственных стандартов, институциональное оформление и закрепление национальных мифов и ритуалов, и перестройка на этой основе системы образования с внедрением в массовое употребление общенационального литературного языка. Если при формировании этносов, при имперской переплавке в традиционных обществах решающая роль принадлежала религии, то при формировании наций важнейший социокультурный фактор — становление институтов гражданского общества и формирование «национального сознания».

Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую надэтническую общность, как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом его образа жизни и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения. Единственным универсальным средством межэтнического общения была латынь, которую монополизировало духовенство, а единственной потенциально доступной книгой — Библия, написанная на той же латыни. И вот этот реальный дефицит знаний и информации о внешнем мире ограничивал сознание большинства людей XI–XIV веков горизонтами мифа, этнических преданий и традиций.

Но массовое распространения в XV–XVI веках технологий печатания книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен, как нация. Если массовое тиражирование лютеранской Библии на немецком языке, вовлекшее в движение Реформации миллионы людей, способствовало разрушению идеологической монополии католической Церкви[351], то распространение светских книг и газет, замечает Андерсон, помимо прочего, изменило представление европейцев о времени. «Роман и газета были теми формами, которые обеспечивали

[351] В течение сорока лет, прошедший после издания библии Гутенберга, в свет вышло более 20 млн томов книг, а в следующем столетии — 150–200 млн.

технические средства для представления воображаемых общностей типа нации. Действия персонажей романа происходят в одном времени, фиксируемом часами и календарем, но при этом персонажи могут совершенно ничего не знать друг о друге. В этом новизна такого воображаемого мира, создаваемого автором в умах читателей. Представление о социологическом организме, календарно движущемся в гомогенном, пустом времени, — это точный аналог идеи нации.

Газета же представляет собой как бы „крайнюю форму“ книги, продаваемой в колоссальных масштабах, но краткосрочной популярности, можно сказать, — однодневный бестселлер. То обстоятельство, что газета устаревает на следующий день после ее выпуска, порождает чрезвычайную массовую церемонию: почти одновременное потребление („воображение“) газеты как артефакта. Мы знаем, что конкретные утренние и вечерние издания будут в основном потреблены между таким и таким часом в этот, а не другой день. Значимость этой церемонии (Гегель заметил, что газеты современному человеку заменяют утреннюю молитву) парадоксальна. Она осуществляется в молчаливом уединении и происходит лишь в голове. Но каждый участник хорошо осознает, что выполняемая им церемония повторяется одновременно тысячами, если не миллионами, других людей, в существовании которых он уверен, но не имеет ни малейшего понятия об их индивидуальности. Эта церемония повторяется ежедневно или дважды в день, до конца календаря. Можно ли представить себе более живую картину светской, исторически-временной общности?»[352].

Действительно, отмеченная Андерсеном коалиция протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, быстро создала широкую читающую публику, включавшую также купцов и женщин, обычно не знавших латыни, и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого, она принципиально изменила языковую ситуацию. В Европе и других частях света в допечатный период многообразие разговорных языков было огромно. Но разнообразные диалекты поддавались — в определенных пределах — слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка.

Таким образом, печатные языки заложили основу национального сознания в трех четких формах. «Во-первых, и главным обра-

[352] *Anderson, Benedict.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. P. 44.

зом, они создали унифицированные поля обмена и коммуникаций, менее обширные, чем на латыни, но шире, чем на разговорных диалектах. Говорившие на разных формах французских, английских и испанских диалектов и не понимавшие друг друга в разговоре, теперь стали понимать — благодаря печати и бумаге. Постепенно они осознавали, что их языковое поле включает сотни тысяч и даже миллионы людей, но *только эти* сотни тысяч или миллионы. Эти читатели, связанные общим печатным языком, образовали в своей светский, партикулярной, видимой невидимости зародыш национально-воображаемого общества»[353]. Одновременно с появлением национальных языков с XVII века шло, как пишет В. М. Алпатов, «вытеснение многих малых языков, которые либо были обречены на вымирание, либо оттеснялись на периферию, либо после изменения государственных границ могли стать государственными языками (чешский, финский, латышский и др.)»[354]. В национальных государствах Нового времени господствовала идея единого языка для всей страны. В Великобритании языки меньшинств, причем таких, как шотландцы, ирландцы, валлийцы, не признавались и жестоко вытеснялись. Они переставали вследствие этого быть не только средством делопроизводства, но и способом коммуникации.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то развитие общенациональных систем образования в XVIII–XX веках стандартизировали культуру как ведущий способ национальной интеграции. Распространяясь по схеме «центр – периферия», общая для всех культура шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтническое мультикультурное население («гасконцев», «бретонцев», «валлийцев», «пьемонтцев» и т. д.) в некое культурно гомогенное целое — в людей, принадлежащих одной «нации».

Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля со стороны государства. Но по-настоящему государство взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX веке, когда массовое начальное образование стало нормой в большинстве стран Западной Европы. Связано это было, очевидно, с осознанием госу-

[353] См.: *Геллнер Эрнест.* Нации и национализм. Пер. с англ. Т. В. Бердаковой и М. К. Тюнькиной. М., 1991. С. 86–87.
[354] *Алпатов В. М.* Глобализация и развитие языков // Антиглобализм: новые повороты. М., 2005. С. 101.

дарством необходимости социокультурного закрепления гражданского единства, обусловленного унифицированностью правовой системы, и главное — военно-патриотического единства, рожденного в борьбе за возможность самостоятельного существования нации. Свою роль сыграло и использование национальным государством имперских механизмов. Ведь империя всегда осознает себя как особое цивилизационное целое: цивилизация и есть социокультурная форма империи. В патриотизме, национализме осуществлялся сплав военно-политической и социокультурной составляющих национального единства. Сама армия становилась мощным символом национального единства.

Как верно пишет И. Валлерстайн, национализм заключался в воспитании патриотического чувства привязанности к своему государству, что достигалось систематической деятельностью двух институтов, обязательных для граждан: начальных школ и службы в армии, а также повсеместным распространением коллективных националистических ритуалов[355]. Вся совокупность государственных ритуалов служила укреплению веры в приоритетность для человека принадлежности к национальному сообществу и идентификации себя с ним. Таким образом в XIX веке ведущие европейские государства осознали, что реальная интеграция может быть осуществлена социокультурными, а не юридическими средствами. Началось целенаправленное создание национальной культуры, в ходе которого существующие культурные механизмы дополнялись государственным воздействием. Государство стало контролировать фабрикацию культурных идеалов и символов, которые могли обеспечивать общую идентификацию представителей различных социальных групп, находящихся между собой в конфликтном состоянии. *Одновременно эти идеалы и символы призваны были интегрировать людей с разными этническими корнями таким образом, чтобы возникшее у них чувство общей идентичности совпадало с границами государства.*

Конечно, формирование национальной идентичности было делом не только государства, но государство должно было создавать и создавало с большим или меньшим пониманием значимости этого дела необходимые культурные инфраструктуры для распространения национальной идентичности и подавления периферийных идентичностей внутри государственного целого. К этим инфраструктурам и можно отнести официальный язык, школьное образование, национальную

[355] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 147.

почту, национальную прессу. Лишь в XIX веке, на третьем этапе второй стадии глобализации, государство озаботилось как всеобщей грамотностью населения, так и созданием прессы для народа, что, несомненно, сделала духовную ситуацию в обществе более подконтрольной. Государство стало держать под контролем трактовку истории, более того, само создание «национальных историй» не могло не стать относительно произвольным сочетанием реконструкции прошлого с конструированием пути развития, цель которого предзадана изначально и опрокинута в прошлое. Таким образом государство укрепляло себя не только экономически и военно, но и культурно. Этот процесс З. Бауман удачно назвал «мобилизацией культурных ресурсов, достаточных для поддержания идентичности и своеобразия государства через своеобразную идентичность его подданных»[356].

Завершая эту главу, можно сделать некоторые выводы и уточнить прежнее предельно общее понимание процесса образования наций. Его следует рассматривать как «перерыв постепенности» этногенеза, как своего рода качественный скачок, суть которого состоит в диалектическом отрицании предшествующей «этнической истории» (сначала в европейских, а затем и в других странах) «историей наций». Если воспользоваться терминологией классической модернизационной теории, социально-политический смысл этого события заключается в переходе от традиционных форм общежития (с характерным для них приматом коллективного над персональным, религиозного над светским и вообще ориентированными на традицию как основной способ регуляции социальных отношений и образа жизни) к его современным — инновационным, гражданско-правовым и целерациональным — формам жизни[357].

Вопреки распространенному мнению, противопоставляющему «этносы» в качестве природно-ландшафтных биосоциальных организмов «нациям» как социокультурным феноменам, автор считает, что этносы, как и нации, представляют собой сложные социокультурно

[356] *Бауман Зигмунт.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 90. И чем дальше идёт история, тем эта мобилизация ресурсов становится сильнее. Процесс тот же самый, а интенсивность его повышается с переходом к третьей стадии глобализации с середины 1970-х гг. Теперь говорят уже о навязывании с помощью СМИ не то что общей идентичности, а прямо-таки культурной унификации.

[357] Подробнее об отличиях традиционных и современных обществ (modern society) см. *Федотова В. Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии, 2002. № 12. С. 3–4.

связанные сообщества людей, различающиеся между собой некоторыми антропологическими характеристиками, но исторически формирующиеся в ранних государствах и/или аналогах раннего государства, не обладающих всеми атрибутами развитых государств: регулярной армией, полицией, пеницитарной, налоговой и финансовой системами. Имеющая монополию на власть и мифотворчество межплеменная элита в этих государствах выступает главным источником этнического сознания и идентификации. Но в отличие от этносов, нации это прежде всего не традиционно-мифологически, а *политически организованные* социокультурные и гражданско-правовые социумы, где постепенно, по мере трансформации абсолютистской формы правления, произошла замена «суверенитета государя» понятием «народного суверенитета», с одной стороны, и функциональное обособление государственного аппарата («отделение государства») от «гражданского общества», с другой.

Суммируя сказанное, *можно определить нации как сообщества людей, состоящих из разных социальных и этнических групп и имеющих общее чувство идентичности, коренящееся в общем историческом опыте (реальном, воображаемом или интерпретируемом), целостность которых поддерживается не только «традицией» (моральными императивами, исторической памятью и др. «механизмами»), а прежде всего — политической властью в лице государства, целенаправленно вырабатывающей систему мер по поддержанию национального единства своих граждан.* В контексте истории глобализации человечества нации представляют собой не локальные, а *глокальные сообщества индивидов* (некое сосредоточение глобального и локального), *связанные, помимо общих символов нации, еще и интерпретируемыми в качестве общечеловеческих представлениями о «всеобщих» правах человека и гражданина.*

Анализ европейской и мировой истории свидетельствует об отсутствии жесткой линейной причинно-следственной зависимости между процессами образования наций и национальных государств. Многие европейские исторически первые нации проделали путь от «государства» к «нации», развитие других шло преимущественно от «нации» к «национальному государству», тогда как для третьих был характерен некий «гибридный тип развития. Одни нации образовывались в результате «сецессий» — отделения от политического тела империи, тогда как другие активно использовали унаследованную со времен абсолютизма универсальную имперскую политическую конструкцию для расширения территориального пространства нации и укрепления ее единства,

политической формой развития многих наций выступала империя: формирование сначала ведущих европейских, а затем и некоторых других национальных государств (например США), осуществлялось за счет внешних военных и колониальных экспансий, взаимно обусловливающих друг друга. Во всех этих случаях ведущая роль принадлежала «национализму»: новому историческому феномену социальной жизни человечества, диалектически «снимающему» доминирующие ранее этнические формы бытия и существующему в исторически конкретных идеальных и предметно-практических воплощениях — в идеях и чувствах, художественных произведениях и политических трактатах, программах и действиях государства, общественных организаций и «движений», целью которых были и остаются формирование, сохранение, развитие и экспансия (территориальная, политическая и др.) наций и/или национальных государств.

Отвлекаясь от исторической конкретики многочисленных форм национализма, можно утверждать, что национализм существует в двух основных видах: государственного и этнического национализма. Источником этнического национализма является воображаемое или объективное неравенство этносов в полиэтническом государстве, его социальным субъектом — этнические элиты и интеллигенция, а способом существования — борьба за создание нации и национального государства или за «национальное самоопределение» в составе либо вне данного государства. Но исторически первым был государственный национализм формирующейся из буржуа и интеллектуалов (интеллигенции) XVII–XVIII столетий «либеральной бюрократии» — слоя, персонифицирующего рациональный характер организации и осуществления демократизирующейся государственной власти и сыгравшего решающую роль в культурно-языковой стандартизации и секуляризации жизни населения большинства западноевропейских стран, реально превратив их в *социокультурную общность равноправных граждан* — «нацию». Нация — цель любого национализма, а национализм — средство национального строительства, доминирования и экспансии наций, используемое и не имеющими государственности этносами, и национальными государствами. Последние применяли и применяют «национальные формы» глобальных стратегий, стремясь добиться геополитического, экономического и иного преимущества для своих наций, активно используя имперскую политическую конструкцию. *История глобализации 17–19 столетий — история поэтапного разно-*

образного использования национально особенных форм западноевропейской модели развития в целях финансово-экономического, военно-политического и культурного глобального доминирования нескольких наций-государств.

2.3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ИМПЕРИИ

Переходя к этому разделу, следует вновь обратить внимание на принципиальный для автора тезис о диалектике общего и особенного в процессе формирования и распространения западноевропейской цивилизационной модели, которая изначально существовала и развивалась в национально особенных формах — формах политической, экономической и культурной экспансии крупнейших европейских национальных государств с целью глобального доминирования, позже получивших название глобализма. Если глобализация, как я пытался показать, представляет собой историческую тенденцию объединения народов на базе той или иной цивилизационной модели развития, то *глобализм можно охарактеризовать как «свое иное» глобализации — как исторически конкретную совокупность идеологий и практик достижения мирового (глобального) господства.* В XVI–XIX столетиях глобализм ведущих европейских держав осуществлялся под флагом «национальных интересов» и «цивилизаторской миссии», в подоплеке которых всегда лежал банальный национализм: стремление расширить территориальное пространство «нации», интегрировав в ее состав другие народы, а если это не получалось, — обернуть ситуацию экономического, политического или иного неравенства в свою пользу — осуществить собственное национальное развитие за счет других народов. О роли и практиках национальных государств в осуществлении объединения миллионов людей на основе выросшей из западноевропейской евро-атлантической модели развития пойдет речь в этом разделе монографии.

Начиная его, следует напомнить, что западноевропейская форма глобализации человечества оказалась самой успешной в ряду других, способствовала обретению историей качества всемирности и объединению значительной части человечества на основе европейской

модели модернизации. Помимо либеральных принципов организации экономической жизни в состав этой цивилизационной модели входили демократические нормы общежития (права и свободы человека и гражданина), адекватной политической формой существования которых и институтом считалось демократическое национальное государство. Но исторически наиболее адекватной политической формой развития и распространения цивилизации была «империя». И хотя большинство европейских внутренних и колониальных империй возникли в период доминирования абсолютистской монархической формы правления, до окончательного формирования ведущих западноевропейских наций, именно крупнейшие европейские империи стали проводниками западноевропейской формы доминирования, ее трансформации по мере распространения в евро-атлантическую модель цивилизационного развития, которая остается господствующей вплоть до наших дней.

Со второй половины XVII столетия западноевропейская историческая форма глобального доминирования географически имела многовекторный характер, постепенно охватывая Центральную и Восточную Европу, Азию, Африку и обе Америки. В Европе формирование распространение западноевропейской модели развития выразилось:

а) в преодолении политической раздробленности и образовании с конца XVIII века территориально и численно более обширных новых — национальных — субъектов исторического действия («Войны королей превратились в войны народов-наций»);
б) появлении новой системы международного права и международных отношений, созданных на основе легитимации понятия «национальный суверенитет» («Вестфальский мир»);
в) формальном заимствовании странами Центральной и Восточной Европы, в том числе и Россией, западноевропейской «государственной машины» в качестве средства модернизации и мобилизации населения;
г) возникновении глобалистских философско-политических идей и концепций для Европы и всего мира, прежде всего И. Канта и К. Маркса;
д) создании общеевропейских, а затем и международных организаций, ставших наряду с выше перечисленными явлениями;
е) основой распространения новых экономической (капиталистической) и политической моделей развития, способствовавших по мере формирования этнического национализма на террито-

риях Австро-Венгрии, Османской Порты и России дезинтеграции этих «внутренних» империй.

В свою очередь, начатая в XVI веке Испанией и Португалией, затем интенсивно продолженная в XVII–XIX столетиях Голландией, Францией и главным образом Великобританией активная колонизация «неевропейского мира» всегда осуществлялась в национально-особенных имперских формах. Речь идет об имперских механизмах осуществления внутреннего единства и внешнего могущества. Империи европейских наций Нового времени это уже не конгломераты, как империи древности и средневековья, в них осуществлена национальная переплавка, а колонии свои они осваивают с регулярностью, применяя универсальные рациональные формы управления. *Национальное государство, являющееся одновременно колониальной империей, — высшая для первой стадии глобализации форма осуществления экспансионистской политики.* Имперский авторитарный механизм необходим для политической мобилизации и решения задач национального единства. *Экспансия вовне становится вместе с тем решением проблемы внутренней интеграции населения государства.* Параллельно изобретаются необходимые для осуществления этой политики идеологические подпорки: политический, экономический и культурный «национализм». Европейские колониальные структуры, созданные в Южной Америке до эпохи промышленных и политических революций и формирования буржуазных национальных государств, оказались непрочными. Однако, как верно отмечают исследователи, после возникновения в XVIII веке в Европе национализма и национальных государств, европейские империи сделались более действенными инструментами культурной власти вне Европы благодаря направленному воздействию и управлению унифицированными культурными институтами и потоками по всему пространству империи. «Именно национализм стал наиболее мощной культурной силой, которую систематически поддерживали, финансировали и развивали современные государства»[358].

Соглашаясь с этим, не следует забывать и об экономическом национализме. Прообразом современных ТНК были торговые компании раннего Нового времени, имевшие государственное покровительство, но и сами влияющие на принятие политических решений, имевшие свои армии, чеканившие деньги, державшие в зависимых регионах

[358] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. М., 2004. С. 402.

своих представителей и административно-управленческие структуры, подчас находящиеся в конфликте интересов с эмиссарами своего собственного государства. Они начинали постепенно жить своей жизнью, независимо от национальных государств, способствовавших их появлению. Можно вспомнить, что А. С. Грибоедов в Тегеране боролся за российские национальные интересы именно с представителем Ост-Индской компании при нейтралитете официального представителя Великобритании. Ост-Индская компания в Великобритании, Ост-Индская компания в Голландии, Северная и Левантийская компании во Франции были теми формами, в которых национальное государство, использующее для своего укрепления имперские механизмы, но не имевшее средств для их повсеместного применения, продлевало сферу своего влияния далеко за пределы национальных границ. Неготовность царского правительства принять предложение Грибоедова по созданию Российской Закавказской компании в противовес Ост-Индской было симптомом слабости развития Российской империи на пути «догоняющей модернизации».

Расширение национально-государственных империй наталкивалось на процесс образования наций у соседей. Столкновение само становится стимулом для ускорения процесса строительства национального государства и в перспективе — империи у тех, кто в этом процессе отставал и оказался слабее. Классическим примером здесь являются трансформации, которым подверглись германские земли в результате наполеоновских войн. Трудно сказать, сколь долгим был бы процесс возникновения германского национального государства, если бы не французская оккупация мелких германских княжеств, возбудившая волну общенемецкого патриотизма и вместе с тем принесшая немцам современные политико-правовые и социокультурные институты национального государства, выработанные революцией и Наполеоном и выраженные его Гражданским кодексом.

Если формирование империй в окрестном ареале захлебывается в результате противодействия соседей, устремления крепнущей нации переключаются во внешнюю пространственную экспансию и идут в чисто колониальных формах, не исключающих стремление расширить территориальное пространство «нации», интегрировав в ее состав другие народы. В частности, это выразилось в попытках построения (конец XVIII – середина XIX веков) аналогов «наций» за пределами метрополий.

За относительно малый срок европейцы поставили под контроль значительную часть мира, колонизировав Америку и основав стратегические форпосты в Азии. В колониях, отмечают исследователи, сформировались особые полиэтнические общности завоевателей, и уже через одно, а тем более — через два или три столетия большинство людей там имело европейские, американские и даже африканские корни. Тогда же под мощным напором европейцев в Новом Свете быстро угасли традиционные религии и стали усваиваться ценности и порядки, принятые в Европе. Начиная с середины XVIII века, европейская экспансия активизировалась на азиатском направлении, с середины XIX столетия — и на африканском. Первоначально европейцы, особенно испанцы, португальцы и даже британцы, стремились построить в колониях аналоги собственных обществ[359]. Для этого были определенные предпосылки: колонии были населены миллионами выходцев из Старого Света, носителей национальных культур и ценностей. Знаменательно, что в середине XIX века эмиграция в колонии определялась в документах британского кабинета министров как «перераспределение населения *в пределах нации*»[360]. Как известно, эта политика государственного национализма не увенчалась успехом. Но парадоксальным образом попытки осознанного политического конструирования «наций» на этноплеменной основе были возобновлены в постколониальный период — в 1960-е и последующие годы, главным образом в Африке, — завершившиеся появлением на политической карте мира нескольких десятков псевдонациональных государств. А в XIX столетии попытки экспорта национально-особенных форм цивилизационного развития квалифицировались колонизаторами и колонизируемыми в качестве «общеевропейских», а чаще «западных». Существующая по сей день интерпретация первоначально сложившейся в пределах западноевропейских национальных государств цивилизационной модели развития в качестве «общеевропейской», недифференцированное противопоставление «Запада» «Востоку», «Азии» да и всему остальному мира — результат возникшего в XVIII–XIX столетиях вследствие колониальных экспансий «ориентализма», действие которого в современных социальных исследованиях выражается, например, в отождествлении «глобализации» с «вестернизацией».

---

[359] См.: *Иноземцев В.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль – XXI. 2003. № 11. С. 3–4.

[360] *Иноземцев В. Л.* Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 37.

По мнению автора, термин «вестернизация» имплицитно содержит исторически сформированный культурно-оценочный компонент (смысл), выработанный двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе которой выковывалась «европейская идентичность» Белого человека, формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Поэтому, употребляя этот термин, следует иметь в виду, что исторически «вестернизация» реализовывалась в совокупности разных, национально окрашенных (особенных) глобальных (геополитических) стратегий европейских национальных государств.

Последнее уточнение в контексте нашего исследования имеет принципиальное значение. Так как позволяет, не греша против фактов, интерпретировать вестернизацию не только как «цивилизационный империализм» анонимного Запада, выраженный в идеологии и практике ориентализма, но и как *превращенную форму государственного национализма* ведущих европейских держав, реализующих в колониях и за их пределами свои собственные, в том числе и глобальные, интересы. Не следует думать, как это делают многие антиглобалисты, что эти интересы сводились лишь к «ограблению» колоний для обогащения сосредоточенной в метрополии «нации». Вплоть до Первой мировой войны историческая диалектика ориентализма и национализма заключалась в том, что, реализуя патернализм, цивилизаторскую миссию Белого человека, португальцы, испанцы, французы или англичане не просто были уверены, «что этот мир *когда-нибудь станет частью их собственной цивилизации*»[361], а именно и прежде всего — частью их собственной нации.

Диктовалось это, разумеется, не столько гуманизмом и альтруистичекими побуждениями, а вполне прагматическими соображениями. Ахиллесовой пятой всех без исключения империй была и остается невозможность эффективного управления территориями из одного центра. Завоевать можно любой народ, но удержать его долго в составе нового государства одною только силою невозможно. Необходимо, как уже отмечалось, организовать общее экономическое, политическое и, главное, культурное пространство совместной жизни и в конечном

[361] *Иноземцев В. Л.* Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 62.

счете интегрировать население колоний и доминионов в состав более обширной социокультурной и политической целостности — нации. Именно поэтому в XIX веке европейские державы вкладывали большие деньги прежде всего в создание имперских образовательных систем и инфраструктуры коммуникаций. Наиболее активно в этом направлении действовала Великобритания. По всему миру для детей местной элиты создавались аналоги английских закрытых частных и начальных образовательных школ, учебники и программы для которых специально готовились английскими специалистами, в доступной форме пропагандировавшими британские культурные и политические ценности.

Главным языком образования и обучения был, разумеется, английский. Особенно эффективными в ассимиляции колониальных элит были регулярные отправки небольших групп студентов в Оксфорд и Кембридж, где они получали знания, необходимые для службы в колониальной администрации или, впоследствии, в правительстве стран, получивших независимость. Если Рим строил дороги, обеспечивая возможность управления на большом расстоянии, то усилия Великобритании были направлены на строительство и развитие первых телекоммуникационных систем.

Телеграф был изобретен, продемонстрирован и запатентован в 1837 году. А уже спустя 15 лет были предприняты попытки проложить первый подводный телеграфный кабель между Индией и Великобританией, и в 1870 году начала успешно работать первая британско-индийская подводная телеграфная система. После 1878 года, отмечают исследователи, «британское правительство выделяло значительные субсидии для коммерчески невыгодных, но стратегически важных линий, например, 1,75 млн фунтов стерлингов для прокладывания кабеля между Австралией и Южной Африкой в 1890-е гг. К 1887 году было проложено 214 тыс. км кабеля по дну океана, 70 % из них британские. В последующие десятилетия британское преобладание немного снизилось, так как другие империи создали собственные телеграфные сети, но в 1908 г. 56 % из 473 тыс. км кабеля были британскими»[362].

[362] *Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон.* Глобальные трансформации. С. 396. Подробнее о ещё находившиеся на пути к формированию национального государства, не смогли в полной мере воспользоваться преимуществами капиталистического возникновении, расцвете и упадке Британской империи, ее роли в экономическом, индустриальном и социокультурном развитии колонизируемых территорий см.: *Ferguson, Naill.* Empire. How Britain Made the Modern World. London: Allen Lane. 2003.

Тем не менее не только «построить» нации, но и серьезно вестернизировать многомиллионное население колоний европейским империям и США не удалось. Для этого надо было импортировать туда «европейский рационализм», «демократию» и «гражданское общество», осуществить финансово-экономическую, политическую и главное социокультурную интеграцию антропологически, религиозно и культурно отличных от европейцев людей в состав сформировавшейся или формирующейся в метрополиях «нации» — то, что в странах Западной Европы заняло не одно столетие. Для многих коренных народов Азии, Африки и Америки, с характерными для них традиционными формами общежития и «непонятийными культурами», это означало инверсионный переход в новую, параллельную им, социальную реальность — прыжок через столетия собственного естественно-исторического развития. «Национализация» и «вестернизация» народов «споткнулась», с одной стороны, о социокультурное сопротивление подавляющей массы населения колоний, а с другой — о «национализм» финансово-экономических и промышленных элит «метрополий», стремившихся использовать имперскую политическую конструкцию не для создания общего экономического и правового пространства для колоний и метрополий, а для обслуживания сосредоточенного в метрополиях национального капитала.

Совершенно не случайно, и это отмечается В. Л. Иноземцевым[363], что успешность национальной интеграции, которая всегда имела свои естественные пределы, трансформировала в XIX веке характер колониальной экспансии: все попытки европеизации населения колоний были оставлены, и национально-государственные империи развивались, не устраняя, а поддерживая социокультурные барьеры. Соответственно усиливалась неравномерность темпов социального развития «первого», «второго» и «третьего» миров.

Нации, добившиеся в XVI–XVIII веках успехов на пути модернизации, осознали свой потенциал и стали считать себя в XVIII–XIX в. вершителями судеб мира. Традиционные империи не выдержали столкновения с новым типом империй, ядром которых были национальные государства. В эпоху существования огромной империи на о. Ява Голландия была всего лишь графством; Испания еще не обрела сколько-нибудь выраженного государственного единства, когда у ацтеков и инков работал отлаженный имперский механизм. За относитель-

[363] *Иноземцев В. Л.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль. 2003. № 11.

но малый срок европейцы поставили под контроль значительную часть мира, колонизировав Америку и основав стратегические форпосты в Азии. В колониях, отмечают исследователи, сформировались особые полиэтнические общности завоевателей, и уже через одно, а тем более через два или три столетия большинство людей там имело европейские, американские или даже африканские корни. Тогда же под мощным напором европейцев в Новом Свете быстро угасли традиционные религии и стали усваиваться ценности и порядки, принятые в Европе. «Трёх веков колонизации оказалось достаточно для того, чтобы на рубеже XVIII и XIX веков карта Америки покрылась названиями новых государств, два из которых — США и Аргентина — имели к началу XX века экономики — первую и шествую в мире по своей мощи. Начиная с середины XVIII века европейская экспансия активизировалась на азиатском направлении, с середины XIX века — на африканском»[364].

М. В. Ильин совершенно справедливо пишет о колониальных империях как империях нового типа. Их специфика в том, что они создавались национальными государствами[365]. Неслучайно лишь этот тип империй создал такой инструмент, как компании (по типу Ост-Индской и др.), чьи традиции продолжают современные ТНК.

Наибольших успехов и устойчивости добилась Британская колониальная империя, бывшая и наиболее обширной. Резкое усиление колониальной экспансии Англии связано именно с буржуазной революцией и вызванной ею ускоренной модернизацией страны. Кромвель желал, чтобы английская нация во главе протестантских держав покорила весь мир, как в Европе, так и за океаном — в Вест-Индии, Северной Америке. Торгово-экономические и геополитические соображения диктовали политические решения. Были завоеваны Ирландия и Шотландия. Их парламенты были ликвидированы, таможенные барьеры устранены, всюду вводилось английское право, система судопроизводства, подати, налоги. Территория Ирландии колонизировалась солдатами — участниками ирландского похода с массовым выселением ирландцев на неплодородные земли[366]. Успехи Британской империи были достигнуты прежде всего за счет создания необходимой инфра-

[364] *Иноземцев В. Л.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль. 2003. № 11. С. 3–4.
[365] *Ильин М. В.* Субъекты мирового порядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 87.
[366] Подробнее см.: *Павлова Т. А.* Кромвель. М., 1980.

структуры коммуникаций, а также за счет распространения английских идей и культурных навыков среди молодого поколения туземных элит. И тем не менее в определенных успехах на этом пути следует видеть прежде всего преследование национальных интересов и стремление повысить степень единства и управляемости государственного организма, а не только цивилизаторскую миссию в отношении народов колоний, как это делает, например, уже упоминавшийся Н. Фергюссон. Вряд ли, например, можно представлять захватническую со стороны Великобритании Англо-эфиопскую войну 1867–1868 гг. в духе пропагандистских штампов как «операцию по разгрому императорских войск, вызванную враждебными действиями императора Эфиопии в отношении британских граждан». Война, захват столицы оккупантами и самоубийство императора Эфиопии Фёдора II, скорее, были вызваны классическим для второй стадии глобализации стремлением парализовать попытки строительства сильных централизованных национальных государств в странах Периферии.

К середине XIX в. в Великобритании приобрели популярность идеи «имперской федерации», однако попытки ее создания не были успешными. Интересы Англии и колоний принципиально разошлись. Колонии стремились содействовать развитию собственной молодой промышленности с помощью протекционизма, а Англия настаивала на свободе торговли, чтобы беспошлинно вывозить свои бумажные ткани, железные изделия и каменный уголь и ввозить сельскохозяйственные продукты для собственного городского населения[367]. Спустя 150 лет положение ничуть не изменилось: тот же конфликт интересов между странами «третьего» мира и ВТО. Поэтому утверждения Н. Фергюссона о том, что «Британская империя доказала, что империя является эффективной формой организации наднационального правительства, не отвечая при этом интересам одной только правящей нации»[368] — сомнительно. Более правдивы сделанные на основе аналогии между операцией в Афганистане в 2001 года и войной против махдистов в Судане в 1880-х гг. утверждения о том, что колонизация «является наиболее логичным методом противостояния хаосу и необходимость в ней сейчас ничуть не меньше, чем в XIX столетии». Эти утверждения означают, что страны Запада не имеют других средств для устранения существующего в мире глобального конфликта интересов, кроме военной силы.

[367] *Метен А.* Попытки создания имперской федерации // История XIX века. Т. 8. М., 1938.
[368] Цитир. по: *Иноземцев В. Л.* Книгочей. М., 2005. С. 342–343.

Как и в случае с Английской буржуазной революцией, буржуазная революция во Франции и строительство Наполеоном империи придали новый импульс колониальной политике Франции. Нет противоречия между ломкой феодальных порядков в Европе в результате наполеоновских войн и продолжением колониальных традиций Бурбонов. Строительство колониальной империи оказывалось иным измерением создания единого и сильного национального государства, результатом государственного национализма, и в «теории», и на практике всегда стремящегося к сохранению и экспансии своей «нации». Созданное Бриссо и Робеспьером «Общество друзей чёрных» потерпело поражение. Французское правительство отказывалось от принципов «Декларации прав человека» и Гражданского кодекса в отношении негров и начало колониальную войну в Гаити, правда, закончившуюся поражением. Но в других местах Наполеон I, а затем его преемники Луи Филипп и Наполеон III добились успехов. Происходил перехват колоний у Голландии и Великобритании. Были захвачены Алжир, Сенегал, Тунис, Вьетнам, Камбоджа, Новая Каледония и др. При Наполеоне I в колониях были ликвидированы зачатки местного самоуправления, существовавшие даже при Бурбонах, и законодательно закреплено расовое неравенство. В особенности политика внешней экспансии развернулась во время Второй империи, не лишенная откровенного авантюризма[369].

Политика Бисмарка в процессе создания Германской империи использовала лозунг защиты прав немецких национальных меньшинств как предлог для начала войн, направленных на включение в состав национального государства всех тяготеющих к нему исторических областей. Специфика образования Германской империи состояла в сохранении своеобразия и привилегий входивших в нее феодальных государственных образований. Однако прусское военное законодательство вводилось по всей империи в полном объеме. Став империей, Германия активно включилась в борьбу за колонии, что привело к обострению межимпериалистических противоречий. Бисмарк при создании империи шел бонапартистским путем — путем военно-бюрократической диктатуры и внешней экспансии[370]. Нельзя признать случайным и то, что Русско-японская война, бывшая по сути борьбой за колонии, разразилась после того, как в России и Японии были проведены более или менее успешные модернизационные реформы.

[369] *Черкасов П. П.* Судьба империи. М., 1983.
[370] *Чубинский В. В.* Бисмарк. М., 1988.

Сходные процессы (расширение поля действия торгового капитала, перманентная внешняя вооруженная экспансия и внутренняя правовая унификация) имели место и при становлении США. Источником колонизации был торгово-промышленный капитал, чья активность совпала с мощными миграционными процессами энергичных людей, которым «не находилось места» в Европе. Торговый капитал Испании, Франции, Англии и Голландии активно осваивал новые территории; многие тысячи европейцев, спасаясь от экономического, национального и религиозного гнета у себя на родине, искали счастья за океаном и несли с собой ценности и нормы европейской жизни. Так западноевропейская модель развития трансформировалась в евро-атлантическую.

Первыми в Америку устремились искатели легкой наживы: авантюристы, бродяги, солдаты и работорговцы, ставшие первыми жителями поселений Сент-Огастин (1565), Пор-Руаяль (1604), Джеймстаун (1607) и Новый Плимут (1620). Вслед за ними шли люди твердых религиозных принципов — протестантские сектанты, переселявшиеся в надежде обрести свободу и там, на новых землях, осуществить свой социальный идеал, обрести свою утопию. Американская мечта в условиях отсутствия постоянных границ становилась экспансивным устремлением, впитавшимся в сам дух формирующейся нации. Американские первопроходцы и новые массы эмигрантов из Европы все дальше отодвигали линию своих поселений («фронтир») на Запад, к тихоокеанскому побережью. За активными людьми двигалось «государство», устанавливая на новых землях свои «закон и порядок». За первые 150 лет колонизации было освоено лишь атлантическое побережье. Поселенцы стремились главным образом освободиться от власти «метрополий» (Англии и Франции), которые перманентно воевали между собой за зоны влияния на Американском континенте.

Многонациональному населению колоний, жаждущих независимости от власти торговых аристократий Лондона и Парижа и королевских администраций, это было не по душе. Уже в 1643 году была образована конфедерация «Соединённые колонии Новой Англии», а спустя 23 года население Виргинии поднялось против английской короны. Это восстание было сурово подавлено. Однако с тех пор восстания следовали одно за другим. В добившихся наконец независимости Соединённых Штатах процветали работорговля и война за истребление коренного населения — индейцев по мере продвижения на Дикий Запад. Отцы-основатели федерации независимых штатов были убеждены, что

расширение и увеличение мощи нового государства будет происходить по образцу первых штатов: очередная колония обретает независимость и ходатайствует перед Конгрессом о приеме ее в Союз. Либо можно будет просто покупать новые территории, как была куплена в 1803 году Луизиана у Франции. Но очень скоро стало ясно, что эти «демократические» способы занимают слишком много времени и крайне неэффективны. И тогда для идеологического обоснования новой геополитики появилась соответствующая «континентальная» концепция: «естественными границами» государства должны стать оба океана, омывающие североамериканский континент.

В силу вступил испытанный и быстрый способ образования империй. На Юге — вооруженный захват территорий у более слабых соседей, на Среднем и Дальнем Западе — «освоение» земель, заселенных индейскими племенами, в ходе которого аборигены беспощадно истреблялись, изгонялись или помещались в резервации. Разгромив в 1819 г. испанские войска, Соединённые Штаты присоединили Флориду и Алабаму, отобрали у Мексики путем «самоопределения» Техас в 1845 г., а победив Мексику в войне, захватили у нее Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико, Неваду, Юту и Колорадо, населенные исключительно мексиканцами. Что уж теперь переживать С. Хантингтону по поводу угрозы идентичности WASP под мексиканским культурным давлением. В 1898 году были аннексированы Гавайи, а покорение Запада продолжалось вплоть до начала XX века. В любом американском справочнике против названий многих штатов можно прочесть: «аннексирован».

Оценивая итоги гражданской войны 1861–1864 гг. и решение А. Линкольна о начале военных действий против конфедератов, американские историки признают, что выбор этот был правильным. Высокая цель сохранения целостности государства оправдывала любые средства. Сам Линкольн в речи к Конгрессу после победы высказал ту же мысль: победа «должна решить для всего человечества вопрос — способна или нет конституционная республика отстоять своё территориальное единство от своих собственных внутренних противников этого единства». Президент Линкольн потому до сих пор так почитаем в США, что сохранение территориальной целостности и единства государства — задача не менее трудная, чем его основание. Когда она встаёт во весь рост, в стороне остаются «неотъемлемые права и свободы». Неслучайно Линкольн, прославившийся отменой рабства, готов был его навечно узаконить в южных штатах. Но чтобы Север и Юг развивались незави-

симо друг от друга, на это он согласиться не мог. Рано или поздно это все равно привело бы к расколу страны. И если единственным средством сохранения целостности США был путь нарушения «великих принципов», путь применения военной силы, Линкольн мужественно избрал именно его. С точки зрения исторической целесообразности и перспективы он был, безусловно, прав: конфедеративный путь развития никогда не вывел бы США в разряд великих держав. Страшные опустошения гражданской войны, ее жертвы давно забыты. Остался лишь результат, то, ради чего все это делалось, — создание великой мировой державы. После кровопролитной гражданской войны США не только избежали распада, но и многократно преумножили экономическое могущество и военную мощь, укрепили единство нации. Укрепление единства национального государства и внешняя имперская экспансия в США дополняли друг друга[371].

Итак, на первой стадии всемирно-исторического процесса глобализации, особенно с середины XIX века, насильственные формы колониализма приобрели именно глобальный размах. «Основной чертой этой эпохи было то, что политический и военный охват европейских и американской империй достиг своего максимума, создав поистине глобальную структуру взаимосвязей, хотя и разделённую на фрагменты имперским соперничеством»[372]. Под эгидой военно-политической глобализации разворачивалась сеть международных экономических взаимодействий и потоков в сферах коммуникаций, торговли, капиталовложений и миграции. Торговые связи приобрели в этот период направления и последовательности, мало изменившиеся и сегодня. Сейчас, скорее, имеет место продолжение и усиление этих тенденций как в сфере экономики, так и в сфере транспортной инфраструктуры. Начиная с того времени, без применения новых транспортных и телеграфных средств коммуникаций новый виток европейской колониальной политики был бы невозможен. Империи усиленно инициировали технические инновации, необходимые для создания инфраструктур, обеспечивающих контроль. Интенсивно велось железнодорожное строительство. Были прорыты Панамский и Суэцкий каналы. Был создан трансокеанский телеграф. Возникли международные финансовые институты. Сформировался международный рынок труда.

[371] Подробнее см.: *Гранин Ю.* Д. Расцвет и закат империй // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 6.
[372] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. М., 2004. С. 498.

Американская индустриализация подпитывалась постоянным притоком иммигрантов. Вместе с тем имперские политические структуры сами сводили на нет возможности международных экономических и политических институтов вследствие ожесточенной конкуренции и сопутствовавшего ей роста национализма.

В конце XIX века имперская экспансия все больше принимала форму коммерческого предприятия, что имело негативное влияние на политическую интеграцию внутри самих национальных государств. Европейские национальные государства в принципе не могли создать общее правовое пространство для метрополии и колоний, что не способствовало устойчивости политического организма. Они были вынуждены не интегрировать, но навязывать. *Экономика начинала преобладать над политикой: это составило важнейшую черту глобализации на рубеже XIX–XX веков и составляет характерную особенность современной неолиберальной глобализации, начиная с середины 1970-х гг.* Уже в конце XIX века действия имперских национальных государств диктовались логикой саморасширения капитала. Когда капитал принял форму национального капитала, наладил тесные связи с государством и указал на общие с ним цели борьбы за овладение мировыми рынками, возникло имперское соперничество национальных государств. *В результате*, как уже отмечалось, *имперский принцип экспансии и принцип национальной интеграции населения имперских территорий вошли в противоречие, и имперский принцип экспансии возобладал. Экспансия стала работать не на интеграцию, а сама на себя – как капитал, который не имеет иной цели, кроме самовозрастания. Конкуренция вырвалась из-под контроля политической власти и вела прямо к мировым войнам.*

Парадоксально, но мировые войны стали свидетельством возросшей степени глобализации человечества. Сложившееся национальное государство не было по своей природе способно к неограниченному росту, к которому стремился национальный капитал. Диалектика развития имперских национальных государств такова, что, достигая определенной степени зрелости, национальное государство утрачивает способность к ассимиляции и интеграции и имперские механизмы из необходимых превращаются в разрушительные для него.

С конца XIX века капитал диктовал имперским государствам стратегию подчинения колоний без интеграции, без сохранения механизмов национального государства для всего имперского пространства. Этот путь был наиболее подходящим для решения важнейшей проблемы

роста капитала — кризиса перепроизводства и, главное, перенакопления капитала, поскольку поддерживал неравенство метрополии и колоний. Политика эта имела и общественную поддержку той же самой природы, какова и сегодня природа поддержки неолиберальной глобализации мелкими инвесторами, заинтересованными в экспансии «своих» ТНК. Уже тогда начинала раскручиваться спекулятивная спираль, приведшая к преобладанию финансовых форм капитала над производственными. Спонсорами колониальных захватов выступали прежде всего финансовые спекулянты, готовые к рискам, ставившие на выигрыш по-крупному средства, которым не было реального применения в организмах национальных экономик. Интересы государств-метрополий и финансовых спекулянтов в деле колониальной экспансии совпадали напрямую, чего не могло быть на национальном уровне. В результате экономические интересы небольшой части буржуазии стали отождествляться с национально-государственными интересами. Кроме того, без экспорта насилия, сопровождающего экспорт капитала, нельзя было обезопасить национальную экономику от избытка капитала.

Следствием этих изменений государственной стратегии стало то, что уже с конца XIX века военно-полицейские структуры начали приобретать все большую значимость на фоне прочих структур национального государства. Поддерживать имперское единство можно лишь силой, а это означает сворачивание демократических механизмов в «метрополии». Строительство империи с ядром в виде национального государства оказалось в итоге неэффективным, а строительство «нации» на всем пространстве империи невозможным, поскольку нельзя было преодолеть зазор между метрополией и колониями и вполне интегрировать в состав империи как раз саму метрополию. Следуя за логикой капитала, национальное государство вместо интеграции в свою среду новых территорий начинало возбуждать в них национальное самосознание и стремление к суверенитету, подрывая тем самым собственные усилия по строительству империи. Британская империя оказалась неспособной интегрировать даже ирландцев, не говоря уже об индусах или бирманцах. Не только британцы, но и французы, и голландцы пытались приручить туземные элиты, предоставляя ее представителям особый статус и пропуская через европейскую систему образования, но тем лишь готовили эффективные кадры для национально-освободительной борьбы. Возник этнический национализм, ставший мощной силой противодействия и вестернизации, и империализму.

Подводя итоги, следует зафиксировать: глобализм ведущих западноевропейских имперских государств способствовал распространению (транзиту) западноевропейской модели развития на огромные территории, население которых принадлежало к иным цивилизационным ареалам. Это распространение осуществлялось за счет колониальных и военных экспансий, сопровождалось политической и экономической эксплуатацией миллионов людей, результаты которой пополняли казну европейских национальных «метрополий», граждане которых, казалось бы, должны были бы получать выгоды от экспансионистской политики своих правительств. Но этого не происходило. Наоборот. Расцвет национализма в Западной Европе сопровождался повсеместным ростом нищеты и безработицы, спровоцировавшими не одну социальную революцию. Вплоть до второй половины XIX века «национализация» европейских государств, связанная, как было показано, с борьбой за политические права человека, за «народный суверенитет» странным образом не сопровождалась их «социализацией» — обязательствами государств защищать социальные права своих граждан. Но почему? Почему «концепт» социального государства появляется лишь в середине XIX века? Об этом читатель узнает из следующей главы.

ГЛАВА 3

ПОЯВЛЕНИЕ И ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Предваряя последующий анализ, напомним, что гипотеза нашего исследования состоит в предположении, согласно которому историческая трансформация европейских государств в новое и новейшее время связана с процессом их поэтапной «социализации» и «гуманизации», связанной, тем не менее, с различными формами национализма. Исторически это движение осуществлялось в направлении расширения спектра концептуализации прав и свобод человека и гражданина, от парадигмы «классовой борьбы» к парадигме «социальной солидарности», и было связано с цивилизационными особенностями развития государств Западной Европы в XVII–XIX вв. Начиная с последней трети XIX столетия и вплоть до начала Второй мировой войны, «сущностной характеристикой» государства (независимо от формы правления (монархической или республиканской) или политического режима (демократического, авторитарного и др.) было «регулирование социальных отношений» и снятие межклассовых противоречий. Это был этап социализации государств, в пределах которого все западноевропейские страны можно охарактеризовать как *«государства социального партнерства и солидарности»*, выборочно и в разной мере ориентированные преимущественно на минимальную защиту в первую очередь интересов трудящихся, на регулирование отношений между «трудом» и «капиталом». В дальнейшем под влиянием многих факторов государство расширяет пространство и формы социальной защиты, спектр своих социальных обязательств, начиная со второй половины XX века и постепенно трансформируясь в социаль-

но сильное правовое *«государство всеобщего благосостояния»*, получившее множество исторических воплощений. Его появление знаменует собой очередной этап социализации государства, о котором несколько столетий назад могли лишь мечтать немногочисленные адепты социалистических и коммунистических учений конца XVIII – начала XIX вв. Ведь в их время социальный вопрос (нищеты, безработицы, бедности, с одной стороны, и богатства, с другой) решался государством исключительно дисциплинарными методами. Остановимся на этом подробнее.

3.1. ОСУЖДЕНИЕ И ИЗОЛЯЦИЯ БЕДНОСТИ ГОСУДАРСТВОМ В «ВЕК РАЗУМА»

Когда применительно к европейской истории пишут о «веке Разума», то, как правило, имеют в виду не какое-то особое столетие (XVIII век), а так называемое Новое время — исторический период, не имеющий четких хронологических границ, далеко выходящий за пределы «эпохи Просвещения» промежуток времени. В экономическом аспекте «Век Разума» (Новое время) хронологически совпадает с движением капитализма от доиндустриальной (мануфактурной) к индустриальной фазе развития (XVII – первая треть XIX вв.), а в политическом — с переходом государств Западной Европы от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового, капиталистического, способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутристрановой, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный переход был ознаменован революционными изменениями в сфере научной мысли и осуществлен под влиянием *европейского рационализма* — мировоззрения, под определяющим воздействием которого, в свою очередь, происходило формирование естественных наук и социальных учений Нового времени, оказавших существенное влияние на мировоззрение и мировосприятие современников.

Как известно, появление рационализма в качестве специфического феномена западноевропейской жизни в целом и политической жизни в частности было связано с развитием философии и науки в эпоху Возрождения и в Новое время, теоретически обосновавшими принцип деятельностной активности субъекта (человеческого «разума»), который позиционировал природу и общество в качестве «объекта» человеческих действий. Для политической и социальной практики того времени это открывало возможность «инженерного отношения» к действительности, которым не преминуло воспользоваться государство в своих попытках рационализации собственного устройства.

Это выразилось в появлении феномена *камерализма* (*Kammer* — по-немецки «палата», но также «кладовая») — идеологии и практики производства дискурсов в трех основных областях: организации государственных финансов, системы хозяйствования (*Oeconomie*) и упорядочивании общества (*Polizei*). Наиболее известными продуктами камералистской идеологии были экономическая доктрина меркантилизма и теория административного устройства «gute Polizei» — правильно управляемого государства. Уже с XVI века многочисленные ученые трактаты и публицистические памфлеты распространяли представление о том, что целью правителя является достижение общественного блага всех подданных[373], а средством к этому является рациональная и благотворная деятельность просвещенных (образованных) служащих, заседавших в королевских *Kammer* (членов советов, или коллегий). Эти лояльные абсолютной королевской власти чиновники, как правило, были выходцами из самых разных сословий, обладавшими единственным преимуществом перед другими — «символическим капиталом», или знаниями).

Именно они образовали «просвещенную бюрократию», получившую монополию на преобразование методов организации военной и административной «машин» и контроля за их действиями[374]. Способность

[373] В подавляющем большинстве эти «камеры» имели характер тайных советов при королевской особе, целью которых, вопреки декларируемому «общественному благу», было изыскание все новых налогов для постоянно пустеющей королевской казны. Дополнительные налоги и сборы с населения, расширение привилегий государя и казны, нечистоплотные финансовые махинации — всем этим занимались члены королевских "камер" в абсолютистском государстве. Но «на бумаге» все эти меры посредством политического воображения о рациональном устройстве государства *подавались как элемент прогрессивного упорядочивания ради общего блага.*

[374] *Вебер М.* Бюрократия (пер. А. Б. Рахманова) // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 1 (34). С. 10–27.

концентрировать экономические и политические ресурсы посредством относительно стройной военной и административной государственной машины с ее обученной бюрократией далеко превосходила возможности и эффективность других государств, включая самые мощные империи — Османскую, Монгольскую и Китайскую. Только те империи, которые переняли западную модель государства, как это частично сделала послепетровская империя Романовых, впоследствии смогли выжить, сохранить и приумножить свои территории. Хотя в XVII–XVIII веках в составе государственных элит и в системе эксплуатации крестьянства еще остались многие элементы феодализма (особенно в Восточной Европе и тем более — в России), этот *новый тип бюрократического государства поощрял рост богатого буржуазного класса и связанных с ним людей «свободных профессий» — протоинтеллигенции*, противостоявших власти католической церкви и монархии. Возникнув в результате эрозии сословной организации общества, формально (юридически) она состояла не только из представителей «третьего сословия», но и парадоксальным образом включала в свой состав многочисленных представителей образованного дворянства и даже аристократии[375].

Их самоидентификация и оценка внешнего мира, по мнению некоторых исследователей, базировалась на так называемых общечеловеческих ценностях, представляющих политические, экономические, национальные и иные «рационализированные идеалы» социального бытия. Последнее всегда оценивается и анализируется не только с точки зрения «сущего», но и с позиций «должного». И поскольку разрыв между сущим и должным всегда явен и не устраним, перманентным состоянием «интеллигентского сознания» является критика существующего и выработка политических, экономических, национальных и других программ и проектов общественного переустройства. Можно сказать, что в эпохи позднего феодализма и раннего Нового времени *протоинтеллигенция персонифицирует собой критико-рефлексивный потенциал общества, его функциональную и критическую рациональность*, во многом обусловившую и предопределившую пути дальнейшего экономического и социально-политического развития западноевропейских стран[376].

[375] Вольтер, Монтескье, Кондильяк, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Ламетри, Руссо и десятки других дворянских имен составили цвет Просвещения.

[376] Подробнее См.: *Гранин Ю. Д.* Интеллигенция как фактор национализма // Журналист. Социальные коммуникации. 2016. № 1-2. С. 3–21.

Поэтому, когда монархия лишилась реальной власти или была смещена, именно этот слой унаследовал традиции и концепции накопленного веками искусства рационального управления государством, а также государственную машину для осуществления политики камерализма в своих интересах.

Как демонстрируют современные исследования, «камерализм (*Kameralwissenschaft*) представлял собой колоссальных масштабов риторический механизм, основным результатом которого было не точное экономическое или социальное знание и не инновационные практические советы производственного и административного характера, а создание и продвижение *самого представления о государстве как едином рационально устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками*. Абстрактная идея „государства“ внедрялась в умы подданных и правителей, формировалось представление о чиновнике как служащем этому государству — не из вассального подчинения сюзерену и не ради корыстного злоупотребления должностью („кормления“), а с целью внести вклад в общественное благо»[377]. *Путь к которому осмысливался как движение от сословного к политическому обществу («нации») и в категориях частной выгоды и универсальной законности.*

Специфика и горизонты этого осмысления определялись не только изменениями социальной структуры западноевропейских обществ, но и трансформацией мировоззрения, характерной чертой которого стали *антропоцентризм* и *механицизм*. В его пределах Вселенная и Природа интерпретируются как подчиненные естественным законам[378] — законам механики, и *образ мира как механизма становится доминирующим в мировоззренческих ориентациях человека Нового времени вплоть до начала второй половины XIX столетия*. Именно тогда в работах фон Штейна впервые формулируется идея (концепт) «социального государства» как института, обязующего самого себя решать проблемы социального, прежде всего экономического, неравенства законными средствами. Но почему эта идея не появилась раньше, в XVII–XVIII вв.? Потому что тогда становление капитализма в западноевропейских странах не только не поднимало уровень и качество жизни подавляющего большинства населения, но, наоборот, сопровождалось ростом нищеты и массовой безработицы по всей Европе. Развернутый ответ на эти

[377] *Глебов С., Могильнер М., Семенов А.* Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть I // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 328–329.

[378] После сотворения мира Бог не вмешивается в полагание событий.

вопросы требует эмпирического подтверждения. А потому обратимся к историческим фактам. Вот лишь несколько из многих примеров.

Уже в конце XVI века, эпохи постоянного расширения английского могущества, английская королева Елизавета после триумфального путешествия по своим владениям с удивлением и разочарованием воскликнула: «Повсюду нищие!». Ибо на смену коллективному владению землей свободными английскими йоменами пришла (за счет огораживания общинной земли лендлордами, где раньше каждый мог пасти скот и добывать торф) частная собственность на землю, ставшая для английских крестьян настоящей трагедией. Лишенные права использовать некогда общую землю, они больше не могли зарабатывать на прокорм семьи «фермерством». Стать фабричными рабочими им пока также было не суждено — фабрик тогда еще не было. В результате эти люди сформировали самый несчастный и угнетенный из всех классов — аграрный пролетариат, а в тех местностях, где рабочих мест в сельском хозяйстве недоставало, они становились бродягами, попрошайками и ворами.

Потрясенные повсеместным распространением нищеты Елизавета и английский парламент приняли законодательные меры: в 1601 году был принят Закон о бедных. Он был рассчитан на оседлых бедняков, временно лишившихся работы, — предполагалось, что страх бедности заставит людей работать. Однако это не решило проблему пауперизма: количество профессиональных бедных и бродяг не уменьшилось. Поэтому в 1607 году в каждом графстве каждом был создан Исправительный дом, но это лишь локализовало проблему. Хотя церковным приходам было вменено в обязанность выплачивать беднякам скудные пособия, а в отношении бродяг предписывалось применять телесные наказания и клеймения, это не помогало. Тогда бедных было предписано «отправлять в изгнание и препровождать под конвоем во вновь открытые земли в Восточной и Западной Индиях». Но и при Кромвеле, отмечает Хайлбронер, проблема все еще не решена: лорд-мэр сетует на «весь тот сброд, что стекается в город, нарушает общественный порядок, осаждает кареты и громогласно требует подаяния у церковных врат и у дверей частных домов»[379].

[379] Подробнее см.: *Роберт Л. Хайлбронер*. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. Пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Колибри, 2008. С. 36–38.

И то же самое происходит в Германии, Нидерландах, Франции. Так, парижские нищие подлежат публичной порке на площади; затем им выжигают клеймо на плече, обривают голову и изгоняют из города. А чтобы они не вернулись назад, ордонанс 1607 года предписывает «размещать у городских ворот отряды лучников, чтобы они не пускали в город голытьбу». И везде, как показал Мишель Фуко, церковь и камералисткое *государство использует дисциплинарные методы власти* — «изоляцию» бедности. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «работные дома», в которых насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, заставляя их работать по строго регламентированным планам[380]. Это было связано со многими обстоятельствами.

Прежде всего с сопровождавшими капитализм с самого рождения периодическими экономическими кризисами, выбрасывавшими на улицу тысячи людей, и сотрясавшими Европу XVI–XVII столетий религиозными войнами. Свою роль сыграла и так называемая протестантская этика, в пределах которой произошла реинтерпретация милосердия: если в католицизме призрение нищих — «людей Божьих» — богоугодно, то протестантизм видит милосердие в предоставлении возможности обучиться ремеслу и работать. Уже со времен Лютера и Кальвина бедность и нищета несли на себе печать вечного проклятия и кары. Теперь же, отмечает Фуко, «в мире государственного милосердия», нищета «превратится в попустительство человека к самому себе, в прегрешение, нарушающее размеренный ход государственного механизма. Из сферы религиозного опыта, ее освящавшего, она соскальзывает в область моральных категорий, где подлежит осуждению. В конечной точке этой эволюции и возникают крупные изоляторы и смирительные дома — безусловно, как результат обмирщения милосердия, но и, подспудно, как нравственное возмездие нищете»[381]. Неслучайно во многих протестантских странах с XVI века действовало жесткое законодательство против бродяг, нормы которого в ряде случаев экстраполировалось и на представителей «второго сословия» — разорившихся и праздношатающихся отпрысков дворянских родов также помещали в «работные дома». Но следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, о котором мы уже упоминали: о характере мировоззрения, которое формируется в XVII–XVIII столетиях.

[380] Подробнее см. раздел «Великое заточение» в работе: *Фуко Мишель.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 63–93.
[381] Там же. С. 75.

Его специфической чертой были, с одной стороны, убежденность в рациональном устройстве природы и общества и, соответственно, всесильности человеческого Разума: *познаваемости Мира с помощью умозрения*. «Все действительное разумно, все разумное действительно» — эта интуиция (позже концептуализированная Гегелем) стимулировала интеллектуалов к поиску рациональных моделей общественного устройства вплоть до середины XIX века. С другой стороны, бурное развитие и колоссальные успехи естественных наук в XVII–XVIII столетиях (прежде всего математики, физики и механики) провоцируют интеллектуалов и рекрутируемых из них «просвещенных бюрократов» на понимание истории человечества и социального развития как подчиненных законам естественного характера[382], что, в частности, создавало возможность использования математического анализа в сфере изучения социальной и экономической жизни[383].

Ориентированное на понимание социального развития как последовательного шествия по ступеням «общественного прогресса» под эгидой Разума, это было мировоззрение дуалистического характера, причудливо сочетающее «науку» и «метафизику» (философию). С течением времени «удельный вес» этого сочетания в практике государственного управления менялся отнюдь не в пользу философии: рационализация государства чем дальше, тем больше двигалась в сторону «сциентизации» познания и управления обществом. По крайней мере «Трактат по политической экономии» (1615) представителя развитого меркантилизма Антуана де Мокретьена, «Политическая арифметика» физиократа Уильяма Петти и Джона Граунта, открывших эру математической и демографической статистики, работы известного швейцарского ученого-математика Якоба Бернулли (1654–1705), предложившего использовать теорию вероятности при исследовании общественных явлений, «Философский опыт о вероятностях» знаменитого астронома Пьера Симона Лапласа (1749–1827), применившего теорию вероятности для определения и прогнозирования смертности и средней продолжительности жизни населения Франции, наконец, «социальная физика» Огюста Конта свидетельствуют именно об этой тенденции.

[382] Так, физиократы рассматривали общество как естественное физическое явление, развитие которого происходит в соответствии с законами «естественного порядка».

[383] Напомним, что методология познания классической науки была основана на сочетании эмпирических методов и математического анализа. Разрабатываются также и используются в единстве индуктивный и дедуктивный методы познания, применяется моделирование изучаемых явлений.

В соответствии с принципом разграничения и противопоставления субъекта и объекта научного познания, развивавшегося в XVII веке в сложной диалектике программ эмпиризма и рационализма в классической науке, внешняя государству социальная действительность также мыслилась как «объект», который в принципе может быть изучен, просчитан и пересобран подобно механизму. Этому, в частности, способствовало появление первых версий «политической экономии», акцентировавшей внимание на ведущей роли государства в экономической жизни европейских стран, и «политической арифметики». Дальнейшее развитие последней (в трудах Галлея, Кинга, Давенантата, Шорта, Эйлера) положило начало перехода от простого описания общественных явлений к наблюдению их порядка и последовательности, а также к сбору преимущественно количественной информации.

Но были и попытки теоретических обобщений посредством разного рода «таблиц». Наиболее известна знаменитая Экономическая таблица Франсуа Кенэ, последователи которого получили название «физиократов»[384]. Последние использовали составленные числовые и табличные выражения социальных, прежде всего экономических явлений для прогнозирования возможных последствий общественного развития и предвидения еще неизвестных общественных фактов. Так что уже в XVIII столетии под влиянием «политической арифметики» и «политической экономии» *пересборка «социального» производилась камералистским государством рациональным образом:* путем классификации, категоризации и систематизации населения, подобным систематизациям и классификациям минералов и живых существ в минералогии и биологии. «Ботанические сады и зоопарки, — отмечает Сокулер, — превращались в материальные пространственные классификации живых существ. Наблюдение, контроль и регулирование обращения денег и товаров осуществлялись с помощью построения экономических таблиц. Военный лагерь становился таблицей видов и родов вооруженных сил, находящихся в этом лагере. Пространство госпиталя отражало система-

[384] Вопреки расхожему мнению о том, что богатство осязаемо, поскольку составляется из золота и серебра, Кенэ, будучи придворным врачом, настаивал: богатство создается в процессе производства и течет по экономике, словно приводящая общественный организм в движение кровь, текущая от одной руки к другой. На современников «таблица» произвела сильное впечатление: ее расценили как изобретение одного ранга с письмом и деньгами. Она ставила во главу угла принцип laissez-faire и одним этим радикально отличалась от всех остальных теорий. Но она упускала из виду тот факт, что труд производил богатство везде, а не только на земле.

тическую классификацию болезней. Таблицы и размещения были средствами и наблюдения-контроля, и изучения. Таблицы в XVIII в. были одновременно техникой власти и процедурой познания»[385].

Этот феномен Мишель Фуко в своих работах называл и «волей к знанию» (в первом томе своей «Истории сексуальности»), и «властью — знанием». Но так или иначе *повсеместное и расширяющееся использование научного знания* сначала абсолютистским, а затем и правовым демократическим *государством для решения своих целей и задач* создавали зоны изоляции и дисциплинарные пространства, постепенно охватывающие многие социальные институты: армию, школу, медицинские учреждения, мануфактуры и работные дома, — куда, напомним, попадали самые разные люди. Строго говоря, эта практика противоречила теориям естественного права и общественного договора, на основе которых формировалось западноевропейское правовое государство. И вот почему.

Концепция естественного права стала складываться в XVII веке и сразу же получила широкое распространение. Ее идейные истоки восходят к трудам мыслителей начала XVII столетия, особенно к их попыткам построить политико-правовую теорию на исследовании природы и страстей человека. Теория естественного права основана на признании всех людей равными (от природы) и наделенными (природой же) естественными страстями, стремлениями, разумом. Законы природы определяют предписания естественного права, которому должно соответствовать *положительное* (позитивное, волеустановленное, публичное) *право*. Антифеодальный характер теории естественного права состоял уже в том, что все люди признавались равными, и это (естественное равенство людей) было возведено в обязательный принцип положительного, т. е. действующего, права.

Первым крупным теоретиком школы естественного права был нидерландский ученый Гуго Гроций (1583–1645). Согласно Гроцию, некогда существовало «естественное состояние», когда не было ни государства, ни частной собственности. Развитие человечества, утрата им первоначальной простоты, стремление людей к общению, их способность руководствоваться разумом побудили их заключить договор о создании государства. Государство Гроций определял как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и

[385] *Сокулер З.* Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени // *Фуко Мишель.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 15.

общей пользы». Признаком государства является верховная власть, к атрибутам которой Гроций, подобно Бодену, относил издание законов (в области как религиозной, так и светской), правосудие, назначение должностных лиц и руководство их деятельностью, взимание налогов, вопросы войны и мира, заключение международных договоров.

Имея мало общего с реальной историей, теория договорного происхождения государства вместе с тем резко противостояла концепциям «богоустановленности» власти. «Первоначально люди объединились в государство не по божественному повелению, — писал Гроций, — но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть». Разумеется, идея договорного возникновения государства высказывалась в истории политико-правовой мысли задолго до Гроция; в практике средних веков договоры между феодалами, между феодалами и городами были формой, источником права, в том числе и публичного права. «Но только у Гроция договор о создании государства рассматривается как исходное понятие теории государства, как основа самого государства, длящихся отношений власти и подчинения. Начиная с Гроция, почти все теоретические построения XVII–XVIII веков (эволюционировавшие от концепции абсолютистского государства Т. Гоббса к теориям суверенного правого демократического государства, разработанным в трудах Б. Спинозы, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Руссо, а также представителей утопического социализма), объясняющие сущность, причины, способы создания государства, исходили из этой посылки»[386].

Однако практика, как всегда, не соответствовала теории. Получалось, что из состава «естественных» прав исключалось право человека на свободу передвижения («бродяжничество»), право на труд или его отсутствие, право на «бедность». Поскольку даже гражданские права (право избирать и быть избранным) в XVIII веке и много позже были социально, гендерно и имущественно ограниченными, выходило, что основанный на человеческом разуме «общественный договор» не распространялся на всех жителей правового государства. Если уподобить последнее обладающему разумом и рассудком кантовскому субъекту, то указанные ограничения были бы подобны «априорным формам созерцания», которые делали возможной категоризующую население («рассудочную») деятельность государства по дисциплинарной обра-

[386] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Эволюция науки и ее философские осмысления. М.: Медиаиндустрия, 2017. С. 83–117.

ботке и трансформации социальной действительности в «разумное» состояние. И поскольку вызванные развитием капитализма «бедность», «бродяжничество», «безработица», «преступность» и иные девиантные с точки зрения морали тех лет формы поведения, несмотря на меры государственного воздействия расширенно воспроизводились, их, как показал Фуко, записали по ведомству «неразумия».

Подобная практика вполне рациональна: если *«бедность» выводится за пределы разума* и записывается по ведомству «неразумия», *вполне разумно применять к ней меры изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия*. И такая «социальная политика» реализуется более двух столетий: практика обязательного труда в условиях изоляции, имеющая цель снять социальное напряжение в периоды экономических кризисов, сохраняется вплоть до середины XIX века. Правда, она оказалась экономически крайне неэффективной: даже когда работные дома захотели превратить в мануфактуры, где доход делился пополам заведением и предпринимателем, они не дали ожидаемого эффекта ни в периоды экономических кризисов, ни во времена экономического подъема. «Поглощая безработных, они главным образом маскировали их нищету и позволяли избежать социальных и политических неудобств, причиняемых их волнениями; однако, распределяя их по принудительным мастерским, дома эти способствовали росту безработицы в прилегающих регионах или в соответствующих секторах экономики»[387].

Век Просвещения и Разума не смог не только снять, но и ослабить социальные противоречия, в том числе и по причине веры в «рынок» и переоценки возможностей разумного переустройства социального мира посредством рационально устроенной государственной власти. Как и Природа, Социум и Человек (его тело, его восприятие и мышление) уподоблялись огромному механизму, законы которого, подобно математическим формулам, могли быть открыты посредством умозрения, по необходимости имеющего философский характер. Полученное таким образом знание о справедливом нравственном и закономерном устройстве общественной жизни мыслилось как имеющее всеобщий характер. И стоило только, полагали мыслители тех лет, осветить (через систему образования) этим знанием о справедливом устройстве общества умы властителей и их подданных, и обретение искомого царства свободы (от сословного неравенства, королевской власти и т. д.) казалось гарантированным.

[387] *Фуко Мишель.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 85.

Правда, требовалась еще система перевоспитания современников. И здесь ведущая роль отводилась построенному на принципах «общественного мнения» новому парламентскому государству. «Всевидящее око» общественного мнения и построенное в соответствии с ним «государство», от взгляда которого не должно ускользнуть девиантное поведение никого из его граждан, казались главными средствами достижения рационально управляемого общественного устройства.

Концентрированным выражением этой мировоззренческой установки (позиции) стал изданный в 1787 году технократический проект одного из теоретиков политического либерализма и родоначальника английского утилитаризма Иеремия Бентама[388]. Руководствуясь заботой об общественном благе, юрист Бентам изобрел тюрьму нового типа, основанную на принципе «видеть все» (от др.-греч. πᾶν «всё» + ὀπτικός «зрительный»). Он вывернул наизнанку принцип темницы, выведя заключенных на свет из тьмы казематов — все камеры кольцеобразной тюрьмы были освещены так, что просматривались из центральной башни, в которой сидит один надзиратель, от взгляда которого не должны были ускользнуть ни заключенные, ни охранники. Здесь важен был сам принцип всевидящего ока, который, по мысли Бентама, гарантировал не только утрату возможностей творить зло, но и *«почти полную утрату мысли желать его»*.

И это было не только удобно, но и экономически, и политически выгодно. Так как принцип Паноптикума предлагалось использовать не только для строительства новых пенитенциарных учреждений, но и для промышленных мануфактур и работных домов. Спустя несколько лет после написания «Паноптикона», в 1794 году, Бентам составил план широкого привлечения неимущих для обслуживания дерево- и металлообрабатывающих машин, придуманных его братом Сэмюэлем. По этому поводу К. Поланьи, назвавший Бентама самым плодовитым из социальных прожектеров[389], написал: «Бентаму и его брату, организовавшим общее дело, нужен был паровой двигатель. И вот им пришло

[388] Этот проект был изложен Бентамом в труде «Паноптикон, или инспекционное учреждение: описание идеи нового принципа строительства, применимого к предназначенным для содержания под надзором любых категорий граждан учреждениям любого типа». Сочинение представляет собой серию писем, отправленных выпускником линкольновского университета господином Иеремией Бентамом своему другу в Англию из города Кричев в 1787 году.

[389] Цитир. по: *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 122.

в голову использовать вместо пара заключенных». А затем и бедных, размещенных в работных домах. Таких работных домов, спроектированных по типу Паноптикума и общей численностью не менее полумиллиона человек, предполагалась построить около 250 по всей Южной Англии. И этот же принцип организации предлагалось использовать для строительства домов призрения, лазаретов, фабрик, больниц, домов умалишенных, учебных заведений, где «каждый товарищ становится наблюдающим».

Фактически перед нами тоталитарная утопия. Неслучайно М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» и позже называл Бентама «дополнением к Руссо», Паноптикон — «Оком власти», а самого великого моралиста — «Фурье полицейского государства». Однако его идеи опирались на дискурс французских философов-просветителей — так называемых идеологов (Кабаниса, Антуана Дестюта де Траси, Вольнэ и др.), которые стали основателями учения об «идеологии» как науки о всеобщих и неизменных законах образования идей. В своих исследованиях формирования общих идей и связей между ними они, с одной стороны, опирались на идеи предшествующих французских материалистов, считавших мысли продуктом человеческого мозга, а с другой, отводили важное место анализу языка, грамматике и логике. В сущности, этот дискурс давал своего рода общий рецепт управления людьми посредством невидимого им — идеологического — контроля власти над страстями и мыслями сограждан. Вот хорошая иллюстрация этой идеи, высказанная в 1767 году французским прокурором, а затем публицистом Ж. М. А. Серваном: «Сформировав в сознании граждан цепочку мыслей, вы сможете гордиться тем, что исполняете роль их вождей и хозяев. Глупый деспот приковывает рабов железными цепями; истинный политик связывает их еще крепче цепью их собственных мыслей; первое ее звено он закрепляет в надежной точке — в разуме. Связь эта тем крепче, что мы не знаем, чем она держится, и считаем ее делом собственных рук. Отчаяние и время разъедают скрепы из железа и стали, но бессильны против привычного соединения мыслей, разве лишь укрепляя его. На мягких волокнах мозга возводится прочный фундамент мощнейших империй»[390].

Практическое воплощение этой идеи было осуществлено в тоталитарных государствах XX столетия: XVIII в. до этого все же не додумался.

[390] Цитир. по: *Фуко Мишель.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 67.

Его завершение и начало следующего столетия прошли под знаком Великой Французской революции, похоронившей надежды просветителей на наступление эры «истины, добра и красоты». Вместе с ними были временно оставлены надежды на достижение «равенства» и «справедливости» — тех идеалов, которые определили чаяния и направление интеллектуального развития XVIII столетия. *Следующий за ним XIX век изменил вектор движения в области прав человека: он эволюционировал от преимущественного внимания к «политическим правам» гражданина к его социальным правам*. И это был первый шаг на пути к социализации европейского государства, но он был сделан не сразу.

3.2. ОТ ДИСЦИПЛИНИРУЮЩЕГО К СОЦИАЛЬНО ЗАЩИЩАЮЩЕМУ ГОСУДАРСТВУ

Продлившийся до середины XIX столетия «долгий XVIII век» представлял собой клубок социально-экономических противоречий. И если наводил на какие-либо размышления, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели, о которых писали Руссо, Дидро, Адам Смит и Давид Рикардо. В работах последних социальное неравенство и сопутствующая ему повсеместная бедность объявлялись неустранимыми, так как будто бы постоянно провоцировались «неутолимой жаждой размножения» низших слоев, которая якобы будет только увеличиваться по мере повышения им заработной платы и вообще — перераспределения общественного богатства в их пользу. По мнению великих экономистов тех лет, «рост богатства народов» (А. Смит), выраженный прежде всего в росте промышленности, обеспечивается ростом капитала и такой заработной платой, которая бы сдерживала рост народонаселения (Мальтус, Таусенд) и не снижала бы прибыли землевладельцев и фабрикантов. И вот такая «диалектика» цены труда и капитала интерпретировалась как необходимое следствие «естественных» законов «рынка», сопротивляться которым так же бессмысленно, как пенять на восходы и закаты Солнца.

В этой связи следует обратить внимание на то, что концепция «рынка», как она понималась в XVIII веке, выходила за рамки собствен-

но «экономики» в область «политического». По мнению П. Розваллона, новорожденный экономический либерализм оказался отнюдь не только новой экономической теорией или идеологией. Его появление было не просто выражением требования эмансипации экономической деятельности и высвобождения ее из-под власти морали. «Его рождение надо понимать, прежде всего, как ответ на вопросы, не решенные политическими теоретиками общественного договора. Именно в такой перспективе следует рассматривать концепцию рынка — какой она формируется в XVIII веке. Эта концепция противостоит идее договора; ее смысл главным образом социологический и политический, а вовсе не «технический» (относящийся к способу регулирования экономической деятельности через систему свободно формирующихся цен). В доктрине экономического либерализма проявляет себя стремление к некоему неопосредованному, саморегулирующемуся гражданскому обществу. Эта перспектива, аполитическая в строгом смысле этого слова, превращает *рыночное общество* в архетип нового представления о социальном: не договор (политический), а рынок (экономический) является истинным регулятором общества (а не только экономики)»[391].

Но это тема специального рассмотрения. А мы вернемся к политической экономии XVIII столетия, которая не только не вселяла оптимизма в читающую публику и правящие элиты, но и *фактически объявляла бедность неизбежным и неустранимым условием и следствием промышленного роста и экономического развития*. Таким образом экономическая наука теоретически ликвидировала разрыв с социальной практикой, одновременно открывая дорогу множеству иных (идеологических, по сути) способов решения проблемы бедности, неизбежно переводя обсуждение в более широкий контекст «социального неравенства». Если раньше бедность и безработица записывались по ведомству «неразумия», то теперь (и чем дальше, тем больше) они квалифицировались как общенациональная «социальная и политическая проблема», которая требовала от правительств европейских государств незамедлительного и верного решения. А его не было.

Во Франции уже в 1789 году было создано Бюро «по вспомоществованию и труду». Это была вынужденная мера: тогда из-за неурожая Париж наводнили тысячи безработных. Менее чем через два месяца

[391] *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка / Перевод с французского А. Зайцевой. Научная редакция, редакция перевода и предисловие В. Каплуна. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 22.

после взятия Бастилии государственные власти принялись за организацию работ, предназначенных для обеспечения занятости, — ремонт канализации, уборка мусора по берегам Сены, благоустройство окраин и т. п. Аналогичные службы, которые называли «мастерскими по оказанию помощи», были организованы также и в провинции. Был создан и Комитет по борьбе с нищетой. Единственно верным решением проблемы бедности его членам представлялось создание рабочих мест для дееспособных, которых экономическая ситуация приговорила к безделью. Поэтому деятели Комитета справедливо считали, что для хорошего управления страной важно постоянно заботиться о том, чтобы рост занятости был увязан с увеличением численности населения. Однако создание мастерских вспомоществования, отмечают исследователи, повлекло за собой серьезные организационные проблемы. Сначала их сотрудники не могли справиться с огромным числом обратившихся за помощью людей. Например, только в строительных работах на склонах Монмартрского холма число работников за несколько недель возросло с 2 до 17 тысяч. А вскоре мастерские перестали справляться с нарушениями дисциплины. Никакого отбора при приеме на работу не существовало: достаточно было быть не моложе 16 лет и проживать в районе проведения работ. Работники были плохо обучены, многие трудились плохо, а некоторые даже не удосуживались появляться на рабочем месте, приходя только в дни получки[392].

Мастерские подвергались критике со всех сторон. В целях изменения сложившегося положения дел без особого успеха издавались многочисленные указы и правила. Ситуация была настолько неблагополучной, что Учредительное собрание Франции декретировало 31 августа 1790 года реорганизацию всех мастерских на новой основе. В одних мастерских здоровые работники должны были трудиться сдельно; в других — люди с ограниченной трудоспособностью получали оплату поденно. Но заработки обязательно оставались ниже среднего уровня. Однако устранить внутренние сложности в организации работы мастерских не удалось, поэтому весной 1791 года их пришлось закрыть. По мнению Т. Ю. Сидориной, неудачный опыт открытия мастерских во многом был обусловлен поспешностью, с которой они создавались. Причина провала заключалась также и в принципах, на которые опиралась вся система. «Организация мастерских как инструмента ликвида-

[392] Подробнее см.: *Розанвалон. П.* Новый социальный вопрос. М., 1997. С. 119.

ции бедности требовала однозначного решения нескольких проблем: обязаны ли неимущие работать; каким образом вознаграждать их труд (заработная плата или пособие); каково юридическое положение мастерских (осуществление права на работу, одновременно налагающее обязательства на власти, или просто реализация текущей социальной политики). Но определенности не было ни по одному из этих вопросов»[393]. И не только во Франции.

Конституционно-демократическая Англия была самой сильной в военном и промышленном отношении морской империей и первой вступила в индустриальную фазу развития. Но исторический парадокс заключался в том, что, невзирая на статистически фиксируемый рост торговли и промышленного производства, проблема массовой бедности и безработицы там только обострялась. Праздные классы соревновались в утонченности образа жизни, не без пафоса и цинизма обсуждая на страницах газет «неотложные меры» борьбы с бедностью: «Одни авторы возлагали вину на новую породу крупных овец, другие — на лошадей, которых следовало бы заменить быками; были и такие, кто настойчиво рекомендовал держать поменьше собак. Некоторые полагали, что неимущим нужно есть поменьше хлеба или даже вовсе без него обходиться, тогда как другие были убеждены, что „даже если бедняк питается самым лучшим хлебом, этого ни в коем случае нельзя ставить ему в вину“. Считалось, что здоровью многих бедняков сильно вредит чай, зато домашнее пиво превосходно его восстанавливает; те же, кто принимал этот предмет особенно близко к сердцу, заявляли, что чай ничем не лучше самого дрянного пойла»[394]. А в это время в шахтах Дарема и Нортурмберленда, пишет Хайлбронер, «голые по пояс женщины работали бок о бок с мужчинами, иногда они были изможденны настолько, что напоминали скорее тени, нежели человеческие существа. В ходу были дикие и жестокие обычаи. Внезапно возникавшие сексуальные потребности удовлетворялись в заброшенной шахте неподалеку. Не видевшие света на протяжении зимних месяцев дети от семи до десяти лет работали наравне со всеми и терпели всяческие унижения – шахтеры платили им жалкие гроши за то, чтобы те передвигали полные угля вагонетки. Беременные женщины волокли ящики с углем,

[393] *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 52.
[394] *Поланьи Карл.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 105.

словно лошади, и нередко рожали прямо в темноте пещеры»[395]. И на многочисленных английских мануфактурах ситуация была немногим лучше. Особенно «впечатляли дети, проводившие у машин по двенадцать и четырнадцать часов за смену. Они варили себе еду на грязных паровых котлах и поочередно спали в бараках. Говорили, что постель там никогда не успевала остыть»[396].

На этом фоне 6 мая 1795 года мировые судьи графства Беркшир постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы таким образом нуждающимся был обеспечен минимальный доход независимо от их заработков. Это решение беркширских судей стали называть «законом Спинхемленда». Фактически это был первый исторический аналог применяемого теперь в некоторых странах «безусловного дохода», который, однако, уже тогда (и много позже) оценивался неоднозначно. С одной стороны, его можно трактовать как акт гуманизма «добрых сквайров», который после отмены в этом же 1795 году Акта об оседлости 1662 года, закреплявший сельскую бедноту за церковными приходами (и потому названный «приходским крепостным правом»), давал сотням тысяч людей «право на жизнь», т. е. возможность не умереть с голоду. С другой стороны, он породил проблему, которая актуальна до сей поры: стоит ли работать, когда можно жить на пособие? Обсуждая эту проблему, К. Поланьи пришел к выводу, что закон Спинхемленда стал орудием деморализации масс, породив массовую пауперизацию населения[397]. Кроме того, он стал значимым фактором снижения производительности труда в общенациональном масштабе: «уже через несколько лет производительность труда опустилась до уровня, характерного для пауперов, предоставив таким образом работодателям еще одно основание не поднимать

[395] *Хайлбронер Роберт Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. Пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Колибри, 2008. С. 53.

[396] Там же.

[397] «Налог в пользу бедных превратился в желанную добычу для многих... Чтобы урвать свою долю, наглецы и грубияны пытались застращать начальство; развратники выставляли напоказ незаконнорожденных детей, которых нужно было кормить; бездельники, скрестив на груди руки, спокойно ожидали, пока им еду принесут; невежественные девицы и парни на эти деньги венчались; браконьеры, воры и проститутки вымогали их угрозами; сельские мировые судьи щедро раздавали их ради популярности, а попечители — для того чтобы освободить себя от лишних забот. Вот как расходовались эти средства...». (*Поланьи Карл.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 115).

зарплату выше шкалы. Ибо если интенсивность труда, его качество и эффективность падали ниже определенного уровня, то он уже ничем не отличался от простого „валяния дурака“, от видимости работы, которую сохраняли ради приличия»[398].

Возможно, он прав. Но надо учитывать, что даруемое этим законом «право на жизнь» совсем не было правом на «достойную жизнь», а было лишь правом на нищету: закон, повторим, лишь давал возможность жить впроголодь, а потому о «валянии дурака» получавших пособия можно говорить лишь с натяжкой. Промышленные центры продолжали притягивать избыточное население сельских районов, так как фабриканты готовы были даже платить за использование неимущих. Их предоставляли в распоряжение любого нанимателя, который соглашался взять на себя их прокорм точно так же, как могли бы их распределять по очереди между фермерами прихода при той или иной форме «работы на подхвате». Сдача бедняков в аренду обходилась дешевле, чем содержание «тюрем для невиновных», как называли работные дома.

Класс фабрикантов решительно требовал реформы законодательства о бедных, поскольку оно препятствовало формированию промышленного рабочего класса, доходы которого зависели бы от результатов труда. В итоге в 1834 году так и не ставший общенациональным актом «закон Спинхемленда» был отменен вновь избранным парламентом, знаменовавшим собой политическую победу промышленной буржуазии. Согласно новому Закону о бедных «лица, живущие самостоятельно, впредь лишались права на пособие. Закон проводился в жизнь дифференцированно и на общенациональном уровне; в этом отношении он также означал решительный разрыв с прежней практикой. С дотациями к заработной плате было, разумеется, покончено»[399]. В 1834 году также были приняты поправки к законодательству о бедных, в корне изменившие ситуацию.

О плюсах и минусах Акта о внесении поправок к Закону о бедных Й. Шумпетер пишет: «Следует четко различать два аспекта этого акта. С одной стороны, он значительно улучшил административный механизм выдачи пособия бедным и отменил многое из того, что и сейчас могло бы рассматриваться как злоупотребление. Это было признано почти всеми, хотя некоторые критики нашли недостатки в администра-

[398] *Поланьи Карл.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С.94.
[399] Там же. С. 117.

тивной схеме акта... С другой стороны... он ограничил помощь беднякам их содержанием в работных домах и в принципе запретил выдачу пособия тем, кто в них не живет; идея заключалась в том, что нельзя обрекать на голодную смерть трудоспособного безработного, пребывающего в нужде, но содержать его следует в полутюремных условиях»[400]. Таким образом идея И. Бентама о работных домах как факторе экономического развития получила законодательное воплощение. Восходящая к вере во всемогущество «рынка» и принципа *laissez-faire* английской политической экономии (Смит, Рикардо), она, напомним, базировалась на аксиоме взаимосвязи процветания и нищеты (богатства и бедности), баланс между которыми устанавливается естественным образом: «физической санкцией голода». Поэтому хотя Бентам и рекомендовал в работе «Принципы гражданского кодекса» в 1820-х годах «ввести постоянный налог в пользу неимущих», но с сожалением добавлял, что, рассуждая теоретически, подобная политика «уменьшает нужду и таким образом наносит ущерб промышленности, ведь *с точки зрения утилитаризма задача правительства заключалась как раз в том, чтобы увеличивать нужду, делая эффективной физическую санкцию голода*»[401]. Правительство, разумеется, не могло высказаться так откровенно, но практику изоляции бедности в работных домах продолжало до середины XIX века.

В XIX столетии Англия шла в авангарде индустриального развития, выпукло демонстрируя обостряющиеся классовые противоречия. Промышленная революция, заменившая мануфактуру фабрикой и энергию воды паром, затем — электричеством, в этом отношении принципиально ничего не изменила. А спровоцировала новый всплеск безработицы фабричного пролетариата, чьим следствием стало движение, вошедшее в историю под названием «разрушителей станков» (названных луддитами по имени легендарного Нэда Луддта), которое было жестоко подавлено правительством Великобритании. Только великий Байрон выступил 27 февраля 1812 года в палате лордов против билля, предусматривавшего применение смертной казни рабочим, разрушавшим станки. Но билль получил силу закона при третьем чтении — 5 марта 1812 года. С этого момента начались казни луддитов, которых для «устрашения» в графстве Ноттингем, в частности, вешали

[400] *Шумпетер Й. А.* История экономического анализа: В 3 т. / Пер. с англ. Под ред. В. С. Автономова. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. С. 351.

[401] Цитир. по: *Поланьи Карл.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 85. (курсив мой — *Ю. Г.*).

на вековых дубах Шервудского леса, близ которого находилось родовое поместье Байронов. Тогда Байрон покинул Англию, а положение трудящихся еще несколько десятилетий оставалось без видимых изменений.

Не надеясь на государство, рабочие создавали «общества взаимопомощи» и профессиональные союзы, установки которых резко отличались от принципа филантропии, на котором основана благотворительность. Это были не группы людей, объединившихся для помощи другим людям, а ассоциации индивидов, взявших на себя обязательство в случае необходимости помогать друг другу. По сути, они составили основу нового гражданского общества Великобритании, которое правительство (государство), проводившее курс экономического либерализма, пыталось контролировать вплоть до второй трети XIX века. Еще в 1799 году английский парламент принял закон, согласно которому запрещались соглашения рабочих, а также любая деятельность, направленная на создание объединений с целью повышения заработной платы или сокращения рабочего дня. Нарушение закона влекло за собой применение уголовных наказаний, которые налагались судьей единолично, без участия присяжных. В 1824 году парламенту пришлось пойти на уступки и легализовать соглашения рабочих, которые ставили своей целью повышение заработной платы, сокращение рабочего дня или организацию бойкотов. Спустя 20 лет профессиональные союзы были разрешены. Но все равно вплоть до 1870 года рабочий и фабрикант юридически находились в Англии не в равном положении. Продолжали действовать нормы «общего права», согласно которым владелец, нарушивший контракт с рабочим, мог преследоваться только путем гражданского иска. Если же трудовой контракт нарушал рабочий, он мог быть привлечен к уголовной ответственности.

«Общества взаимопомощи»[402] также находились под бдительным контролем властей, опасавшихся, что они и им подобные структуры представляют угрозу для существующего общественного устройства. «Можно сказать, что атмосфера подозрительности вокруг аффилированных обществ взаимопомощи сохранялась вплоть до 1846 года»[403]. И

[402] Как отмечает Дэвид Грин к 1803 году только в Англии и Уэльсе (при общей численности в 9 млн. человек) по разным подсчетам действовало примерно от 7 200 до 9 672 обществ взаимопомощи численностью от 648 000 до 704 350 членов-мужчин. (*Грин Дэвид.* Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2009. С. 47).

[403] *Грин Дэвид.* Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2009. С. 121.

это понятно, если учесть периодические обострения экономических и политических противоречий в странах Европы в первой половине XIX столетия. Вопреки Мальтусу, в условиях промышленной революции значительное увеличение численности пролетариата не вело к падению деловой активности, и работные дома в силу их убыточности были ликвидированы. Но в промышленных центрах Англии выросли рабочие поселки (своего рода новые «центры изоляции»), жизнь в которых, как показал Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845), представляла собой разительный контраст с жизнью состоятельных классов. Поэтому рабочие волнения, нередко сопровождавшиеся убийствами фабрикантов и членов их семей, порожденные ужасными условиями труда и быта, низкими зарплатами, продолжались. На это государство отвечало репрессиями, но принципиально менять социальную политику не собиралось.

В значительной мере это было связано с унаследованным из прошлого представлением о том, что основная причина бедности, социального недовольства и социальных протестов связывалась с вредными привычками и ущербной моралью тех людей, которые, собственно, и составляли пласт «трудящихся». Но постепенно вместе с разрушением прежнего рационализма и механистической картины мира, развитием науки и национальных систем образования возникает подозрение к «разумно устроенной» общественной системе и венчающему ее государству. В центре критики оказывается гегелевское представление о государстве как «шествии Бога в мире», как «земнобожественном существе». И философская максима «Все действительное разумно, все разумное действительно» подвергается пересмотру почти одновременно и параллельно в рамках либеральной, анархистской, коммунистической и консервативной мысли середины XIX века. Возникает идея «социального государства». Появление которой иногда рассматривается отечественными исследователями именно как «консервативный ответ» на вызов Великой Французской революции и европейских революций 1848–1850 годов[404].

Разумеется, революционный контекст времени был важным фактором эволюции консервативной мысли в сторону переосмысления функций государства в меняющемся мире. Но, разумеется, и то, что наиболее весомо и радикально, ответ на вызовы времени прозвучал в

[404] См., например, *Кочеткова Л. Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество, 2008. № 3. С. 69–79.

работах К. Маркса и Ф. Энгельса, обосновывавших неразрешимость социального вопроса в условиях «буржуазного государства», а потому предлагавших его упразднить в результате пролетарской революции. Менее радикальной была социалистическая по сути концепция великого Дж. Стюарта Милля, доказывавшего в «Основах политической экономии» (1848) и других работах, что эволюция капитализма непременно приведет к такому уровню экономического развития, за которым наступит первая стадия социализма, когда человечество наконец перестанет гнаться за экономическим ростом и обратит внимание на крайне важные вопросы свободы и справедливости. На этой стадии, по его мнению, *государство займется справедливым перераспределением продуктов труда:* предотвратит присвоение землевладельцами не заработанных ими денег, а также будет изымать наследство посредством налогообложения. На смену формам организации производства, в рамках которых люди находились в подчинении у хозяев, придут Ассоциации рабочих. Эти ассоциации займут свое место исключительно благодаря конкурентным преимуществам: бывшие собственники продадут земли и предприятия работникам и устранятся, довольствуясь ежегодной рентой. И, полагал Милль, капитализм постепенно исчезнет.

На основании того, что распределение жестким образом связано со способом производства, Маркс называл такой подход «вульгарным социализмом», подходом «плоского синкретизма», «который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем»[405]. Но последующая конвергенция капитализма и социализма в XX столетии, выразившаяся в появлении и использовании многочисленных моделей «социального государства», показала историческую правоту Милля. По мнению Шумпетера, проанализировавшего три этапа эволюции взглядов Милля в нескольких редакциях его «Основ», последний «в точности соответствовал понятию „социалист-эволюционист“». С одной стороны, «Милль пришел к убеждению, что „прогресс“ чудесным образом ускорялся и „конечная цель“ стремительно приближалась; с другой стороны, он сделал вывод, что капитализм почти отслужил свой срок, поэтому чисто экономические возражения теряли часть своей силы. В то же время он всегда решительно отрицал наличие в капиталистической системе какой-либо тенденции к ухудшению положения рабочего класса или к уменьшению его относительной или абсолютной доли

[405] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.. 2 -е изд. Т. 19. С. 17–18.

в общественном продукте; не менее решительно он отказывался поддерживать идею перехода к социализму путем революции, основывая свои доводы в основном на том, что при этом возникнут непреодолимые трудности в управлении. Но подобные взгляды как раз и составляют эволюционный социализм. Они не отличаются по существу от взглядов, которые защищал тридцать лет спустя лидер германского ревизионизма Э. Бернштейн. Естественно, они были ненавистны не только марксистам, но и всем социалистам, опирающимся в своей аргументации на тезис о неизбежности растущего обнищания масс и считающим революцию основным догматом своей веры»[406]. Если согласиться с этой оценкой, становится очевидным что именно Дж. Ст. Миллю принадлежит право первенства в декларировании идеи социализации государства в качестве главного фактора перераспределения общественного богатства в пользу неимущих классов. Хотя первое концептуальное оформление этой идеи, появление термина «социальное государство» мы находим в двух трудах Лоренца фон Штейна: «История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней» и «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии».

Еще в 1842 году в работе «Социализм и коммунизм в современной Франции» он, подчеркивая роль классовой борьбы, уделял особое внимание развитию пролетариата как революционного класса. Неслучайно Э. Трёльч назвал Л. Фон Штейна «предшественником Маркса, поскольку он ставит пролетариат в ту же диалектическую противоположность и, исходя из этого, дает ту же конструкцию будущего». Да и Й. А. Шумпетер в своей знаменитой «Истории экономического анализа» назвал эту работу фон Штейна «важным аналитическим произведением, соединяющим развитие социалистических идей с изучением действительных общественных движений и экономических перемен»[407].

---

[406] *Шумпетер Йозиф. А.* История экономического анализа / Пер. с англ. под редакцией В. С. Автономова. В трех томах. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2. С. 354. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.seinst.ru/page259/ (дата обращения: 08.02.2020). «Именно в силу того, что учение Милля по данному вопросу было абсолютно честным, — продолжает Шумпетер, — и излагало горькую истину при очевидной симпатии по отношению к «конечной цели», оно стало для социалистов более ненавистным, чем прямая враждебность. Все это очень важно для понимания мировоззрения Милля, особенно для тех из нас, кто считает, что классовый интерес или философия ученого определяют суть его экономической теории и его взгляды на экономическую политику, а также для тех, кого учили рассматривать «Основы» как выражение буржуазной идеологии».

[407] Там же. С. 577.

Но уже в следующей работе «История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней» (1850), фон Штейн перешел на эклектическую компромиссную позицию, сочетающую консервативные и социалистические идеи. Появление этой работы было вызвано революционными событиями 1848–1849 годов в Австрии и странах-участниках Германского союза, которые могли соединиться в единое германское государство путем объединения всех немецкоговорящих территорий либо под эгидой австрийского императора, либо под руководством короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV. Варианты последнего объединения (получившего название «малогерманский путь») жарко и безуспешно обсуждались в 1848 году в общегерманском парламенте — Франкфурктском национальном (конституционном) собрании. Собрание, до этого бойко обсуждавшее вопросы республиканского правления, сначала разделилось на враждующие фракции, а затем «и вовсе позорно предложила Фридриху Вильгельму IV Прусскому взять контроль над страной. Словно желая окончательно унизить своих сограждан, монарх объявил, что он не примет корону из рук каких-то оборванцев»[408]. Ситуация таким образом зашла в тупик. И это тот самый исторический контекст, который надо учитывать, читая работу фон Штейна.

Опираясь на диалектику Гегеля, он пришел к выводу, что нужно стремиться не к революции, а к построению такого *монархического* государства, в котором антагонистические противоречия труда и капитала разрешались бы вследствие осознания монархией угрозы социальной революции и целесообразности проведения социальных реформ, убеждающих в ненужности революционных изменений. «Любая монархия станет впредь пустой тенью или превратится в деспотию, или погибнет в республике, если не найдет в себе нравственного мужества стать монархией социальных реформ»[409]. Важнейшим средством решения этой задачи является *превращение государства в орган обеспечения благосостояния всех классов*.

Интерпретируя государство «как возвысившуюся до личного состояния совокупность народа», представляющую собой и «общую самостоятельную личность», и одновременно «целостный (общественный —

[408] *Хайлбронер Роберт Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. Пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Колибри, 2008. С. 81.
[409] *Штейн, Л. фон.* История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. С. 281.

Ю. Г.) организм из связанных между собой частей», фон Штейн их этих посылок дедуцирует вывод о том, что государство является единственным гарантом социальной стабильности (справедливости) и тем самым «возвышается над всеми остальными общественными институтами и интересами»[410]. Если демократическая власть всегда является итогом классового противостояния, то монархическое государство имеет внеклассовый характер, а потому не только не исключает, но и предполагает «органическое участие народа» в образовании государственной воли, воплощенной в конституционной монархии. Это участие народа фон Штейн рассматривал как «социальную демократию», которая «означает не народное представительство, а максимальный учет интересов, пожеланий, самого духа народа при выработке и проведении государственной политики. Только такое участие народа не будет подрывать самостоятельность государственной власти»[411], которая должна взять на себя конституционную обязанность гармонизировать межклассовые противоречия.

С помощью государства неимущие классы (прежде всего рабочий класс) должны «изменить свое зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально-свободное»[412]. Но это «независимое, материально-свободное» положение неимущих классов достигается не за счет экспроприации частной собственности, а посредством *юридического содействия государства свободному межклассовому движению* благодаря содействию труду, не обладающему капиталом, в достижении хозяйственной самостоятельности, например, через вспомогательные кассы, страховое дело, самопомощь в форме союзного строя неимущих[413]. Таким образом, получалось, что социальная монархия это не только патерналисткое государство, обеспечивающее справедливое перераспределение общественного богатства в пользу малоимущих, но и институт, создающий равные возможности индивидам самостоятельно двигаться вверх по социальной лестнице. Определяя сущность такого «социального государства», Л. Фон Штейн писал: государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной

[410] *Штейн, Л. фон.* История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. С. 95.
[411] Там же. С. 280.
[412] Там же. С. 281.
[413] Там же. С. 526–594.

самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве»[414].

В работах «Немецкая идеология» и «Святое семейство» К. Маркс справедливо характеризовал Л. Фон Штейна как «переводчика идей французского социализма на язык Гегеля»[415]. Государство рассматривается фон Штейном как персонифицированный в фигуре монарха самостоятельный субъект, обладающий собственными интересами, главной целью которого является самосохранение, то есть поддержание существующего политического и социального строя. Не столько стремление к социальной справедливости, а, скорее, воля к самосохранению заставляет государство использовать все способы для разрешения противоречий, опасных для его целостности. Поэтому декларируемая социальная справедливость оказывается в конечном счете важным средством сохранения существующей социальной структуры и политической стабильности общества — главной цели социального государства фон Штейна. В его работах мы не найдем строгой концепции социального государства. Но он первым ввел в научный оборот этот термин, позволивший интерпретировать государство не только как институт, веками используемый сословиями и классами в борьбе за власть и ее удержание, но и *как фактор сглаживания социальных противоречий путем устранения разрывов в уровне и качестве жизни сосуществующих противоборствующих социальных групп*. Оказала ли эта идея влияние на социальную политику европейских государств второй половины XIX столетия, да и пользовалась ли она влиянием в среде современных ему политиков и социальных мыслителей? Далее мы продолжим обсуждение этого вопроса.

[414] Цит. по: *Милецкий В. П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / под ред. М. А. Василика, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 82.

[415] *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 2, 3.

3.3. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА» И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

Хотя некоторые отечественные исследователи считают фон Штейна основоположником концепции социального государства, введение им в научный оборот термина «социальное государство» не произвело на современников того впечатления, на которое, возможно, рассчитывал автор. Поскольку высказанная им мысль об исторической необходимости социализации государства оказалась погружена в контекст обоснования гипотезы «социальной монархии», а монархическая идея, пусть и упакованная в фантик социалистической фразеологии, в Европе уже тогда многим казалась анахронизмом. Но только не в стремившейся к объединению Германии, где идея «социальной монархии», по-видимому, оказала влияние на социальную политику Отто фон Бисмарка, хотя и была для него не первостепенной. Главной задачей «железного канцлера» было построение имперского национального государства — идеи, которой отдали дань многие выдающиеся философы и мыслители, в том числе Фихте и Гегель.

Напомним, что «германский вопрос» для населения обширных немецкоговорящих территорий довольно остро стоял еще до периода наполеоновских завоеваний. Суть вопроса — будучи «нацией» (одним народом) в языковом и культурном отношении, в политическом смысле отношении немцы таковыми не являлись. Они не были объединены в одном государстве, и эта проблема волновала всех немецких мыслителей XVIII–XIX столетий. Прежде всего заслуживает внимания то, что существование «нации» Гегель связывал не с любым государством, а государством имперским. Беря за основу историю «германского народа» со времен «Священной римской империи германской нации», он в своей «Конституции Германии» интерпретирует ее как распад (в XVI–XVIII веках) некогда единой германской «нации-государства» на множество современных ему «бюргерских» государств. В которых германский народ рискует (благодаря «бюргерскому сословию») утратить, кроме политической, еще и общенациональную, культурную идентичность.

Уже сейчас, констатирует Гегель, многочисленные немецкие государства и их сословия существенно отличаются друг от друга по формам правления, по своим «нравам», «образованию» и «диалектам». Подобная политическая и культурная «гетерогенность» важнейших национальных элементов далее нетерпима. И может быть преодолена в процессе добровольного объединения разрозненных немецких монархий и номинально свободных имперских городов в единое германское государство, силу которого должны обеспечить общее для всех правительство и армия. Правда, замечает Гегель, такие радикальные преобразования, даже если они осознаются, почти никогда не бывают следствием логического вывода. Для них нужна сила принуждения. «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии»[416].

Как известно, начатая Гегелем в 1798 году «Конституция Германии» впервые была опубликована лишь спустя 22 года, в 1893-м, после того как Бисмарк «железом и кровью» завершил объединение немецких государств почти в полном соответствии с рекомендациями Гегеля: философа, который дал первый эскизный теоретический проект «нации-государства»[417]. А уже в 1848 году в речах депутатов Франкфуртского национального собрания звучали призывы к созданию могущественной Германии от Северного и Балтийского морей до Адриатики и Черного моря: *дискурс имперского национализма определял интеллектуальную атмосферу Германии вплоть до ее поражения во Второй мировой войне*. Он же, в свою очередь, определял содержание и характер социальной политики Германии в эпоху Бисмарка, ее лидирующие позиции в Европе в области социального законодательства.

В 1871 году Германия впервые в истории вводит государственное страхование от несчастных случаев на производстве. Законом устанавливалась особая ответственность владельцев железнодорожных предприятий за несчастные случаи, которые произошли с работниками, занятыми на строительстве и обслуживании железнодорожных путей и составов. Работодатель был обязан возместить пострадавшему ущерб

[416] *Гегель.* Конституция Германии // *Гегель.* Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 176.
[417] Подробнее см. *Гранин Ю. Д.* Нации и национализм. Теория и история. М.: Медиаиндустрия, 2016. С. 20–23.

вне зависимости от того, кто был виноват в происшествии. А в 1881 году было объявлено о наступлении «эры рабочего законодательства», после чего рейхстаг принял законы о страховании на случай болезни (1883), производственного травматизма (1884) и утраты трудоспособности (1889). В 1889 г. были также введены пенсии для рабочих с 70-летнего возраста.

Принципиальное нововведение, как отмечают исследователи истории социального страхования в Западной Европе, здесь заключалось в том, что в виде систем обязательного социального страхования *государством впервые в XIX веке создавались крупномасштабные механизмы общественного перераспределения доходов с целью социальной защиты низших слоев населения,* к которым в то время в первую очередь относились наемные рабочие промышленных предприятий. Тем самым по отношению к этим слоям законодательно закреплялись определенные социальные гарантии, обеспечивающие им приемлемый уровень жизни. Таким образом Германия стала первой страной, где было принято развернутое социальное законодательство. Можно даже усилить этот тезис и заявить, что в Германии к началу XX века и в общих чертах было создано первое минимально защищающее трудящихся *«государство социального партнерства и солидарности»*. Но надо иметь в виду, что это было национальное государство особого рода — *конституционно-монархическое государство согласия для немцев.*

Сам Бисмарк, возможно лукаво, определял свою политику как «государственный социализм», и для этого у него были основания. О них свидетельствуют его встречи и переписка с Ф. Лассалем[418], а также контакты с Союзом социальной политики, объединившим известных немецких экономистов, куда Бисмарк делегировал своего советника Вагенера. Так что идея строительства социально ориентированного государства в Германии, его принципы развивались в лоне теории и практики германского социалистического движения, которое, будучи крайне многоликим, тем не менее, эволюционировало семимильными

[418] «В первом письме О. Бисмарка к Ф. Лассалю от 11 мая 1863 г., еще до образования Всеобщего германского рабочего союза, князь О. Бисмарк просит Ф. Лассаля изложить свои взгляды на положение рабочего класса. Ф. Лассаль предлагает ввести всеобщее равное избирательное право и поддержать с помощью государства производственные рабочие ассоциации, считая, что эти меры будут способствовать экономическому переустройству общества. О. Бисмарк взял на вооружение идею о всеобщем избирательном праве и социальном партнерстве» // *Л. Н. Беспалова.* Социальная политика Отто фон Бисмарка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-otto-fon-bismarka-v-osveschenii-vestnika-evropy (дата обращения: 08.02.2020).

шагами, завоевывая все больший авторитет в международном рабочем движении. Были приняты Эйзенахская и Готская программы немецкой социал-демократии, где декларировались требования распределения по разумным потребностям и распределения по труду. Оба эти требования критиковались, например, представителями Союза социальной политики (Verein fur Sozialpolitik), который был основан сразу после Франко-прусской войны — в 1872 году. Союз занимался исследованиями в области социальных проблем. Каждый член центрального комитета этой организации имел право предлагать тематику проектов. Оригинальные работы вместе с материалами обсуждений публиковались: к началу первой мировой войны, отмечает Шумпетер, «Труды Союза социальной политики» составили 188 томов, многие из которых состояли из нескольких книг.

Члены Союза социальной политики (экономисты «новой» исторической школы) получили название «катедер-социалисты», т. е. социалисты с профессорских кафедр. Так, А. Гельд в книге «Социализм, социал-демократия и социал-политика» (1878) писал: «„Катедер-социализм“ выдвинул в противовес как радикальной приверженности манчестерства к принципу laissez-faire, так и радикальному стремлению социал-демократии к перевороту самостоятельный принцип примирения порядка и свободы. Упрямому консерватизму и социальной революции он противопоставил законную, шаг за шагом продвигающуюся вперед положительную реформу»[419].

Вместе с тем при общности принципиальных позиций внутри Союза существовали различные течения. Правое крыло, которое представляли Шмоллер и Шёнберг, особую роль отводило сильному патерналистскому государству, которое должно не только обеспечить социальную защиту рабочих, но и ограничивать свободу рабочих союзов. Представители этого направления в условиях низкого образовательного уровня рабочих с опаской относились к их самодеятельным организациям и их деятельности, поэтому их вполне устраивала социальная политика немецкого правительства. Представители другого крыла (А. Шеффле, А. Вагнер, Л. Брентано) высказывались за более радикальные реформы, во многом демонстрируя приверженность классической школе политэкономии. Так, например, Брентано, воодушевленный опытом британских тред-юнионов, связывал социальные реформы с рабочими

[419] Цит. по: История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина. М., 2002. С. 148–149.

организациями, действовавшими в контакте с государством. Он верил в расширяющееся социальное партнерство между основными социальными классами и делал вполне оптимистические прогнозы относительно будущего социального развития[420]. Но Адольф Вагнер думал иначе. Будучи известным специалистом в области политической экономии, он оценивал «Капитал» Маркса как исследование хотя и выдающееся, но не имеющее практического значения для хозяйственной деятельности. Исходя из представления о государстве как силе не только политической, но и народно-хозяйственной, он считал, что государство неизбежно будет превращаться в «государство благосостояния и культуры». Оно должно решать «социальный вопрос» в интересах не только рабочего класса, но и предпринимателей. Вагнер выступил одним из авторов концепции, получившей название «государственного социализма», в которой его основатели, опираясь на функциональную теорию государства, ставили вопросы государственного перераспределения средств на благо всего общества.

По мнению ряда исследователей, социальные законы Бисмарка опередили социальную политику многих стран на целое поколение[421]. Важнейшей предпосылкой их появления явилась оценка большинством населения этих актов как необходимых для экономического развития страны, а одним из важнейших факторов их принятия было развитие международного рабочего движения, в рамках которого в 1889 году социал-демократические партии объединились во II Интернационале. В этой связи «железного канцлера» упрекали в непоследовательности: с одной стороны, им был введен исключительный закон против социалистов, а с другой — приняты законы, созвучные социалистическим идеям. В ответ Бисмарк объяснял, что в стране лучше иметь немного больше социализма, чем много социалистов.

А социалистов было действительно много. Причем не только в Германии, но и в Австрии, Бельгии, Великобритании, Болгарии, Франции, России, Швеции, США, Италии и других странах социал-демократические и рабочие партии, игравшие разную роль в политической жизни этих государств, тем не менее благодаря партийной печати

[420] Подробнее см. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина. М., 2002. С. 165–166.

[421] «В Великобритании, — отмечает Т. Ю. Сидорина, — это произошло лишь в 1911 г., уже после того, как Д. Ллойд Джордж и У. Беверидж посетили Германию и были поражены мерами, принятыми канцлером О. фон Бисмарком» // *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 53.

оказывали значительное влияние, в том числе и на «праздные» классы. Во многих странах, отмечают исследователи, создавались филантропические тематические комиссии, статистические общества для проведения социальных обследований с целью информировать и мобилизовать общественное мнение, привлечь внимание официальных кругов к «темным» сторонам жизни, обосновать необходимость социального реформирования.

Этому способствовал и экономический кризис конца XIX столетия, поразивший Великобританию и США, вызвавший рост безработицы и забастовок. Как отмечал А. Маршалл, ссылаясь на книгу Д. Дисэя «Закон и общественное мнение в Англии» (1905), период 1865–1900 годов можно назвать «периодом коллективизма» — временем, когда *идеи социализма интерпретировались большинством как требования вмешательства государства (даже в ущерб индивидуальной свободе) для обеспечения благосостояния всех людей без исключения*. При этом государство наделено властью, позволяющей ему вмешиваться (в той или иной степени) в личную свободу и экономическую независимость для того, чтобы обеспечивать их. Новизна этой идеи заключалась в ее принципиальном расхождении с прежним взглядом, согласно которому государство должно помогать только бедным и обездоленным, и эта деятельность никоим образом не должна касаться обычной жизни остальной части общества[422].

Неслучайно, комментируя принятие социальных законов правительством Великобритании, Дж. Чемберлен заявлял: «Мне будут говорить завтра, — что это социализм... конечно, это социализм. Закон об оказании помощи неимущим — социализм; закон об образовании — социализм; большая часть муниципальной работы — социализм; и каждый доброжелательный акт законодательства, посредством которого общество стремилось освободиться от обязанностей и обязательств перед бедными, является социализмом»[423]. И, по сути, этой же точки зрения, несмотря на различие идеологических позиций, придерживались правительства многих европейских стран, где государственное социальное страхование граждан начинает активно применяться со

[422] Подробнее см.: *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 126.
[423] Цитир. по: *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 126–127. И «классический либерал» Уинстон Черчилль в 1906 году соглашался с этим мнением, разъясняя, что в области социальной политики либерализм вполне совместим с социализмом, хотя в качестве политической доктрины современный (ему) социализм неприемлем.

второй половины 1880-х годов. «Социальное страхование от несчастного случая появляется в Австрии в 1887 г., во Франции — в 1898 г., в Норвегии — в 1894 г., Новой Зеландии — в 1900 г., Швеции — в 1901 г. Медицинское страхование стало государственным в Австрии в 1888 г., Швеции — в 1891 г., Норвегии — в 1909 г. В России первый социальный закон — „О бесплатном медицинском обслуживании фабрично-заводских рабочих“ — появляется в 1886 г. В 1912 г. вводится страхование по болезни и от несчастных случаев на производстве»[424]. Так еще до Первой мировой войны социальная политика стала официальной доктриной ряда стран, получив правовое закрепление в Конституции Веймарской республики 1919 года и Конституции Чехословакии 1920 года[425].

Таким образом, уже в конце XIX – начале XX столетий под влиянием экономических кризисов, международного рабочего движения, революций и филиации идей *происходит социализация политических доктрин всех ведущих идеологий:* и «либеральные», и «консервативные» правительства признают необходимость государственного вмешательства в сферу регулирования социальных отношений, его ведущую роль в деле гармонизации отношений между трудом и капиталом. Но не только. По сути, уже тогда ответственность государства распространяется на все слои общества. После Первой мировой войны и череды социалистических европейских революций эта тенденция проявилась особенно заметно в советской России, где уже в ноябре 1917-го издаются декреты о страховании от безработицы, о бесплатной медицинской помощи, о пособиях по случаю болезни, родов и смерти. Доступность социальной поддержки всем членам общества, государственное пенсионное обеспечение, бесплатное медицинское обслуживание, другие виды социальных трансфертов — в 1920–1930 годы эти факты социальной политики СССР (во многом благодаря массированной официальной пропаганде государства и III Интернационала) получили такой резонанс, что оказали серьезное влияния на правительства и социал-демократические партии Европы. Например, уже в 1918 году лейбористская партия Великобритании записала в своем уставе, что ее главной задачей является установление «общественной собственности на средства производства, распределения и обмена». Однако многие другие социал-демократические партии в дискуссиях 1920–1930-х гг.

[424] *Калашников С. В.* Очерк теории социального государства. М.: Экономика, 2006. С. 65.
[425] *Воротилин Е. А.* Формирование идей социального государства / В сб.: Проблемы народного представительства в Российской Федерации. М.: Изд- во МГУ, 1998. С. 33–37.

о путях общественного развития отвергли идею национализации частных компаний, непосредственного огосударствления средств производства.

Этому, в частности, способствовали социал-реформистские идеи Эдуарда Бернштейна и австромарксиста Рудольфа Гильфердинга. Еще на рубеже веков Бернштейн обосновал и усиленно пропагандировал идею не революционного, а эволюционного (естественно-исторического) вырастания социализма из капитализма. Она получила новое теоретическое обоснование в 1910 году в работе Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». В противоположность Марксу, считавшему, что стоимость товара создается только трудом, затраченным на его производство, Гильфердинг объявил закон стоимости законом не производства, а сферы обращения. Из этого он выводил «организующую» роль финансового капитала как господствующей силы экономического развития в эпоху империализма. Для нее характерны концентрация и централизация капитала, рост трестов и картелей, которые знаменуют собой вступление капитализма в новую стадию — стадию «организованного капитализма». На этой стадии, прогнозировал автор, неизбежно усилится экономическая роль государства, исчезнет товарный фетишизм, наступит «сознательно регулируемое общество». А это, по Гильфердингу, будет способствовать переходу к социалистическому принципу планового производства и регулирования экономики, постепенному перерастанию финансового капитала в социализм. Из этого следовал вывод: политическими предпосылками перехода к социализму являются коалиция социал-демократической партии с «буржуазными партиями» и парламентский реформизм. Роль идеологии либерализма, по Гильфердингу, нуждается в переоценке: если в эпоху промышленного капитала она была прогрессивна, то в эпоху финансового — утрачивает свое значение, ибо вступает в противоречие с интересами «организованного капитализма» и сознательного регулирования. Но союз социалистов с либералами перспективен.

В 1920–1930 годы идея об историческом вырастании социализма из капитализма трансформировалась в концепции их сближения: появлении концепта «либерального социализма»[426], теории «третьего

[426] Так, в конце 1920-х в Италии была издана книга Карло Россели под названием «Либеральный социализм», где он обосновывал мысль о том, что либерализм и социализм постепенно сближаются: либерализм все больше начинает заниматься социальными проблемами, социализм же становится восприимчив к проблемам свободы и формирования личности.

(срединного) пути» и др. Они воплотились в социально-экономической практике правительств многих стран Северной Европы, где в это время были сформированы социальные государства социал-демократического типа на основе идеологии и политики корпоративизма (солидаризма). Означавшая отказ от революционных преобразований, *ориентация на «срединный путь»,* подчеркивают специалисты, *органично легла в ткань мировоззрения скандинавов*, «важнейшими чертами которого являются стремление к компромиссам, умеренности, а также дух сплоченности и гражданственности ... Свою роль сыграл и „менталитет малой страны“ — понимание того, что все находятся „в одной лодке“»[427]. И это способствовало консенсусу политических сил, которых подталкивали к компромиссу объективные обстоятельства. В это время в Швеции наблюдались демографический кризис, низкая рождаемость, высокая смертность и массовая эмиграция шведского населения. Этим, в частности, можно объяснить увлечение шведов идеями евгеники. Положение усугублялось негативными последствиями мировой экономической рецессии. В 1932 году безработица выросла почти до 25 %. Объем экспорта сократился, а ряд предприятий обанкротился. Поэтому идея «Дома для народа», которая призвана была преодолеть многие трудности, получила поддержку в обществе. Следующие из нее принципы солидарности, социального партнерства и отсутствия классовых барьеров были выдвинуты будущим премьер-министром Швеции П. А. Ханссоном на выступлении в Риксдаге в 1928 году: «Основой любого дома является общность и чувство родства. В хорошем доме нет ни привилегированных, ни униженных, нет баловней и пасынков. Там никто ни на кого не смотрит свысока, никто не пытается добыть себе преимуществ за счёт других, там сильный не притесняет слабого и не издевается над ним. В хорошем доме царят равенство, забота, сотрудничество. Применительно к нашему большому народному дому, дому для всех граждан, это означает, что все социальные и экономические барьеры, которые сейчас делят общество на привилегированных и униженных, правящих и зависимых, богатых и бедных, имущих и неимущих, грабителей и ограбленных, будут уничтожены»[428].

С приходом социал-демократов к власти в начале 1930-х идея общего, народного, дома постепенно получает практическое приме-

[427] *Студенцов В. Б.* Скандинавская модель: свет и тени // Свободная мысль. 2019. № 4. С. 148.
[428] Цитир. по: *Лебедев А. С.* Концепция социального государства в шведской политической науке. Дисс. кандидата политич. наук. М., 2014. С. 61.

нение. Реализуются меры по предотвращению безработицы и улучшению положения трудящихся в обществе, выдвинутые Э. Вигфорсом (министром финансов Швеции в 1925–1926 и в 1932–1949 годах), Э. Линдалем, А. и Г. Мюрдалями, Б. Улином и Э. Лундбергом. Анализируя причины рецессии в Швеции, они пришли к тем же выводам, что и английский экономист Дж. М. Кейнс, идеи которого были использованы в «новом курсе» Ф. Рузвельта во время великой депрессии в США. Показательно также, что еще в начале депрессии Кейнс приезжал в СССР и изучал опыт работы Госплана и других государственных учреждений[429]. И не только он. Тогда же американские экономисты Г. Хилл и Р. Тагвелл пришли к выводу: «Чтобы действовать в общественных интересах, мы должны планировать в национальных масштабах... В течение многих лет техническая задача разрабатываемых планов регулирования наших сложных экономических проблем была слишком трудна для осуществления. Но сегодня мы знаем, что это более не так, потому что Россия показала реальность планирования»[430].

Какой ценой достигалось выполнение пятилетних планов, зарубежные экономисты, понятно, не знали. Но под впечатлением индустриальных успехов СССР, его социальной политики ряд западноевропейских лидеров, вопреки своим убеждениям о недопустимости вмешательства государства в «свободную игру» экономических сил, все же перешли на позиции либерального социализма и обратились к советскому опыту планирования в национальном масштабе, к вопросу о возможностях бескризисного развития экономики. Так что опыт Советского Союза в определенной мере способствовал совершенствованию системы социальных гарантий во всех развитых странах, в том числе и в Швеции.

В условиях мировой экономической депрессии закономерно, что лозунг «полной занятости» там оказался политически беспро-

[429] Классическая политэкономия утверждала, что если не вмешиваться в условия свободной конкуренции, то экономическая система обеспечит процветание и всеобщую занятость. Тем не менее, в 1924 г. число безработных в Англии достигло миллиона, а в США в начале тридцатых годов лишь один из четырех находил работу. Ситуацию, по Кейнсу, нельзя было разрешить путем снижения зарплаты. Ибо экономическая система, предоставленная действию собственных законов, не ведет автоматически к занятости и всеобщему процветанию. Уровень занятости зависит, показал Кейнс, от уровня потребления, суммы товаров и инвестиций. Если последние снижаются, то растет безработица.

[430] Цит. по: *Дзарасов С.* Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994. С. 104–105.

игрышным и обеспечил приход к власти выдвинувшим его в начале 1930-х социал-демократической партии Швеции и Народной партии Норвегии. Сформированные ими новые правительства стали практиковать популярные в те годы в значительном числе стран корпоративистские процедуры (методы) — прямое согласование под эгидой государства интересов «труда» и «капитала» прежде всего в лице их организаций: профессиональных союзов рабочих, союзов аграриев и объединений предпринимателей. На этом фоне не только в скандинавских странах, но и в далеких от них США была развернута антикризисная политика посредством организации общественных работ и сопутствующая ей активная деятельность государства на рынке труда.

Парадоксально, но накануне великой депрессии демократические США оставались, пожалуй, единственной развитой страной уже устаревшего «классического либерализма» в экономической и социальной сферах: здесь не были легализованы профсоюзы, не было пенсионного обеспечения, многих мер социальной поддержки бедных. Но после введения Рузвельтом «Нового курса», о котором написаны сотни томов, государство, наконец-то признало свою ответственность за благосостояние своих граждан. После издания ряда законов в области промышленности, фермерского хозяйства и банковского дела, обуздавших «разрушительную конкуренцию», которая, как было признано, ведет к снижению прибылей, подрыву устойчивости деловой жизни, сокращению инвестиций и занятости, в целях увеличения последней предприниматели всех отраслей должны были ограничить себя «кодексом честной конкуренции» под наблюдением правительства[431].

Помимо организации Федеральной администрацией общественных работ «трудовых лагерей» для безработных, в 1935 году был принят Закон о трудовых отношениях (закон Вагнера), впервые легализовавший деятельность профсоюзов, законы о социальной помощи бедным,

[431] Вопреки антитрестовскому законодательству была организована практика принудительного картелирования. В соответствии с ней на многие отрасли промышленности распространяли свое действие «кодексы честной конкуренции», разрабатываемые крупными корпорациями и навязываемые мелким и средним предпринимателям. Всего было утверждено более 800 таких кодексов. Образованные в соответствии с этими кодексами картели (в соответствии с «Законом о восстановлении промышленности США» и после регистрации в «Федеральной администрации восстановления промышленности») официально изымались из-под действия антитрестовских законов. Такая же политика осуществлялась и в других государствах в 30-40-е годы, а также и после Второй мировой войны.

о справедливом найме рабочей силы, устанавливающий максимум продолжительности рабочего времени и минимум заработной платы. По инициативе Рузвельта было подписано соглашение между предпринимателями и профсоюзами: работодатели ограничили норму своей прибыли и повысили заработную плату рабочим. Президент сам подчеркивал, что этот закон призван обеспечить «единство труда и капитала». Как и ранее Бисмарка, политические противники обвиняли Рузвельта в том, что он насаждает «ползучий социализм», а иногда и «фашизм». И для таких параллелей у них были серьезные основания.

Дело в том, что несколько ранее в Италии (затем в Германии, Португалии и Испании) появились государства, идеологической основой которых были социал-фашизм, социал-фалангизм и национал-социализм, а в Советском Союзе, начиная с объявленных в 1929 году «коллективизации» и «индустриализации», было сформировано административно-командное социалистическое государство, в основание политики которого были положены «интернационализм» и «социал-тоталитаризм»[432]. Но это требует пояснений. Использование этих сложносоставных понятий не прихоть автора, а теоретическая неизбежность учета политического, экономического, идеологического, и, шире, духовно-интеллектуальный контекста межвоенной эпохи. Помимо самой мировой войны, унесшей по разным подсчетам от 10-ти до 15 млн жизней, ряда революций и великой депрессии конца 1920-х, она включила в себя распад трех великих империй, на обломках которых сформировались десятки новых национальных государств. Это был всплеск национализма до того небывалой силы, влияние которого хотя и в разной мере (за исключением интернационалистического СССР), испытали все народы и все государства Европы. Идея «нации» (вместе с идеей «новой империи») доминировала в сознании «восставших масс» и политических элит.

Не менее привлекательной была для них и идея «социализма» как представления об обществе, так или иначе ориентированном на общественное согласие и социальное равенство. В разных странах этот «национализм» и этот «социализм» сочетались с манифестациями всех крупных идеологий, создавая за счет трансфера идей причудливые сочетания национал-либерализма, национал-социализма, национал-консерватизма и национал-футуризма. Нельзя понять, например,

[432] Хотя термин «тоталитаризм» впервые был использован в 1923 году итальянскими фашистами.

политику Бенито Муссолини, если не учитывать его социалистическое прошлое, которое помнил В. И. Ленин[433], идейную связь фашизма и футуризма, дружеские отношения Муссолини и Маринетти[434]. Как нельзя понять социально-экономическую политику франкистской Испании без учета идеологии «интегрального национализма» и «социальной гармонизации», а гитлеровской Германии — без идеи «великой германской нации», учета влияния О. Шпенглера, его «прусского пути в социализм».

При всем идеологическом и экономическом различии Италии, Германии и Испании (в отношении к социализму и национализму, частной собственности и др.) их объединяли однопартийность, вождистский (диктаторский) характер осуществления власти и *ориентация на корпоративизм:* представление об обществе не как сумме атомизированных индивидов (классический либерализм), а как сообществе социальных групп, соединенных в коллективное целое не только на религиозно-цеховой основе (восходящий к средневековью христианский корпоративизм), а главным образом по профессиональной принадлежности[435].

[433] По всей видимости, отмечают исследователи, Ленин и Муссолини встречались в Швейцарии, и скорее всего, у Ленина сохранилось приятное впечатление от встречи с Муссолини. Когда с ним встретилась делегация итальянских коммунистов, он спросил: *«А где же Муссолини? Почему вы его потеряли?»*.

[434] Вот что писал в 1923 году в итальянской газете «Век» известный журналист и писатель Джузеппе Преццолини: «Довольно очевидно, что фашизм содержал некоторые элементы футуризма. Я говорю это без какой-либо попытки дискредитации. Футуризм искренне отразил определённые современные запросы и характерный миланский контекст. Культ скорости, влечение к сильным решениям, презрение к массам и одновременно захватывающий призыв к ним, склонность к гипнотической власти толп, экзальтация национальных чувств, антипатия к бюрократии - все эти эмоциональные позиции перешли из футуризма в фашизм почти в готовом виде. ...В конце концов, нет необходимости вспоминать, как это делает последний футуристический манифест, что «футуристы были в числе первых интервентистов: заключённые в тюрьму за интервентизм во время битвы на Марне; заключённые в тюрьму с Муссолини за интервентистские акции в Риме 12 апреля 1915; заключённые в тюрьму с Муссолини в Милане в 1919 за фашистское покушение на безопасность государства и организацию вооружённых отрядов» Нет также необходимости вспоминать, как делает тот же манифест, что футуристы «создали первые объединения *ардити* и многие из первых *фашей ди комбаттименто*». *Дж. Преццолини.* Фашизм и футуризм // Второй футуризм: Манифесты и программы итальянского футуризма / Введение, составление, перевод с итальянского и комментарии Е. Лазаревой. М.: Гилея, 2013 (серия Real Hylaea). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hylaea.ru/prezzo_fash_futur.html (дата обращения: 08.02.2020).

[435] Исключение составляла Португалия Антониу Салазара, социальная доктрина которого являла собой причудливое сочетание национализма с христианским корпоративизмом. Если Гитлер презирал христианство, Муссолини в начале политической карьеры боролся с религией, а затем заключил соглашение с Ватиканом, Франко был просто верующим католиком, то режим Салазара основывался на ценностях католицизма и опирался на церковь не в меньшей степени, чем на армию.

В качестве идеологии и практики существующий не одно столетие корпоративизм имел немало исторических воплощений и существует до сих пор во множестве стран в виде «неокорпоративизма» («корпоратизма»), однозначного понимания которого так и не выработано. Хотя как влиятельное идейное течение, противостоящее либерализму, корпоративизм (представленный консервативной и социалистической мыслью) достаточно громко заявил о себе еще в середине XIX столетия. Тогда по мере легализации профсоюзов[436] корпоративистские настроения начинают доминировать в профсоюзном движении, но корпоративизм как идеология берется на вооружение лишь его католической частью. Но после Первой мировой войны под влиянием теории «органического корпоративизма» Э. Дюркгейма и «солидаризма» Л. Дюги, отрицавшего либеральное понимание государства как общественного договора, основанного на суверенитете народа, и его классовую трактовку, возникают многочисленные светские версии корпоративизма, основанные на идее привлечения к власти синдикатов, представляющих рабочих и капиталистов. В 1920–1930 годы в Италии, Франции и Румынии появляются десятки работ, посвященных обоснованию перспективности корпоративизма. «Кризис 30-х годов, обострение социальных конфликтов после окончания Первой мировой войны и вновь во второй половине 30-х годов, растущая организованность противостоящих друг другу сил, труда и капитала — таковы предпосылки обращения к идеологии неокорпоративизма в межвоенный период теоретиков и политиков, придерживавшихся в прошлом самых разных убеждений. Можно даже сказать, что теория корпоративизма в какой-то мере отставала от практики, выражавшейся в тенденции к установлению непосредственных (или при более или менее активном посредничестве государства) институциональных отношений между профсоюзными объединениями и организациями предпринимателей»[437].

Важно то, что, в отличие от скандинавских стран, социальная копоративисткая политика которых строилась на сбалансированном соучастии объединений (корпораций) трудящихся, предпринимателей и государственных институтов, современные им Италия, Германия,

[436] В Англии их создание было разрешено лишь в 1844 году, а во Франции антикорпоративисткий закон Ле Шапелье (1791) был отменен только в 1864-м.

[437] *Салмин А. М.* Неокорпоративизм в странах Запада // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada (дата обращения: 08.02.2020).

Испания и Португалия представляли собой государства, в которых корпоративизм являлся идеологическим прикрытием политики всеобъемлющего контроля над предпринимателями и трудящимися со стороны правительства и правящей партии. Следует подчеркнуть: отнюдь не корпоративистские идеи привели фашистов, фалангистов и национал-социалистов к власти. Но, захватив ее, они обратились к корпоративистскому обоснованию своей практики подчинения труда и капитала произволу государственной власти, использовав в своих интересах корпоративистские настроения в обществе. Произошла своего рода историческая инверсия идеологии и государственности: политическое пространство, которое, по мнению теоретиков корпоративизма, должно было заполняться идеологией, оказалось заполненным тоталитарной государственностью. Но это не мешало бурному индустриальному и социальному развитию Италии, Германии, Испании и Португалии, где уже к началу Второй мировой войны, хотя в разной степени и на разной идеологической основе, были созданы *социально ориентированные государства корпоративистского типа, экономической основой которых был «государственный капитализм»*.

Исторически лидером этого направления была Италия, где 21 апреля 1927 года Большим фашистским советом был опубликован основополагающий документ корпоративизма — «Хартия труда». Его идеологической основой были взгляды теоретика итальянского фашизма, неогегельянца, создателя концепции «актуального идеализма» Джованни Джентиле[438]. Идею корпорации, отмечают исследователи, Джентиле почерпнул у Гегеля и интерпретировал ее как некий интегрирующий феномен, в которым сливаются воедино «гражданское общество» и государство и который возвышает материальную (экономическую) деятельность до духовной, придавая этой деятельности «силу и честь». Уже в «Хартии труда» весь первый раздел назывался «Корпоративное государство», и в нем «корпоративное государство» прямо отождествлялось с «фашистским государством», которое было определено как «моральное, политическое и экономическое единство» итальянской нации. Корпорации прямо объявлялись механизмом поддержания этого единства на основе «классового сотрудничества».

[438] В 1925 году Джентиле публикует «Манифест фашистских интеллектуалов к интеллектуалам всех наций», а в 1929-м издаёт свою книгу «Основы фашизма», где фашизм воспевается как новая политическая идея или вера, задача которой — создание нового «этического государства».

При этом, разумеется, основой экономики было частное предпринимательство. «Корпоративное государство смотрит на частную инициативу в области производства как на наиболее действенное и наиболее полезное для интересов нации орудие», — гласила «Хартия»[439].

Но поскольку Большой фашистский совет формально не обладал законодательной властью, то лишь в 1930 году фашисты законодательно закрепили функции и полномочия Национального совета корпораций, хотя сами корпорации были созданы лишь в 1933-м. Но официально Италия так и не была объявлена «корпоративным государством». Это сделала Португалия, объявившая себя «корпоративным государством», где Антониу Салазар издал в 1936 году «Хартию труда», во многом повторявшую аналогичный документ Муссолини. Если в Италии, экономика которой в отличие от СССР не была национализирована, под эгидой Большого фашистского совета к 1933 году было создано 22 отраслевых корпорации (куда входили не только рабочие, но и предприниматели), фактически объединивших почти все население Италии, то в Португалии «создавались корпоративные организации трех типов: национальные синдикаты (вроде „фашистских профсоюзов“), гильдии для промышленников и торговцев и три ордена — для врачей, адвокатов и инженеров. Для всего самодеятельного населения (кроме государственных служащих, лиц свободных профессий и крестьян) членство в этих организациях было обязательным. Эти корпорации были объявлены наследием средневековых цехов. Португальский корпоративизм, в отличие от итальянского, основывался не на огосударствлении корпораций, а на принципах якобы свободных ассоциаций, которые призваны были учитывать не только материальные, но и культурные интересы своих членов»[440]. И эта форма корпоративизма, считают некоторые, оказалась гораздо более экономически эффективной, нежели итальянская: из 22 фашистских «корпораций» действительно работала только одна — разведения скота и рыболовства. Остальные будто бы так и остались на бумаге, служа пристанищем для фашистской бюрократии. «Таким образом, модернизация Италии была осуществлена не благо-

[439] *Тарасов Александр.* Почему Путин не Муссолини. В критике «корпоративного государства» следует отличать жупел от реальности // Политический журнал. Архив № -1-0 (0-1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=113&tek=6332&issue=57 (дата обращения: 19.05.2019).

[440] *Антонов Михаил.* От капитализма к тоталитаризму. Мир в XXI веке и Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm (дата обращения: 08.02.2020).

даря чудесным корпоративным рецептам дуче, якобы отыскавшего благословенный „третий путь“, — а благодаря массовой мобилизации населения в рамках военизированной тоталитарной системы»[441].

Но это спорная точка зрения, акцентирующая внимание на эффективности государственного регулирования и не учитывающая влияния солидаризма общественных групп в условиях классового общества, идеологически и политически объединенных в «нацию». Но верно то, что тоталитарные и авторитарные политические режимы, не будучи *экономически* эффективными в долговременной перспективе, могут быть весьма эффективными на этапе форсированной индустриализации, сочетая идеологическое и бюрократическое «принуждение к труду» с весьма успешной социальной политикой, направленной на сокращение «социальных дистанций» между общественными группами. Межвоенная и послевоенная эпоха (военные режимы в странах Латинской Америки, других регионах планеты) засвидетельствовали это вполне убедительно[442]. В том числе и Италия 1920–1930-х годов.

В то время как во всем западном мире набирающий обороты экономический кризис привел к отставке правительств многих ведущих европейских держав, в Италии Муссолини остался у власти и мог с гордостью заявлять об успехах его страны. Еще раньше, чем президент Рузвельт, он организовал общественные работы, которые помогли переломить кризисные тенденции. Выросли военные расходы, но благодаря ряду социальных мер количество безработных сократилось. К началу Второй мировой войны в Италии были построены 8 тысяч километров автомобильных дорог (в их числе — первая в Европе автомагистраль высшего класса) и 400 новых мостов. Был сооружен колоссальный акведук для подачи воды в засушливую Апулию, реконструированы основные железнодорожные магистрали, введены в действие 600 телефонных станций, построены океанские лайнеры, мощные линкоры и современные подводные лодки.

Стремительно развивалась не только военная, но и гражданская авиация. В начале 30-х годов 25 самолётов итальянского воздушного флота совершили перелет по маршруту Рим – Чикаго, вызвавший

[441] Экономическая исповедь — Италия при Муссолини. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/@chavdm.public-ekonomicheskaya-ispoved-italiya-pri-mussolini (дата обращения: 08.02.2020).

[442] См., например, *Гранин Ю. Д.* Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 14–24.

восхищение во всем мире. Так что успехи Италии в деле военной и гражданской индустриализации были вполне сопоставимы с успехами СССР, в том числе и в области социальной и демографической политики. В те времена население Италии насчитывало всего 42 млн человек, но этого, по мнению дуче, для создания новой Римской империи было мало. Стране, считал вождь, к середине XX века необходимо было иметь как минимум 60 миллионов граждан. «В те времена в Италии осуществлялась беспрецедентная в западном мире программа поощрения рождаемости, охраны материнства и детства. Был установлен „День матери и ребёнка“. Устраивались „фашистские свадьбы“. Матерям, родившим семерых детей, вручалась медаль, полицейские обязаны были отдавать честь беременным женщинам. Но и мужчинам — главам многодетных семей были установлены преимущества при приёме на работу и в продвижении по службе. Ни в коем случае нет оправданию фашистского режима Муссолини, однако нельзя не признать, что Муссолини сделал для своей страны и много полезного. Любой итальянец расскажет вам, что именно благодаря ему в Италии были впервые приняты декреты, по которым начали выплачивать пособия по беременности и материнству, безработице, инвалидности и старости, появились медицинские страховки и материальная поддержка многодетным семьям. Рабочая неделя при правлении дуче, и та была сокращена с 60 до 40 часов»[443].

Аналогии с Советским Союзом напрашиваются сами собой. Но были и отличия. Как и указанные выше государства, довоенный СССР был воплощением однопартийности, вождизма и тоталитарной формы государственной власти: последняя контролировала все сферы жизни. Но, во-первых, в СССР отсутствовала политика «государственного национализма», он не был «национальным государством», активно проводя политику интернационализма. Во-вторых, в нем не было рыночной экономики, частной собственности, и хотя статья 5 сталинской Конституции 1936 года провозглашала наличие двух форм собственности («государственной (всенародное достояние)» и «кооперативно-колхозной»), реально трудящиеся «государства рабочих и крестьян» были от собственности отчуждены. Соответственно, исходя из ленинского определения классов, в Советском Союзе после

[443] *Антонов Михаил.* От капитализма к тоталитаризму. Мир в XXI веке и Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm (дата обращения: 08.02.2020).

ликвидации НЭПа юридически и фактически не было «классов», зато появился лозунг об «обострении классовой борьбы», который был изъят из официальной пропаганды только после Великой Отечественной. Иными словами, ни о каком «классовом согласии» и «социальной гармонии» с буржуазией не было и речи. Следовательно, довоенный СССР не был социальным государством. Но это не означало, что у недемократического однопартийного государства не было социальной политики. Наоборот. Она была и была очень значительной, но ее характер определялся тем типом государства и той формой властвования, которые были созданы.

Следует зафиксировать следующее. Начиная с последней трети XIX века и вплоть до 1940 года, концепт социального государства, перешагивая государственные границы, под влиянием геополитических и культурно-исторических последствий Первой мировой, Великой Октябрьской и других революций постепенно становится «политическим трендом» довоенной и межвоенной эпохи, обретая качественно различные, но многочисленные исторические (страновые) воплощения. Специфика последних в значительной мере определялась господствующими формами общественного строя и формами правления в тех или иных государствах мира, формируемыми в этот период, и в том числе под влиянием трех великих идеологий и созданных на их основе практик: консерватизма, либерализма и социализма. В этой «триаде» влияние социализма как международного исторического феномена на концептуальное осмысление и практическое воплощение социально ориентированных государств «первого порядка» в довоенной и межвоенной Европе было определяющим. Под давлением международного рабочего движения, организованного в I, II и III Интернационалы, «великой депрессии», обострившей противоречия между «трудом» и «капиталом», впечатлением от индустриальных успехов СССР, его социальной политики ряд западноевропейских лидеров, вопреки своим убеждениям о недопустимости вмешательства государства в «свободную игру» экономических сил, все же перешли на позиции *либерал-социализма*, образовав в скандинавских странах *социал-демократические государства «социального партнерства и солидарности»*. Их появление знаменовало собой *начало* исторического *перехода* к *правовому государству общего благосостояния*, который по многим причин был осуществлен в европейских (и других) странах лишь в 1960-е годы. А в межвоенное время социаль-

ная и экономическая политика этих демократических стран вынужденно строилась на корпоративистской основе: сбалансированном соучастии объединений (корпораций) трудящихся, предпринимателей и государственных институтов.

Вместе с ними были явлены миру разнообразные сочетания «национализма» с «социализмом» в государствах тоталитарного типа: Италия, Германия, Испания и Португалия представляли собой государства, в которых корпоративизм являлся идеологическим прикрытием политики всеобъемлющего контроля над предпринимателями и трудящимися со стороны правительств и правящих партий. Парадоксальным образом первая в мире «страна победившего социализма» в довоенный период не была социальным государством. Но в целом период образования социальных государств «первого порядка» между двумя мировыми войнами можно назвать социалистическим. А вот дальнейший процесс трансформации многих демократических государств мира в состояние «правового государства общего благоденствия» оказался настолько разнообразным, что период второй половины XX – начала XXI веков характеризуется как время идейного плюрализма с неопределенным будущим. О нем и пойдет далее речь.

3.4. «ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Анализируя социализацию правовых государств ведущих стран мира в послевоенный период, следует подчеркнуть: жизнь явила нам такое разнообразие исторических форм и типов этого исторического феномена, что уложить их в ложе какой-то одной типологии не представляется возможным. Но по прошествии времени можно реконструировать «генеральную» линию эволюции большинства развитых стран от «социального государства первого порядка» (государство социального партнерства и солидарности) к «социальному государству второго порядка», воплотившемуся в многочисленных региональных и национальных моделях социализации во второй половине XX в. В межвоенное время концепт «государство *общего* благосостояния

(благоденствия)» не мог быть воплощен в силу многих исторических обстоятельств. И только в 1950–1960-е годы на волне новой НТР формирующегося нового технологического уклада, позволившего резко поднять эффективность материального производства, смещения вектора противостояния «двух мировых систем» в плоскость гонки вооружений СССР и США, ряда других факторов, у многих демократических стран Запада, снявших с себя бремя «оборонного заказа», появилась возможность двигаться в направлении к сильному правовому «государству всеобщего благосостояния».

Специфика этого пути в значительной мере определялась господствующими формами общественного строя и формами правления в разных государствах мира, формируемыми под влиянием различных интеллектуальных течений и созданных на их основе практик: консерватизма, либерализма и социализма. В этой «триаде», напомним, влияние социализма как международного исторического феномена на концептуальное осмысление и практическое воплощение социальных государств в довоенной и межвоенной Европе было определяющим. Но в дальнейшем, после дискредитации корпоративисткой практики Италии, Германии и их сателлитов, потерпевших военное поражение, на передний план вновь вышли неолиберализм и неоконсерватизм, хотя и практика развития социальных государств в странах Северной Европы на социал-демократической основе продолжала оставаться и остается весьма влиятельной и успешной.

С начала Второй мировой войны стала активно развиваться система социального страхования в Великобритании. Доклад (отчет), представленный 1 декабря 1942 году парламенту председателем Комитета по социальному страхованию, заместителем министра труда, председателем Королевского экономического общества и членом либеральной партии сэром Уильямом Г. Бевериджом, вывел социальную политику Великобритании на передовые позиции. Хотя документ назывался «Социальное страхование и смежные службы», по сути, парламенту была представлена развернутая программа социального обеспечения населения страны на все послевоенные годы. Если модель социального государства Бисмарка была ориентирована главным образом на рабочих промышленных предприятий и основана на механизме социального страхования, согласно которому выплата пособий увязывалась с предшествовавшим отчислением взносов, то система социального обеспечения, предложенная Бевериджем, финансировалась за счет

налогов, предоставляя одинаковые пособия фактически всему населению Великобритании.

В то время ни одна из довоенных страховых выплат не соответствовала прожиточному минимуму. Беверидж предложил устранить эту несправедливость. Кроме того, следовало ввести обязательное медицинское обслуживание, а также осуществить меры по предотвращению массовой безработицы. Его план, отмечают специалисты, «основывался на диагнозе человеческих нужд». Изучение министерством труда процессов рождаемости и смертности позволило сделать вывод, что уже в недалеком будущем следует ожидать увеличение роста числа пенсионеров на фоне заметного снижения общего числа населения страны. Поэтому предлагались увеличение возраста выхода на пенсию (65 и 60 лет для мужчин и женщин), забота о детстве и поддержка материнства.

Программа имела системный характер и строилась на основании шести основных принципов: «1. *Общая ставка прожиточного минимума* — главный фундаментальный принцип предлагаемого плана. Независимо от прежде получаемого дохода в критический момент все граждане должны иметь возможность удовлетворить свои базовые нужды. 2. *Общая тарифная ставка вкладов*, что подразумевает: для обеспечения равной защиты должны быть равные вклады. 3. *Унификация административной ответственности.* Все вклады будут платиться в единственный фонд социального страхования. 4. *Адекватность пособий, которые должны обеспечивать возможность существования без иных доходов.* 5. *Всеобщность.* Социальное страхование не должно оставить без внимания ни один риск, который широко распространен и угрожает все гражданам. 6. *Классификация.* Социальное страхование должно охватывать всех граждан, однако необходимо учитывать специфику образа жизни отдельных групп. Таким образом, план охватывал всех граждан вне зависимости от уровня доходов, но подразумевал четкую классификацию по объему обеспечения»[444].

План Бевериджа широко обсуждался в Англии и в США, получив положительные оценки специалистов по обе стороны океана. И только после этого в 1946 году лейбористское правительство приняло ряд законов и нормативных актов, воплотивших основные положения социальной концепции Бевериджа, заложив тем самым теоретические основания *англо-саксонской модели государства благосостояния* и

[444] *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 202. (курсив мой — *Ю. Г.*).

сделав Великобританию социально передовым правовым государством того времени. Но ненадолго. Конкуренцию ей составила Федеративная республика Германия, уже к началу 1960-х годов явившая миру «немецкое экономическое чудо», основанное на концепции «социального рыночного хозяйства» известного экономиста, профессора, многолетнего министра народного хозяйства, а затем и канцлера ФРГ Людвига Эрхарда, политика которого заслуживает специального рассмотрения.

Известно, что последствия войны для нацистской Германии были ужасными: объем промышленного производства в 1946 году составлял около 33 % от довоенного уровня, сельское хозяйство было отброшено на 30 лет назад, производство стали сократилось в 7 раз, добыча угля упала более чем в 2 раза[445]. Кроме того, Германия лишилась 25 % своей территории, около 12 млн человек было выселено, каждый второй немец был безработный. Страна находилась в катастрофическом положении. Инфляция составила 600 % к довоенному уровню. Немецкие деньги утратили покупательную способность, в стране господствовал «черный» рынок, на котором население рассчитывались валютой, сигаретами или кофе. Один из журналистов, характеризуя Германию того времени, сказал так: «Германия — это куча мусора, в которой копошатся 40 млн голодных немцев»[446].

Но так продолжалось недолго. Уже в 1950 г. был достигнут уровень довоенного производства, и Германия получила стабильно активное сальдо торгового баланса. К 1956 г. уровень 1950 г. был удвоен, а к 1962 г. — утроен. Средние темпы экономического роста составляли около 7,8 %. В середине 50-х годов ФРГ занимала второе место по величине золотовалютных резервов, третье место после США и Англии по объему промышленного производства. В стране был очень низкий уровень инфляции, один из самых низких в Европе. И к середине 1960-х Германия вышла в европейские лидеры в области металлургии, химической промышленности, машиностроения, легкой и перерабатывающей промышленности. Разумеется, значительную роль сыграла предоставленная США помощь послевоенной Европе (план Маршалла), из которой Германии досталось примерно 1,6 млрд долл.[447]

[445] Подробнее см.: *Тимошина Т. М.* Экономическая история зарубежных стран. М.: Юстицинформ, 2003. С. 312–332.

[446] Цитир. по: *Смирнов Александр.* Людвиг Эрхард. Возрождение Германии и немецкое экономическое чудо. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kreml.org/opinions/161904433/ (дата обращения: 08.02.2020).

[447] По современным ценам это примерно 10 млрд долларов.

Но ведущим фактором беспрецедентного экономического роста стала «концепция социального рыночного хозяйства», придуманная и воплощенная в жизнь Людвигом Эрхардом.

Об этой концепции написаны сотни исследований. Они акцентируют внимание на мерах социального страхования многочисленных рисков (от болезни, потери работы и др.) трудоспособного населения и социальной защиты малообеспеченных семей, детей, женщин и инвалидов. Сравнительно мало внимания уделяется этическому содержанию концепции социального рыночного хозяйства[448] и, шире, политической философии самого Л. Эрхарда, ключевой идеей которой было представление о «свободе и свободном индивиде». Обычно и совершенно справедливо указывают на связь экономического и политического укладов общественной жизни, воплотившихся в концепции «социального рыночного хозяйства». В этом случае социальное рыночное хозяйство Эрхарда рассматривается как такой социально-экономический порядок, который располагается между «необузданным, лишенным целенаправленно сформированного порядка рыночным капитализмом XIX–XX вв. в том виде, в каком он господствовал в большинстве западных стран, и тоталитарной административной экономикой, введенной Сталиным и Гитлером, и как путь, ведущий к свободному, экономически эффективному, стабильному порядку в обществе и экономике»[449]. По мнению Ламперта, «социальное рыночное хозяйство» представляет собой некое сочетание (синтез) экономической свободы, гарантированной правовым государством, и «социальной справедливости», которую воплощает «социальное государство». «Это сочетание целей, — полагает Т. Ю. Сидорина, — отражается в понятии „социальное рыночное хозяйство“»[450]. Но у Л. Эрхарда, подводившего итоги своего опыта в знаменитой книге «Благосостояние для всех», диалектика «свободы» и «государства благосостояния» выглядит несколько иначе.

Заметим, что он исходил из интегрированного понимания понятия «свобода», применимость которого в идеале должна распространяться на все сферы жизни. Но в институционально устроенном обществе свобода всегда ограничивается государством. И чем больше государ-

[448] См., например, *Шлехт О.* Этическое содержание социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб., 1999. С. 282–301.

[449] *Ламперт Хайнц.* Социальная рыночная экономика. Германский путь. М.: Дело, 1993. С. 27.

[450] *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 53.

ство защищает своих граждан, даже из соображений «социальной справедливости», тем больше они попадают в зависимость от него, теряя ощущение личной ответственности за свою судьбу и лишаясь «свободы выбора» под влиянием навязчивой социальной опеки. Поэтому Эрхард был категорически против «государства всеобщего благосостояния», считая его неприемлемым, в том числе и по политическим, и по этическим соображениям. «Если мы вообще хотим сохранить на долгое время свободный и общественный строй, — писал он, — тогда действительно становится основоположным требование, чтобы хозяйственная политика, стремящаяся способствовать человеку достигнуть личной свободы, была бы дополнена такой же, устремленной на установление свободы, социальной политикой. Поэтому, оказалось бы в коренном противоречии со строем рыночного хозяйства такое положение вещей, при котором частной инициативе, заботе о самом себе и личной ответственности не было бы хода, и притом даже тогда, когда у отдельного индивидуума имеются все необходимые материальные предпосылки для проявления этих добродетелей. И действительно, экономическая свобода и тотальное принуждение к страховке от всех превратностей судьбы относятся друг к другу, как огонь и вода»[451].

По его мнению, упование социал-демократов на всеобщее страхование — все равно, финансируется ли оно из единообразных взносов всего населения, или платежи разбиты по группам, — «в принципе ничем не отличается от системы государственного всеобщего снабжения и обеспечения граждан. Эволюция в сторону *снабженческого государства* начинает проявляться уже тогда, когда *государственное принуждение выходит за пределы оказания помощи или защиты только нуждающимся в ней,* и когда этому принуждению начинают подчинять людей, которым оно, и вообще всякая зависимость чужды, или по меньшей мере должны были бы быть чуждыми, в силу их хозяйственного и имущественного положения или их направленной на заработок деятельности». И здесь Эрхард ставит принципиальный для либерала «щекотливый вопрос»: действительно ли вмешательство в человеческую жизнь со стороны государства, официальных инстанций и прочих больших коллективов когда-либо влекло за собой повышение гарантированной обеспеченности человека, улучшение его жизни и уменьшение страха за свою

[451] *Эрхард Людвиг.* Благосостояние для всех. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/erhard_lyudvig/blagososto yanie_dlya_vseh.html (дата обращения: 08.02.2020).

жизнь? «Если я ставлю этот вопрос категорическим образом, то я тут же хотел бы на него ответить отрицательно таким же категорическим образом. Обеспеченность отдельного человека — или по меньшей мере чувство обеспеченности — не повысилась, а скорее понизилась в связи с передачей ответственности за его судьбу государству или коллективу. *В конце концов мы приходим к социальному „подданному“*»[452].

Возможно, столь категоричное утверждение было связано с постоянными дебатами Эрхарда в парламенте ФРГ с социал-демократами, которые наставали на расширении пространства социальной опеки государства, что, по мнению министра, могло привести не только к растущей зависимости человека от государства и коллектива, его «обезличиванию», но и к параличу экономического прогресса страны. Оправданная потребность человека в большей обеспеченности, полагал он, может быть удовлетворена только тем, «что наступает увеличение общего уровня благосостояния и тем самым у каждого отдельного человека зарождается или повышается чувство человеческого достоинства и, вместе с тем, уверенность, что он независим от превратностей судьбы. Представляющийся мне идеал покоится на том, чтобы человек мог сказать: «У меня достаточно сил, чтобы постоять за себя, я хочу сам нести риск в жизни, хочу быть ответственным за свою собственную судьбу. Ты, государство, заботься о том, чтобы я был в состоянии так поступать. Не так должно было бы звучать: „Ты, государство, приди мне на помощь, защищай меня и помогай мне“, но наоборот: „Ты, государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи»[453].

Но идеал «социального рыночного хозяйства» так и не был воплощен в том виде, каким он представлялся преемнику Аденауэра. Социальное государство, выстроенное в ФРГ к началу 1970-х годов, под влиянием социал-демократической оппозиции, в значительной мере стало «государством всеобщего благосостояния» — т. е. тем «снабженческим государством», против формирования которого боролся Людвиг Эрхард. Но оно вместе с современной ему Францией и Австрией, где также были

[452] *Эрхард Людвиг.* Благосостояние для всех. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/erhard_lyudvig/blagososto yanie_dlya_vseh.html (дата обращения: 08.02.2020).
[453] Там же.

сильны социалистические партии и коллективистские иллюзии (вспомним европейские молодежные «революции» 1968 года), стало основой *центрально-европейской (континентальной) модели социального государства.*

В это же время в скандинавских странах Северной Европы продолжали развиваться социально сильные государства благосостояния социал-демократического типа на основе идеологии и политики корпоративизма (солидаризма). Они продолжали практиковать начатые еще в предвоенные годы корпоративистские процедуры — прямое согласование под эгидой государства интересов «труда» и «капитала» прежде всего в лице их организаций: профессиональных союзов рабочих, союзов аграриев и объединений предпринимателей. Их успехи в области экономической социальной политики, помимо менталитета «малой страны» и «общего дома», социальной толерантности, базировались на компромиссах между рабочим движением, с одной стороны, бизнесом, с другой, и политическими партиями, с третьей. Эта толерантность связана с прагматическим осознанием того, что малые страны Северной Европы могут выжить в большом мире с жесткой конкуренцией только при объединении усилий всех сторон. Поэтому в течение десятилетий действовала централизованная система переговоров о заключении коллективных соглашений в области заработной платы с участием мощных профсоюзов и объединений предпринимателей в качестве главных действующих лиц, причем политика профсоюзов основывалась на принципах солидарности между различными группами трудящихся. Так сложилась *нордическая модель «государства всеобщего благосостояния»,* которая без значительных изменений существует и поныне.

Следует отметить, что термин «государство всеобщего благосостояния» (содержание которого в большинстве работ не раскрывается) представляет собой собирательное понятие, используемое для всех социально ориентированных государств «коллективного Запада», противостоявших, вплоть до конца 1980-х, государствам «мировой системы социализма», возглавлявшейся и финансировавшейся Советским Союзом. Социальная политика последних в большинстве случаев имела патерналистский и этакратический характер, хотя и была довольно активной. В противовес ей, и невзирая на различие идеологических позиций правящих партий, государства общего благосостояния Запада все более эволюционировали к неокорпоративизму — социально-

политическому феномену, однозначного понимания которого в современной науке до сих пор нет[454]. Хотя история засвидетельствовала востребованность корпоративистской идеологии и практики в послевоенный период, продемонстрировав уже к 1970-м годам продуктивность взаимодействия трех организованных факторов («начал») современного западноевропейского общества: государства, предпринимательских союзов и профсоюзных объединений. Более того, лишь в послевоенный период в условиях реформистской ориентации государства и организованных предпринимателей подобное взаимодействие в ряде стран перестает быть спорадическим и превращается в более или менее упорядоченную и регулярную практику. Возникает форма общественного союза, названная некоторыми исследователями «трипартизмом».

«Именно во второй половине XX века, — пишет английский исследователь С. Кроуч, — возникла, по крайней мере временно, более надежная основа национального согласия между организованным трудом и организованным капиталом, чем католическая теология. Речь идет о государстве всеобщего благосостояния, кейнсианской экономике и участии рабочих партий в управлении смешанной экономикой. Более того, если вспомнить, что Дюркгейм и его последователи часто называли себя социалистами (не говоря, разумеется, о „гильдейских социалистах“), расстояние между классическим корпоративизмом и скандинавским опытом покажется не таким большим. А в таких „демократиях сообществ“, как Австрия и Нидерланды, социалистические и католические версии корпоративизма любопытным образом уживаются друг с другом»[455]. На этом фоне появляется особая неокор-

[454] «Как это всегда бывает со старым термином, значение которого меняется или уточняется, — отмечают исследователи, — легче понять, какой круг явлений исключает новое понятие, чем то, что оно включает в себя. Неокорпоративизмом называли в свое время политику «социального контракта» в Великобритании и «согласованного действия» в ФРГ, но его же использовали в применении к практике создания всякого рода полуправительственных организаций в разных странах. Неокорпоративизм нередко отождествляют с социальным партнерством на различных уровнях, в том числе с так называемым «трипартизмом» (сотрудничеством государства, профсоюзов и предпринимательских организаций), но существует и такая точка зрения, согласно которой неокорпоративизм и социальное партнерство — совершенно разнородные категории. Некоторые авторы настаивают на определении неокорпоративизма как государственной политики, другие видят в нем форму социальной организации; есть и такие, которые считают его особой формацией, существующей наряду с капитализмом и социализмом». *Салмин А. М.* Неокорпоративизм в странах Запада // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada (дата обращения: 08.02.2020).

[455] *Crouch C.* Pluralism and the new corporatism: A rejoinder // Polit studies, Oxford, 1983, Vol. 31, N 3, P. 460.

поративистская «школа» (внутри которой оформляются «английское», «австрийское» и «интернационалистическое» течения), проводятся международные симпозиумы и конференции (1976, 1979, 1982), посвященные теории и практике корпоративизма в различных европейских странах. Корпоративистская тенденция в европейских странах, таким образом, «это сложный диалектический процесс, являющийся как бы „организационным“ выражением исторически длительного перехода от либерального государства, активно поддерживающего свободную конкуренцию на уровне гражданского общества и пресекающего (по крайней мере в теории) проявления корпоративизма, к государству, не только признающему эти проявления, но и активно участвующему в их регулировании со всеми вытекающими отсюда социальными и политическими последствиями»[456].

Разумеется, эти социальные последствия, выразившиеся в ориентации на максимальную занятость и политике выравнивания доходов, увеличения числа и размера социальных пособий, государственных вложений в образование и переподготовку кадров, повышение профессиональной и географической мобильности рабочей силы и др., в разных странах были разными в зависимости от ориентаций правительств этих стран на либеральные или социал-демократические принципы жизни. Однако «нефтяной шок» 1973 года, экономические кризисы 1974–1975 и 1980–1982 годов, процессы деколонизации и глобализации, войны на Ближнем Востоке и в Афганистане, начавшийся переход от индустриального к информационному обществу, заменившему прежнюю биполярную классовую структуру дифференцируемой «многоярусной» социальной структурой (в составе которой большую часть «социальных этажей» заполнили представители «нового среднего класса»)[457], привели к «ренессансу консерватизма» (консервативным

[456] *Салмин А. М.* Неокорпоративизм в странах Запада // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada (дата обращения: 08.02.2020).

[457] Исключение составляла исторически тяготевшая к социализму Франция, где пенсионные, страховые и иные фонды охватывали уже большую часть населения и представляли собой некую «социализированную» форму частной собственности. Схожую функцию имела и «собственность работников» — распространяемые среди рабочих и служащих акции их предприятий, позволявшие инвестировать в рекреационную сферу. Еще в 1959 году во Франции был принят закон, в соответствии с которым в государственном секторе была введена «система участия». Ее суть — участие рабочих в прибылях своего предприятия, в дивидендах от технической рационализации. Частные предприниматели, если внедряли аналогичную программу, получали от правительства налоговые льготы, а позже вообще освобождались от государственных налогов. Схожие меры предпринимались в ФРГ, Швеции и Бельгии. Так что неоконсервативный поворот главным образом затронул лишь Великобританию и США.

революциям) в Великобритании, США и ФРГ, следствием которых стало сокращение социальных программ в этих странах. О государстве и обществе «благосостояния» там было предложено забыть. Но это вызвало социальное недовольство, которое в условиях политической демократии вновь привело к власти социально ориентированные правительства. Об этом следует помнить, а не безапелляционно заявлять, как часто делают, о том, что, начиная со второй половины 1970-х, идея государства всеобщего благосостояния канула в Лету забвения. В современных демократиях политической конкуренции она, во-первых, и по мере экономического подъема периодически возрождается, а во-вторых, скандинавские страны от нее никогда не отказывались. Возможно, эта форма государства благосостояния в XXI веке переживает кризис. Но так происходит не во всех странах, потому что каждая страна в силу политических, социокультурных и иных исторических особенностей развития реализует разные модели социальной политики.

Как уже отмечалось, эмпирическое многообразие и содержательное различие этих моделей, вместе с необходимостью выявить общие и специфические особенности социального развития разных стран, порождает необходимость типологизаций, которые осуществляются по самым разным основаниям. В научной литературе их насчитывается более двух десятков, и о появлении некоторых типов социальных государств уже сказано. Наиболее распространены территориальные и политические типологии моделей социального государства, которые в ряде случаев и по понятным причинам строго не выдерживаются, но так или иначе довольно точно характеризуют особенности современной социальной политики в странах евроатлантической цивилизации XXI века. Наиболее удачной в этом ряду является типология специалистов ИМЭМО РАН, которые в особый модельный тип социального государства выделяют: а) ***скандинавскую (или нордическую)*** модель (реализуемую в Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии), б) ***англосаксонскую*** модель социального государства (Австралия, Великобритания, Ирландия, Канада и США), в) ***континентальную*** *(корпоративистскую)* модель (используемую в Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Люксембурге, а также Нидерландах, хотя последняя из названных стран адаптировала многие черты нордической модели) и г) ***южноевропейскую (или средиземноморскую)*** модель социального государства (Греция, Италия, Испания, Португалия, Мальта, Кипр), присоединяя к ним ***«группу стран с социалистическим прошлым»***. К последним отно-

сятся страны Балтии и государства Центральной и Восточной Европы, где социальное государство, полагают исследователи, «находится на стадии концептуального и институционального оформления»[458]. Используя политические критерии, все эти модели можно охарактеризовать и как социал-демократические, консервативные и либеральные типы социально ориентированного государства, которые в «чистом виде» существуют лишь в сознании теоретиков.

Нетрудно заметить, что в этой типологии социальных государств не нашлось места России. И неслучайно, ибо, «будучи страной с социалистическим прошлым», она вместе с тем серьезно отличается от всех других бывших «стран социализма». Прежде всего потому, что РФ наследует СССР, который не может характеризоваться как социальное государство, поскольку в нем фактически не было разделения ветвей власти, не было классов, независимого гражданского общества и рыночной экономики. Трудящиеся были отчуждены от собственности. Но это не означало, что у недемократического однопартийного государства не было социальной политики. Наоборот. Она была и была очень значительной. *Но в СССР сложилась патерналисткая модель социальной политики в условиях тоталитарного общественного устройства,* в том числе и устройства социальной сферы. Эта модель не уберегла СССР от распада, но ее наследие серьезно смягчило последствия смены общественно-политического строя в новой России последнего десятилетия XX века.

Бездарно проведенная «перестройка», завершившаяся дезинтеграцией СССР уже к началу 1992 года, поставили страну на грань геополитической катастрофы и экономического коллапса. Экономическая и социальная ситуация во многом напоминала ту, что сложилась в Германии 1946 года: пустые полки магазинов, гиперинфляция, повсеместный «бартер», миллионы голодных и нищих — это, как мы помним, в послевоенной Германии завершилось появлением концепции социального рыночного хозяйства. «Никакая экономическая ситуация, — писал тогда Людвиг Эрхард, — не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля и честный труд всего народа не могли спра-

[458] Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. редактор Ю. Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 8–21. Однако в этой типологии является спорным квалификация континентальной модели в качестве «корпоративисткой». Как мы пытались показать, корпоративизм в качестве интеллектуального направления и политической практики в той или иной мере характерен для большинства европейских государств XX века и наших дней.

виться с ней». Но именно этого и много другого в России тех лет не было. Масштаб личностей и интеллекта руководителей страны не соответствовал масштабу стоящих задач, и вскоре РФ фактически оказалась под внешним управлением. Считается, что план МВФ в отношении России был похожим на план Маршалла: Запад требовал рыночных реформ, под проведение которых Россия с 1992 года активно привлекала внешние займы, общий объем которых составил более 60 млрд долл. Но эффективность их использования была крайне низкой, а реформы «младореформаторов» и их последователей лишь внешне походили на реформы Эрхарда. Реформы Эрхарда тоже освободили цены, но ограничили денежную массу, полностью поборов инфляцию, создав в дальнейшем наиболее благоприятные условия для развития промышленности и роста денежных доходов населения. Реформы Гайдара, наоборот, раскрутили инфляционную спираль, уничтожив народные сбережения. Если Эрхард нашел возможность существенного снижения налогов, стимулируя инвестиции в обновление и развитие производства, то правительство Гайдара сразу же увеличило НДС, а средства на содержание бюрократического аппарата всех уровней власти и сам аппарат продолжали расти из года в год.

Единственным светлым пятном на этом мрачном фоне стала Конституция РФ 1993 года, седьмая статья которой объявила Россию социальным государством. Но от конституционных деклараций до практического воплощения дело в подавляющем большинстве случаев так и не дошло. Это подтвердило состоявшееся в 1995–1998 годах международное исследование «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток – Запад. 1995–1998» («Restructuring the Welfare State: East and West compared»), целью которого было сопоставление процессов перестройки социальной политики в России, Польше, Дании, Франции и Великобритании с акцентом на проблемах занятости. Российской частью проекта «Социальная политика и политика занятости в России. 1995–1998» руководил О. И. Шкаратан. «В ходе исследования, — отмечает участник проекта Т. И. Сидорина, — мы пришли к выводу, что при выборе направления реформ в социальной сфере определяющими были два фактора: инерция социальной политики советского времени и неправомерная переоценка возможности приложения в российских условиях западных моделей социальной политики»[459]. Федеральное

[459] *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 360.

правительство настаивало на проведении социальной политики неолиберального типа. Но в итоге не удалось сформировать даже социальное государство социал-демократического (неокорпоративистского) образца: Торгово-промышленная палата, Союз промышленников и предпринимателей, другие организованные ассоциации бизнеса, с одной стороны, и профсоюзы разного масштаба не находили общего языка, а слабое государство не хотело и не могло согласовать их интересы. И это объяснимо. В условиях повсеместной коррупции, срастания криминала с бизнесом и «дикого» олигархического капитализма государство могло лишь сохранять патерналисткую модель социальной политики, сформированную еще в Советском Союзе. И это было спасением от вполне реальных социальных катаклизмов асимметричной Российской Федерации, которая даже теперь не застрахована от распада под влиянием многих внешних и внутренних факторов.

Современной России необходимо переходить к новой модели развития, способной обеспечить через системную модернизацию вхождение нашего общества в новую — постиндустриальную — историческую эпоху. На современном этапе глобализации человечества в условиях эволюции к информационному обществу и новых больших вызовов, защищающая функция государства становится недостаточной как таковая. В среднесрочной перспективе России *необходимо социально сильное и развитое государство всеобщего благосостояния*.

ГЛАВА 4

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

4.1. ДИСКУССИИ О СУДЬБЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Теоретический дискурс о судьбе национального государства в условиях глобализации выстраивается по принципу «оптимисты» – «пессимисты». Первые считают, что традиционные формы общежития не исчерпали свой исторический ресурс и связывают грядущие трансформации системы международных отношений с развитием государственных институтов, выработкой государствами «второго» мира новых геополитических стратегий и установлением принципов глобальной этики. Вторые, напротив, считают государство историческим анахронизмом, мешающим человечеству двигаться по пути прогресса. Есть и «промежуточные», более взвешенные, на наш взгляд, точки зрения. Рассмотрим подробнее аргументы сторонников и противников национального государства, обращая внимание на то, что вопрос о судьбах национального государства в эпоху современной глобализации представляет собой не только академический, но прежде всего политико-идеологический интерес. Этим, в частности, объясняется, что противники национального государства принадлежат, как правило, к лагерю неолибералов.

Прежде всего представители неолиберального подхода (П. Дракер, К. Омаэ, Дж. Сорос, Р. Райх и др.) выступают против сохранения суверенитета национального государства в его нынешнем виде и намечают

для государств перспективу стать местными органами власти глобальной системы. П. Дракер, например, считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. По его мнению, национальное государство — это отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального. В котором формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе[460].

По мнению Дж. Сороса, доктрина суверенитета препятствует созданию эффективного международного механизма, способного не допускать падения уровня жизни и загрязнения окружающей среды. При этом Сорос совершенно произвольно изымает суверенитет из набора основных принципов классического либерализма, что явно противоречит историческим фактам[461]. Высказывания Сороса насчет того, что можно свободно взламывать национально-государственный суверенитет, исходя из тех или иных глобализационных соображений, получили в литературе название «доктрина Сороса».

Солидаризуясь с ней, К. Омаэ прямо прокламирует «конец национального государства» и называет приверженность ему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями»[462]. По его мнению, нужно ослаблять национальные государства, поскольку они мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен стать суверенитет потребителя. Государства мешают транснациональным корпорациям удовлетворять потребителей, у которых сформирована глобальная система предпочтений. Омаэ считает необходимым разрушение архаических национальных чувств, то есть социокультурных уз, которые мешают «подсесть» на потребление все новых и новых товаров, производимых ТНК, а государство с его поддержкой национальной культуры как раз является гарантом поддержания национальной

[460] *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 67–101. В отечественной литературе аналогичного мнения еще не так давно придерживался П. Г. Щедровицкий. Он убежден, что «национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества», которое будет формироваться на основе некоего «постнационального государства», и которое автор считает оптимальным и для России. (*Щедровицкий П. Г.* Бунт капиталов // Эксперт. 2000. № 23. С. 47).

[461] См.: Джордж Сорос о глобализации. М., 2005.

[462] Первая глава его книги так и называется «Картографические иллюзии». См.: *Омаэ К.* Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. М., 2004, Ч. I. С. 211–220.

культурной среды. Как известно, важнейшей частью продукции ТНК, продвигаемой по всему миру, являются информационные технологии, осуществляющие манипуляции сознанием: компьютерные игры целенаправленно формируют привычку к пребыванию в фантастической реальности, в которой все возможно и можно задать любые системы условий.

Омаэ приветствует подобную виртуализацию сознания и то, что она приводит к выключению молодежи из потока социокультурной трансляции национального опыта предыдущих поколений. Однако глобальных потребителей в мире не так много, и в неолиберальных построениях Омаэ содержится поэтому изрядная доля утопизма. Правда, утопизм сразу исчезает, когда у Омаэ заходит речь о том, что государство «должно». Оно должно создавать удобную инфраструктуру и готовить работников для ТНК, которые, возможно, заинтересуются инвестиционными предложениями. Омаэ, естественно, признает, что средства на это государство должно извлекать из налогов на ТНК. Но, как известно, ТНК нацелены именно на уклонение от налогов, особенно в странах с развитым социальным сектором. Неолибералы любят бросать государственной системе обвинения в потворстве иждивенчеству, но для ТНК это характерно в большей степени.

Г. Киссинджер считает позитивным как то, что глобализация подрывает основы суверенитета национального государства вследствие беспрецедентной ликвидности глобального капитала, так и то, что это не касается главного «проводника» глобализации — Соединённых Штатов. Важнейшим аргументом здесь оказывается то, сформировало ли государство нацию, или является «несостоявшимся». «Несостоявшееся» государство — потенциальный объект «гуманитарной интервенции» для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства. Вместе с тем Киссинджер осознает противоречие между безудержным стремлением капитала к прибыли и национально-государственной стратификацией политической реальности мира. Разделение на национальные сегменты — важнейшая характеристика политической реальности, что в свою очередь предопределяет ответственность правительств перед своим населением за уровень жизни. Правительство, идущее на низкий уровень жизни населения ради включения в глобальную экономику, не сможет удержаться у власти. Это еще один источник возможной нестабильности государств[463].

[463] См.: *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 6, 235, 242.

Неолиберал Р. Райх обосновывает тезис об исчезновении в глобальной экономике такой реальности, как «национальное хозяйство», что обессмысливает самостоятельную экономическую политику национального государства. В книге «Труд наций» Райх ярко и аргументированно обосновывает тот факт, что в глобальных производственных системах любой их сегмент не имеет национально-государственной принадлежности и не подконтролен регулирующим усилиям государств, на чьей территории он находится[464]. Однако Райх, пожалуй, преувеличивает роль сетевых структур, услуг, знаний и малых форм в современной экономике, которая продолжает оставаться корпоративной, но, как и прежде, во многом решает свои проблемы через те или иные государственные органы. Другое дело, что в новой экономике корпорациям стало удобнее выводить свои прибыли из-под государственного контроля, декларируя их в любой точке глобального потока, и прежде всего — в оффшорах. Собственно, такой же позиции, хотя и по другим основаниям, связанным с бесперспективностью корпоративизма, придерживается и М. Кревельд: мировая система, пишет он, «движется от собрания отдельных, территориально целостных, суверенных, юридически равных государств к иным, более иерархичным и во многих отношениях более сложным структурам. Что касается отдельных государств, есть весомые причины считать, что многие из них скоро либо не захотят, либо не смогут контролировать и охранять политическую, военную, экономическую, социальную и культурную жизнь своих граждан в той степени, в которой это осуществлялось до сих пор»[465].

В отечественной литературе критическую позицию по отношению к суверенитету национального государства занимают авторы неолиберальной ориентации В. Л. Иноземцев и С. А. Караганов. Они считают, что принцип национального суверенитета устарел, более того: его краткосрочное либо продолжительное ограничение будет способствовать преодолению экономических кризисов и финансовых катаклизмов[466]. В свою очередь, П. К. Гречко также уверен, что «национальный суверенитет отмирает», поскольку «исчерпал, выработал свой социально-исторический и политико-правовой ресурс»[467].

---

[464] *Райх Р.* Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 506–527.
[465] *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 6.
[466] *Иноземцев В. Л., Караганов С. А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 9, 15.
[467] *Гречко П. К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. М., 2005. *С.* 41.

Насколько справедливы пессимистические оценки, согласно которым доминирование в мировой экономике ТНК и усиление процессов глобализации «ведёт к постепенному размыванию и исчезновению понятия национального суверенитета как такового»?[468] Существует мнение, что государство как институт — противник глобализации, и мера успеха глобализации связана с преодолением этого сопротивления. М. Уотерс называет государство «последним бастионом» противоборства глобализации, поскольку стремится сохранить свой суверенитет[469]. Такое противопоставление, конечно, слишком абстрактно. Государство не является чем-то внешним глобализации, а встроено в глобализационные процессы. Если не сводить глобализацию лишь к движению спекулятивного капитала, будет ясно, что государство само на протяжении веков было движителем интеграционных процессов и продолжает оставаться им и сегодня. Резкая оппозиция глобализации и государства связана с педалированием темы дерегулирования, свойственным неолиберализму. Как отмечает Н. Лазарус, неолибералам сама глобализация представляется как побочный эффект политики дерегулирования, направленной на снижение социальных издержек в пределах национальных сообществ[470]. Дерегулирование, приватизация, либерализация, открытость и эффективность — эти принципы неолиберальной политики были изначально конфронтационны, а в качестве «образа врага» было избрано государство. Так что противостояние глобализационных процессов и государства существует скорее в сфере идеологической борьбы, на деле же имеет место противоречивое взаимодействие.

Государство продолжает оставаться основным инструментом любой экономической политики в целом, реструктуризации, проводится ли она неолибералами либо же социал-демократами. Эта точка зрения распространена в литературе. М. Интрилигатор пишет, что «национальное государство пока удерживает за собой традиционно доминирующую роль в мировой экономической и политической системе», аргументируя это тем, что конкурентные войны по-прежнему ведутся не между корпорациями и государством, а между самими корпорациями[471]. Во всяком случае, государство по-прежнему выполняет функцию гаранта

[468] Практика глобализации. М., 2000. С. 141.
[469] *Waters M.* Globalization. London; New York: Routledge, 1996. XIV. P. 122.
[470] *Lasarus N.* Charting globalization // Race & class. L., 1998/1999. Vol. 40, N. 2/3. P. 93.
[471] *Интрилигатор М.* Глобализация мировой экономики: возможные выгоды, издержки и баланс // Транснациональные процессы XXI век. М., 2004. С. 122.

соблюдения правил взаимодействия на рынке. Но ослабление функций социальной защиты в отдельных странах не могло не породить определенного разочарования в «государстве всеобщего благосостояния». Однако причины, по которым социальное государство утрачивает свою роль представителя интересов большинства населения, заключены не только в нем самом, но и в тех сдвигах, которые произошли в социальной структуре общества. Здесь, разумеется, возникает противоречие, и подъем антиглобалистского движения как раз вызван попыткой поиска новых форм социального регулирования вне государства. Это действительно серьезная проблема — ведь сила государства именно в доверии граждан и способности выражать их интересы.

Не государство ослабло, а условия его существования изменились. Глобальные формы существования капитала неявно изымают в свою пользу некоторые властные ресурсы, бывшие под контролем национальных государств. М. Г. Делягин удачно обозначил эту проблемную ситуацию выражением «среда обитания»[472]. «Среда обитания государства» формируется под воздействием стихийных наднациональных процессов, включающих и неустойчивый метаболизм мировых рынков, и повсеместное распространение новых информационных технологий. Образно говоря, изменился климат, «среду обитания» государства «заштормило», и ему приходится вырабатывать новые защитные механизмы от непогоды. Полномочия национальных государств испытывают давление и снизу (приватизация социальной сферы и рост организованной преступности), и сверху (воздействие транснациональных структур).

Суть современной проблемной ситуации точно сформулировал Л. К. Туроу, назвав ослабление национального государства наиболее уязвимым местом[473]. Переход от местной (локальной) экономики к национальной происходил под воздействием сильного государства, а в условиях перехода к глобальной экономике мировые финансовые структуры выполнить эту роль не способны. В этом и заключена основная проблема, сколько бы ни говорили об устарелости национальных государств.

---

[472] *Делягин М. Г.* Глобализация, мировой кризис и «закрывающие технологии» // Трансформационный процессы: XXI век. М., 2004. С. 30. *Делягин М. Г.* Конец эпохи. Т. 2 Специальная теория глобализации. М., 2019.

[473] Подробне см. Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999; Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч. 2.

Особую позицию занимают представители так называемого трансформистского подхода, для которых глобализация является совсем новым феноменом. С их точки зрения, она представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Одной из отличительных черт сегодняшнего мира, по их мнению, оказывается адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы. Как пишет Э. Гидденс, вследствие того, что современные государства теснейшим образом связаны с региональными и транснациональными политическими и экономическими группировками и корпорациями, границы современных государств теряют статус жестких демаркационных линий. Скорее, их можно сравнить с «фронтирами», отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций[474]. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, в том числе и государства[475].

Можно даже усилить этот тезис и заявить, что в современных условиях национальные государства не только не утратили свой политический потенциал, но и обрели в условиях современной глобализации «второе дыхание»[476], новые весьма значимые функции, о которых будет сказано позже. Одновременно нельзя отрицать и «давление» экономических и политических транснациональных институтов на национальные государства, неспособность последних выработать устойчивую политическую структуру современного мира. Недостатки планетарной политической архитектуры, ее неустойчивость и непредсказуемость, выражающаяся прежде всего в постоянных локальных войнах, побуждают исследователей к радикальному пересмотру принципов современного политического устройства мира. Итогом этого пересмотра оказываются политические проекты грядущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континенталь-

[474] *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002, № 6. С. 436.

[475] Другие сторонники данного подхода считают, что на современном этапе власть следует понимать «только как отношения сотрудничества между правительством государства и властью международных организаций» (*Лакашук И. И.* Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001, № 4. С. 66).

[476] *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 92.

ных федераций» (А. Г. Дугин), «общества множеств — рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт), возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон, П. Гречко), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс) или «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван). Рассмотрим некоторые из этих проектов, обращая внимание на их сильные и слабые стороны. Поскольку проекты создания грядущего «сетевого общества», «мирового государства», «континентальных федераций», «общества множеств — рес-коммуны» и возглавляемой США «глобальной демократической империи» уже были нами рассмотрены в других работах[477], в центре внимания окажутся концепты формирования «глобального гражданского общества», «глобального гражданства» и «космополитического государства».

Предваряя последующий анализ, замечу: главным методологическим недостатком большинства политических проекций будущего мироустройства являются редукция длительного всемирно-исторического процесса глобализации лишь к одному из многих ее этапов — организованной по рецептам контролируемых США и другими «глобальными игроками» МВФ и ВТО современной неолиберальной глобализации, а этой, последней, — к какому-то одному (финансовому, экономическому, политическому, научно-техническому и др.) из многих ее сторон и аспектов. Возможность появления новых форм глобализации человечества не рассматривается. Поэтому большинство политических проектов будущего связывается с перспективами устранения негативных последствий современной глобализации на основе более последовательного использования (и навязывания!) западных ценностей всему остальному миру. Проекты «глобального гражданского общества», «глобального гражданства» и «космополитического государства» в этом ряду не исключение.

[477] См. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство в глобализирующемся мире. М.: Академия медиаиндустрии, 2014.

4.2. ПРОЕКТЫ ГРЯДУЩЕГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕЖДУ «НАЦИОНАЛЬНЫМ» И «КОСМОПОЛИТИЧЕСКИМ»

Приступая к анализу указанных концепций, следует сразу подчеркнуть общечеловеческую значимость ценностей прав человека, гражданских свобод и демократии, которые автор не думает брать под сомнение. Речь о другом: о реальных возможностях и ограничениях их тотального использования в современном мире, разделенном на множество культур, религий, наций и национальных государств. Уже к началу XX века обозначилось, а к его закату стало совершенно очевидным основное противоречие глобализации, связанное с неравномерностью ее осуществления в разных сферах общественной жизни: увеличивая финансовую, экономическую и политическую взаимосвязанность государств и народов, она не способствует выравниванию уровня их социального и экономического развития, формированию устойчивого мирового порядка, раз за разом наталкиваясь на социокультурное и политическое сопротивление многих народов и национальных государств, число которых вместе с сопутствующим их образованию и развитию «национализмом» неуклонно растет. Так же, как прежде, и национализм не имеющих государственности этносов и формирующихся наций остается источником большинства конфликтных ситуаций в современном мире, является вызовом неолиберальной глобализации, адекватным ответом на который, по мнению ряда исследователей, могут стать проекты грядущего «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс, Х. Булл, А. В. Бузгалин и др.), «космополитического государства» (У. Бек) или «глобального гражданства». К ним и обратимся, оттолкнувшись от тезиса ряда авторов о якобы «добровольном» отказе государств от части своего суверенитета в пользу наднациональных институтов управления, таких, например, как Евросоюз.

К сожалению, это наблюдение о «добровольном» отказе государств от части своего суверенитета в пользу наднациональных институтов нуждается в уточнениях. Большинство исследователей указывает на вынужденную утрату значительной части экономического и полити-

ческого суверенитета многими государствами «второго» и «третьего» эшелона развития под давлением США и ее союзников по G-7, МВФ и имеющих национальную прописку в этих странах ТНК. Часть этих государств готовы добровольно отдать свои суверенные полномочия, выстраиваясь в очередь на вступление в НАТО, Евросоюз и другие международные организации. Другие, как Украина, находятся под внешним управлением и уже утратили статус суверенного государства. Речь не о них и не о тотальном политическом и экономическом насилии, которое стало нормой международных отношений в последние годы. Речь о громадном диспаритете развития, благодаря которому в нынешнем миропорядке шансов догнать «коллективный Запад» (ведущие страны евроатлантической цивилизации — страны G-7) нет даже у государств «второго эшелона развития» — Китая, Индии, России, Бразилии и ряда других новых индустриальных стран (НИС). Эта точка зрения представлена в работах Д. Белла, Э. Гидденса, П. Дракера, С. Крука, С. Лэша, а в России — В. Л. Иноземцева, С. А. Караганова и ряда других авторов. Но, думаю, это спорное утверждение.

Более точным является наблюдение, согласно которому под воздействием финансово-экономической, политической и культурной глобализации, эрозии подвергается духовная скрепа наций и национальных государств — национальное самосознание образующих их народов, основой которого была и остается национальная идентичность каждого человека. Еще вначале нового тысячелетия лидеры многих европейских государств, не говоря о США, ратовали за расовое, этническое и культурное разнообразие. Однако многотысячные волны мигрантов с Ближнего Востока, Северной Африки и Афганистана, захлестнувшие Европу в 2014–2016 годах и быстро превратившие многие страны благополучного Старого Света в «Новый Вавилон», отрезвили расовых оптимистов. Многих смущает не только экономическая нагрузка на национальные европейские государства, вынужденные содержать десятки и сотни тысяч иммигрантов, сколько откровенное нежелание последних интегрироваться в новую конфессиональную, социальную, политическую и культурную среду. Они предпочитают жить общинами, сохраняя собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах.

Так из-за прозрачности границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств

инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в новую национальную культуру, почти повсеместно, отмечал Хантингтон, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным». Способна ли выстоять и сохраниться национальная идентичность большинства народов планеты под воздействием символического насилия современной евроатлантической формы глобализации? Или она будет утрачена и заменена политическими идентичностями иного и более высокого — «глобального», «общеевропейского», «конституционного» — порядка?

Некоторые склоняются к тому, что это не только можно, но и нужно сделать, предлагая проекты грядущего «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс и другие), «космополитического государства» (У. Бек), «мирового правительства» или «глобального гражданства». Кто прав?

Впервые упомянутая в трактате «О вечном мире» И. Канта идея глобального гражданства теперь вновь оказалась в центре внимания научной и философской мысли. М. Эван, к примеру, считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН[478]. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает Ю. М. Резник и М. В. Ильин. Последний утверждает, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Особенно активно эту идею поддерживает Юрген Хабермас. Если в работах большинства авторов идея глобального гражданства в лучшем случае остается политической декларацией, то в трудах Хабермаса она оказывается логическим выводом из его концепций «постнационального общества» и «конституционного патриотизма».

Следует отметить глубокое понимание Хабермасом сущности глобализации, исследуя которую он проводит прямую аналогию с эпохой становления национальных государств в Новое время. «Сегодня мы стоим перед аналогичным вызовом», — пишет Хабермас. Глобализация

[478] *Evan W. M.* Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. New York; London, 1997. Vol. 50. N. 8.

«лишь продолжает процесс, первым значительным примером которого стали интеграционные успехи национального государства», — утверждает он и предлагает «ориентироваться на образец как раз той исторической формы, которую мы собираемся преодолеть»[479]. Именно так — «преодолеть», пишет Хабермас. Но каким образом? Он не удовлетворяется «естественностью и неизбежностью» глобализации, как неолибералы. Он хочет ускорить процесс, доводя свою верную аналогию до крайних форм. Если «спрямить» его мысль, получается, что так же, как в Новое время, национализм перемолол локальные этнизмы, так теперь глобализация перемелет национализмы, и мы придем, как пишет Хабермас к «постнациональному обществу». Он, например, утверждает, будто «не только ФРГ, но и все европейские страны после второй мировой войны развивались так, что уровень национально-государственной интеграции утратил вес и значимость, и они движутся к постнациональным обществам»[480].

Хабермас совершенно точно раскрывает роль национализма в строительстве национального государства, связывая ее с установлением абстрагирующей тенденции общественной модернизации и идентификацией граждан через национальное сознание благодаря культурной принадлежности к нации. Однако теперь, считает он, «национальное государство должно отвергнуть тот амбивалентный потенциал, который некогда действовал в качестве движущей силы»[481]. Приходится констатировать, что Хабермас проявляет изрядную долю утопизма и сознательно отказывается от эффективного социокультурного интегратора во имя более толерантного, с его точки зрения, интегратора правового. Он утверждает, что «политическая культура той или иной страны кристаллизируется вокруг действующей конституции», а национальная культура всего лишь развивает ту или иную трактовку абстрактных и абсолютных принципов народного суверенитета и прав человека[482]. Но это не так. Национальная культура всегда строилась и строится вокруг «символов» нации, и развивала патриотизм и национализм как «свое иное».

Возможно, существование в течение нескольких десятилетий Конституции ФРГ и могло внушить такие иллюзии. Но они плохо

[479] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 199–200.
[480] *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005. С. 141.
[481] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 214.
[482] Там же. С. 215.

согласуются с рядом исторических событий противоположного свойства — запретом КПГ, «разборками» неонацистов с гастарбайтерами, неприязнью к новоприбывшим немцам из Восточной Европы и России и др. Но Хабермасу приятнее считать, что ФРГ ближе к «постнациональному самопониманию политического целого», благодаря ее неизменной Конституции. Правовое, являющееся выражением и оформлением экономического и социокультурного, рассматривается Хабермасом как определяющая реальность. Поэтому ему остается лишь недоумевать и сожалеть, что в результате неолиберальной политики «источники общественной солидарности иссякают, так что условия жизни стран бывшего Третьего мира распространяются на центры Первого», а «низший класс создаёт социальное напряжение, которое разряжается в бессмысленных разрушительных мятежах и может контролироваться только репрессивными средствами; исходящая из гетто отрава распространяется на инфраструктуру городских центров и даже регионов и проникает во все поры общества»[483]. Хабермас обеспокоен за «универсалистские основы республиканизма» и «статус среднего слоя» и винит в «восстании масс» неолибералов с их «постполитичностью» и атомарной анонимностью социума. Альтернативу неолиберальной политике Хабермас ищет вне рамок национального государства, считая связку территории, нации, национального хозяйства и национализма устаревшей в условиях глобализации.

Надежды Хабермас возлагает на «конституционный патриотизм», более того, объявляет его единственно возможной и современной формой патриотизма[484]. Этот патриотизм основывается «не на конкретной нации как целом, но на абстрактных процедурах и принципах»[485]. Абстрактные идеи демократии и прав человека представляются ему опорой более надежной, чем изменчивые национально-культурные традиции. Он надеется, что конституционное государство будет формировать постнациональную идентичность. В этом он видит противоядие от «отравы, выползающей из гетто». «Эта отрезвлённая политическая идентичность отделяется от фона прошлого, центрированного на национальной истории», «национальность, ставшая в определённой мере более диффузной, отделяется от государственной принадлежности и освобождает место для политической идентифика-

[483] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 222, 223.
[484] *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005. С. 140.
[485] Там же. С. 130.

ции с тем, что население в каждом конкретном случае считает важным сохранить в собственном государстве»[486].

Но в рецептах Хабермас резко удаляется от реальности, возлагая надежды на некую вненациональную всеобщую политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма»[487]. Он надеется на то, что «разумное политическое взаимопонимание в том числе и между чужими» сделает «излишним гарантируемый культурной однородностью фоновый консенсус»[488]. Демократический режим, по Хабермасу, может довольствоваться абстрактной солидарностью, и ему не обязательно прибегать к ментальной укоренённости в «нации»[489]. Так современный классик, руководствуясь исключительно благими намерениями придать национализму чисто гражданскую форму, на деле совершенно в духе нашего постмодернистского времени деконструирует единственную оставшуюся скрепу стабильности государства — обусловленную историей и жертвами национально-культурную идентичность во имя абстрактного конституционного патриотизма. И это при том, что сам Хабермас высказывается решительно против постмодернистских идей о «конце политики», столь чуждых ему, как представителю реформистской мысли.

Альтернатива «концу политики», по мнению Хабермаса, могла бы возникнуть «по мере создания наднациональных дееспособных акторов: примером может служить Европа»[490]. Он грезит о создании дееспособных международных институтов вместо МБ и МВФ и о решающей роли демократического общественного мнения. И ополчается против евроскептиков, стремящихся защитить «поблекшие добродетели национального государства» и императивно утверждает, что «граждане Европы (что обозначено только благодаря их общему паспорту) должны — невзирая на национальные границы — научиться взаимно признавать друг друга в качестве членов одной и той же государственно-политической системы. До сих пор ограничившаяся национальным государством гражданская солидарность должна распространиться на граждан Евросоюза»[491]. Благие пожелания. К сожалению, жизнь не

[486] *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005. С. 123.
[487] Там же. С. 290.
[488] Там же. С. 289.
[489] Там же. С. 293.
[490] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 223–224.
[491] *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005. С. 319, 322.

сводится к паспортам, конституциям и правовым нормам, а часто ломает и то, и другое, и третье. Поэтому считать сферу права устойчивой, это иллюзия, правда, весьма распространенная у теоретиков.

Другой вариант толерантного ответа на коллизию глобализации и национализма представлен концепцией «космополитического государства» Ульриха Бека. Бек также связывает перспективу со становлением надгосударственных структур единой Европы. Бек тоже считает, что путь приспособления к глобализации и взаимный диалог возможны лишь при элиминировании национального. Он также говорит о «западне национального». Он считает, «национальный» (термин также берется в кавычки) подход в мыслях и действиях народов и их правительств лишь разжигает взаимные столкновения, которыми пользуются глобализаторы для выбора экономически выгодных финансовых стратегий. Поэтому, по его мнению, национализм поддерживает и укрепляет транснациональную мощь корпораций[492]. Вместо «тупиковой» национальной привязки политики, ведущей к вражде, Бек предлагает использовать потенциал межгосударственного сотрудничества. «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма», и выход возможен лишь в ограничении независимости национальных правительств, создании транснациональных структур и пространства «объединённого суверенитета»[493]. Преодоление внутренних сложностей и обретение правительствами новых возможностей в «противостоянии народу и оппозиции» Бек видит в отказе от национальной независимости.

Надо признать, ход мысли Бека несколько циничен. Правители, элита могут купить расширение возможностей жесткого контроля за происходящим в стране за счет выхода из «западни национального», «утраты национальной независимости» и «преодолении националистического фанатизма»[494], то есть того, что еще как-то объединяло власть и народ в рамках национально-государственного целого. Ответом на вызовы глобализации Бек называет «космополитическое государство, основывающееся на индифферентности государства к признаку национальности и допускающее существование национальных идентичностей согласно закреплённому в конституции принципу толе-

[492] *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7. С. 3, 4.
[493] Там же. С. 5.
[494] Там же. С. 6, 7.

рантности»[495]. Таким образом, чтобы соответствовать глобализации, нужно во имя толерантности игнорировать национальное. Бек так прямо и пишет: «отделение государства от нации». Вот какое превращение претерпела идея нации за 200 лет. Во время Великой французской революции нация как единый народ граждан создавала демократическим путем государственные структуры, чтобы защищать интересы целого. Теперь же государственные структуры видят признак демократии в том, чтобы отделиться от своего первоисточника, быть свободным от суверена-народа.

Глобализация, по мнению Бека, делает общество космополитичным, что требует «преодолеть понимание уникальной, единообразной, территориально определённой национальной родины»[496]. Космополитическое государство будет опираться на «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры»[497]. Государственные структуры еще могут стать наднациональными, а вот идентичность и культура — маловероятно. Эти фантомы понадобились Беку, чтобы обосновать возможность «космополитического государства», которое должно носить «сугубо конституционный, то есть правовой» характер»[498]. Мы видим тот же ход мысли, что и у Хабермаса: искусственное противопоставление правового национальному, вывод о недемократичности и конфронтационности последнего и чисто формальное, абстрактное понимание права, игнорирование того, что оно само вырастает из национальной истории и оформляет ее в ходе становления национального государства, где борьба за нацию и за демократию совпадают. При таком взгляде, где идеологические предпочтения доминируют, не останавливаются даже на предпочтении «хорошего» гражданского национализма «плохому» этническому, а хотят ликвидировать национальную идентичность вместе с «опасной иллюзией национального государства» во имя иллюзорного «космополитического государства, где демократия и права человека ставятся выше автократии и национализма»[499]. «Обретение национальными государствами космополитического характера» Бек считает «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этни-

[495] *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7. С. 8.
[496] Там же.
[497] Там же.
[498] Там же. С. 9.
[499] Там же. С. 9.

ческому, религиозному и националистическому фундаментализму»[500]. Нет необходимости говорить о том, что полигоном «космополитического государства» для Бека выступает ЕС. И в отечественной литературе, правда, в значительно меньших масштабах, можно встретить схожие идеи. И. Кремер, например, утверждает: «Сомнительно, что национальной идеей непременно является национализм. Для новых поколений современных западных стран такой идеологией с 1960–1970-х годов стал европеизм, то есть нечто противоположное национализму»[501].

Не ставя под сомнение благородные устремления Хабермаса и Бека, позволю себе усомниться в эффективности их предложений. «Конституционный патриотизм» и «космополитическое государство» — из области благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит. В современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями — тем, что формирует его идентичность. Всякие попытки навязать ему идентичность сверху во имя толерантности обречены на провал. Э. Смит верно заметил: «Что касается пророчеств о глобальной культуре, то они не в состоянии учесть укоренённость культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти»[502]. Поэтому, с его точки зрения, неудивительно, что «культурные измерения проекта европейской интеграции окружает неразбериха, и что существуют различные модели окончательного объяснения „Европы“, многие из которых считают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами»[503].

Сославшись на остроумное замечание М. Гиберно о том, что «инженеры новой Европы должны будут рассмотреть „общеевропейские тенденции“ и разработать миф о происхождении, переписать историю, изобрести традиции, ритуалы и символы, которые создадут новую идентичность; но еще важнее то, что они должны будут найти общую цель, проект, способный мобилизовать энергию европейских граждан»[504], Смит исключительно логично констатирует: «Но это значит,

[500] *Бек Ульрих.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 342.
[501] *Кремер И.* Этнократия — новая угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 112.
[502] *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 356.
[503] Там же. С. 394.
[504] *Guibernau M.* Nationalisms. Cambridge, 1996. P. 114.

что придётся создать определённую форму национализма, поднимающую проблемы не только „нехватки демократии“, но и этнического и даже расового исключения иммигрантов, воздвигнуть внешние культурные (а также экономические) барьеры»[505]. Адепты наднационального и космополитического как лекарства от конфронтационности не только вынуждены будут в соответствии с логикой всемирно-исторического процесса глобализации (расширение – интеграция – идентичность) создавать новый национализм, но сам этот национализм будет нуждаться, да и сейчас уже нуждается в новом образе Чужого, врага — в лице иммигрантов, их потомков и пр. Последнее прекрасно наблюдается в европейской политической жизни. Эталоном, как всегда, служит Франция (деятельность Н. Саркази, Ле Пэн и др.).

Мы согласны с М. Спикером, который считает, что «ответом гражданского общества на политические вызовы глобализации не должна быть его трансформация в глобальное гражданское общество»[506]. Ведь гражданская солидарность предполагает в качестве основы наличие общей культуры, языка, эмоционального склада, формирование которых на глобальном уровне невозможно. Более того, под воздействием глобализации возможно усиление спонтанных процессов самоорганизации тех или иных национальных и этнических сообществ в качестве реакции на давление извне. В результате может происходить как усиление национального единства, так и, напротив — актуализация тех или иных исторических локалий в рамках государств-наций.

При благоприятных условиях возможно укрепление региональных основ гражданской солидарности, как, например, в рамках Европейского Союза, хотя еще очень далеко до образования сколько-нибудь единого гражданского общества. Более того, именно этот процесс стимулирует мотивы национальной обособленности, националистические партии стабильно получают свои проценты на выборах. Классические государства-нации формировались на основе более или менее сложившегося гражданского общества. То, что в Европе нет еще общеевропейского гражданского общества, то есть панъевропейской публичной сферы, которая бы обеспечивала реальный диалог различных интересов, признают даже активные сторонники «европейской

[505] *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 395.
[506] *Спикер М.* Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 305.

альтернативы»[507]. Поэтому ускоренное строительство панъевропейских политических институтов, не обеспеченное живым развитием гражданского общества, может привести лишь к излишней бюрократизации.

Пожалуй, наиболее весомым аргументом в пользу необходимости создания глобальных институтов управления является неконтролируемый рост биомедицинских и, шире, всех научных технологий, использование которых потенциально грозит человечеству катастрофическими последствиями. Так, летом и осенью 2018 года по обе стороны Атлантики прошли несколько конференций по проблемам хронополитики (борьбы за будущее), на которых выступили лидеры ведущих «фабрик мысли». Один из докладов сделал шведский философ, директор Института будущего человечества Оксфордского университета, автор нашумевшего бестселлера об искусственном интеллекте Ник Бостром. Он подробно рассказал сильным мира сего о своей «концепции черных шаров в уязвимом мире». По его мнению, на историю человечества можно взглянуть и таким способом: используя метафору процесса извлечения шаров из урны, подобно тому, как это происходит при жеребьевке чемпионатов мира. «Шары» представляют собой всевозможные идеи, технологии, институции, открытия и даже привычки. За время существования человечество извлекло очень много шаров, но среди них не было ни одного по-настоящему «черного шара», который содержал бы технологию, безальтернативно и по умолчанию, разрушающую цивилизацию, которая ее создала.

Причина того, что нам не попался настоящий черный шар, по мнению Бострома, ни в какой-то особой человеческой мудрости или осмотрительности сильных мира сего. По его мнению, нам пока просто везло: ни одна человеческая цивилизация не была разрушена до основания своими собственными изобретениями. А теперь это может случиться. И чтобы избежать вселенской катастрофы, Бостром предлагает реализовать *принцип дифференцированного научно-технологического торможения*.

«Надо прямо и честно сказать себе, — говорит Бостром, — что национальные государства — лидеры сегодняшнего мира — успешно ведут человечество к опустошению цивилизации. Они занимаются азартной конкурентной борьбой за овладение любой новой технологией, в том

[507] См.: Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехнического университета, 2017. С. 391.

числе той, которая помечена чёрным шаром»[508]. Поэтому внедрение принципа научно-технического торможения потребует создания «наднациональной разведывательной и контрразведывательно — карающей структуры, способной к ежедневным практическим действиям. Это должно стать своего рода глобальной научной инквизицией»[509]. Однако, в отличие от инквизиции, эта структура должна определять не научность или ненаучность тех или иных разработок, а их опасность для человечества.

Единственную альтернативу хаосу, который воцарился в настоящее время в мировом сообществе, Бостром видит в установлении жесткого глобального управления. Из-за дискредитации термина «мировое правительство» он не называет глобальное управление этим словом, а предпочитает использовать термин «специальный комитет». Функции специального комитета должны быть ограничены конкретной проблемой сдерживания научно-технологического прогресса. В этих рамках он должен иметь право в приказном порядке потребовать от любого правительства, включая правительство Соединённых Штатов, выполнить те или иные действия либо предоставить выполнение этих действий на территории страны особым силам спецкомитета. Таким образом, Бостром предлагает модель ограничения суверенитета всех стран мира в части технологического развития. Ни одна страна не может ссылаться на то, что она суверенна, а, соответственно, может на своей территории делать все, что ей заблагорассудится.

Несмотря на то что совокупность предложений Босторма, по сути, представляет собой современную версию Паноптикума Иеремии Бентама, они имеют рациональное зерно: не говоря уже об уровне ответственности действующих правительств, уже сейчас уровень сложности обществ, технических устройств, а также телекоммуникационных сетей заметно превысил уровень управления. Поэтому вероятность глобальной катастрофы крайне велика. «Несомненно, — полагают Е. Ларина и В. Овчинский, — эта концепция окажет влияние на выбор тех или иных решений в сфере хронополитики, как в Соединенных Штатах и Великобритании, так и, вероятно, в странах ЕС. Несомненно,

[508] *Ларина Елена, Овчинский Владимир*. Глобальная научная инквизиция Ника Бострома // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/provozhaya_2018_god_tehnologicheskij_armagedon_chyornie_shari_v_uyazvimom_obshestve_global_naya_nauchnaya_inkvizitciya_nika_bostroma (дата обращения: 08.02.2020).
[509] Там же.

её будет учитывать в своих практических действиях Китай и примет во внимание Япония»[510]. Но, учитывая рост противоречивости внутри международного сообщества последнего десятилетия, я бы не был излишне оптимистичен.

Полагать, что в обозримом будущем суверенная политика национальных государств будет вытеснена глобальными силами, — преждевременно. Любая попытка конструировать мировое правление в современных условиях, когда глобального и даже макрорегионального гражданского общества нет, обернется лишь антидемократическими перекосами. Куда как реалистичнее направлять усилия на взаимодействие региональных органов, национальных государств и международных организаций в решении тех или иных глобальных проблем.

В этом случае центральной становится проблема обеспечения диалога идентичностей: межкультурного, межнационального, глобального. Возможности такого диалога будут расширяться по мере перехода от распространенного ныне этоса эффективности (иерархии ценностей, задающей стиль мышления и жизни той или иной группы — этноса, нации и др.) к глобальному этосу, определяющему стиль мышления и общие правила поведения для представителей всех культур, конфессий и цивилизаций. Попыткой примирения этих двух этосов может считаться концепция К.-О. Апеля, в которой проводится идея дополнительности между справедливостью для всех и стремлением к обеспечению блага для собственного народа (этноса). Вместе с тем столь меркантильное понимание этоса вряд ли вызовет сочувствие среди представителей незападных культур, которые будут видеть в этом желание под флагом мультикультурализма сохранить доминирование Запада.

Безусловно, прав А. А. Гусейнов, когда пишет, что для глобализации человечества (в его терминологии — «становлении глобального мира») одного лишь диалога культур недостаточно. Предполагается, что глобализированный мир будет в культурном отношении разнообразным, но в своих общецивилизационных проявлениях — экономических, политических, административных, информационно-технологических и др. — он будет единым. Судя по всему, всемирно-исторический процесс глобализации человечества пока реализуется именно таким образом.

[510] *Ларина Елена, Овчинский Владимир.* Глобальная научная инквизиция Ника Бострома // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/provozhaya_2018_god_tehnologicheskij_armagedon_chyornie_shari_v_uyazvimom_obshestve_global_naya_nauchnaya_inkvizitciya_nika_bostroma (дата обращения: 08.02.2020).

Но для такого, чтобы интегрировать человечества в некую глобальную целостность, сохраняющую культурное многообразие, нужен именно глобальный этос — единая нравственная смысложизненная основа, присущая всем очень разным культурам и религиям. Для того чтобы его сформировать, необходимо выделить и включить в Кодекс глобального поведения (который не исчерпывается нормами международного права) ценности, реально признанные людьми самой разной этнокультурной и религиозной принадлежности. Желания некоторых держав Запада преобразовать все страны мира по евроатлантическим лекалам, навязывая свои ценности, приобретает подчас «дикий», насильственный характер «приобщения к демократии», объектом которого выступают так называемые «несостоявшиеся государства».

4.3. НОВЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Переходя к этому разделу, следует сделать несколько уточняющих замечаний, связанных главным образом с необходимостью развенчания господствующей многие годы иллюзией, согласно которой все имеющие политический суверенитет государства нашей планеты являются «национальными». Это ошибочное массовое представление, истоки которого следует искать в эпохе демонтажа колониальной системы, породившей надежды на беспрепятственное появление в Азии и Африке десятков новых «национальных государств», получило юридическое закрепление в названии и Уставе ООН. В действительности далеко не все государства современного мира являются «национальными»[511]. Поэтому обсуждение вопроса о новых функциях национальных государств в современном мире напрямую зависит от решения другого вопроса: какие государства являются действительно «национальными», а какие — «несостоявшимися» национальными государствами. Посему вновь вернемся в колониальное прошлое.

Как уже отмечалось, колонизация многочисленных народов Азии, Африки и Америки объективно приобщала их к производственным, технико-технологическим и культурным ценностям европейцев, и в

[511] То есть, напомним, представляют собой единство «нации» и «современного государства».

этом смысле — включала их в глобальный контекст развития европейской — индустриальной — цивилизации. Но последствия этого процесса для появившихся после Второй мировой войны на политической карте мира под напором национально-освободительных движений новых национальных государств Азии, Африки и Латинской Америки были разными.

Следует признать, что нарастание неравенства между «центром» и «периферией» было предопределено с самого момента обретения независимости бывшими европейскими колониями. Политическая организация возникших суверенных «национальных государств» часто копировала черты европейской. Но в большинстве этих новых стран не существовало ни «наций» (в социокультурном и политическом смыслах этого термина), ни предпосылок для развития демократии. Произвольно проведенные европейцами границы сделали гражданами новых государств людей, принадлежавших к разным племенам, лингвистическим группам, религиям и историческим традициям. Этнические, языковые, религиозные и культурные различия создавали стабильные большинство и меньшинство, которые всегда находились в неравном положении. В итоге демократия, даже если она и декларировалась, быстро превращалась в инструмент доминирования одной части общества над другой. Насилие и диктатура стали привычными чертами периферийных сообществ.

Экономическая стратегия новых независимых стран также была в чем-то похожа на европейскую, но и она оказалась тупиковой. «Освободившиеся государства, как в прошлом страны „центра“, — отмечает В. Иноземцев, — инициировали ускоренное развитие национальной промышленности, но в последней трети XX века индустриализм перестал быть парадигмой развитого мира. Страны „периферии“, следуя впечатляющему опыту западных экономик, попытались использовать преимущества узкой специализации, однако и это было ошибочным в условиях, когда „центр“ перешел к стратегии самообеспечения практически по всем позициям, исключая лишь редкие виды природных ресурсов. Таким образом, *безвыходность ситуации порождалась неспособностью „развивающихся“ стран применить полезные западные рецепты в политической сфере и усугублялась их приверженностью давно устаревшей западной экономической стратегии*»[512].

[512] *Иноземцев В.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль. 2003. № 11. С. 4–5.

Этой давно устаревшей экономической стратегией была стратегия индустриализма. Но, как показывает практика последних сорока лет, многие бывшие, главным образом африканские, колонии оказались не способны к принятию индустриальной парадигмы и остаются либо в полном смысле слова аграрными, либо допускающими доминирование аграрного сектора, что сопряжено, как правило, с авторитарными методами правления, крайне низким уровнем жизни населения и вопиющим имущественно-социальным расслоением.

На этом основании и с учетом внутренней неустойчивости развивающихся стран многие отечественные и зарубежные исследователи пессимистически оценивают их перспективы. По мнению О. де Риверо, развивающиеся страны следует квалифицировать как «квазигосударства», поскольку становление государств в этих регионах предшествовало образованию наций[513]. Между тем известно, что страны Европы, которые в данном случае берутся за эталон, шли разными путями: в одних из них образование государства предшествовало созданию нации, в других наоборот. Так что характер последовательности в этом случае не может считаться аргументом. Но то, что постколониальные страны не являются полноценными нациями-государствами, очевидно. Поскольку в этих странах идет борьба между отдельными народностями за власть, Р. Харви называет их «псевдоимпериями». И предлагает «западной цивилизации», которую почему-то считает единой, установить контроль над мировой Периферией, так как «третий мир» не имеет шансов самостоятельно преодолеть свои проблемы[514]. Такого же мнения придерживаются В. Л. Иноземцев и С. А. Караганов, считающие необходимым осуществить реколонизацию «несостоявшихся государств». Сохраняя урезанный политический суверенитет, они должны поступиться свои экономическим суверенитетом в пользу стран Центра, поскольку являются «источниками большинства нынешних глобальных проблем: политических, социальных, экономических, экологических»[515].

О том, что эти проблемы в значительной степени были инициированы прежней колониальной политикой и нынешней неолиберальной глобализацией, предпочитают не вспоминать. Но шансов «на равных»

[513] *Rivero O. de.* The Myth of Development. London; New York, 2001. P. 23, 25.
[514] *Harvey R.* Global Disorder. L., 2003. P. 302, 359.
[515] *Иноземцев В. Л., Караганов С. А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 10.

войти в глобализационный процесс у государств мировой периферии, в пределах которой так и не сложились ни нации, ни современные политические институты, действительно нет[516]. У национальных государств «полупериферии» (индустриальных стран) их значительно больше[517]. А собственно национальные государства Центра, перейдя в постиндустриальную фазу развития, остаются важнейшими субъектами глобализации.

События всемирного финансово-экономического кризиса-2008 подтвердили это вполне убедительно: единственным эффективным стабилизатором экономического развития, как и прежде, остаются национальные государства. Государства, которые в условиях неолиберальной глобализации не только не утратили своей политической и экономической мощи, но и обрели новые функции. Какие же?

Прежде всего, по мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков не являлось следствием естественной экономической необходимости, а было политическим[518]. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Вообще феномен США активно обсуждается в литературе в связи с проблемой будущего национального государства в условиях глобализации. Наиболее распространенным является мнение, что США представляют собой исключение, подтверждающее правило: глобализация в целом ослабляет национальные государства, но одно из них становится ее рычагом. М. Г. Делягин видит причину роста мощи США в избранной ими стратегии выращивания и концентрации на своей территории глобальных ТНК[519]. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажируются в США, решающая часть виртуальной экономики базируется в США[520]. Вследствие этого глобализация оказывается способом национального развития. Борьба с США как со страной означает борьбу с находящимися в симбиозе с государственными структурами США транснациональными структурами.

---

[516] Подробнее см. *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999. С. 403– 434.
[517] См.: *Салицкий А.* Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 15–19.
[518] *Navarro V.* Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. j. of health services, 1998. Vol. 28. N. 4. P. 671.
[519] Практика глобализации. М., 2000. С. 138.
[520] Многоликая глобализация. М., 2004. С. 370.

Во-вторых, глобализация осуществляется не помимо, а посредством государственных институтов. Государственный аппарат большинства стран активно сотрудничает с транснациональными финансовыми структурами и корпорациями[521]. Именно государства гарантируют существование монополий — важнейшего источника накопления капитала. Легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне все равно нет. Они вносят некоторую упорядоченность в довольно хаотическую глобальную экономику. Глобальная экономика, будучи в значительной степени виртуальной, по определению нестабильна. Государства же способны ее стабилизировать в той мере, в какой она связана с производствами, так или иначе находящимися в поле государственного контроля. Р. Кокс вообще называет государства «приводными ремнями» глобального хозяйства[522].

В-третьих, неолиберальная глобализация разрушает национально-культурное своеобразие и социальную ответственность государства, но поддерживает его репрессивные механизмы. Наиболее отчетливо данную позицию выразил команданте Маркос. С непосредственностью крестьянского вождя он пишет, что «государство оставило при себе лишь последнюю, необходимейшую функцию — функцию подавления. В условиях, когда его материальная база разрушена, суверенитет и независимость аннулированы, а политическое лицо стёрто, национальное государство превращается просто в службу безопасности при мегакорпорациях. Вместо того чтобы направлять государственные средства на социальные нужды, оно тратит их на бесконечное совершенствование своего аппарата подавления, позволяющего ему более эффективно контролировать общество»[523].

Еще одной функцией, сохраняющейся за государством, по мнению И. Валерстайна, является предотвращение возможности стран Периферии вмешиваться в ход мирохозяйственных трансакций. «Государство всё ещё остаётся значимым, прежде всего для предпринимателей», — пишет И. Валлерстайн. Он обращает внимание на то, что лишь государства смогут взять на себя издержки предпринимателей[524], которые могут возникнуть вследствие долгосрочной тенденции

[521] *McMichael Ph.* Globalization: Myths and realities // Rural sociology. New York, 1996. Vol., N. 1.
[522] *Cox R. W.* Global «perestroika» // Approaches to word order / Ed. by Cox R. E. with Sinclair T. J. Cambridge, 1996.
[523] *Маркос.* Четвёртая мировая война началась // Альтернативы. 1998. № 4. С. 11.
[524] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 88, 89, 91, 103, 104.

к понижению нормы прибыли. А антиглобалисты говорят о том, что в ходе глобализации происходит реорганизация государств, в результате которой «целые страны входят на правах отделов в неолиберальное мега-предприятие»[525].

Утрата государствами мощи и суверенитета не в интересах глобального бизнеса, успехи которого во многих случаях зависят от вмешательства государства. Для достижения своих целей ТНК нуждаются в содействии политиков и правительств. Именно эти вопросы вызывают необходимость в согласованиях, ради которых проводятся встречи, подобные Давоскому форуму.

Кроме того, можно говорить о функциях государства, специфических именно для глобализующейся экономики. Прежде всего это касается технологических и патентных приоритетов. Администрация США, например, четко обозначила позицию защиты своих ТНК, отказавшись подписать Конвенцию по биологическому разнообразию в Рио-де-Жанейро и Киотский протокол. Государства сохраняют возможности регулировать пределы колебания обменных курсов валют. Правительства продолжают субсидировать НИОКР, что, как правило, бывает на руку ТНК. Известно, что именно благодаря государственному финансированию был разработан Интернет. Информационные технологии требуют огромных инвестиций, и здесь государственные вложения далеко не лишние. Кроме того, прибыльность частных инвестиций в развитие новых информационных технологий определяется возможностью монополизировать рынок вследствие защиты государством патентов.

ТНК развиваются, используя на внешних рынках благоприятные местные ситуации, которые сами же и создают с помощью государств[526]. Управлять рынками посредством правительств удобнее. Развивающиеся страны не имеют реальных возможностей выбора во взаимоотношениях с ТНК, преимущество последних состоит как раз в наличии этого выбора. Одновременно активность ТНК приводит к укреплению «своих», то есть — ведущих мировых держав[527]. Происходит это на основах взаимности. Попытки развивающихся стран в 1970-е гг. разработать в рамках ООН «нормы поведения» для ТНК провалились из-за противодействия стран ОЭСР.

---

[525] *Бенсаид Д.* Разбитое зеркало неолиберализма // Альтернативы. 1998. № 4. С. 20.
[526] *Perrot E.* Penser la mondialisation // Recherches de science religieuse. P., 1998. Vol. 86. N. 1. P. 23.
[527] *Rugman A.* The End of Globalization. L., 2000. P. 219.

Эффективными методами помощи корпорациям со стороны ведущих государств являются применение принципов свободы торговли к одним странам и экономической блокады к другим, «гуманитарная помощь», навязывание вестернизированных культурных стандартов, приемы управления миграцией рабочей силы. Важной формой сотрудничества ведущих государств и ТНК является «военное кейнсианство». Дестабилизация обстановки в богатых ресурсами развивающихся странах требует военного вмешательства, обеспечение которого становится стабильным источником поддержки высокотехнологичных производств. Возможность с помощью военной силы «своих» государств контролировать те или иные страны оборачивается для ТНК выгодными контрактами и преференциями. Так ТНК помогают «родным» государствам в развертывании гегемонии. Глобальный финансовый рынок вопреки идеологемам неолиберализма не является царством безгосударственной свободы и не работает эффективно без применения ведущими державами военной и прочей силы, обеспечивающей как статус-кво, так и преимущества сильных в конкурентной борьбе.

Есть еще один аспект — не новый, но важный, касающийся компенсации непроизводственных издержек корпораций. Речь может идти о различных издержках: социальных, культурных, экологических. Эта практика ТНК перекладывать свои трудности и проблемы на государство, конкурентов, окружающую природную среду получила название экстернализации[528]. Возможности экстернализации растут в условиях глобализации по мере расщепления национальных хозяйственных комплексов. Под наибольшим ударом оказывается экологическая обстановка, и практика экстернализации закономерно вызывает появление и обострение глобальных проблем.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: транснациональные корпорации не хотят тратиться на развитие необходимой им социальной инфраструктуры. Государство берет эту функцию на себя. Об этом не следует забывать. Идеологи неолиберализма в своих построениях предпочитают игнорировать это обстоятельство. А оно носит принципиальный характер. Корпорации чувствуют себя настолько уверенно, что убеждены в своем праве получать все, что государство может им предоставить. Авторы книги «Многоликая глобализация» приводят высказывание руководителя отдела по связям с общественностью одной

[528] *Коллонтай В.* Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 35.

из ТНК: «Я думаю, страны начинают осознавать, что если они хотят быть участниками глобальной экономики, то они должны создать у себя инфраструктуру и рынки»[529]. Принимая на себя издержки по созданию и подержанию инфраструктуры, государство фактически вынуждает всех налогоплательщиков возмещать убытки корпораций. Таким образом срабатывает современный анонимный механизм перераспределения в пользу сильных. Нельзя сказать, чтобы его работа способствовала укреплению социальной стабильности. Политика «жесткой экономии» и сокращения бюджетного дефицита не только добивает остатки «государства всеобщего благосостояния», но и способствует замедлению темпов экономического роста и снижению занятости.

И, наконец, государственные органы незаменимы для глобального финансового рынка и ТНК в том, что касается борьбы с инфляцией, снижения издержек производства: социальных гарантий, стоимости рабочей силы, а также повышения ее гибкости и в меньшей степени мобильности. Снижение социальных расходов все больше становится для развитых стран формой поддержки своего производителя в конкурентной борьбе с развивающимися странами. Повсеместное продавливание транснациональными финансовыми структурами мер торговой либерализации под флагом борьбы с демпинговыми ценами производителей из развивающихся стран на деле подкреплено мерами «нового протекционизма»[530], носящего неявный характер. Помощь «своим» компаниям разнообразна и осуществляется через проведение государственной политики в области НИОКР, реализацию программ расширения экспорта и другими способами. Так что и в условиях неолиберальной версии глобализации государство все так же необходимо транснациональным монополиям, поскольку государственные гарантии прав собственности необходимы для поддержания монополизации рынков, приносящей значительные материальные выгоды за счет экспонентального накопления капитала, поскольку мощное государство может воспрепятствовать более слабому создавать защитные барьеры для ТНК, поскольку государство принимает на себя бремя расходов в случае экономических трудностей ТНК, к примеру, может национализировать убыточное производство, реанимировать за счет национальных средств и реприватизировать хозяевам по сходной цене.

[529] Многоликая глобализация. М., 2004. С. 368.
[530] *Marshall D.* Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31. N 2. P. 203.

Таким образом, национальное государство продолжает оставаться важнейшим фактором развития современной глобальной экономики и политики. Но его роль, в зависимости от типа и «качества» государства, принимаемой правительством стратегии развития и социальной политики, может быть разной. Ослабленные государства, по мнению З. Баумана, низводятся до уровня местных полицейских участков глобальной системы. Содержание в этом качестве слабых государств выгоднее, чем создание каких-то глобальных структур с законодательными и полицейскими полномочиями. Сходные идеи развивают Р. Бербах и У. Робинсон, которые считают определяющей чертой современной глобализации вытеснение национального государства как организационного принципа капитализма и замена его транснациональными институтами[531]. По их мнению, многие государства ослабли, превратившись лишь в конторы по реструктуризации, не берущие на себя никакой ответственности перед трудящимися и населением в целом.

Действительно, в результате инициированных группой стран G-7 глобализационных процессов с организованным рабочим движением практически перестали считаться. Классическая социал-демократия переживает крах не столь заметный как у коммунистов, но более глубинный и серьезный. Из-под нее выбита опора — профсоюзы. Глобальных инвесторов больше не интересует «подкуп» рабочей аристократии у себя дома, как не интересует их в прежней степени реальный сектор производства. Прибыли в значительно больших масштабах могут извлекаться в виртуальном секторе и за счет дешевой рабочей силы стран «третьего мира». Но все это касается поражения проекта «государства всеобщего благосостояния». Само же национальное государство остается. Оно по определению есть инструмент выражения существующих в обществе интересов. Поэтому оно может обеспечивать ТНК перекладывание издержек на плечи трудящихся и вытаскивание кампаний из ям кризисов, но может защищать национального производителя и национальную культуру.

Правда, невзирая на мировой кризис и пользуясь неолиберальными рецептами, многие национальные правительства стран мировой «полупериферии» предпринимают традиционные меры для обеспечения инвестиционной привлекательности за счет привлечения порт-

[531] *Burbach R., Robinson W. I.* The fin de siecle debate: globalization as epochal shift // Science & society. New York, 1999. Vol. 63. N. 1. P. 31.

фельных инвестиций. Но парадоксальным образом в среднесрочной перспективе эти меры усугубляют существующие экономические трудности внутри этих стран (невозможность создания новых рабочих мест в реальном секторе экономики, снижение покупательной способности населения) и приводят к уходу капитала. Кто будет расплачиваться за неминуемые катастрофические последствия глобальных игр с деривативами? В любом случае — правительства и налогоплательщики, гражданское общество. И никак иначе. А влиять на процессы они не могут. Неолиберальная идеология запрещает это. Что делать?

Обсуждая этот вопрос, многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях НТП, либо с формированием «правовой базы» глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса или, например, сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе[532]. Последние два предложения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы глобальных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма.

4.4. «ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Итак, возможны ли национальные формы глобальных стратегий? Применительно к странам «первого мира» и прежде всего США, основного «проводника» неолиберальной версии евро-атлантической глобализации, ответ очевиден. Но каковы шансы других государств «на равных» вписаться, если можно так выразиться, в евро-атлантический глобальный контекст, и многие ли из них в обозримом будущем останутся на политической карте мира? И удастся ли тем, кто останется, выработать собственные — национальные — формы глобальных стратегий и какие именно?

[532] См.: *Салицкий А.* Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 15–19.

Варианты ответов на эти вопросы в современных научных изысканиях зависят, в частности, от предпосланных им парадигм исследования современного мира. Так, например, опираясь на собственный вариант теории постиндустриального общества (названный им концепцией «постэкономического общества»), В. Л. Иноземцев пишет об исчерпанности модели «догоняющего» развития («догоняющей модернизации»), последнее относительно успешное использование которой мы могли наблюдать в Японии и, отчасти, в странах Юго-Восточной Азии. В то время как подавляющее большинство стран, пишет автор, продолжают находиться на индустриальной стадии развития (или стремятся достичь этой стадии), западноевропейские государства и США вступили в эпоху «постэкономического общества», знаменующего собой «новую современность», где «общественный и хозяйственный прогресс базируется на органичной приверженности личностей к самореализации и на развитии наукоемких отраслей производства, в которых реализуется национальный потенциал»[533]. Сможет ли Япония, не говоря уже о других странах, отвечать этим условиям в XXI веке? По мнению Иноземцева, нет!

Во-первых, анализ японского опыта дает основание утверждать, что «быстрый хозяйственный прогресс индустриального типа не является достаточным условием становления саморегулирующейся системы, в которой вызревают и получают широкое распространение постматериалистические ценности»[534]. Такая система не может возникнуть в ходе индустриализации как таковой: в государствах, развивавшихся естественным образом, данный процесс занял десятки, если не сотни, лет, хотя при этом всегда активно подталкивался политическими и военными потребностями общества. Во-вторых, «искусственно стимулируемое „догоняющее“ развитие... неизбежно требует инвестиционной накачки экономики»[535], то есть должно стимулироваться извне: поэтому японское правительство вынуждено постоянно изыскивать возможности для капиталовложений.

В-третьих, опыт Японии показал, что «сегодня в мировой экономике не может доминировать страна, которая не является мощным источником технологических нововведений и не имеет положительного сальдо в торговле с остальным миром патентами и изобретениями». Японская

[533] *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999. С. 308– 343.
[534] Там же. С. 315.
[535] Там же. С. 324.

промышленность сформировалась в условиях, когда доступ к технологиям объективно был легким и дополнительно облегчался посредством политики, проводившейся Министерством внешней торговли и промышленности. Не в последнюю очередь именно этим объясняется явное пренебрежение японцев проблемами образования и научных исследований. Образование поддерживалось на высоком уровне, но оставалось унифицированным, НИОКР занимали сравнительно небольшое место, «в целом же культивируемые в обществе ценности и традиции препятствовали проявлению того индивидуализма, который только и может принести научные, технологические и хозяйственные достижения, адекватные потребностям наступающего столетия»[536].

Так может ли сейчас или в более отдаленной перспективе какая-либо нация за пределами Западной Европы и США применить принципы организации западного общества для обеспечения собственного развития, спрашивает автор. И отвечает: «С нашей точки зрения, ответ должен быть отрицательным, причем по нескольким фундаментальным причинам. Первая заключается в уже существующем хозяйственном и, что более существенно, научном и интеллектуальном разрыве, который образовался за последние полвека. Сосредоточив у себя лучших ученых, располагая максимальным научным потенциалом, США и Западная Европа не утратят теперь своего лидерства не только потому, что имеют большие финансовые возможности для поддержания приоритета. Научное сообщество по самой своей природе устроено так, что его представители стремятся быть в возможно более тесном взаимодействии»[537]. Так что шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» в обозримом будущем нет.

Иначе рассуждают уже упоминавшиеся мною авторы фундаментальной монографии «Глобальный капитализм...». Точно так же разделив человечество на Запад и «весь остальной мир», они интерпретируют историческую динамику последних четырех столетий как перманентную модернизацию: модернизацию самого Запада и череду попыток других стран встать на путь «догоняющей модернизации», цель которой «стать Западом» — «современностью» (modernity), воплотившую в себе наилучшую («капиталистическую») хозяйственную систему и одновременно передовой тип общественного (экономического, социального и политического) развития, выступающую для государств и народов иной

[536] *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999. С. 338.
[537] Там же. С. 343.

цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Прочно связав человечество путами транснационального финансового капитала, капитализм действительно стал глобальным, однако начавшаяся со второй половины 1990-х годов «вторая глобализация» вместе с тем показала бесперспективность политики «догоняющей модернизации» и, вызвав к жизни плюрализацию и кризис идентичности во многих незападных странах, в конце концов дала толчок к выработке их правительствами национальных моделей модернизации[538]. Капитализм стал глобальным и одновременно — очень разнообразным, так и не решив многие из прежних проблем и породив многие новые вопросы. Запад отреагировал на них очередным кризисом конвенциализации, когнитивно выразившимся в переписывании прежних, казавшихся незыблемыми теоретических постулатов — новом теоретическом оправдании «космополитизма», появлении концепций «рефлексивной современности», «глобального гражданства» и «глобального гражданского общества», «коммуникативной этики» и концепции «третьего пути». Подробно анализируя эти и многие другие концепции, авторы приходят к выводу, что ни одна из них не может предложить устраивающие всех рецепты решения глобальных проблем современности, но все они в чем-то дополняют друг друга, создают пространство диалога и активно влияют на политику правительств государств самой разной цивилизационной принадлежности. От того, в каком направлении будут двигаться эти страны, отвечая на вызов Запада, вырабатывая собственные представления о прогрессе и собственные модели модернизации, зависит грядущее устройство мира.

В этой связи предлагаются два макросценария развития стран «автохтонного» (местного) капитализма и хозяйственной демократии[539]. Первый — использование хозяйственной машины капитализма, удержание рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной или политической специфичности. Второй — наступление «нового „Нового времени“ для незападных стран». Первый сценарий основан на предположении, что незападные страны будут обеспечивать политическую и цивилизационно-культурную защиту своих обществ

[538] *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 385–413.

[539] России, Китая, Индии, Бразилии и Индонезии.

от господства западной экономической машины[540]. Второй предполагает, что незападные капитализмы начнут эволюционировать в сторону подчинения общества экономике. Этот макросценарий распадается на три возможных микросценария:

1. Эволюция многообразных национальных незападных капитализмов или хозяйственных демократий по типу той, которую претерпел Запад, начиная с Нового времени. Их ждут индустриализация, становление буржуазных наций, формирование «модульного человека», превращение Запада в один из многих вариантов воплощения капитализма Третьей современности.
2. Микросценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели развития для всего азиатского региона, либо имеющей мировое значение.
3. Микросценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом. В этом случае будет иметь место использование труда и людских ресурсов Азии при ориентации на политические системы и технику Запада, устранение отчуждения на Западе посредством развития концепции человеческого капитала, сохраняя заметный экономический рост в странах незападного капитализма[541].

А что же в итоге? Какое будущее ждет человечество: будущее с капитализмом или будущее без капитализма, будущее с Западом или без него? Отвечая на эти вопросы, авторы в полном соответствии с идеями социальной синергетики пишут, что сегодня «история», как и ранее физика, столкнулась с обратимостью времени. «Прежде никто не мог предположить, что будущее станет прошлым. Будущее капитализма — это повторение его прошлого, повторение становления капитализма на Западе в странах с иной рациональностью. Модерн — незавершенный проект, потому что он начинается в других местах»[542].

С этим выводом авторов трудно не согласиться. Хотя интерпретация истории нового и новейшего времени под углом зрения становления

[540] Например, сегодня Китай пытается удержать вторжение рынка в общество политически и цивилизационно-культурно. Пока это удается в достаточной мере, хотя 25 % населения в городах изменили свой образ жизни.

[541] *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 540–558.

[542] Там же. С. 562.

и распространения «капитализма», в категориях «вызов Запада» — «ответ остального мира» нуждается в дополнениях. Как уже отмечалось, история человечества никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущей к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития, а центры исторического развития, как показал А. Г. Франк, неоднократно менялись местами. Не исключено, что это произойдет в будущем, и полюс исторического доминирования сместится в сторону нынешней мировой «полупериферии» — стран с иной — незападной — цивилизационной идентичностью. Определенные предпосылки для этого есть.

Многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях НТП либо с формированием «правовой базы» глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса, или, например, сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе[543]. Последние два предложения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих — западных и национальных — форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными, от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению

[543] См.: *Салицкий А.* Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 15–19.

традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию[544].

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Индии и Китая. Китайское руководство, как и китайские ученые, исходят из того, что глобализация является объективным процессом. Но подходят они к ней так, чтобы, как пишет В. Г. Буров, «извлечь из неё максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом».[545] Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приема собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, как указывает Лин Чан, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие для самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.)[546].

Как пишет Ф. Саундерс, китайские лидеры признавали необходимость углубления интеграции с международной экономикой, но стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость[547]. В существующих глобальных «правилах игры» китайцев не устраивает то, что международные организации контролируются крупными богатыми державами, что эти державы используют неравен-

[544] *Huntington S.* The Clash of Civilization and the Remaking of Word Order. New York, 1996. P. 75. См. также *Федотова В. Г.* Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 8. С. 32–41.
[545] *Буров В. Г.* Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 48.
[546] Глобализация сопротивления. М., 2004. С. 67.
[547] China Journal. 2000. Vol. 43. P. 55–81.

ство стартовых возможностей в отношениях с другими государствами, правилам глобализации не хватает прозрачности и вырабатываются они на основе ценностей и интересов США и других развитых стран[548]. В результате такой принципиальной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций, причем такой, что она по уровню ПИИ занимает второе место после США. Секрет этого успеха — в сохранении роли государства в экономике. Эта роль особенно возрастает в условиях современной глобализации, сопряженной с нестабильностью вследствие финансовых спекуляций и колебаний мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами ЮВА, оказавшимися в кризисе. Произошло это по той простой причине, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В итоге оказалось, что лидеры глобализации — «азиатские тигры» стали менее привлекательными партнерами для мировых ТНК, а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Поскольку целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, а не «утверждение демократии», они заинтересованы в стабильном правительстве. Тем более если в стране вследствие позиции правительства создан климат, нацеливающий на китаизацию продукции ТНК (использование в «Макдональдсах» элементов китайской кухни и пр.), что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, особенно в особых экономических зонах — Шанхае и Тяньцзине. Причем коммунистическое государство часто оказывается союзником не своих граждан, а ТНК в решении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем у Китая в отношении ПИИ есть то преимущество, что приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Как констатирует проф. Ли Синь, руководство КНР пошло на сочетание различных форм

[548] Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С. 265–266.

собственности, в России же бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В России слепо копировали рекомендации МВФ, впав в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой[549]. Помимо привлечения мировых ТНК, инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики в национальной культуре рыночные ценности не могут доминировать над остальными сферами жизни, прежде всего социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость»[550].

В отличие от прежних стратегов российских реформ 1990-х годов, китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привел к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на проводившиеся исследования в РАН[551]. Видимо, все дело в выборе правильной стратегии в условиях глобализации. Китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения глобализации и патриотизма — на основе приоритета национальных интересов при включении в процесс глобализации. «Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый всё более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни»[552].

---

[549] Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 18.

[550] *Ань Вэй.* Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 169.

[551] См.: Человеческий потенциал России. Под редакцией И. Т. Фролова. М., 1999.

[552] *Буров В. Г.* Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 49.

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России (националистические эксцессы, с одной стороны, и пресловутая борьба с фашизмом, с другой), а составляют консенсус элиты и массы. Прозападно настроенная часть китайской интеллигенции и международные правозащитные организации выражают обеспокоенность тем, что эти националистические настроения могут целенаправленно использоваться руководством КПК. Однако речь следует вести, скорее, о национальном консенсусе. Это особенно наглядно выступает при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них считают глобализацию необходимой исторической тенденцией и рассматривают ее как новую стадию процесса модернизации. Которая, как считают китайские исследователи, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских ученых, западная теория гуманитарных интервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмешательства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и др., используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики. Китайские авторы подчеркивают, что гуманитарные интервенции неправомерны, так как осуществляются без санкции ООН, но столь же неправомерны, и имея эту санкцию, если преследуют лишь интересы стран «триады»[553]. По словам Чжоу Ичжи, в настоящее время сложилась опасная ситуация, когда некоторые могущественные государства, прикрываясь указанными теориями, «под флагом глобализации пытаются ослабить позиции суверенных государств в решении внутренних и международных проблем»[554]. Прежде всего китайский автор указывает на США, которые под прикрытием формального равенства государств пользуются своим могуществом и лишь расширяют свой суверенитет за счет суверенитета других государств.

Китайские исследователи Ма Чжунлян и Юй Сяоцзинь определяют глобализацию не как простой процесс унификации, а, напротив, как процесс, полный противоречий, включающий в себя тенденции и к интеграции, и к разделению, и к единству, и к многообразию, и к интернационализации, и к почвенничеству[555]. Поэтому для стабильного

[553] *Гао Шуцинь.* Глобализация: оценки и возможная модель развития // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С. 268.
[554] Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 56.
[555] Там же. С. 59.

развития, считают они, необходим баланс между личностью, обществом и природной средой, поддержка развивающихся стран, беды которых являются проблемами всего человечества, принятие этических кодексов, регулирующих глобальную экономическую деятельность. Что касается последних, то китайские ученые готовы предложить для этой цели принципы конфуцианской этики, но при этом отдают себе отчет в том, что всеобщих этических норм вне национально-культурной привязки не существует. Как пишет Ли Маосень, экономическая глобализация в определенной степени наносит удар по традиционным ценностным представлениям национальных государств, рождает новые международные критерии и нормы, однако различные государства, воспринимая и реализуя эти всеобщие международные ценности, должны соединять их с собственными традициями[556]. Более того. По мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего, патриоты... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»[557], сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель глобализации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского Национального Конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от регулирующей системы над импортом, от ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. Однако индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справляться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом

[556] Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 58.
[557] *Буров В. Г., Федотова В. Г.* Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 18.

на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е годы лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например лиц с небольшими вкладами).

В то же время глобализация не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как одномерный процесс, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Как отмечает Е. А. Брагина, в этой стране существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться в условиях глобализации. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ[558]. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитии внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать.

Нельзя сказать, что внятная альтернативная национальная стратегия уже сложилась в Индии, но все предпосылки к этому имеются. Это пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать в свой состав различные культурно-идеологические конструкты, сохраняя при этом свое своеобразие. У Индии, считает Т. Шриниваса, как у богатой и древней цивилизации, есть потенциал и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности[559].

Опыт выработки национально-региональной стратегии глобализации у стран Юго-Восточной Азии принадлежит скорее прошлому, чем будущему. Успех «азиатских тигров» в 1980-е годы был связан как раз с использованием их национально-культурных особенностей при проведении политики модернизации и открытости. Но неверной оказалась сама стратегическая линия — поиск удачного места в глобальной эконо-

[558] Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 17.
[559] Многоликая глобализация. М., 2004. С. 123.

мике вместо приоритетов национального экономического развития. В результате очередной шторм в океане мирового капитала смыл достижения этих стран. В результате глобализированные экономики стран ЮВА оказались в зависимости от капризов глобальной финансовой системы и утратили свой национальный суверенитет. Разразившийся кризис стал полной неожиданностью. И если западные инвесторы сумели выйти из него с небольшими потерями, то в самих этих странах он привел к массовой безработице, остановке производства, падению уровня жизни. Диктатуры сначала Маркоса, а затем и Сухарто были свергнуты, власть тайских генералов ограничена, а Чон Ду Хван и Ро Дэ У оказались под судом. Вот урок, который следует извлечь: репрессивная политика и антидемократизм никогда не могут быть средством экономического прогресса. Добрых Сухарто, как и добрых Пиночетов, не бывает.

Что же касается Латинской Америки, здесь мы пока не видим симптомов выработки альтернативной континентальной стратегии глобализации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Положение в этих странах характеризуется слабостью представительной демократии, военными конфликтами, ростом внешнего долга. Череда экономических крахов в этих странах в 1990-е годы (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина) явственно свидетельствует, что четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ не принесло никакого эффекта для страны. Раскол же между элитами и массой не способствует национальному консенсусу и выработке единой альтернативной стратегии глобализации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от ТНК и развития демократии. Осознание этого объясняет приход к власти левых правительств в Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили. Однако во всем этом пока больше популизма, чем серьезной альтернативы. Выработка альтернативной стратегии глобализации здесь — дело будущего.

Из африканских стран в качестве претендента на альтернативную стратегию глобализации может рассматриваться только ЮАР — государство, в высшей степени открытое западным влияниям. Это касается как белого населения, так и чернокожего и вообще цветного, традиции борьбы которого с апартеидом формировались в основном по западным же стандартам. Однако пока ЮАР отстает в плане усвоения мето-

дов преуспеяния в глобальной экономике. Президент ЮАР Т. Мбеки выдвинул концепцию «африканского ренессанса», включающую развитие демократии, достижение приемлемых темпов экономического развития, освобождение от бремени долга, борьба со СПИДом, обретение культурного богатства исторического прошлого народов Африки. По существу, это стратегия привлечения западных инвестиций, придания положительного имиджа странам континента, прежде всего ЮАР, традиционно связанной с Западом. Скорее здесь речь идет не столько о выработке альтернативной стратегии глобализации, сколько об усвоении западных ценностей для решения задач индустриального периода. Безусловно, ЮАР является субрегиональным лидером, и ее глобальное значение будет возрастать. Как пишет Э. Бернстейн, «альтернативная африканская концепция существует, но в настоящее время она слишком слаба и противоречива»[560].

Прочие страны мира скорее приспосабливаются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается отчасти успешно — как, например, у аравийских монархий[561], хотя в полной мере усвоить западные стандарты жизни и выработать собственные геополитические стратегии и национальную модель развития здесь не удается.

Результатом модернизации экономической жизни стран Аравии стало сокращение различий в уровнях развития с Западом по количественным показателям при сохранении качественного разрыва, который остается непреодолимым. Изначальное различие в стартовых условиях развития в XX веке привело к тому, что нефтяные монархии при всех социально-экономических достижениях сумели войти в МКХ на правах самостоятельных субъектов, однако попали в новую, информационно-технологическую зависимость от Запада. Тем самым аравийские монархии в начале XXI столетия вновь, после ликвидации колониальной и полуколониальной зависимости, остаются «на обочине» научно-технической революции и оказываются неравноправными партнерами Запада. Да, в Саудовской Аравии есть технопарк имени короля Абдель Азиза, в Омане такого рода индустриальный парк создан в Русайле, но эти «островки НТП» не в состоянии повысить ни общий научно-технический уровень производства, ни интеллектуальный

[560] Многоликая глобализация. М., 2004. С. 225.

[561] См.: *Яковлев А. И.* Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 72–82.

потенциал аравийского общества. По мнению саудовского исследователя Сауда Хусейна Сайда Захрани, в королевстве «университетское образование стало своеобразным культурным „довеском“ к положению в обществе, и лишь во вторую очередь молодой человек рассматривает его в качестве средства получения заработка и удовлетворения насущных потребностей». Следствием такого подхода стали «перепроизводство» специалистов со средним и высшим гуманитарным образованием и нехватка инженеров и техников[562].

Включившись в мировое хозяйство как страны-нефтепроизводители, нефтяные монархии оказались в 50–70-е годы втянутыми в процессы индустриализации и урбанизации, к которым общества этих стран оказались совершенно неготовыми. Традиционные социальные слои и группы вынуждены были входить в новую для них систему отношений капиталистического общества. В ходе социально-экономических реформ постепенно формировались новые социальные классы и слои: буржуазия с быстро поляризовавшимися верхними и нижними группами; рабочий класс, в котором основную массу составляли иностранные рабочие из стран Азии и Африки, интеллигенция и служащие, получившие высшее образование, но не всегда обладавшие деловой и общей культурой, отвечавшей современному уровню. В то же время в силу стремительности социальной трансформации общества в нем не успели «перевариться» многие традиции. Образовался, отмечает А. И. Яковлев, кентаврический симбиоз «традиционного и современного: шейх-банкир, принц-предприниматель, рабочий-владелец верблюда, служащий-торговец. Аравия оказалась включенной в Современность, не успев выйти из своей Традиции»[563].

Следствием этого стало сосуществование разнопорядковых пластов общественной жизни: наряду с весьма поверхностной вестернизацией сохраняется в неизменной роли ислам как духовная основа жизни общества, абсолютная власть правящих семей (декорированная некоторыми элементами парламентаризма), возникают в саудовских городах кварталы, населенных выходцами из одной местности, остается и поддерживается значимость племенного происхождения с делением на племена «благородные» и «неблагородные», уважение к шейхам не

[562] См.: *Захрани Сауд Хусейн Сайд.* Политика государства в культурно-образовательной сфере в Королевстве Саудовская Аравия в 70–90-е годы. М., 2000. С. 13, 19.
[563] *Яковлев А. И.* Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 75.

в силу их нынешнего материального положения, а в силу обычая, отношение к правящей семье Саудидов не как к королевской династии, а как к семье шейха шейхов[564].

Правда, некоторые черты западной деловой этики и поведения удалось перенять, но в целом социальная структура, социальный строй, социальные отношения, ценности, идеалы и нормы поведения остались традиционными. Аналогичная ситуация в сфере политики. Заимствованная на Западе административная система министерств функционирует в Аравии достаточно успешно, но природа этой системы там совсем иная. Правительство, его глава и главы отдельных ведомств ответственны перед монархом и назначаются им точно так же, как века назад монарх выбирал своих советников по своему изволению. Стоит добавить, что и местная администрация построена по такому же принципу: контроль за ключевыми городами и провинциями саудовского королевства сохраняют эмиры из семьи Саудидов. Во всех аравийских монархиях действует авторитарный тип власти, но означает он не просто всеобъемлющий контроль государства над общественной жизнью, а контроль *семьи, династии,* для которой государство стало формой реализации властных устремлений. При видимом сходстве с европейскими образцами природа аравийской власти уходит корнями в далекое прошлое.

Ситуация в странах Тропической Африки, расположенных к югу от Сахары, еще хуже — это полностью несостоявшиеся (экономически, политически, социально и т. д.) этноплеменные государства, модернизация которых в обозримом будущем невозможна[565]. Причины этого связаны не только с этнокультурными особенностями, но и с востребованностью ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Таким образом, применительно к большинству стран «третьего» и «четвертого» мира говорить о возможности выработки ими национальных стратегий вхождения в глобализацию в обозримом будущем нельзя. Но они, повторю, вполне реальны (и реализуются) в так называемых

[564] *Яковлев А. И.* Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 76.

[565] См.: *Лебедева Э. Е.* Проблемы социальной идентичности в условиях глобализации (На примере Тропической Африки) // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 338–350; *Фоноу-Чуигоу Б., Касанда А.* Африка к югу от Сахары // Глобализация сопротивления. М., 2004. С. 122–133; *Андреев И. Л.* Под небом Африки // Вестник Российской Академии Наук. 2004, том 74, № 3, С. 285–288; *Андреев И. Л.* Человек по имени деньги // Вестник Российской Академии Наук. 2006, том 76, № 2, С. 139–147. Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 17.

новых индустриальных странах — чем дальше, тем больше тяготеющих к заключению региональных союзов.

Профессор А. Моханти видит новую историческую перспективу в создании треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Настало время объединить усилия Индии, Китая и России для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий для себя и других стран. Однако в этой триаде Россия, к сожалению, в обозримом будущем не станет лидером по многим причинам. Обозначу лишь некоторые.

* * *

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе, а, по мнению некоторых когда-то влиятельных аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» — инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной»[566]. В конце 2012 г. в интервью «Новой газете» Г. Павловский высказался в том же духе, заявив, что у президента и его окружения нет «стратегии, нет культуры мышления о сложных вещах»[567]. Позже, в 2014, 2015 и 2016 гг., примерно те же оценки давали появившиеся как из-под земли разнообразные финансовые и прочие «аналитики». С глубокомыслием рассуждая о зависимости курса иностранной валюты от мировых цен на углеводороды, от

[566] *Павловский Г.* Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46–47.

[567] *Павловский Г.* Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним // Новая газета. 2012. № 121. 24 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/politics/55076.html (дата обращения: 08.02.2020).

международных санкций, отрезавших страну от иностранных кредитов и технологий, они предрекли России экономический дефолт и следующий за ним социальный взрыв.

Ничего этого ожидаемо не случилось. Но в критике правительства, его консультантов и экспертов было много справедливого. Думаю, большинство из них придерживаются либеральной идеологии, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного линейного прогресса. Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается. В силу цивилизационных особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ[568]. «Вероятно, — замечает Александр Шубин, — наши правители осознают, что по мере смещения страны в „третий мир“ она деградирует социально. Соответственно, задача перехода к модернизации может читаться как надежда переломить тенденцию деградации, развернуть вектор движения страны от регресса к возвращению на путь модерного прогресса»[569].

Быть может. Во всяком случае, только в январе 2020 года В. Путин решился на некоторые социальные реформы, поправки в Конституцию и замену Председателя Кабмина. Но дело не только в «правителях». Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масшта-

[568] *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. 2008. № 4. С. 4–5.

[569] *Шубин А.* Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sh24.html (дата обращения: 08.02.2020).

бам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Неслучайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных элитах даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Несмотря на то что, начиная с нулевых годов, Академия наук, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было. Зато чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования — сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы росли примерно на 20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика: в 1995 г. в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. В течение почти 20 лет в Китае каждый год число ученых росло почти на 9 %, а в России — снижалось на 2 %. В 2013–2015 гг. финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд рублей, что отражает истинную суть обещаний властей относительно модернизации. Финансирование РАН в 2013–2015 гг. составило 111,2 млрд рублей. В 2013 г. бюджетные ассигнования на деятельность академии составили примерно 36,3 миллиарда рублей; в 2014 г. выделено 37,4 млрд рублей, в 2015-м — около 37,5 млрд. Зато на «Сколково» и «Роснано», результаты деятельности которых (исключая скандалы) видны лишь в микроскоп, только в 2016 году было потрачено более четверти миллиарда. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. С учетом обострения конфронтации с США и Европой, экономических санкций и роста инфляции, в соответствии с которыми наш национальный бюджет из года в год корректируется в сторону умень-

шения расходов и роста профицита, очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образования очевидно. Кстати, дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса. Но у нас, как водится, собственный российский путь в будущее, который, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях о серьезной государственной поддержке отечественного образования и науки можно только мечтать.

4.5. СТАНЕТ ЛИ РОССИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ»?

Сама постановка этого вопроса и связанной с ним проблемы формирования «российской нации» для многих отечественных специалистов являются неприемлемыми. Будучи заложниками доктрины «многонациональности», благодаря торжеству и внедрению которой идея «нации» в СССР была передана с общегосударственного уровня этническим общностям, они и теперь продолжают изобретать теоретические кентавры, вроде «интеграционной модели „Россия — нация наций“»[570]. В свою очередь их оппоненты предлагали ученым и политикам «забыть о нации» и осуществить «нулевой вариант» одновременного отказа от этой «мифической дефиниции», «политической метафоры» всеми этническими общностями и государствами[571].

Мало того. До сих пор у нас термин «национализм» употреблялся с негативной окраской и, как правило, в значении «этнического национализма»: то есть идеологии и практики борьбы народов (этносов) за обретение и сохранение собственного государства, наличие которого, собственно, и конституирует «этнос» в качестве «нации». А о национализме иного рода — «официальном (государственном) национализ-

[570] *Баграмов Э. А.* Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 15.

[571] *Тишков Валерий.* Постнационалистическое понимание национализма // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 1. М., 2010. С. 214–225.

ме» полиэтнических государств, целью которого является интеграция многоэтнического мультикультурного населения страны в «нацию», — еще не так давно вообще предпочитали помалкивать. Но после памятных декабрьских 2010 года волнений в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России и последовавших за ними терактах о национализме наконец-то вновь заговорили не только в блогосфере, но и в высших эшелонах власти. Начиная с 27 декабря 2010 г., Д. А. Медведев четырежды обсуждал вопрос о мерах «по укреплению межнационального согласия» — дважды на заседаниях Госсовета и его президиума, встречах с руководством Федерального Собрания и Общественной палаты РФ. За исключением решительного отказа от реанимации Миннаца, каких-то конкретных административных решений пока не было принято: концепцию национальной политики России, как отмечал бывший министр регионального развития Басаргин, «посмотрели, причём со всеми согласовали, и в итоге положили на полку»[572]. Думаю, неслучайно: в процессе многочисленных согласований ее торпедировали обремененные учеными степенями многочисленные этнократы и «эксперты» из национальных субъектов РФ (о них речь впереди), с легкой руки которых в свое время в Конституцию России вошла политически взрывоопасная запись: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». С ней, как когда-то с формулировкой о «праве наций на самоопределение, вплоть до отделения», надо без сожаления расставаться.

Надежды на это вселяют суждения первых лиц государства последних лет. Так, 27 декабря 2010 г. В. В. Путин высказался о необходимости формирования «общероссийского патриотизма» — аналога патриотизма советского, а Д. А. Медведев заявил, что «идея российской нации абсолютно продуктивна, и её не нужно стесняться»[573]. 11 февраля того же года президент развил эту мысль: *«Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну. Только тогда мы будем крепкими»* (курсив мой — *Ю. Г.*).[574]

---

[572] Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www. kremlin. ru.

[573] Там же.

[574] Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 г. 18:30, Уфа // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

Совершенно верно. Однако, читая стенограммы указанных выше совещаний у двух последних президентов, я убедился: многие их участники (особенно руководители «национальных республик») либо не в восторге от этой идеи, либо плохо понимают, о чем, собственно, идет речь, продолжая рассуждать о «самобытности российской цивилизации» и «российской нации» как о состоявшемся историческом факте. Вот что говорил, например, руководитель рабочей группы по подготовке заседания Президиума Госсовета 11 февраля 2011 года, губернатор Ростовской области В. Ю. Голубев: «Нас объединяет общий государственный язык, российская культура, вобравшая в себя культурные традиции всех народов. У нас есть общие духовные черты, те, что определяют самобытность российской цивилизации. Мы – все граждане России – являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит будущее... Обладая уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический и межрелигиозный мир, поддерживала баланс интересов различных этнокультурных сообществ»[575].

Хочу разочаровать бывшего губернатора: в истории России периоды «межэтнического мира» и «баланса различных этнокультурных сообществ» были весьма редки, а «российская нация» так и не была создана. Ситуация начала меняться лишь в последние годы. Был разработан ряд документов в области национальной политики, и на последнем заседании Совета по национальным отношениям 31.10.2016 года бывший министр по делам национальностей Вячеслав Михайлов внес предложение разработать «закон о российской нации». И президент В. В. Путин поддержал эту идею, предложив параллельно доработать и многострадальную стратегию национальной политики РФ.

Однако после проведения консультаций уже первое в 2017 году заседание рабочей группы по разработке закона «споткнулось» о нежелание политических и интеллектуальных элит национальных республик менять текст Конституции РФ и лишаться статуса «наций». Общественности этого не пояснили, аккуратно сообщив, что якобы «общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности». И перевели разговор в правовую плоскость. Как пояснил «Известиям» новый руководитель рабочей группы академик РАН Валерий Тишков, проблема в

[575] Официальный портал Администрации Ростовской области. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://donland.ru/Default.aspx?pageid=96651 (дата обращения: 08.02.2020).

том, *«как в одном правовом акте записать вещи, связанные с формированием российский нации (или с утверждением этого концепта), и в то же время сохранить конституционное положение многонационального народа Российской Федерации. Здесь есть какое-то смысловое, терминологическое противоречие»*[576]. Поэтому решили просто изменить название законопроекта, переименовав его в закон «О государственной национальной политике» (или «Об основах государственной национальной политики»), один из разделов которого будет посвящен «российской нации». Но и спустя три года этот законопроект так и не принят.

Главное в этом законотворческом деле «не наломать дров» — деяние, которое мы неоднократно наблюдали в процессе работы над редакциями, например, все того же федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». А в этом случае дело обстоит много сложнее. Надо иметь в виду, что текст любого федерального закона начинается с формулирования «Общих положений», в состав которых в обязательном порядке входят «предмет регулирования закона» и «основные понятия, используемые в настоящем федеральном законе». К числу последних, безусловно, относятся понятия «нация», «этнос», «народ» и, конечно, «российская нация». Каждое из них формулируется не произвольно, а с опорой на общепризнанное научное понимание абстрактно фиксируемого социального феномена. Но, как было отмечено, единой точки зрения о содержании указанных понятий в отечественной и зарубежной науке до сих пор нет. Нет и единства мнений о способах существования и строительства «наций». Поэтому в законопроекте рабочие определения используемых терминов («российская нация», «национальное самосознание» и др.) спорны и уязвимы для критики[577].

Как я попытаюсь далее показать, в настоящее время «российская нация» все еще находится в процессе формирования. Для его завершения следует внести изменения в Конституцию России, основные документы национальной политики РФ и федеральный закон «Об обра-

[576] Закону «О российской нации» подобрали новое название. 03 марта 2017 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adi19.ru/2017/03/03/zakonu-o-rossijskoj-natsii-podobrali-novoe-nazvanie/ (дата обращения: 19.05.2019).

[577] Один из ее вариантов см. *Севастьянов Александр.* Химера российской нации. Битва за русских продолжается // Вопросы национализма. 2017 № 2 (30). С. 36–51; *Александр Севастьянов*. Битва за русских // Наш современник. 2017. № 5-6. Как и ранее (см. 1 главу монографии), этот автор придерживается примордиалистской позиции, интерпретируя нацию как фазу развития этноса. Но ряд его критических выпадов против некоторых положений законопроекта не плохо аргументированы, хотя его предложение заменить термин «российская нация» термином «политическая нация России» дискуссионен.

зовании в Российской Федерации», создать федеральную программу по укреплению и распространению российской идентичности в «национальных» республиках нашей страны.

* * *

Начать целесообразно с ответа на следующие «простые» вопросы: чем отличаются «нации» от «этносов» и как, какими способами формировались нации и национальные государства в Европе? Очевидно, ответ на второй вопрос в значительной мере зависит от того, как мы ответим на первый. И вот здесь мы попадаем в концептуальный капкан: теоретически отличить нации от этносов почти невозможно. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов. Лишь наличие собственного государства или стремление его обрести («национализм») — то, что эмпирически действительно отличает нации от этносов. По всем остальным атрибутивным признакам они совпадают.

Из этого обстоятельства, в частности, становится понятным, почему в России «нациями» считаются только те «этносы», которые имеют свою государственность, а «русский народ» (не имеющий своей «республики») нацией не является. Помимо прочего, этот парадокс свидетельство того, что «нация» — категория конвенциональная. Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведу Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В значительной мере это действительно так. Нация — цель любого национализма, а национализм — средство формирования, развития и экспансии наций. Принцип осознанного политического и социокультурного конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Б. Андерсона, Дж. Бройи, М. Манна, Ч. Тили, М. Шадсона, Э. Хобсбаума, М. Хроха и некоторых других авторов, об аргументах

которых было сказано в первой главе. Если обобщить и суммировать их выводы, мы получим следующую картину процесса образования наций и национальных государств в Европе XVII–XIX веков.

* * *

Понимаем ли мы «нации» как преимущественно культурно или политически интегрированные общности, их формирование было связано со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX столетий, мотором которого была ускоренная модернизация всех сфер жизни европейских стран, а следствием — развитие рыночных отношений, науки, техники и возникновение европейского рационализма. Однако ведущим фактором в интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое (нацию) оказывалось новое, современное, государство, «бюрократическая машина» которого последовательно «перемалывала» многочисленные этносы, столетиями жившими на территории европейских стран. Успех этой работы был обусловлен исторически возникшей коалицией протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания Библии и светской литературы: романов, газет и журналов.

Эта коалиция быстро создала широкую читающую публику и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого, она принципиально изменила языковую ситуацию. Разнообразные «диалекты» поддавались, в определенных пределах, слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка. Так, помимо официальных «административных» языков, обслуживавших делопроизводство, постепенно под влиянием интеллектуалов стали возникать «печатные языки», позже трансформировавшиеся в «литературные». Именно *печатные языки создали унифицированные поля обмена и коммуникаций*, менее обширные, чем на латыни, но шире, чем на разговорных диалектах.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то развитие общедоступных систем образования в XVIII–XX веках стандартизировали культуру как ведущий способ национальной интеграции. Распространяясь

по схеме «центр – периферия», общая для всех культура шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтническое мультикультурное население («гасконцев», «бретонцев», «валлийцев», «пьемонтцев» и т. д.) в некое культурно гомогенное целое — в людей, принадлежащих одной «нации». Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля со стороны государства. Но по-настоящему государство взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX веке, когда массовое начальное образование стало нормой в большинстве стран Западной Европы. Связано это было, очевидно, с осознанием государством необходимости социокультурного закрепления гражданского единства, обусловленного унифицированностью правовой системы, и главное — военно-патриотического единства, рожденного в борьбе за возможность самостоятельного существования нации. *В гражданском (государственном) национализме осуществлялся сплав военно-политической и социокультурной составляющих национального единства.* Сама армия становилась мощным символом национального единения.

Как верно пишет И. Валлерстайн, национализм заключался в воспитании патриотического чувства привязанности к своему государству, что достигалось систематической деятельностью двух институтов, обязательных для граждан: начальных школ и службы в армии, а также повсеместным распространением коллективных националистических ритуалов. *Вся совокупность государственных ритуалов служила укреплению веры в приоритетность для человека принадлежности к национальному сообществу и идентификации себя с ним.* Таким образом, в XIX веке правительства ведущих европейских государств осознали, что реальная интеграция мультикультурного населения может быть осуществлена социокультурными, а не юридическими средствами. *Началось целенаправленное создание национальной культуры,* в ходе которого существующие культурные механизмы дополнялись государственным воздействием.

Государство стало контролировать фабрикацию культурных идеалов и символов, которые могли обеспечивать общую идентификацию представителей различных социальных групп, находящихся между собой в конфликтном состоянии. *Одновременно эти идеалы и символы призваны были интегрировать людей с разными этническими корнями таким образом, чтобы возникшее у них чувство общей идентичности совпадало с границами государства.* Для этого создавались разветвленные куль-

турные инфраструктуры, куда входили официальный язык, школьное образование, национальная почта и общедоступная («копеечная») пресса.

Очень важно, что *государство стало держать под контролем трактовку истории*. Более того, само создание «национальных историй» стало относительно произвольным сочетанием реконструкции прошлого с конструированием пути развития, цель которого предзадана изначально и опрокинута в прошлое. Таким образом государство укрепляло себя не только экономически и военно, но и культурно. Этот процесс З. Бауман удачно назвал «мобилизацией культурных ресурсов, достаточных для поддержания идентичности и своеобразия государства через своеобразную идентичность его подданных».

Разумеется, процесс образования наций и формирования национальных государств имел свою специфику в Центральной, Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. И тем не менее можно констатировать: образованные в результате многочисленных войн государства Западной Европы являли собой новый тип государства, одной из важнейших задач которого было легитимное принуждение к национальному единству: тюрьма, топор и гильотина были важными средствами национальной интеграции в XVIII столетии. С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации, важными факторами интенсификации которых были сначала печатные СМИ, а затем радио и телевидение, происходили в бисмаркской Германии, царской России, а позже и в Советском Союзе. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР процесс образования нации не был завершен главным образом из-за имперских амбиций и непоследовательности государственных действий.

* * *

В отличие от либерально-демократических Англии и Франции, которые «владели империями» и пытались привить свою культуру этническим элитам колоний, Россия сама была империей, которая даже не ставила цели формирования на просторах России *одной нации как политической общности — то есть как согражданства*. Разумеется, в России существовало то, что Э. Геллнер, Ю. Хабермас и др. обозначили как «протонациональные связи», основой которых были

православие и общее историческое прошлое древнейших родов империи. Но здесь, вплоть до известного Указа Екатерины II о дворянских вольностях, не было «так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»[578]. Ю. Хабермас обозначил данное явление как Adelsnation — «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правящие сословия, которые встречались друг с другом в „парламентах“ или в других «представительных собраниях», представляли страну или „нацию“ *перед лицом* двора»[579].

Аналогом европейских представительных собраний XVI–XVII столетий в России были Земские соборы и Боярская Дума, которые затем были упразднены великим Петром, подчинившим церковь государству и взявшим курс на «европеизацию» не общества, а российского дворянства и формирование космополитичной имперской правящей элиты из иноверных иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и университетов, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII столетия был не сокращен, а увеличен. Да и сама представленная в столичных салонах так называемая высокая культура знати была лингвистически гетерогенной, являя собой причудливое смешение языков: «французского с нижегородским».

Так что вплоть до начала XIX столетия многих предпосылок для формирования «нации знати» и «нации народа» (в терминах Ю. Хабермаса — Adelsnation и Volksnation) в империи не было. Необходимо было появление «истории государства российского» и «русского литературного языка», ставших основой представлений о «русском народе». Так благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего А. С. Пушкина, в первой трети XIX века в России возникает *русский «лингвистический национализм»*, способствующий «натурализации» династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма».

Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, приве-

[578] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 151.

[579] *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 366 (курсив Хабермаса).

ло к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский италоговорящей Корсике (частично добившись успеха)»[580]. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья» Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»[581].

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю. Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений»[582]. Взамен него в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, — признавался Николай I, — деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»[583].

Мало того. Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала продуманного «национального проекта», но и упустила тот момент, когда в 1840–1860 годы на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций». По мнению А. И. Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проек-

[580] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 107.
[581] Там же. С. 108.
[582] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 267.
[583] *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. СПб., 1918. С. 42.

ты, а также литовский»[584]. Но это спорное утверждение в той его части, где речь идет о русском национальном проекте. Дело в том, повторю, что так называемый имперский национальный проект так и не был до конца продуман, конкретизирован в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения и возведен в ранг государственной национальной политики.

Как и в других странах, идеологию российского государственного национализма разрабатывали интеллектуалы, существенные расхождения между которыми по вопросу «что делать?» отнюдь не способствовали делу национального строительства. Прежде всего в той его части, которая связана с культурной гомогенизацией населения, которая должна проходить под «российскими», а отнюдь не «русскими» лозунгами. Между тем именно идеология русского этнонационализма, круто замешенного на обосновании превосходства «русского племени», стала (особенно накануне Первой мировой войны) доминировать на страницах большинства, в том числе и либеральных, российских газет и журналов. Вместо идеи формирования российской нации как сограждданства возникает миф «русской нации», в числе активных делателей и пропагандистов которого, помимо откровенных черносотенцев, были выдающиеся умы российской интеллигенции: Андрей Белый, Валерий Брюсов, Н. Бердяев, В. В. Розанов, А. С. Изгоев, Н. В. Устрялов, М. О. Меньшиков и многие другие менее известные писатели и мыслители, — обосновывавшие каждый по своему идею «православной империи русской нации». Как писал В. В. Розанов, «русская империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам»[585]. И это ежечасно и повсеместно рождало культурный и политический этнонационализм.

Цепляясь за имперский принцип госстроительства и будучи по существу даже не классической империей (с характерным для нее космополитизмом: civic Romanus — гражданин всего культурного мира), а деспотией, *Россия так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое, культурное и информационно-коммуникативное пространство для равноправной жизни своих народов*. И это принципиальное обстоятельство ежедневно и ежечасно рождало противодействие официальному национализ-

[584] *Миллер А. И.* Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005. С. 24.
[585] Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. Дом «Пресна», 2004. С. 67.

му империи — этнический национализм многочисленных народов, стремившихся к разнообразным формам самоопределения в составе царской России.

Надо заметить, что политика официального национализма, даже если она осуществляется либерально-демократическим государством, всегда порождает «свое иное» — этнический национализм. Этнический и государственный «национализмы» в полиэтнических государствах — это две стороны одной националистической «медали» — они обусловливают друг друга, постоянно провоцируя межэтническую напряженность и конфликты. Смягчить их можно только за счет предоставления равных политических прав и культурной ассимиляции сначала этнических элит, а затем и всего народа, плавно приобщив их (через систему образования) к «высокой культуре» государствообразующего (в нашем случае — великорусского) этноса. Но именно этого в царской России сделано не было. Формально признав равные политические права за всеми «инородцами» (выдав им паспорта), частично инкорпорировав знатные роды Польши, Малороссии, Прибалтики (остзейские немцы), Кавказа и Туркестана в «правящий класс» империи, *самодержавие так и не выработало программы культурно-лингвистического национализма* и для русского, и для других народов России. Фактически империя строилась и расширялась помимо населяющих ее народов, которые будучи неграмотными, разумеется, не могли даже вообразить такую социокультурную общность, как «нация».

Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «инородцев», не отделив православие от государства, империя так и *не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всем пространстве империи*, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «пскопских», «калужских» и «тутошних». В этих условиях о формировании российской нации как социокультурной общности и согражданства и речи быть не могло. К началу Первой мировой царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. В итоге Российская империя, так и не ставшая «национальным государством», распалась.

* * *

Пытаясь восстановить себя в прежних границах, советская Россия из конъюнктурных соображений провозгласила «право наций на самоопределение, вплоть до отделения», и Конституция РСФСР, принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г., объявила страну федерацией национальных республик. Но образование на территории бывшей империи ряда независимых государств, сепаратистские устремления внутри самой РСФСР вновь актуализировали проблему самоопределения народов, вызвав к жизни дискуссию о принципах создания СССР в 1921–1923 годах, завершившуюся выработкой политики «коренизации» и «территориализации» народов союзных и автономных республик. То, что эта политика в конечном счете окажется взрывоопасной для нового государства, руководство КПСС и Сталин в тот период явно не понимали, наивно полагая, что классовая и советская солидарность возьмут верх над «национальными» идентичностями. В действительности политика «коренизации» (украинизации, белорусизации и т. д.), круто замешенная на критике «великорусского шовинизма», вызвала подъем массового национального самосознания даже в тех регионах, где его до революции почти не было.

Так, например, перед Первой мировой войной и революцией украинцы были народом, который еще не выработал национального сознания и государственность которого выглядела далекой целью. Но после «советской украинизации» (1921–1935) национальное самосознание у половины населения советской Украины, особенно — ее партийно-хозяйственного аппарата и интеллигенции, приобрело отчетливые формы, способствуя росту сепаратистских настроений в среде республиканской этнократии. Аналогичные процессы развития «коренных языков», «национальных школ» и высших учебных заведений, учреждений науки и культуры активно шли в других республиках и автономиях, объективно способствовали укреплению этнической самоидентификации многих народов Союза, что явно противоречило курсу политической консолидации этносов на базе ленинско-сталинской идеологии интернационализма.

Принципиально важно, что в республиках коренизация шла под лозунгами борьбы с «русским колонизаторством», сопровождавшейся «зачисткой» партийного и хозяйственного аппарата «от истинно русских прохвостов», почти повсеместно дискриминацией русскоязычного населения, его грабежами и вытеснением с давно обжитых терри-

торий[586]. Ситуация усугублялась территориальным формотворчеством. С легкостью манипулируя судьбами миллионов людей, Центр инициировал создание новых административных образований за счет территорий, население которых тяготело к разным социокультурным моделям жизни. Так в 1921 году в процессе оформления Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, в которых проживало более 65 тысяч русских. Итог был предсказуем: насильственно присоединенные казачьи территории и их население подвергались постоянным нападениям, заканчивавшимся переделами казачьих земель в пользу горских народов.

В 1924–1925 годах было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Единое, по мнению академика В. В. Бартольда, цивилизационное пространство[587], регион с этнической чересполосицей рассекли путем административной реформы, подгоняя под «типовую модель» национальной государственности. Аналогичная волюнтаристская политика осуществлялась и в отношении Каракалпакстана (в Казахстане), где в 1929 году вспыхнуло мощное восстание, Киргизии, а также малочисленных народов Севера, традиционно занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством. Их насильно переводили с кочевого на оседлый образ жизни, через колено ломали традиционный экономический и духовный уклад. Итогом был ряд восстаний в Якутии, других северных территориях. Так выковывалось «братство народов», о котором любила упоминать советская пропаганда.

Следует помнить, что перманентной «горячей точкой» СССР был Северный Кавказ. В архиве Политбюро ЦК имеются сведения об операциях по разоружению в Ингушетии, Чечне, Северной Осетии (1925), Дагестане (1926), где фигурировали даже пулеметы и орудия[588]. В этой связи следует подчеркнуть, что этнический национализм чеченцев был спровоцирован не только, как многие думают, депортацией 1944 г. Он никогда не исчезал и, будучи немного умерен выверенными действиями царских правительств, вновь вспыхнул уже при советской власти. После сворачивания НЭПа и взятия курса на индустриализацию в 1929 году в Чечне, Ингушетии, Кабарде и Дагестане формируют-

[586] См.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 300.
[587] *Олимов М. М.* В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991, № 5. С. 97–110.
[588] См.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 296.

ся подпольные организации, поддерживаемые эмигрантами, готовятся восстания. Но, как пишет М. Садуллаев, «чекисты внедряют в окружение Нинхаджиева провокаторов, и в 1933 году в Чечне разворачиваются повальные аресты, участники подполья Нинхаджиева попадают в застенки ЧК. До 300 человек сослали в Сибирь, около 30-ти расстреляли. Но не запугали... Возникает новая подпольная организация, теперь уже во главе с адвокатом Хасаном Исраиловым и родным братом первого командира Чеченской Красной Армии Асланбека Шерипова — Майрбеком. При разгроме этой организации число жертв достигло уже 1000 человек»[589]. Но антисоветское националистическое подполье на Кавказе (Грузия, Армения), в республиках Средней Азии и на Украине до конца так и не было разгромлено.

Националистические и сепаратистские настроения на Северном Кавказе, а также на Украине, в Крыму и недавно присоединенной Прибалтике резко усилилось с началом Великой Отечественной войны, выразившись в сотрудничестве многих националистических движений с вермахтом и спецслужбами фашистской Германии. Например, в уставе действовавшей на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны организации «Особая партия кавказских братьев» (ОПБК) формулировались следующие цели движения: гибель большевизма на Кавказе в результате содействия поражению России в войне с Германией; создание по мандату германского рейха на Кавказе свободной федеративной республики; выселение из региона русских и евреев и т. п.[590] Ряд членов этой организации, работавших в том числе и в государственных структурах Чечено-Ингушской АССР, были связаны с гитлеровской резидентурой.

Существовали повстанческие движения, ориентированные на фашистскую Германию, и в других регионах, например в Калмыкии[591]. О прибалтийских республиках нечего и говорить: здесь, как и на Украине, были сформированы не только части, воевавшие с Советской армией, но и карательные отряды, зачастую проводившие «этнические чистки». Разумеется, месть Сталина, а точнее — закамуфлированный геноцид в отношении к непокорным народам нельзя ничем оправдать. Но не стоит забывать о том, что попытки создать под крылом у гитлеровской

[589] *Садуллаев М. М.* Чеченскому роду нет переводу. Историко-публицистическое издание. М., 1998. С. 26, 31.
[590] См.: Альманах «Шпион». 1993, № 1. С. 23, 26.
[591] См.: *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину — «согласно вашему указанию». М.: Луч, 1995.

Германии независимые и «этнически чистые» государства были круто замешены на диком этническом национализме, жертвами которого становились не только русские, но и представители других этносов и этнических групп. Помимо Украинской повстанческой армии, оставившей после себя кровавый след, можно вспомнить и о так называемых Мусульманских комитетах крымских татар. Существует масса документов, свидетельствовавших о том, что эти комитеты и действовавшие при них татарские роты самообороны создавались гитлеровским командованием в первую очередь для борьбы с партизанами[592].

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты национальной политики СССР. Отмечу лишь, что, начиная с 1930-х годов, разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности». В русле политики ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения) и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности — «советского народа».

Важная, а быть может, и ведущая роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже — телевидению. Начиная с 1918 года, по всей стране возводились (иногда на прежних постаментах) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства: «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А. Н. Толстого, М. Шолохова, К. Федина, поэзией Маяковского и Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только

[592] Подробнее см.: Крымско-татарские формирования: документы третьего рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 41–62.

убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан *национальное* самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы – они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому, например, С. Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и проблематизирует саму возможность поддерживать национальную идентичность в мирное время[593]. С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн трудно согласиться. Но верно то, что монументы и могилы Неизвестного солдата являются его культурным источником, укрепляют национальное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта новая ответственность и общая «историческая память» должны быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования. Но именно в сфере образования политика государства была крайне непоследовательной.

Так, до середины 1930-х годов государственная система начального образования включала в себя русскоязычные и национальные школы. Лишь в 1938 году национальным школам вменяется задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом в целях ее упрощения была предпринята унификация графики — силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, — на

[593] *Хантингтон Самюэль.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 58, 62.

кириллицу. Все это должно было существенно изменить старую «парадигму» национальной школы, расширить ее культурно-стандартизирующий потенциал, частично изменить приоритеты. Но этого не случилось.

Ситуация кардинально меняется лишь к началу 1960-х, когда в кулуарах ЦК КПСС была наконец сформулирована идея формирования аналога нации — «советского народа». Именно тогда в школах союзных республик с преподаванием на родном языке утвердилась *модель двухкомпонентного содержания образования*. Она апробировалась с середины 1960-х гг. и обеспечивалась в полном объеме учебниками, подготовленными и изданными республиканскими издательствами. *Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать принцип унификации содержания школьного образования в Советском Союзе через внедрение единых учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР и выстроенных на русской и мировой культурах*. Поэтому, несмотря на жесткую критику и отказ от этой модели в 1990-е гг., *она объективно может рассматриваться как инструмент реализации* в рамках социалистической модернизации на базе идеологии интернационализма *политической программы формирования из разнородного полиэтнического социума единой гражданской нации — «советского народа»*. Из этого, как известно, ничего не вышло. Не только в силу просчетов политического руководства страны, но и очевидной ошибочности «генеральной линии партии» на реализацию концепции «некапиталистического развития» и форсированного прыжка «из феодализма в социализм».

Последствия этого оказались неоднозначны и были в значительной мере непредвиденными. Попытки модернизации социально-экономической жизни в Средней Азии и на Кавказе шли параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных, семейно-родовых отношений. Невзирая на усиливающую борьбу с религией как идеологическим конкурентом, новая власть так и не смогла искоренить мусульманские обряды и обычаи из повседневного быта. Мало того. Ангажированные Советской властью или примкнувшие к ней этнические элиты органично вросли в номенклатурную систему реализации властных отношений, адаптировав ее к иерархии по «кланам» и «родам». Это было тем легче, что и традиционное общество Кавказа и Средней (Центральной) Азии характеризовалось сочетанием авторитаризма с патернализмом, своеобразной социальной справедливостью

и коллективизмом. Этот фактор учитывался большевиками при формировании структур управления, но *не был ими понят как трансформирующий содержание социалистического строя*. В составе СССР находилось множество этнокультурных территорий, население которых жило по своим собственным, уходящим в глубокую древность законам, сохранившим традиционные социально-политические институты, которые не только приспосабливались к модернизации общественного уклада, но и его приспосабливали к своему облику. В итоге, споткнувшись о сопротивление многочисленных республиканских этнобюрократических элит и руководства РСФСР, Советский Союз распался.

* * *

Юридически формула «преференции в обмен на лояльность» была закреплена в Федеративном договоре 1992 года, росчерком пера превратившем РФ из централизованной в «договорную» асимметричную федерацию, где Центр и субъекты поменялись ролями. Теперь уже бывшие автономии стали стремиться и небезуспешно ограничить компетенцию центральной власти. Особенно ярко эта тенденция воплотилась в законах «О языках народов РСФСР», «О языках народов РФ» (1991/1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992/1996/2002) и соответствующих подзаконных актах, которые фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурно-лингвистическое пространство страны: тот самый принцип, который в этих законах был продекларирован. Интеллигенты из числа так называемых титульных этносов приняли в этом самое живое участие.

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик. В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 %, Республики Башкортостан — 45 %, Республики Татарстан — 53 %, а Республики Тыва — 80 %. Мало того. Вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках. Которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е годы стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории нацио-

нально-государственных субъектов РФ и *спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России*.

В этих, по сей день не отмененных, законах «государственными» на территории субъекта федерации провозглашаются, как правило, два языка — язык «коренной нации» и русский язык. До начала 2010-х в большинстве случаев республиканские законы о языке включали статьи, легитимизирующие льготы и преференции по этноязыковому принципу для представителей так называемых титульных этносов. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях. В 2012–2015 годах ситуация улучшилась: под давлением Центра в законы о языках были внесены серьезные коррективы, обеспечивавшие всем этническим группам республик документооборот, судопроизводство и обучение на родных языках.

Однако за прошедшее с начала 1990-х время благодаря усилиям этнонационалистов оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик России. Эти изменения касаются прежде всего так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титульного» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается прежде всего местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства. Как быть?

Прежде всего надо взглянуть правде в глаза и перестать использовать двойные стандарты. Мы можем сколько угодно возмущаться национальной политикой правительств Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, других государств, ущемляющих права так называемого русскоязычного населения. Но при этом должны понимать, что иначе (без «переписывания истории», создания национальных мифов, аккультурации иноязычного населения, создания содержательно единого коммуникационного пространства и т. п.) «нацию» построить нельзя. Должны помнить, что в той же Франции, например, силою заставившей миллионы своих граждан в XIX веке говорить на французском, преподавание на этнических диалектах было выборочно разрешено только в 1951 г.

А у нас? А у нас Министерство образования и науки РФ не только в свое время положило под сукно Концепцию государственной этнонациональной образовательной политики, но и попыталось исключить обязательное преподавание русского языка и литературы в старших классах. И это бездумное реформирование средней и высшей школы осуществляется в условиях, когда в национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев российскому государству, русскому и другим народам. Неслучайно, как только в 2008 году было объявлено об обязательном введении ЕГЭ на русском языке, а сейчас — о разработке проекта закона о «российской нации», интеллектуалы из национальных республик интерпретировали эти инициативы как покушение на языки и культуры народов России.

Озабоченность республиканских культурных элит понять можно: они боятся насильственной русификации, боятся потерять свои языки и культуру. И либо не понимают, либо не хотят понимать, что в *демократически устроенных федеративных «национальных государствах», помимо «нации сограждан», связанной общими системами культурных и политических ценностей, могут сосуществовать и развиваться нации иного — неполитического — типа: «этнонации», суверенитет которых определяется их лингвистической и культурной автономией.* Именно этот суверенитет следует поддерживать, не забывая о формировании «российской идентичности», которая прежде всего связана с политическими ценностями и политическими стандартами совместной жизни народов России. Разумеется, высокая степень культурной стандартизации также необходима. Должны быть общий государственный язык (остальные языки должны получить статус региональных) и единая национальная символика, общая — надэтническая — культура, общие традиции и главное — общее положительное отношение к надэтническому институту сограждан — государству. «Мы — граждане российского государства» — этот уровень политико-культурной идентификации людей разной этнической принадлежности в одно «воображаемое сообщество» — «российскую нацию» должен стать доминирующим. Пока этого нет, но этого можно добиться. Что же необходимо сделать?

* * *

В настоящее время в основополагающих документах национальной политики РФ (Федеральная целевая программа укрепления единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы) и Стратегия национальной политики РФ на период до 2025 года) существуют положения, которые должны быть уточнены или пересмотрены. Главное, в них нет строгого определения (и, как следствие, понимания) термина и фиксируемого им самого исторического феномена «российская нация» — последняя интерпретируется как издавна существующий «многонациональный российский народ», то есть как «нация наций», гражданское единство которой, тем не менее, надо укреплять.

С точки зрения науки такое — тавтологическое — определение некорректно. Кроме того, в нем имплицитно содержатся два понимания термина нация: «гражданско — политическое» и «этнокультурное». Предполагается, что «российская нация» — это некая гражданская общность, включающая в себя иные (этнокультурные) «нации» (этнонации). Однако различие этих двух типов наций должно быть выявлено и юридически зафиксировано.

При этом должно быть учтено важное обстоятельство: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных только узами общего гражданства. СССР и распадающаяся Украина тому примеры. Полноценное национальное государство — государство одной нации, в котором составляющие ее многочисленные «этносы» связаны между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком, и общей культурой.

Во-вторых, надо пересмотреть тексты уже упомянутых документов, изъяв из них положения, выдающие желаемое за действительное. В частности, в п. 11 Стратегии государственной национальной политики говорится, что «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов *России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру*» (курсив мой — *Ю. Г.*).

Что означает этот, заимствованный из семиотической концепции термин (Э. Кассирер, Ю. Лотман и др.), интерпретирующей «культуру» как совокупность знаков и символов, которые, собственно, и следует

«декодировать», в тексте, конечно, не разъясняется. Но разве кто-то из тех, кто вписал эту мало осмысленную фразу (представляя собой «культурное бессознательное», которое требует «дешифровки», «культурный код», не способен что-либо «интегрировать»), занимался «расшифровкой» кода «единой российской культуры», не говоря о культурных кодах других народов России?

Думаю, нет. Хотя дешифровка культурных кодов чеченского, калмыцкого, татарского и др. народов очевидно поможет эксплицировать «культурное бессознательное» этих этносов — неосознаваемые смыслы и запечатленные (в индивидуальном и массовом сознании) образы прошлого и чаемого будущего. Для этого, считают некоторые специалисты, нужны не социологические исследования, а специальные психоаналитические процедуры «импринтинга» (запечатления), выявляющие эти эмоционально окрашенные социальные «следы прошлого»[594].

Помочь могут и работы по символике многочисленных этнических культур, зафиксированных в первую очередь в языках этих народов. Но они свидетельствуют о вполне естественном различии культур, которые, повторю, пока не входят в «единую российскую культуру», но могут туда войти, *если государство озаботится переводами на русский язык эпоса и современных произведений литературы народов РФ, их внедрением в массовое сознание через русскоязычные школы и СМИ*, как это было в советское время.

Кстати, о языках обучения в школах национальных республик РФ. В подавляющем большинстве республик объемы (часы) изучения русского языка и русской литературы много меньше, чем в средних школах других субъектов РФ. Вместо того чтобы увеличивать эти объемы, их сознательно снижают, заставляя русскоязычных детей (вопреки желанию их родителей) изучать татарский, башкирский и др. языки, которые им не нужны. От всего этого надо решительно отказываться. И *от нынешней децентрализации образования*, когда учебные планы отданы в ведение образовательных учреждений (ст. 14, п. 6 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г.), *следует перейти к централизованному федеральному планированию учебных планов и программ*.

[594] Социальный импринтинг проявляется в наборе импринтов — встречающихся у людей базовых принципов, ценностей и этнических стереотипах, которые формируются у людей уже в раннем детстве через подражание, воспитание и обучение а затем регламентируют их отношение к вере, любви, дисциплине и, конечно, к «окружению», прошлому, настоящему и будущему.

Надо исследовать и «историческую память» народов России. Она делится на «естественную» (зафиксированную в фольклоре) и «сконструированную» этноинтеллектуалами, в том числе через этнические литературы и исторические сочинения, где доминируют интерпретации царской России как «тюрьмы народов» и выдуманные обоснования верховенства того или иного «титульного» («коренного») этноса. Разумеется, никакой «дружбы народов» в Российской империи и СССР никогда не было. Нет ее и не может быть и в современной России. Историческая память хранит воспоминания о многочисленных войнах имперской России на Кавказе, в Центральной Азии, о погромах, восстаниях и насильственных переселениях. Стереть эти воспоминания в обозримом будущем не удастся. Но их можно смягчить за счет актуализации эпизодов сотрудничества, положительной деятельности государства в области развития материального и культурного бытия многих народов: создания для них письменности, ликвидации неграмотности, развития систем образования, этнонациональных литератур, музеев, театров и др. видов искусства.

Продолжая вести борьбу с осознанными фальсификациями российской истории, вместе с тем пора перестать спорить о «канонических» и «альтернативных» историях России, апеллируя к их «истинности/ложности».

Надо понимать, что все исторические исследования «ценностно нагружены», представляют собой более или менее удачные исторические реконструкции прошлого, ни одна из которых не имеет полного эмпирического подтверждения, и к их содержанию не применима классическая концепция истины. В той или иной мере все они являются результатом научных конвенций, созданных в пределах тех или иных исторических «парадигм», сменяющих друг друга главным образом по мере того, как адепты прежних просто уходят из мира сего (М. Планк). Поэтому государство, озабоченное, допустим, построением и укреплением «российской нации», имеет право выбирать и поддерживать те научные работы, которые способствуют реализации этой задачи. Опираясь на этот выбор, оно, в зависимости от многих меняющихся обстоятельств, в лице бюрократии, правящих патриотически настроенных интеллектуальных элит и с учетом мнения гражданского общества формирует свое будущее посредством исторического воображения «прошлого»: его постоянного переосмысления («переписывания») в качестве «исторической основы» последующего конструирования

социальных, экономических и политических *утопий* (планов), некоторые из которых впоследствии реализуются. Но не только потому, что мы, подобно «законам природы», «узнали» некие «законы истории» и действуем в соответствии с ними. В отличие от законов природы социально-исторические закономерности имеют вероятностный (статистический) характер, реализуясь в совместной целенаправленной деятельности людей. Понимание этого обстоятельства избавляет от плоского сциентизма, акцентируя внимание на открытости будущего конструктивистским устремлениям масс и элит: изменения действительности не только с позиций *знания* «прошлого» и «настоящего» (сущего), но и *«мнения»* о них с точки зрения воображенного «должного будущего».

Именно с этих позиций следует относиться и к учебникам истории, задача которых в национальных государствах состоит не только в передаче неких «объективных» исторических знаний (таковых просто нет), но и в *создании «национального мифа»:* движения исторического процесса к предзаданной цели, в нашем случае — «российской нации». Такой учебник *«История России» надо просто создать и обязать к изучению во всех школах России,* оставив многочисленные альтернативные интерпретации для вузов и специалистов.

Стратегия формирования «российской нации» связана с развитием в России политической демократии, институтов гражданского общества и, конечно, общенациональной системы образования. *Сохраняя в своем составе «национальные школы», эта система должна быть содержательно единой и выстраиваться на основе «образовательных округов», территориальные границы которых не должны совпадать с границами субъектов Федерации.*

Образовательное пространство России надо унифицировать. И, наконец, — осуществив этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.

Одновременно следует увеличить процент передач и программ на русском языке на республиканском теле -и радиовещании, насытив их информацией и сюжетами из истории сотрудничества народов России, русской и мировой культуры. То же самое следует сделать и федеральным телеканалам, радиокомпаниям и печатным СМИ. Ключевую роль

здесь должно сыграть государство, формируя заказ на создание общего символического пространства для всех народов. Без этих и других мер нам не удастся воспитать патриотов России.

4.6. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ

12 декабря 2018 года Россия скромно отметила 25-летие принятия своей Конституции. Незадолго до этой даты в «Российской газете» была опубликована крайне интересная статья председателя Конституционного суда РФ Валерия Зорькина «Буква и дух Конституции», которую наши записные пропагандисты предпочли не заметить. А между тем обсуждаемые в ней вопросы имеют принципиальное значение для настоящего и будущего страны. В частности, подчеркивая основополагающую роль Конституции для сохранения общественного согласия и устойчивого развития РФ, председатель КС обратил внимание, что некоторые ее положения, дабы быть эффективно использованы в правоприменительной практике, требуют конкретизации. Так, например, статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако, заметил Зорькин, «закрепленные здесь (ключевые для конституционного правопонимания!) понятия „достойная жизнь“ и „свободное развитие человека“ еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления»[595].

К этому наблюдению следует добавить, что в Конституции не конкретизируется и содержание термина «социальное государство», не уточняется, какой тип и какая модель социального государства реализуются в современной России. А между тем, как было показано, формирование такого социально-политического феномена, как «социальное государство», исторически было связано с возникновением понятия «социальная справедливость». Как замечательно сформулировал амери-

[595] *Зорькин Валерий*. Буква и дух Конституции // Российская газета. Федеральный выпуск № 7689 (226). 09.10.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html (дата обращения: 08.02.2020).

канский философ Д. Ролз, «справедливость — это первая добродетель социальных институтов, точно так же, как истина — первая добродетель систем мысли». К сожалению, подчеркнул председатель КС, «наше обществознание не проявляет надлежащего интереса к этой теме». Не была она обсуждена и в Послании ФС президента РФ В. В. Путина 15 января 2020 года. А между тем вопрос о характере нашего социального государства, о перспективах его развития остается самым принципиальным.

Не следует забывать, что включение в Конституцию Российской Федерации принципа социального государства стало результатом компромисса и драматической борьбы политических сил осенью 1993 года. Тогда в проекте Конституции, внесенном представителями Президента Б. Н. Ельцина, этот принцип отсутствовал. Напротив, в проекте левых сил он был включен уже в первую статью Конституции. Ельцин пошел на компромисс и согласился на включение этого принципа в первую главу Конституции, в качестве Статьи 7, чтобы заручиться поддержкой населения России, которое должно было голосовать вскоре после расстрела парламента.

Тогда большинство граждан РФ поддержали проект новой Конституции, придав тем самым закрепленному в ней принципу социального государства статус универсально-правовой обязательности и для государственных служащих, и для всех граждан новой России. Это, отмечают исследователи, подняло саму Конституцию РФ на высокий гуманистический уровень, сделав Основной закон нашей страны одним из лучших законодательных актов мира. Но слова и реальные дела власть имущих, как это часто бывает, разошлись: консенсус был достигнут, юридически закреплен, но до сих пор полностью не исполнен. По многим причинам, но главным образом — из-за форсированного скачка из социализма в капитализм, который осуществили радикал-либералы в начале-середине 1990-х.

Все началось с «разгосударствления собственности», которая прошла в три этапа. На первом этапе были проведены так называемые малая и чековая приватизации (1992–1994). Малая приватизация — продажа предприятий через аукционы позволила приватизировать до 70 % предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий позволила их директорам и «номенклатуре» получить преимущества при приватизации предприятий, а вместе с ними — и «теневым структу-

рам», действовавшим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса.

Второй этап (1995 г.) открыли залоговые аукционы, проведенные с целью пополнить государственную казну за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших госкомпаний-монополистов. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические заводы, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене, положив начало «семье олигархов», которые позже подмяли под себя целые отрасли экономики. К началу 1998 года этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО «Норильский никель».

Третий этап, длящийся с 1996 года по настоящее время, отличается продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие сговор претендентов. Крупная собственность «тихо» продается, параллельно продолжается интенсивная смена собственников в результате рыночных операций слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточенных акционерных войн, рейдерских захватов, процедур банкротства в пользу «своих» людей, других противоправных действий. На всех трех этапах приватизации отмечается участие криминальных группировок. В этих условиях дележа «государственного пирога» до практической реализации конституционных деклараций о «социальном государстве» дело в подавляющем большинстве случаев так и не дошло.

Это подтвердило состоявшееся в 1995–1998 годах международное исследование «Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток – Запад. 1995–1998» («Restructuring the Welfare State: East and West compared»), целью которого было сопоставление процессов перестройки социальной политики в России, Польше, Дании, Франции и Великобритании с акцентом на проблемах занятости. Российской частью проекта «Социальная политика и политика занятости в России. 1995–1998», как уже отмечалось, руководил О. И. Шкаратан. «В ходе исследования, — отмечала участник проекта Т. И. Сидорина, — мы пришли к выводу, что при выборе направления реформ в социальной сфере определяющими были два фактора: инерция социальной политики советского времени и неправомерная переоценка возможности

приложения в российских условиях западных моделей социальной политики»[596]. Федеральное правительство тогда настаивало на проведении социальной политики неолиберального типа. Но в итоге не удалось сформировать даже социальное государство социал-демократического (неокорпоративистского) образца: Торгово-промышленная палата, Союз промышленников и предпринимателей, другие организованные ассоциации бизнеса, с одной стороны, и профсоюзы разного масштаба не находили общего языка, а слабое государство не хотело и не могло согласовать их интересы. И это объяснимо. В условиях повсеместной коррупции, срастания криминала с бизнесом и «дикого» олигархического капитализма государство могло лишь сохранять патерналисткую модель социальной политики, сформированную еще в Советском Союзе. И это было спасением от вполне реальных социальных катаклизмов, назревавших тогда в Российской Федерации. Да и теперь социальная политика страны выстроена в основном по советским лекалам.

Бытует мнение, что Советский Союз был одним из первых социальных государств мира. Но это не так. Согласно нашему пониманию, приведенному в начале книги, СССР «по определению» не был социальным государством. Поскольку в Советском Союзе фактически не было разделения ветвей власти, не было классов, независимого гражданского общества и рыночной экономики. Трудящиеся были отчуждены от собственности. Но это не означало, что у недемократического однопартийного государства не было социальной политики. Наоборот. Она была и была очень значительной. *Но в СССР сложилась патерналисткая модель социальной политики в условиях этакратического общественного устройства,* в том числе и устройства социальной сферы. Как отмечают исследователи, последняя характеризовалась *сословно-слоевой стратификацией иерархического типа,* в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотнесенных с ними привилегиях. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. И дифференциация населения по уровню и качеству жизни продолжает расти.

Переход от плановой государственной экономики к экономике смешанной (государственно-рыночной) оказал значительное влия-

[596] *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 360.

ние на изменение источников и форм доходов населения. Но крайним упрощением было бы сводить анализ этих проблем лишь к изучению причин бедности и характеристикам «бедных людей» в противопоставлении их «богатым». Сегодня статистические органы собирают и публикуют показатели уровня жизни в большем объеме, чем в 1990-е годы, когда дифференциация доходов достигла «зияющих высот». Но и теперь в ходе анализа этой проблемы акцент делается, как правило, на проблемах бедного населения, бедных домохозяйств, находящихся в состоянии абсолютной бедности, которая действительно имеет угрожающие размеры в России. В 2016 году доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума достигла 13,4 %. Сейчас ситуация немногим лучше. По состоянию на 2017 год 26 % российских детей проживали в семьях с уровнем дохода ниже прожиточного минимума, свидетельствует статистика Росстата, опубликованная 31 июля 2019 года. В апреле – июне 2019 года доход ниже прожиточного минимума получили 18,6 млн россиян, то есть 12,7 % всех жителей страны. Большинство из них — это семьи с детьми. Физическое же сокращение числа бедных во II квартале 2019 года в сравнении с I кварталом составило 1,6 %, или около 1,7 млн человек. 27 января 2020 года на заседании бюро высшего совета партии «Единая Россия» вице-премьер правительства РФ Татьяна Голикова подтвердила эти цифры. В июне 2019 года Татьяна Голикова говорила, что около 51 % многодетных семей в России находятся за чертой бедности. Она назвала это общей проблемой регионов страны. Но забыла добавить, что эта проблема существует в то время, когда огромные богатства принадлежат узкому кругу лиц, состояния которых увеличиваются из года в год.

Между тем к этим двум полярным группам — бедным и сверхбогатым не сводится проблема уровня и качества жизни населения страны. Следует обратить внимание, отмечают исследователи, и «на такое разделение населения по уровню жизни, которое, служит зримой констатацией глобальной социальной дифференциации общества — на тех, кто за последние 25 лет преуспел в жизни, выстроил условия благополучного существования (а это не только сверхбогатые и богатые), и тех, кто терпит лишения и существенные ограничения в удовлетворении своих потребностей, даже не опустившись за черту абсолютной бедности»[597].

[597] *Беляева Л. А.* Рост доходного неравенства и социальных дистанций в российском обществе // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. М., 2019. С. 112.

В совокупности абсолютную и относительную бедность российских людей, которые имеют доход ниже черты относительной бедности, специалисты оценивали в 2016 году на уровне 26 %, при этом половина из этой совокупности людей находится в состоянии «абсолютной бедности». Иными словами, одна четверть населения страны лишена возможности удовлетворять основные потребности и имеет ограниченные ресурсы для развития своего человеческого потенциала и повышения социального и материального статуса. У бедных отсутствует «бюджет развития», который мог бы способствовать формированию их человеческого потенциала.

Мало того. В современной России происходит рост и концентрация богатства в высокодоходных группах населения, и углубляется поляризация доходов от занятости и доходов из других источников. Причем *неравенство растет вместе с ростом совокупных доходов населения*. Для российского общества характерно не просто «неравенство», а «избыточное неравенство»[598], которое стало главным фактором социального напряжения, недовольства внутренней политикой государства и ощущения несправедливости общественного устройства.

Что это означает? Прежде всего то, что материальная дифференциация общества по доходу и богатству и сейчас, и в будущем будет генерировать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества семей с высокими доходами в развитии их «человеческого капитала» (своего, своих детей и близких), наращивание ими социального и символического капитала уже теперь стали барьером на пути к вертикальной мобильности выходцев из других социальных слоев. Но ведь в демократическом социальном государстве *справедливость в распределении доходов предполагает следование принципу стартовой справедливости для личности:* равенства возможностей в материальном обеспечении, в образовании, здравоохранении. Поэтому в современной России *необходимо сосредоточить внимание на стартовой справедливости в образовании, которое может обеспечить восходящую социальную мобильность всем способным детям, в том числе из плохо обеспеченных семей*. Опыт высоко модернизированных европейских стран показывает, что равенство в получении хорошего образования коррелирует с успехами страны в инновационном развитии.

[598] «Избыточное неравенство» — неравенство, обусловленное низкими доходами тех слоев населения, которые не могут существенно влиять на собственное экономическое положение.

Для достижения такой цели необходимо усовершенствовать систему образования на всех ее уровнях, увеличить ее государственное финансирование, число бесплатных мест в вузах. А пока же, до 2024 года, намечено сокращение таких мест на 25 %. В абсолютном выражении снижение составит 165,2 тысячи бюджетных мест по сравнению с 2018 годом. Эти изменения коснутся в основном периферийных вузов, тем самым стартовые условия для социальной мобильности молодежи в регионах будут урезаны. А вот этакратический характер нашей страны никуда не денется: «этакратизм ориентирован на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания»[599]. К сегодняшнему дню это имеет прямое отношение.

Современная Россия унаследовала и сохранила многие характеристики этакратического общественного устройства СССР. В области пенсионного страхования продолжает сохраняться стратификация иерархического типа: согласно пенсионным законам все население РФ поделено на два лагеря. К первому принадлежат представители слабо защищенных социальных слоев (инвалиды, дети-сироты, ветераны ВОВ, блокадники и т. д.), а также госслужащие (военные, судьи, прокуроры, сотрудники МВД, ФСИН, гражданские чиновники и др.). Для них предусматривается государственное пенсионное обеспечение, то есть регулярные выплаты из госбюджета (для льготников — копеечное, а для госслужащих, понятно, совсем другое). Все остальные — обычные граждане — получают пенсии за счет страховых выплат работодателей в Пенсионный фонд России. Иными словами, *в России действует две параллельные пенсионные системы*. Лица, находящиеся на госслужбе РФ — представители «служилого сословия», получают пенсии из бюджета, а не из ПФР. На них не распространяются новая «пенсионная реформа», повышение пенсионного возраста, который им повысили еще 2017 году.

Точно так же в России действует многослойная (корпоративная) система здравоохранения. Обеспечение медуслугами госслужащих, например, у нас регулируется отдельным законом, по которому они вправе пользоваться альтернативной системой здравоохранение — ведомственными поликлиниками и больницами. Кроме того, в 2014 г.

[599] *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество икультура / Пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Наука, 2000. С. 38.

были внесены поправки в статью 42 ФЗ № 314 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Согласно им, финансирование медобслуживания госслужащих производится из двух источников — из Фонда ОМС и, дополнительно, из госбюджета. А «обычные граждане» с 2015 г. могут рассчитывать лишь на одноканальное финансирование — из ФОМС. Фактически закон гарантирует чиновникам особые условия медобслуживания и особые условия отдыха, которые ранее полагались лишь работникам вредных производств и жителям закрытых территориальных образований. И этот перечень социального неравенства (в сфере образования, обеспечения жильем и т. д.) можно продолжить. И обратить внимание, что если бы все имеющиеся у высших госслужащих льготы «монетизировать» (как, видимо сгоряча, предлагал в 2012 году Д. А. Медведев), то, по оценкам экспертов, их официальные зарплаты могли бы взлететь до 14–15 млн рублей в месяц, что, конечно, вызвало бы массовое возмущение граждан.

А между тем по уровню бедности (т. е. размерам пенсий и зарплат ниже и чуть выше прожиточного минимума — с 2019 года это 11 280 руб.) Россия опережает большинство европейских и многие азиатские страны. Глава Счетной палаты Алексей Кудрин заявил, что текущий уровень бедности населения при существующем уровне валового внутреннего продукта (ВВП) является «позором». А в майском указе 2018 года Президент Путин поставил задачу к 2024 году сократить бедность в 2 раза, а продолжительность жизни увеличить до 78 лет.

Эти намерения были бы осуществимы, если бы оказалась возможной реализация самой амбициозной из 10 заявленных в указе задач: «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %». Но при существующей внешней политике, благодаря которой Россия еще долго будет оставаться под санкциями, а значит — продолжать реализовывать «бюджетное правило» (отправлять планируемый почти 2-х триллионный профицит бюджета в фонд национального благосостояния, т. е. покупать ценные бумаги других стран), рассчитывать на это не приходится. Хотя было бы логично в сложившейся ситуации увеличить инвестиции в социальный капитал, чтобы стимулировать экономический рост. Ведь с таким профицитом можно удвоить расходы на медицину и образование или поднять пенсии почти в полтора раза! Но только не у нас.

Разумеется, откровенную несправедливость нашей социальной политики можно отнести на счет «сбоев» в работе правительства или на издержки его будто бы неолиберального курса. Думаю, это ошибочное мнение. Либеральное государство западного образца действительно оказывает гражданам лишь минимальные социальные услуги, защищает лишь самые основные социальные права, предоставляя возможность все остальное «добирать за счет рынка». Но и налоги оно собирает по минимуму и бюрократический аппарат имеет незначительный. У нас же наоборот. По данным Росстата, с 2000 г. количество чиновников (госслужащих и «муниципалов») возросло примерно на 1 млн человек. Следовательно, *нужна системная модернизация* России, исключающая имитацию и формализм, но включающая в орбиту своего осуществления все сферы жизни общества.

Многие считают это невозможным в стране, экономика которой представляет собой «капитализм для своих», а социальная политика ориентирована на поддержку «своих бюрократов». Последние больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны — ослабления «властной вертикали», скрепляющей ассиметричную РФ. Она действительно до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем не стоит ждать изменения курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны и ее социальное развитие.

Но именно этого не происходит благодаря ручному управлению и «качеству» нашей федеральной и региональной административной элиты. Последняя ориентируется на «указы» и как огня боится, как заявил недавно Д. Песков, «страшного гнева» президента. И поскольку реальность не соответствует поставленным задачам, появляется соблазн списать все на счет Росстата (24.12.2018 многолетний руководитель ФСГС был отправлен в отставку) и подправить «статистику» изъятием из расчетов или уточнением некоторых показателей. Всех тогда позабавили заявления Д. А. Медведева на Гайдаровском форуме о том, что «статистика находится в тупике», а такой показатель, как ВВП, вообще мешает работать. «Может быть, пора отказаться от этого показателя, чтобы адекватно отразить состояние экономики», —

заявил премьер. А незадолго до этого (24 декабря 2018 г.) первый вице-премьер РФ А. Силуанов заявил журналистам об «ужасном качестве» методики расчета «реальных доходов» населения. Ведь по данным Росстата доходы граждан не растут, а снижаются уже пять лет подряд. Что делать?

Правильно — назначить нового руководителя Росстата и поменять методики расчета. Такова бюрократическая логика подмены действительного положения дел «цифровой реальностью». «Замыкаясь в своем мирке, — справедливо констатирует Шелин, — наши вожди приступили к битью любых зеркал, в которых могли бы увидеть хоть какой-то кусочек реальной жизни. Их больше не устраивают даже лакированные сводки, поставляемые ими же выдрессированными статистическими и опросными службами. Но отменить действительность они могут только для самих себя»[600]. Так что не стоит «на зеркало пенять». Надо не только менять персональный состав правительства, а переходить к стратегии системной модернизации страны, составной частью которой может стать *доктрина формирования современного социального государства, способная перевести страну на путь гуманистического саморазвития*.

Учитывая опыт передовых стран, это должна быть доктрина строительства *государства социал-демократического типа,* отменяющая сформированное у нас государство «примитивного либерализма» и ориентированная на ряд преобразований в экономике, праве, социальной сфере, гражданском обществе, итоги которых способны трансформировать сферу человеческой экзистенции в направлении к обретению гражданами смысла существования, самоощущению подлинности бытия.

В области экономики модернизация означает *переход от корпоративно-олигархического «капитализма для своих» к «социально ориентированному рыночному хозяйству»*.

В социальной сфере следует *сосредоточить усилия на изменении конфигурации социального и социокультурного пространства РФ, сокращении социальных и культурных (образовательных) дистанций.* Средства для этого могут быть разными. Самые первоочередные — справедливое распределение национального богатства, повышение качества массового среднего и высшего образования, реиндустриализация экономики и

[600] *Шелин С. Г.* Вожди бьют зеркала // Росбалт. 18.01. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/blogs/2019/01/18/1758835.html (дата обращения: 08.02.2020).

достойная зарплата наемных работников, развитие постиндустриального сектора, способного создавать высокоэффективные рабочие места, способствующие массовой мобильности в более высокие социальные слои, создание институциональных условий для развития предпринимательства.

Современное социальное государство не может быть патерналистским, плодя тунеядцев и иждивенцев, блокируя экономическую и другую творческую активность людей. *Необходимы совместные усилия государства и гражданского общества*. Последнее также требует модернизации в виде перехода на новый уровень самоорганизации и траекторию саморазвития, способную реализовать интенцию к гуманизму социальной системы.

Указанные направления могут быть ориентирами для *формирования национальной модели российского социального государства*, учитывающей экономические, политические и социокультурные особенности развития народов и регионов России.

Характерной чертой этой модели должна быть универсальность: получение социальных благ должно рассматриваться как неотъемлемое право каждого индивидуума вне зависимости от его происхождения, возраста, гендерной принадлежности, профессии или трудового статуса. *А целевыми установками* должны стать *борьба с бедностью, высокая занятость, выравнивание доходов населения* (разрыв в доходах бедных и богатых слоев населения растет), *развитие систем социального страхования и социальной защиты, содействие развитию институтов гражданского общества*.

В перспективе Россия как социальное государство — это государство социальной справедливости, солидарности и реального социального гуманизма. Достижимо ли это? Пока непонятно. Но коль скоро история есть «деятельность преследующего свои цели человека», надежда на это определенно есть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внимательный читатель, конечно, заметил, что многие проблемы, поставленные автором, так и не получили окончательных и однозначных решений. Станет ли в обозримом будущем Россия «национальным государством»? И перейдет ли созданное в Российской Федерации «государство модерна» в разряд государств «всеобщего благосостояния»? Оседлавшие газетные полосы и телевизионные эфиры записные пропагандисты и «политологи», вкривь и вкось (но всегда с одобрением) толкующие социальные и конституционные инициативы-2020 президента В. В. Путина, «всегда готовы» дать ответы на любые вопросы. О чиновниках говорить не приходится: те всегда все знают точно и наперед. Они уже подсчитали, что озвученные 15 января 2020 Владимиром Путиным в послании Федеральному Собранию меры будут стоить бюджету около 4 трлн рублей и позволят к концу 2020 года снизить количество бедных на 10 %. Вот что значит — иметь вместо головы калькулятор! Но я бы не был так оптимистичен. Даже если все обещанное будет реализовано, это не решит тех проблем, о которых было сказано выше.

Статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Но об этой ключевой задаче — создании условий для жизни, обеспечивающей достоинство человека и его свободное развитие — в Послании ФС не было сказано ни слова. А ведь именно эта задача должна стать определяющей на ближайшие десятилетия: переход от социально-слабого государства к развитому государству «всеобщего благосостояния», более понятному для большинства как государство «всенародного благосостояния». Для ее решения, повторю, нужна Федеральная целевая программа трансформации сложившегося

в России государства в новое качество. Иначе — системная модернизация страны, способная обеспечить ее развитие на принципах социальной справедливости, солидарности и реального социального гуманизма.

Достижимо ли это? Опыт многочисленных отечественных модернизаций пока не вселяет оптимизма: на протяжении столетий страна продолжает плестись в «колее зависимого развития»[601]. Десятки государств Европы, а с ними Канада, Австралия, ряд других стран Запада поддерживают политику санкций США в отношении РФ (так же, как в отношении Ирана), поскольку не считают ее принадлежащей к европейской (евро-атлантической) цивилизации, а значит — и «европейской державой», способной играть по сформированной «большой Европой» правилам. Владислав Сурков объяснил этот феномен гибридностью российской цивилизации, вместившей в себя и Восток, и Запад, напоминающей человека, рожденного в смешанном браке. «Россия — это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока... Замечательные слова, никогда не сказанные Александром Третьим, „у России только два союзника, армия и флот“ — самая, пожалуй, доходчивая метафора геополитического одиночества, которое давно пора принять как судьбу»[602].

Справедлива такая оценка? Пожалуй. Тем более что автор заканчивает статью на оптимистической ноте, ну а «геополитическое одиночество» как долговременная историческая тенденция — характерная черта многих крупных стран — цивилизаций. Главное, чтобы оно не провоцировалось намеренным изоляционизмом, у которого уж точно нет будущего. Важно, чтобы в грядущей и, к сожалению, неизбежной борьбе за ресурсы Россия сохранилась как суверенная, пусть и гибридная, цивилизация.

К сожалению, до сих пор решение проблемы цивилизационной принадлежности России, ее способности осуществить системную модернизацию на собственной цивилизационной основе продолжает

[601] Подробнее см. *Гранин Ю. Д.* Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии? 2014. № 4. С. 14–24.

[602] *Сурков Владислав.* Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. 9 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477 (дата обращения: 08.02.2020).

оставаться в горизонте неопределенности. Уже в который раз Россия, зажатая между Западом и Востоком, оказывается в ситуации выбора, раз за разом являя миру череду попыток обретения собственной (разной, всякий раз новой) цивилизационной идентичности[603]. Не единожды Запад выступал для нас в качестве образца для подражания, что, между прочим, порождало удивительную реакцию на источник заимствований, получившую в социологической литературе название ressentiment (чувство ненависти, злобы и обиды). Но удивительным образом из этого психологического состояния («невыносимой несовместимости») вырастают противоположные социально-психологические последствия — созидательный импульс, с одной стороны, и аномия, с другой. В обоих случаев происходит трансформация ценностной шкалы цивилизации — переоценка ее ценностей, но с «разным знаком».

В одних случаях в ментальном пространстве (менталитете) определенных социальных групп происходит распад системы устоявшихся ценностей и норм, ранее поддерживавшей традиционный общественный порядок, из-за ее несоответствия новым сформулированным и принятым государством идеалам (аномия). В других — использование прежней ценностной иерархии для трансформации нововведений по старым образцам. В конечном счете происходит размывание «культурного ядра» цивилизации в срезе его нормативных оснований. Поэтому все попытки европеизации (модернизации) России на протяжении столетий были поверхностными и очень часто имели имитационный характер.

Используемая Россией на протяжении многих лет стратегия «догоняющего развития» оказалась неуспешной и из-за несовременности российского государства, препятствовавшего вхождению России в пространство «модерна». Значит, начинать модернизацию страны следует с трансформации российской государственности, ее перестройки на европейский лад? Но в обозримом будущем это вряд ли осуществится в силу имперского характера российского государства — наиболее удобного и привычного способа управления полиэтническим, лингвистически и конфессионально гетерегонным российским социумом. Кроме того, поспешная демократизация России по евроатлантическим лекалам чревата распадом асимметричной Российской Федерации. Уповать следует на «просвещение» российских элит, на то, что авторитаризм политической власти будет авторитаризмом развития, а не стагнации.

[603] *Гранин Ю. Д.* Государство как фактор цивилизационного развития России // Вопросы философии и психологии. 2019. № 1 (6).

В горизонте этого развития, в частности, должна быть ориентация на формирование «российской нации», на социализацию нашего государства, развитие отечественной науки и культуры, в том числе философии и социальных наук, которые совместно должны разработать российский проект цивилизационного развития. Опыт Китая, Индии и Японии свидетельствует о возможности цивилизационно различных стран создавать альтернативные западному модернизму эффективные стратегии развития. Это же может и должна сделать Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтер П.* Этапы образования национальных государств в Европе // Этнос и политика. Хрестоматия. — М.: УРАО, 2000. — С. 155–157.
2. Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции. — М.: АСТ, 2005. — 187 с.
3. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. — М.: РГГУ, 2000. — 256 с.
4. *Аналионис Г. П., Зотова Н. А.* Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации. — М.: Международные отношения, 2005. — 676 с.
5. *Андерсон Бенедикт.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон Пресс Ц, 2001. — 288 с.
6. *Андреев И. Л.* Швейцарское товарищество по присяге: реликт прошлого или воспоминания о будущем? // Вестник Российской Академии Наук, 2007. — Т. 77. — № 1. — С. 84–89.
7. Антиглобализм: новые повороты. Сборник. — М.: ЛО «Московия», 2005. — 224 с.
8. *Антонов Михаил.* От капитализма к тоталитаризму. Мир в XXI веке и Россия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm (дата обращения: 08.02.2020).
9. *Антюшина Н. А.* Шведский опыт строительства социального государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. — № 2. — С. 16–25.
10. *Балакин В. Д.* Творцы Священной Римской империи. — М.: Канон Пресс, 2004. — 420 с.
11. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности. — М.: ЛОГОС, 2004. — 288 с.

12. *Бауман Зигмунт.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004 — 188 с.
13. *Бек Ульрих.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 464 с.
14. *Белков П. Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Под ред. А. В. Попова. — М.: Восточная литература, 1995. — С. 165–187.
15. *Бицилли П. М.* Нация и государство // Родина. 1993, — № 11, с. 61–66.
16. *Бирнбаум П.* Национализм: сравнение Франции и Германии // Вопросы социологии. 1993, — № 1/2.
17. *Бжезинский Збигнев.* Великая шахматная доска. Господство Америки и геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 2005. — 256 с.
18. *Бондаренко Д. М.* Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. 2014. —№ 2, — С. 164–188.
19. *Бондаренко Д. М., Коротаев А. В.* (ред.). Цивилизационные модели политогенеза. — М.: ЦЦРИ РАН, 2002. — 342 с.
20. *Бородай Ю. М.* Этнос, нация, государство // Полис. 1992. — № 5, 6. — С. 19–21.
21. *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002, — С. 201–235.
22. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. — М.: Наука. 1983. — 267 с.
23. *Буданова В. П.* «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элиты и этнос средневековья. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — С. 127–135.
24. *Буданова В. П.* «Желанная земля» в духовной традиции германской элиты // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. — М.: Изд-во МГУ, 2002. — С. 13–21.
25. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество. — М.: Мысль, 1992. — 525 с.
26. *Буров В. Г.* Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. — М.: ИФ РАН, 2005. — С. 48–69.

27. *Буров В. Г., Федотова В. Г.* Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. — № 5, — С. 7–20.
28. *Бьюкенен Патрик Дж.* Смерть Запада. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2005. — 364 с.
29. *Бьюкенен Патрик Дж.* На краю гибели. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. — 352 с.
30. *Валлерстайн Иммануэль.* После либерализма. Пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
31. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. — 416 с.
32. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. Перевод с англ. под редакцией В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. — 368 с.
33. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. Отв. ред. М. П. Мчедлов. — М.: Культурная революция, 2007. — 368 с.
34. Векторы взаимодействия гражданского общества и современного государства. Под ред. Сигалова К. Е. Монография. — М.: Финансовый университет, 2018. — 224 с.
35. *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. — Киев, 1994. — 618 с.
36. Восточная Европа. Национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. Антология. — М.: ИНИОН РАН, 2007. — 132 с.
37. *Галкин А. А.* Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. — М.: ИНИОН РАН, 2004. — С. 12–18.
38. *Гегель Г. В. Ф.* Соч. Т. 3. Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа. Пер. Б. А. Фохта. — М.: Госполитиздат, 1956. — 371 с.
39. *Гегель Г.* Конституция Германии // Политические произведения. — М.: Политиздат, 1978. — С. 168–182.
40. *Геллнер Э.* Нации и национализм // Вопросы философии. 1989. — № 7. — С. 119–131.
41. *Геллнер Эрнст.* Нации и национализм. Пер. с англ. Т. В. Бердаковой и М. К. Тюнькиной. — М.: Прогресс, 1991. — 319 с.

42. *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку: ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М., 2004. — 340 с.
43. Глобализация сопротивления. Борьба в мире идей. Отв. редакторы С. Амин и Ф. Утар. Пер. с англ. И. Г. Левиной. — М.: УРСС, 2004. — 304 с.
44. Глобализация. Экономические реалии и политические мифы. — М.: Юнити-Дана, 2006. — 112 с.
45. Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире. — М.: АСТ, 2005. — 446 с.
46. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Данте. — М.: Молодая гвардия, 1967. — 288 с.
47. *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии: Пер. с нем. — СПБ.: Наука, 2003. — 576 с.
48. *Гранин Ю. Д.* Социальное государство и его исторические воплощения // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. И. Баумана. Электронный журнал. 2019. Выпуск 4 (78). [Электронный ресурс]. DOI 10.18698/2306-8477-2019-4.
49. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Проектные решения, 2014. — 240 с.
50. *Гранин Ю. Д.* Глобализация, нации и национализм. История и современность. — М.: Академия Медиаиндустрии, 2013. — 282 с.
51. *Гранин Ю. Д.* Нации и национализм. Теория и история. — М.: Академия медиаиндустрии, 2016. — 280 с.
52. *Гранин Ю. Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования. — М.: ИФ РАН, 2007. — 167 с.
53. *Грин Дэвид.* Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Пер. с англ. М. Коробочкина. — М.: Новое издательство, 2009. — 232 с.
54. *Гринфельд Лия.* Национализм. Пять путей к современности. — М.: ПЕР СЭ, 2008. — 528 с.
55. *Гриффин Р.* Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии, 2006. — № 12. — С. 51–63.
56. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Мысль, 1989. — 764 с.
57. *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. — М.: Наука, 1992. — 336 с.

58. *Данн Отто.* Нации и национализм в Германии 1770–1990. — М.: Наука, 2003. — 470 с.
59. *Дойч Карл.* Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. — М.: УРАО, 2000. — С. 62–74.
60. *Дэвис Н.* История Европы. — М.: Транзиткнига, АСТ, 2007. — 943 с.
61. Европейские революции 1848 г.: Принцип «национальности» в политике и идеологии. — М.: Индрик, 2001. — 460 с.
62. Западная Азия: Этнополитическая ситуация. РАН. Ин-т востоковед. — М.: Наука, 1993. — 232 с.
63. *Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С.* Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии. — М.: Интердиалект, 2002. — 164 с.
64. *Иноземцев В. Л., Караганов С. А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. — № 1.
65. *Калашников С. В.* Очерки теории социального государства. — М.: Экономика, 2006. — 262 с.
66. *Калхун К.* Национализм. — М.: АСТ, 2006. — 280 с.
67. *Кочеткова Л. Н.* Социальное государство. Опыт философского исследования. — М.: Либерком, 2016. — 160 с.
68. *Кантор Владимир.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. Проблеме имперского сознания в России. — М.: РОССПЭН, 2008. — 542 с.
69. *Кармадонов О. А.* Глобализация и символическая власть // Вопросы философии, 2005. — № 5. — С. 49–56.
70. *Кармадонов О. А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии, 2008. — № 2. — С. 29–41.
71. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 520 с.
72. Китай в XXI веке. Глобализация интересов безопасности. — М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Наука, 2007. — 328 с.
73. *Козинг А.* Нация в истории и современности (Исследование в связи с историко-материалистической теорией нации). Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1978. — 288 с.
74. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. Перевод с англ. под редакцией В. Л. Иноземцева. — М.: Ладомир, 2002. — 352 с.

75. *Керимов А. Д.* Современное государство. Вопросы теории. — М.: Норма, 2008. — 144 с.
76. *Керни Ричард.* Диалоги о Европе. — М.: Весь мир, 2002. — 320 с.
77. *Кожокин Е. М.* Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции. — М.: Прогресс, 1989. — 256 с.
78. *Кольев А. Н.* Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. — М.: Логос, 2005. — 800 с.
79. *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. — М.: РГГУ,1999. — 367 с.
80. *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 544 с.
81. *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М.: Наука, 1982, — С. 126–139.
82. *Ладюри Э. Ле Руа.* История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. — М.: РОССПЭН, 2005. — 432 с.
83. *Ладюри Э. Ле Руа.* Застывшая история // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. — Т. 1. Вып. 2.
84. *Ламперт Хайнц.* Социальная рыночная экономика. Германский путь. — М.: Дело, 1993. — 225 с.
85. *Лапин Н. И.* Формирование социального государства — способ успешной эволюции общества // Социс, 2018. — № 8. — С. 3–11.
86. *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. — М.: Олита, 2004. — 280 с.
87. *Ларюэль М.* Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). — М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. — 356 с.
88. *Лебедев А. С.* Концепция социального государства в шведской политической науке. Дисс. кандидата политич. наук. — М., 2014.
89. *Лебедева Э. Е.* Проблемы социальной идентичности в условиях глобализации (На примере Тропической Африки) // Глобализация и столкновение идентичностей. — М.: РАГС, 2003. — С. 338–350.
90. *Левандовский А. П.* Карл Великий. — М.: Мысль, 1995.

91. *Лебедев С. А.* Научная истина и ее критерии // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. — № 4. — С. 7–22.
92. *Лебедева Л. Ф.* США: государство и социальная политика / Л. Ф. Лебедева. — М.: Наука, 2007. — 271 с.
93. *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. СПб., 1918 — 232 с.
94. *Лорд Актон.* Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 26–51.
95. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). — М.: Прогресс Традиция, 1994. — 260 с.
96. *Лурье С. В.* Историческая этнология. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 448 с.
97. *Ляпустина Е. В.* Романизация провинций и формирование галло-римской знати // Элиты и этнос средневековья. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — С. 14–23.
98. *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. — 432 с.
99. *Малахов В. С.* Государство в условиях глобализации. — М.: КДУ, 2007. — 256 с.
100. *Манн М.* Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 381–408.
101. *Миллер А. И.* Национализм и империя. — М.: ОГИ, 2005. — 95 с.
102. *Межуев В. М.* Идея национального государства в исторической перспективе // Полис, 1992. — № 5, 6. — С. 10–16.
103. *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 367 с.
104. *Мотрошилова Н. В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Часть 1, 2. // Вопросы философии, 2004. — № 11, 12.
105. *Назаретян А. П.* Универсальная (Большая) история — учебный курс и поле междисциплинарного сотрудничества // Вопросы философии. 2004. — № 4. — С. 70–80.
106. Нации и национализм. Перевод с англ. Л. Е. Переяславцева, М. Б. Гнедовской. Перевод с немец. М. С. Панина. — М.: Праксис, 2002. — 416 с.
107. Национализм и популизм в Восточной Европе. Сборник научных трудов. — М.: ИНИОН РАН, 2007. — 176 с.

108. Нация и империя в русской мысли начала XX века. — М.: ПРЕНСА, 2004. — 352 с.
109. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. Под ред. А. И. Миллера. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 240 с.
110. Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — 562 с.
111. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 640 с.
112. *Ноженко М. В.* Национальные государства в Европе. — М.: Норма, 2007. — 344 с.
113. *Нойманн Ивэр.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004. — 336 с.
114. *Омаэ К.* Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. — М.: ИНИОН, 2004. Ч. I. — С. 211–220.
115. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. Антология. — М.: Алетейя, 2008. — 208 с.
116. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М.: Наука. 1990. — 528 с.
117. От Вестфальской системы к аугсбургской? Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Выпуск девятый (32). — М.: Институт мировой экономики, 2003. — 80 с.
118. *Павлова Т. А.* Кромвель. — М.: Мысль, 1980. — 226 с.
119. *Павловский Г.* Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним // Новая газета, 2012. — № 121. 24 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/politics/55076.html (дата обращения: 08.02.2020).
120. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. — М.: Новый век, 2003. — 276 с.
121. Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. — М.: Наука, 2003. — 488 с.
122. *Перская В. В.* Глобализация и государство. — М.: РАГС, 2005. — 280 с.
123. Петр Великий: pro et contra. Антология. — М.: РХГИ, 2003. — 1024 с.

124. *Петров И.* Очерки истории Швейцарии. Берн, 2006. — 920 с.
125. *Петрухин В. Я.* Русские князья и дружина: социальная терминология и этнические связи // Элиты и этнос средневековья. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — С. 91–98.
126. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. Под общей редакцией С. Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.
127. *Прецциолини Дж.* Фашизм и футуризм // Второй футуризм: Манифесты и программы итальянского футуризма / Введение, составление, перевод с итальянского и комментарии Е. Лазаревой. — М.: Гилея, 2013 (серия Real Hylaea). — Режим доступа: http://hylaea.ru/prezzo_fash_futur.html (дата обращения: 08.02.2020).
128. *Прохоренко И. Л.* Испанское национальное государство и феномен национализма // Национализм: теория и практика. — М.: Спектр, 1994. — С. 86–133.
129. *Резник Ю. М.* Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (системно-рефлексивный анализ) // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. Под редакцией Н. И. Лапина. — М.: РЕНОМЕ, 2019. — С. 95–117.
130. *Ренан Э.* Исторические статьи. Происхождение языка. Что такое нация. Участие семитов и цивилизация. Иудаизм как раса и религия и др. Пер. с франц., под ред. В. Н. Михайлова. — Киев: Изд. Фукса, 1902. — 117 с.
131. *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка / Пер. с французского А. Зайцевой. Научная редакция, редакция перевода и предисловие В. Каплуна — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 352 с.
132. *Розанвалон. П.* Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство благосостояния. — М.: Московская школа политических исследований, 1997. — 262 с.
133. *Розов М. А.* Теория социальных эстафет и эпистемология. Смоленск, 2006. — 438 с.
134. Российская политическая энциклопедия, 2008. — 320 с.
135. Россия в глобальном мире: Сборник статей. Под ред. В. А. Михайлова. — М., 2006.

136. Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России) / Сост. Марлен Ларюэль. — М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. — 356 с.
137. *Савицкий П. Н.* Борьба за империю // Нация и империя в русской мысли начала XX века. — М., 2004, — С. 268–302.
138. *Саид В.* Эдвард. Ориентализм. Западные концепции Востока. Перевод с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Русский мир, 2006. — 637 с.
139. *Салмин А. М.* Неокорпоративизм в странах Запада // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada (дата обращения: 08.02.2020).
140. *Севастьянов А. Н.* Этнос и нация. — М.: Книжный мир, 2008. — 192 с.
141. *Севастьянов Александр.* Химера российской нации. Битва за русских продолжается // Вопросы национализма, 2017. — № 2 (30). — С. 36–51.
142. *Севастьянов Александр.* Битва за русских // Наш современник, 2017. — № 5, 6.
143. *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. — М.: РГГУ, 2005. — 496 с.
144. *Сидорина Т. Ю.* Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. — М.: РГГУ, 2013. — 349 с.
145. *Сидорина Т. Ю., Полянников Т. Л.* Национализм. Теории и политическая история. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. — 356 с.
146. *Смит Энтони.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М.: Праксис, 2004. — 464 с.
147. *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. Соч. в 2-х т. — Т. 1. — М.: Правда, 1989. — 647 с.
148. *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. II, гл. III. — Петроград, 1920. — 320 с.
149. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее. Под ред. Ю. Д. Квашнина. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. — 189 с.
150. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Соч. — Т. 2. — С. 290–367.

151. *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм // Соч. — Т. 11. — С. 333–335.
152. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. Под общей редакцией Н. И. Лапина. — М.: РЕНОМЕ, 2019. — 232 с.
153. *Страйкер Р.* Глобализация и государство благосостояния // Глобализация: контуры XXI века. — М.: ИНИОН, 2004. — Ч. II. — С. 83–92.
154. *Студенцов В. Б.* Скандинавская модель: свет и тени // Свободная мысль, 2019. — № 4. — С. 146–154.
155. *Тишков В.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — С. 597–645.
156. *Тишков В. А.* Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии, 1998. — № 9. — С. 3–26.
157. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. — М., 2003. — 400 с.
158. *Тойнби А.* Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991. — 776 с.
159. *Тоффлер Э.* Третья волна. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 620 с.
160. *Умланд А.* «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии, 2006. — № 2. — С. 132–141.
161. *Уткин А. И.* Новый мировой порядок. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 640 с.
162. *Файхтингер Й.* По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии, 2007. — № 9. — С. 32–38.
163. *Федотова В. Г.* Второе дыхание Вестфальской системы. Капитализм, индустриализм, нация и национализм сегодня // Политический класс, № 28, апрель 2007, — С. 56–65.
164. *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2008. — 608 с.
165. *Фоноу-Чуигоу Бернард., Касанда Альберт.* Африка к югу от Сахары // Глобализация сопротивления. — М.: Альтернативы, 2004. — С. 122–133.

166. *Фридман Томас.* Плоский мир. Краткая история XXI века. — М.: Хранитель, АСТ, 2007. — 601 с.
167. *Фуко Мишель.* История безумия в классическую эпоху. — СПб., 1997. — 576 с.
168. *Фуко Мишель.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015, — 416 с.
169. *Фукуяма Фрэнсис.* Конец истории и последний человек. — М.: Ермак, АСТ, 2005. — 592 с.
170. *Фукуяма Фрэнсис.* Сильное государство. — М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2006. — 224 с.
171. *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. — М.: Экономпресс, 2000. — 240 с.
172. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. — М.: АО «KAMI», 1995.
173. *Хабермас Юрген.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. Пер. с немец. Ю. С. Медведева. СПб.: Наука, 2001. — 417 с.
174. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 346–351.
175. *Хабермас Юрген.* Политические работы. Сост. А. В Денежкина, пер. с немец. Б. М Скуратова. — М.: Праксис, 2005. — 368 с.
176. *Хабермас Юрген.* Расколотый Запад. Пер. с нем. О. И. Величко и Е. Л. Петренко. — М.: Весь Мир, 2008. — 192 с.
177. *Хайлбронер Роберт Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. Пер. с англ. И. Файбисовича. — М.: Колибри, 2008. — 432 с.
178. *Хардт Майкл, Негри Антонио.* Империя. Пер. с англ. под общей ред. Г. В. Каменской. — М.: Праксис, 2004. — 440 с.
179. *Хатингтон Самюэль.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Пер. с англ. А. Баширова. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. — 635 с.
180. *Хатингтон Самюэль.* Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. П. Велимеева. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2006. — 571 с.
181. *Хилленбранд Кэрол.* Крестовые походы. Взгляд с Востока. Мусульманская перспектива. — М.: Диля, 2008. — 672 с.
182. *Хирст П., Томпсон Дж.* Глобализация и будущее национального государства // Глобализация: контуры XXI века. — М.: ИНИОН, 2004, — Ч. I. — С. 200–210.

183. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура. — М.: Праксис, 2004. — 576 с.
184. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. — СПб.: Алетейа, 1998. — 460 с.
185. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 332–346.
186. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000. — № 1. — С. 47–62.
187. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002, — С. 121–143.
188. *Хюбнер Курт.* Нация. От забвения к возрождению. Пер. с немец. А. Ю. Антоновского. — М.: Канон, 2001. — 400 с.
189. *Чиркин В. Е.* Современное государство. — М.: Международные отношения, 2001. — 412 с.
190. *Шлехт О.* Этическое содержание социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. — СПб., 1999. — 362 с.
191. *Шпрингер Р.* Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. М. Брагинского и А. Брумберга. Под ред. и с предис. М. Ратнера. — СПб.: «Общественная польза», 1909. — 293 с.
192. *Штейн, Л. фон.* История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. — СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. — 496 с.
193. *Шубин А.* Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас, 2010. — № 6 (74). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/modernizacziya-i-postindustrialnyj-barer-ili-pochemu-u-medvedeva-nichego-ne-poluchaetsya.html (дата обращения: 08.02.2020).
194. *Шумпетер Й. А.* История экономического анализа: В 3 т. / Пер. с англ. Под ред. В. С. Автономова. — СПб.: Экономическая школа, 2001, — Т. 3.
195. *Шумпетер Йозиф. А.* История экономического анализа / Пер. с англ. Под редакцией В. С. Автономова. В трех томах. — СПб.:

Экономическая школа, 2004. — Т. 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.seinst.ru/page259/ (дата обращения: 08.02.2020).
196. *Эйзенштадт Ш.* Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М. Аспект Пресс, 1999. — 416 с.
197. Экономическая исповедь — Италия при Муссолини. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/@chavdm.public-ekonomicheskaya-ispoved-italiya-pri-mussolini (дата обращения: 08.02.2020).
198. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. — 352 с.
199. Этнос и политика. Хрестоматия. Автор-составитель А. А. Празаускас. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — 400 с.
200. *Эрхард Людвиг.* Благосостояние для всех. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://royallib.com/book/erhard_lyudvig/blagosostoyanie_dlya_vseh.html (дата обращения: 08.02.2020).
201. *Яковлев А. И.* Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2002. — № 5. — С. 72–82.
202. *Янов А. Л.* Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. — 398 с.
203. *Янов Александр.* Россия: У истоков трагедии 1462–1584. — М.: Праксис, 2001. — 347 с.
204. *Ясаи Энтони де.* Государство. Пер. с англ. Г. Покатович. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 416 с.
205. *Abu-Lughod J.* Before European Hegemony: The World-System AD 1250-1350. — New York; Oxford, 1989.
206. *Alter, Peter.* Nationalism. — London: Edward Arnold, 1989.
207. *Apter D.* The politics of modernization. — Chicago; London, 1965.
208. *Armstrong John.* Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // Nations of Nationalism, Budapest: Central European University Press, 1995. — P. 34–43.
209. *Barber B.* Fear's Empire. — New York; London, 2003.
210. *Berghe P. van den.* Race and ethnicity // Ethnic and Racial Studies, 1978. — N 4. — P. 402–405.
211. *Burbach R., Robinson W. I.* The fin de siecle debate: globalization as epochal shift // Science & society. — New York, 1999. — Vol. 63. — N. 1. — P. 35–39.

212. *Crosby A.* The Columbian Exchange. Biological Consequences of 1492. — Westport, 1972;
213. *Crosby A.* Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe. 900–1900. — Cambridge, 1986.
214. *Dahwendorf R.* Towards the twenty-first century // The Oxford history of XX century. — Oxford; New York, 1998. — P. 340–345.
215. *Deutsch, Karl W.* Tides among Nations. — New York: Free Press, 1979.
216. *Ferguson N.* The Price of America's Empire. — New York, 2004.
217. *Fletcher G.* Integrative History: Parallels and Intereonnections in the Early Modern Period. 1500–1800 // Studies on China and Islamic Inner Asia. — Aldershot, 1995.
218. *Frank A. G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. — Berkeley, Los Angeles, 1998.
219. *Gilb C. L.* Toward Holistic History. The Odyssey of the Interdisciplinary Historian. — Atherton, 2000.
220. *Haas, Ernst.* Beyond the Nation-State // Functionalism and International Organization. — Stanford University Press, 1964, — P. 465–466.
221. *Hayes C. J. H.* The Historical Evolution of Modern Nationalism. — New York, 1931.
222. *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford, New York, 2003. — 280 P.
223. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military. Conflict from 1500 to 2000. — London, 1989.
224. *Kiljunen K.* Global governance. — Helsinki: Inst. of development studies, 1999.
225. *Kohn H.* The Idea of Nationalism: A Study of Its Origins and Background. — New York, 1961.
226. *Kohn H.* The Age Nationalism. — New York, 1962.
227. *McNeill William.* The Age of Gunpowder Empires. 1450–1800. — Washington, 1989.
228. *McNeill William.* Polyethnicity and National Unity in World History. — Toronto, 1986.
229. *McNeill J. R.* Ecology, Epidemics and Empires: Environmental Change and Geopolitics of Tropical Africa. 1660–1825 // Environment and History. 1999. — № 5.
230. *Mann Michael.* The Sources of Social Power. Vol. I. — Cambridge? 1986.

231. *Mann Michael.* The Sources of Social Power. Vol. II. — Cambridge, 1993.
232. *Parker G.* Europe and the Wider World, 1500–1750.: the Military Balance // The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750. — Cambridge, 1991.
233. *Smit A.* The Ethnic Origins of Nations. — Oxford; New York, 1986.
234. *Voll J. I.* Islam as a Special World-System // Journal of World History. 1994. — Vol. 5. — № 2.
235. *Waters M.* Globalizatione. — London; New York: Routledge, 1996.
236. *Watson A.* The Evolution of International Society. — London, 1992.
237. *Webb J.* Desert Frontier. — Madison, 1995.
238. *Young R.* White Mythologies. Writing History and the West. — London; New York, 1990.
239. *Yuval-Davis N., Anthias F.* Woman-Nation-State. — London, 1989.
240. *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. — London, 1997.

Научное издание

Юрий Дмитриевич ГРАНИН

ГОСУДАРСТВО В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Утверждено к печати
Ученым Советом ФГБОУ ДПО
«Академия Медиаиндустрии»

© Ю. Д. Гранин
© Редакционно-издательский отдел

Научный редактор - *Калмыков А. А.*
Литературный редактор - *Сребницкая Д. А.*
Компьютерная верстка - *Головко Ю. С.*

Подписано в печать 08.10.2020. Формат 60x90/16. Печать цифровая. Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз. Заказ № 16/20.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ДПО «Академия Медиаиндустрии». Москва, 127521, ул. Октябрьская д.105, кор. 2.